

ТАЙНЫ

Век V, XI

Сесилия Холланд

СМЕРТЬ АТТИЛЫ

**ЗИМА
КОРОЛЕЙ**

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век V, XI

Сесилия Холланд

СМЕРТЬ АТТИЛЫ

ЗИМА
КОРОЛЕЙ

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1997

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
X72

Перевод
Л. СТАРЦЕВОЙ

Художник
И. МАРЕВ

Холланд С.
X72 Смерть Аттилы; Зима королей: Романы / Пер. с
англ. Л. Старцевой. — М.: ТЕРРА, 1997. — 368 с. —
(Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-01045-6

Сесилия Холланд — известная американская писательница, автор многих исторических произведений.

В центре романа «Смерть Аттилы» (1972) — историческая личность, предводитель варваров, возглавивший опустошительные походы в Восточную Римскую империю, Галлию и Северную Италию.

Действие романа «Зима королей» (1967) происходит в XI веке, когда на земли мелких ирландских королевств совершают набеги викинги.

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-300-01045-6

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997

СМЕРТЬ АТТИЛЫ

Перевод Л. В. Старцевой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Еще до того, как они добрались до реки, лошади уже привыкли к труп, но сам Такс не смог привыкнуть к мертвецу. Конечно, сейчас было достаточно прохладно, и воздух прогревался только к середине дня, и мертвая плоть почти не пахла. Такс крепко завязал труп в одежду Марага и в свою одежду, чтобы духи не смогли добраться до него. Но ночью, когда Такс останавливался, Мараг мешал ему спать.

К утру шестого дня после смерти Марага и спустя четыре дня с тех пор, как они оставили за собой горы, они вышли к реке. Такс вел серую лошадь на длинном поводке, так что она могла щипать траву по дороге. Увидев блеск воды вдалеке, он дернул ее за поводок и потянул за уздечку свою маленькую черную лошадку. В течение некоторого времени он сидел неподвижно, глядя на извилистые ряды деревьев, росших по берегам реки. Такс был тронут видом реки даже больше, чем если бы он встретил кого-либо из людей своего племени хунну. За четыре месяца он видел только Марага, а теперь тот находится во тьме ночи.

Он ударил лошадку каблуками и дернул за веревку серую лошадь. Обе они двинулись вниз по склону. Река пропала из виду за следующим холмом. Хотя степь казалась ровной, на самом деле она как бы перекачивалась длинными волнами от горизонта к горизонту. Сейчас, когда стояла середина осени, равнина была шуршащей и коричневой. Сухая трава потрескивала под ногами и под копытами черной лошади. Коричневые птицы с белыми отметинами, коричневые мыши и кролики появлялись и снова исчезали среди длинных стеблей травы и разной бурой поросли. Все пахло пылью и сухостью.

Серая лошадь остановилась, чтобы зубами почесать себе плечо. Такс постоянно осматривался по сторонам. Река была близко, поэтому он знал, что здесь находится под защитой кагана¹.

¹ *Каган* — глава государства у древних тюркских народов

Но он не мог избавиться от привычки осматриваться в поисках врагов, а германцы жили на этой равнине так же, как и хунну. Такс видел, что солдаты римлян состояли в основном из германцев, и для него не было никакой разницы между римскими германцами и теми, кто служит кагану. Все они были собаками. Его лошадка сильно натянула веревку, соединявшую ее с серой лошастью, и Такс чуть не вылетел из седла. Он дернул за веревку, и серая лошадь пустилась рысью, чтобы догнать их. Его черная лошадка короткими рывками поднималась вверх по следующему холму под рев ветра.

Там была река, она не стала ближе, но Такс мог видеть, где к востоку ее пересекал мост римлян. Пока обе лошади продолжали шагать, медленно спускаясь снова на равнину, он попытался придумать, как ему можно пересечь реку, не проходя по мосту. Течение здесь было быстрое, а предательские берега очень высокими и крутыми. Поздней осенью вода была невыносимо холодной. Такс не сможет переплыть реку, а ближайший брод был отсюда слишком далеко. Он знал, что мост охраняли германцы, вероятнее всего, гепиды. Именно Ардарик, король гепидов, послал Такса и Марага с поручением подальше от армии в Италии, и поэтому им пришлось догонять армию, когда каган внезапно отвел свои войска. И теперь Мараг мертв. Такс еще не решил, следует ли мстить за его смерть. Ему придется посоветоваться с шаманом по этому поводу.

Сильный ветер поднял пыль, закрутил ее в столб высотой с человека и погнал этот столб к следующему подъему почвы, забирая с собой сухие листья и обломки ветвей. Тропинка выходила почти к самому мосту. Такс проследовал по этой тропинке. У него не было выбора — если он двинется на север и станет искать брод или неохраняемый мост, то ему придется провести еще две ночи.

Весь остаток дня он упорно двигался по направлению к реке. В синем небе появился орел и кругами летал над ним. Наверно ждал, что Такс оставит ему мертвое тело. Такс подумал, не соорудить ли ему погребальную платформу и оставить на ней Марага на территории, принадлежащей кагану. Этим он никак не оскорбит мертвого друга. Почти половину дня он пытался уговорить самого себя, хотя табу и ритуал их народа требовали хоронить воина в присутствии трех свидетелей. Наконец он понял, что не сможет похоронить здесь Марага, потому что эта земля не была по-настоящему землей хунну. Тогда он стал думать о том, что теперь, когда он был уже около реки, ему следовало бы поймать и съесть лягушек. Лягушки были одним из его тотемов. Если он ел их мясо, то становился быстрым и проворным.

В середине дня он доехал до протоптанной тропинки, ведущей к мосту. Такс ударил лошадку, чтобы свернуть на эту тропинку. Сначала она прижимала уши и фыркала. Такс ударил ее сильнее, и животное встало на дыбы. Тогда Такс ударил ее по голове рукой. Лошадка поскакала галопом, таща за собой лошадь Марага.

Им уже был хорошо виден мост, и сквозь деревья на отдаленном берегу Такс различил лагерь, горящий огонь и привязанных лошадей.

Это, очевидно, были германцы. Ни один хунну не стал бы привязывать коней, если перед ними расстилалась степь, чтобы лошади могли там пастись. Почти сразу люди в лагере увидели его и рванулись вперед, чтобы не дать ему проехать по мосту. Примерно полдюжины воинов бежали ему навстречу. Такс остановил лошадку. Германцы опустили деревянную перекладину на мосту и стояли, глядя на него и переговариваясь между собой. У большинства были с собой луки, а у кого-то из них даже мечи, как у римлян.

— Проезжай вперед! — приказал один из них на своем языке.

Такс огляделся. Иного пути, чтобы перебраться на другую сторону, не было. Он подтянул веревку, пока лошадь Марага не стала головой упираться ему в бедро, и двинулся вперед.

Черная лошадка почувствовала запах германцев и заржала, подняв голову вверх. При звуках ее высокого прерывистого ржанья кони германцев за рекой столпились, начали рваться с привязи и ржать ей в ответ. Такс снова послал лошадку вперед. Она стала прядать ушами, и Такс погладил ей шею. Он научил ее ненавидеть германцев. Они ждали его на мосту, и один из них двинулся к нему.

— Кто ты такой?

— Хунну, — с трудом ответил на германском Такс. — Я еду в Хунгвар, и мною правит каган.

— Это ты так утверждаешь, — заметил германец. — Откуда нам знать, что ты не шпион, посланный императором?

Они всегда так говорили. Это была уловка германцев, чтобы задержать его здесь или даже отправить назад и заставить двигаться вверх по реке. Такс постарался не давать воли злости. Германцы смеялись над ним, и их зубы были видны сквозь светлые бороды.

— Я — человек кагана, и мое имя — Такс. Моего отца звали Ризак, а брата — Раз. Мы из клана лягушек, из Мишии хунну, и наш...

— Что это? — спросил другой германец, показывая на лошадь Марага.

— Оставьте это в покое, — сказал Такс.

Начальник германцев поднял вверх свои светлые пуши-

стые брови. Его красные губы скривились в улыбке, как у женщины.

— Что у тебя в этом тюке? Ты не хочешь, чтобы мы увидели, что там такое?

Он подошел к веревке, которая придерживала Марага на лошади. Его люди шли за ним.

Наклонившись через спину серой лошади, Такс схватил его за руку.

— Нет. Не смейте!

Германец ударил его кулаком. Такса схватили сзади и стащили с седла. Его черная лошадка подалась назад. Германец держал ее за уздечку. Лошадь поднялась на задние ноги, начала молотить по воздуху передними копытами и пронзительно заржала.

Германец отступил назад. Лошадь развернулась и помчалась галопом на равнину, подальше от моста. Такс закричал. Без лошади он ничего не мог сделать. Он всем весом навалился на удерживающие его руки, но германцы его не отпустили. Они были гораздо крупнее его.

— Не убивайте его пока, — закричал начальник. — Посмотрим, что он везет в Хунгвар.

Предводитель германцев перерезал веревку и сорвал одежды, покрывавшие Марага, тот скатился прямо в грязь на дороге.

Такс от ярости заскрипел зубами. Германцы отхлынули назад. Тело Марага, покрытое грязью, лежало у ног Такса. От него волнами начала растекаться вонь. Один из германцев забормотал заклинания. Такса отпустили, и все попятись назад. Лицо их предводителя исказилось, и он облизал губы.

Такс встал на колени рядом с Марагом и снова закутал его в тряпки. Ему было страшно касаться Марага, и от запаха у него помутилось в глазах, но он не мог видеть, как тот лежит в грязи в окружении германцев. Такс аккуратно закутал ноги Марага и засунул внутрь тюка его застывшие руки. Потом надвинул шкуру медведя ему на лицо. Когда он увидел лицо друга, хотя уже распухшее и искаженное, оно вновь напомнило ему, что он один, а его друг — мертв. Такс выпрямился, начал колотить себя по телу кулаками и прокричал вопль горя и одиночества.

У германцев лица стали цвета сыворотки, они попятись еще дальше назад. Такс поднял Марага на руки. Тело застыло в той позе, как оно было положено поперек спины его серой лошади. Его было тяжело поднимать, но потом Такс легко перевалил его через седло. На дороге валялась разрезанная на два куса веревка. Плохая примета, когда ты разрезаешь веревку, и германцы заслужили того, чтобы с ними случилось

несчастье. Такс стянул куски веревки вместе и быстро привязал тело к седлу. А затем, взяв лошадь Марага под уздцы, он пошел по тропинке назад от моста и посвистел своей черной лошадке.

Когда он прошел почти сотню шагов по дороге, лошадь вернулась к нему. Глаза у нее были красные и воспаленные от пыли. Она подскакала к серой лошади и потерлась о ее морду. Такс поднял волочившиеся поводья и сел на лошадь.

Когда германцы увидели, что он возвращается к мосту, они разошлись в разные стороны. Такс заставил свою лошадь скакать быстрее, и лошадь Марага тоже начала двигаться резвее.

Они приблизились к перекладине на мосту. Такс почувствовал, что его лошадка начинает бояться, сильнее сжал ноги, и она легко перепрыгнула через препятствие. За ней этот маневр повторила лошадь Марага. Они пролетели галопом по мосту и вырвались на равнину. Такс свернул, чтобы ехать вдоль реки. Но он поехал потише только тогда, когда мост остался далеко позади. И так же далеко остались германцы.

Он не смог найти лягушек. Они все пропали к зиме. В темноте, у маленького костра, он всю ночь боролся со сном. По спине бегали мурашки, и все тело начинало дрожать при малейшем звуке. Мараг в своем тюке спокойно лежал вдали от огня. Лошади то дремали, то щипали траву вдоль берега реки. Глаза у Такса горели от бессонницы. Один раз он задремал и проснулся от того, что чуть не угодил в огонь.

Как только встало солнце, он отправился на север, следуя за изгибами реки. После того, как он много месяцев провел один, без защиты своего народа, река напоминала ему друга. Он слушал ее голос и даже парочку раз пел для нее. Теперь, когда в небе сияло солнце, он уже не чувствовал себя усталым. Над головой синело небо, такое же яркое, как краски, которыми римляне раскрашивали стены своих домов. Он и Мараг как-то провели ночь в одном из покинутых домов на холмах в Италии к югу от Города¹. Полночи они разглядывали картины на стенах дома. Они бродили по дому с факелами, спорили и рассматривали все картины.

Люди, изображенные на стенах, были странно похожи на живых, но в то же время чем-то от них отличались. Мараг упорно отказывался верить, что это были картинки демонов.

Такс начал снова перебирать в памяти детали путешествия. Он считал его уже законченным, и ему хотелось все рассказать своим друзьям, когда он наконец окажется среди них.

¹ Рим.

Семья Марага должна знать все, что с ним случилось. Черная лошадка спокойно трусила вперед, и уздечка лежала у нее на шее. Такс вытащил из своих длинных черных волос перья и камешки и расчесал волосы пальцами. По тени он увидел, как сильно отрасли волосы за это время.

В конце лета его волосы были гораздо короче, когда он и Мараг вернулись в основной лагерь кагана. Они ожидали застать там тысячи солдат, но нашли только потухшие костры и летящую клубами пыль. Сначала они надеялись догнать основные отряды и помчались вслед за армией. Он и Мараг убили и съели одну лошадь и почти прикончили другую, но каган всегда двигался очень быстро, он ушел за месяц до их возвращения, и никто их не ждал там...

Такс засунул камешки в кисет за поясом и снова вплет перья в свои длинные черные волосы. Река порошком спустилась вниз по долине, и ее берега превратились в полузамёрзшие болота.

Два аиста, не успевшие улететь на юг, медленно поднялись в воздух, расправили широкие крылья и полетели. Дорога хрустела под копытами лошадей, и его лошадка делала короткие шажки, чтобы не поскользнуться. Шум реки стал приглушенным.

Такс думал о дороге, по которой прошла армия, так же, как и о бормотании реки, которая медленно билась о берега совсем недалеко. Пока он шел вслед за ней, он чувствовал себя в безопасности. Они следовали за ушедшей вперед армией все время, что выбирались из Италии, хотя пропала вся дичь и была съедена трава.

Но на высоте, в горах, где на них обрушился снег и ревущий ветер, они потеряли след армии. Через два дня одна из лошадей поскользнулась и упала со скалы. На следующее утро Мараг заболел. К середине дня он уже не мог ехать верхом. Они остановились под прикрытием скалы. И они оба знали, что к утру Мараг умрет. Мараг сам заговорил об этом и взял слово с Такса, что тот все расскажет его отцу. Когда наступил рассвет, Такс привязал тело Марага к седлу и отправился дальше. В тот же день он убил снежного козла, ковыляя за ним по скользкому насту. Он съел сырыми его сердце и язык...

Через месяц тут все занесет снегом, но до этого времени он должен вернуться домой. Он зорко следил, не покажутся ли здесь германцы. Днем он увидел вдали три повозки, которые тащили быки, и за ними следовали четыре или пять лошадей. Семья на зиму уезжала из Хунгвара на юг. Мужчины, которые погоняли лошадей, при виде его остановились. Такс в приветствии поднял руку вверх, и оба всадника в ответ тоже подняли свои правые руки. Такс очень обрадовался, уви-

дев их. Он вернулся домой. Следуя за рекой среди деревьев, Такс запел песнь о том, как он шел по следам армии кагана из Италии.

Черная лошадка продолжала свой путь. Было уже так темно, что Такс почти не различал дороги. Резкая ночная прохлада колола его, как иголками. Впереди, на вершине холма, высвечивались высокие стены частокола кагана. К западу от реки блестели огоньки, но Такс решил, что там стоит лагерем король гепидов. Лошадь продолжала двигаться вперед, ее нос был направлен в сторону частокола.

Весь день усиливался северный ветер, и сейчас Такс видел, как он раскачивал обнаженные ветви дуба у ворот частокола. Когда лошадь проскакала последний отрезок крутой дороги, он слышал, как бились ветки. У него зашевелились на затылке волосы и встали дыбом. Такс быстро огляделся. Но в темноте он ничего не увидел, кроме огней, светивших за рекой, и он повернулся к огням, горевшим перед ним на холме кагана. Он, наверно, сошел с ума, продолжив путь с наступлением ночи. Ему следовало подождать, пока не придет утро.

Серый конь следовал за ним. Дул и завывал холодный ветер. Он подталкивал его вперед. На спине серой лошади закутанный труп двигался и шевелился. Такс начал шептать заклинания. Когда-то он знал заклинания против мертвецов, но сейчас забыл почти все, кроме каких-то частей. Хотя от слов было мало толку, он все равно продолжал их повторять.

Лошадка привезла его к самому дубу, повернула за угол и остановилась перед огромными воротами частокола. Такс глубоко вздохнул. Ветер выл и что-то бормотал ему. Над его головой скрипели изогнутые ветви дуба. Ворота были закрыты, и никто так поздно не впустит его внутрь. Но он не может оставаться здесь за оградой в темноте. Он наклонился и начал колотить кулаком по воротам.

— Впустите меня! Впустите меня внутрь!

Он мог поехать к стоянке на равнине. Но было так темно, что он мог ошибиться и приехать к германцам, а он сейчас не желал их видеть. Никто не откликнулся на его стук, и он продолжал колотить по воротам. Они были сделаны из бревен, расколотых вдоль их длины, и на них оставалась кора, которая приглушала его стук.

— Убирайся! — послышался голос сверху.— Уже темно, а ворота закрываются с заходом солнца. Убирайся!

— Яя,— обрадованно закричал Такс.— Это Такс. Впусти меня!

Он прижался к воротам, нажимая на них обеими руками, словно пытаясь проникнуть сквозь дерево. Сверху Яя про-

кричал проклятие испуганным голосом. Такс глянул на серую лошадь. От нее исходило странное бледное сияние. Темнота и ветер окружали его, наполняя воздух удивительными звуками, полными демонов. У него побежали мурашки по коже от их прикосновения. Они желали сожрать тело Марага. Его лошадка перебирала копытами, прижав уши к голове, и Такс погладил ее по шее.

— Такс умер в Италии,— сказал Яя по другую сторону ворот.— Ты кто? Его дух или ты нарочно говоришь его голосом, чтобы выманить меня за ограду?

— Я — живой, а не мертвый. Это я — Такс, я — живой, а не демон! Яя,пусти меня внутрь.

— Это его голос,— сказал еще кто-то за воротами.— Если ты откроешь ворота, Яя, он станет сосать твою кровь! Он знает твое имя.

Такс закричал:

— И твою, Монидак. Впустите меня. Здесь за воротами есть настоящие демоны, вы что, оставите меня им?

Он знал, что если он скажет им о теле Марага, они никогда не откроют ему ворота.

— Яя, пожалуйста...

— Нет! — завопил Монидак.— Это демон... Нет, нет!

Что-то тяжелое стукнулось об ворота, и послышались звуки борьбы. Также было слышно, как кто-то побежал. Такс продолжал колотить в ворота, чтобы они не забыли о нем. Вокруг него выл ветер и была темнота. Они окутывали его, как покрывало. Ворота заскрипели и открылись, и черная лошадка рванулась вперед, таща за собой серую лошадь с телом Марага. Такс схватил в руки жесткую гриву лошади, она отпрянула в сторону, и ворота захлопнулись за ними. Люди с копьями и луками окружили его. Такс поднял руки вверх.

— Это Такс. Вы видите? Если я и демон, вы все равно не можете меня убить. Мертвец там, за вами. Яя!

Он спрыгнул с лошади прямо на руки Яя, тот что-то закричал и поймал его. От радости у Такса перехватило дыхание. Люди окружили их. Они смеялись и обнимали Яя и Такса. Они шутили по поводу демонов и ветра, который был и рвался в ворота так, что те дрожали на кожаных петлях.

— Это Мараг? — спросил его Монидак твердым голосом.

Смех прекратился, и голоса смолкли. Такс повернулся к Монидаку. Тот стоял у серой лошади, держа руку на тюке с трупом.

— Он умер в снегу, когда мы возвращались домой,— сказал Такс. Ему стало горько, и он закричал.

— Свиньи! — завопила женщина из окна на втором этаже, где находились покои для женщин.— Вы — сыновья змей и демонов. Почему не даете людям спать?

— Ш-ш-ш,— смеясь, все стали успокаивать друг друга.

— Пошли,— тихо сказал Монидак.— Пошли в дом, там поговорим. Пусть ворота сами себя сторожат. Это твоя лошадь? Да?

Он похлопал лошадь по крупу.

— Она сама о себе позаботится. Мы внесем Марага внутрь, чтобы до него не добрались демоны. Подожди, пока каган не узнает обо всем этом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ардарик терпеливо повторил:

— Да, мой каган, остаются старые проблемы. Прежде чем мы будем надеяться, что нам удастся захватить Италию, мы должны устранить причины, которые привели нас к провалу прошлым летом.

— Ух! — сказал каган. Он сделал движение рукой, как бы отгоняя от себя муху, и положил голову на высокую спинку кресла.— Это все неважно.

— Мой каган, я не могу понять как...

— Прошлым летом мы потерпели поражение, потому что нам заплатили много золота, чтобы мы не смогли выполнить намеченное. В следующий раз мы, может быть, не станем брать деньги.

Ардарик положил руки перед собой на стол:

— Мой каган, армия голодала и погибала от чумы. Мы не смогли найти проход на юг через горы и болота. Не было добычи и пищи для нас, и даже не было травы, и мы не могли достать провиант. Италия — это предательская страна. Если Константин говорил правду, то сами итальянцы не могли покорить эту страну много лет. И в следующий раз нам не удастся поймать их неготовыми отразить наши атаки.

Лицо кагана не изменило своего выражения. Какое-то время он не сводил взгляда с Ардарика, и тот, зная, как Атила ненавидел людей, которые не могли выдержать его взгляда, смотрел ему прямо в глаза, хотя он не любил и считал грубым такой обмен взглядами. Он уперся локтями в полированный дубовый стол, стоявший между ними. В любом случае они не станут выступать до весны, пока не расчищаются проходы через Альпы, и поэтому они проведут всю долгую зиму в спорах, сидя в тепле в этой маленькой комнате с зажженным очагом и высокими кувшинами медового напитка и награбленного римского вина. Они станут сидеть на мехах, брошенных на деревянные лавки. Ардарик всегда гордился своим терпением.

— Извини,— вдруг сказал каган.— Скоттас!

Открылась дверь, расположенная справа от кресла кагана, и в комнату вошел и поклонился Скоттас. Он был заместителем кагана по управлению армией и всегда стоял недалеко в охране. Каган слегка повернулся к нему и что-то сказал тихим голосом.

Ардарик только глянул на Скоттаса и сразу отвел глаза в сторону. Подобно всем гуннам, и даже Аттиле, Скоттас был плотным человеком с круглым плоским лицом и грудью, как бочка, что делало его безобразным. И подобно остальным гуннам, за исключением Аттилы, он был поразительно тупым. Ардарик — гепид высокого роста, обладал сильным телом, роскошными и густыми светлыми волосами и бородой, за которой он тщательно ухаживал и даже иногда душил.

Из двери, расположенной слева от трона, появился раб и подкинул в огонь дрова. Ардарик повернулся к огромному каменному очагу позади него. Обычно на таких совещаниях присутствовал Эдеко. Другие гунны и германцы считали его знающим человеком. Сейчас Эдеко был в Константинополе, а в Хунгваре больше не было человека соответствующего ранга.

— Король,— обратился к нему каган. Ардарик быстро повернулся.

— До сегодняшнего утра я был согласен с тобой. Мне тоже казалось бесполезным нападать на Италию так быстро. Теперь я в этом не уверен.

Он жестом показал на дверь. Скоттас вышел из комнаты.

— Ты помнишь Такса?

Ардарик нахмурился. Имя ему было знакомо, но он не смог связать с ним никого — это было имя гунна и каким-то образом оно было связано с Италией.

— Мой каган, ты знаешь, что моя память на имена...

Дверь открылась, и Такс, прихрамывая, вошел в комнату. Ардарик сразу же припомнил его. Такс был ниже ростом обычного гунна, ноги его были кривыми от какого-то заболевания, поэтому он мог ходить с большим трудом. В Италии он был разведчиком, и Ардарик, которому иногда требовались определенные сведения, несколько раз прибегал к его услугам. Он отвел от него взгляд, но краем глаза продолжал с интересом наблюдать за маленьким гунном. Он был совершенно уверен, что Такс умер, когда его и еще одного человека, чье имя он тоже позабыл, оставили в Италии.

Когда армия неожиданно двинулась вперед, там осталось более дюжины солдат, и никто из них не вернулся.

Прямые черные волосы Такса свисали по его плечам, и в них были вплетены перья, вставлены камешки и ягоды. Его одежда состояла из какой-то промасленной вонючей шкуры. От него здорово воняло. Каган наклонился к нему и загово-

рил. Да, это был Такс. Ардарик поразился: как он смог выжить — может, римляне схватили его в плен и в качестве подарка вернули Аттиле. Командир римлян Этиус и Аттила были старыми друзьями, поэтому это могло быть вероятным.

— Король Ардарик,— сказал Аттила,— ты помнишь Такса?

Каган схватил Такса за плечо и потряс.

— Прошлой ночью мои люди едва не впустили его за ограждение. Они испугались, что он — демон.

Каган откинул голову назад и захохотал. Улыбнулся и Такс, не отводя взгляда узких глаз от Ардарика. Ардарик не понял, что было сказано смешного, но он тоже вежливо улыбнулся.

— Когда мы покинули Италию,— продолжил каган,— Такс и его друг Мараг поехали на юг, а не на север вместе с нами. Прошел уже месяц, когда они узнали, что мы покинули наш лагерь. К тому времени легионы императора — вандалы и готы — снова бродили по стране. Они все ненавидят хунну. Мараг умер, но Такс наконец вернулся домой.

Ардарик посмотрел на Такса.

— Это просто чудо!

Но, конечно же, это была ложь.

— Он знает Италию,— сказал Аттила. Он наклонился вперед и взял в руки кубок из драгоценного дерева, стоявший на столе, маленький гунн повернул голову и смотрел на него, как собака.

— Он выжил в Италии и охотился там на дичь во время плохой погоды осенью. Он знает страну к югу от Аквилеи. Он знает, какие болота нельзя пройти большим скоплениям людей, и какие проходы самые надежные, и где можно найти лучшие луга для кормления лошадей.

— О,— Ардарик наконец понял, в чем дело,— как далеко на юг они пробрались?

— Спроси его сам. Он понимает германский язык.

Каган отпил из своего кубка и откинулся назад, положив ногу на сидение стула. Широкая нога в кожаной обуви уперлась в черно-белый мех из Африки.

— Я ходил к морю,— сказал Такс. Он улыбнулся, как бы подбадривая Ардарика, будто ребенка. Его германский было трудно понимать из-за акцента.

— Вокруг всей Италии находится море,— нетерпеливо сказал Ардарик.— В каком городе ты был? Сполетиуме? Чарнии?

— Я не знаю городов. Я ходил туда, откуда видна Африка.

Каган стукнул Такса по макушке.

— Он не выполнил приказа. Я ему приказал идти в Рим, ты помнишь?

— Мы там были,— возразил Такс.

— Он слишком много на себя берет,— сказал Аттила, не повышая голоса.— В Италии нет места, откуда можно видеть Африку.

Такс пожал плечами.

— Я ходил на юг, где есть соленая вода, и посмотрел вдаль и увидел землю. Я подумал, что, может, это Африка.

Вместо германского названия «соль» он употребил слово гуннов с немецким окончанием. Он повернул голову к Аттиле и добавил:

— Могу я сесть? У меня болят ноги.

— Садись, лягушонок.

Гунн вскарабкался на стол напротив Ардарика и поджал под себя кривые ноги.

— Соленую реку называли Мессин.

Ардарик задержал дыхание. Он врет, они все врал и были лгунами, воришками и ленивыми тварями, все гунны, кроме кагана.

— Это узкое море между Италией и Сицилией.

— Я думал, что это была Африка.

Гунн пожал плечами и посмотрел на Аттилу. Тот улыбнулся ему. Это была мирная и тайная улыбка, какой отец улыбается любимому дитяти. Ардарик прочистил горло. Он мысленно боролся с противоречиями. Потом встал и подошел к столу у окна, где стояли кувшины с медом, пивом и вином. Чтобы подойти поближе, ему пришлось пройти сквозь столб света, лившийся из окна. Он постоял, глядя во двор возле дворца, где играли дети кагана. Ардарик мысленно вообразил, как длинные спокойные зимние месяцы перейдут в совсем короткие, и ему представилась еще одна военная кампания в Италии, еще одно сражение под Римом. Лето, заполненное смертью и пожарами. Но этот маленький гунн врал. Никто не сможет так долго прожить во враждебной стране и так далеко продвинуться в незнакомом пространстве... Может, готы, потому что были деревни готов в Италии, но только не гунны. Они были враждебны всем. Он налил себе в кубок красного римского вина и вернулся обратно к столу.

— Тебе интересно, почему я свел вас вместе,— сказал Аттила,— Такс обладает сведениями, необходимыми тебе, чтобы составить план нападения. Ты умеешь составлять подобные планы. Если я свел вас вместе...

Каган переплел пальцы и сжал руки, потом он улыбнулся.

— Такс все тебе расскажет, когда ты этого пожелаешь. Когда из Нового Рима вернется Эдеко, тебе также следует с ним познакомиться. Но он пока еще не вернется.

— Как прикажете, мой каган,— ответил ему Ардарик.

Каган посмотрел на Такса.

— Лягушонок, ты можешь идти. Когда ты отдохнешь, то снова будешь стоять в охране.

Такс слез со стола.

— Да, Аттила.

Он вышел из комнаты, и Скоттас, находившийся в помещении, последовал за ним.

Каган поднялся с кресла. За последние годы он набрал вес. Иногда Ардарику казалось, что его желтая загорелая кожа отливает серым цветом, и он начинал волноваться. Каган медленно прошелся по небольшому помещению и остановился у огня, чтобы согреть руки.

— Таксу помогло избежать врагов сильное колдовство,— сказал Аттила,— ты веришь тому, как он объяснил, что он и Мараг смогли продвинуться так далеко на юг?

— Мой каган, мне следует подумать об этом.

— Какое странное путешествие и какие с ним связаны истории. Все это кажется невозможным, но я ему верю. Он не лжет. Он не смог бы вернуться сюда, если бы все не происходило так, как он говорит нам об этом.

— Конечно, мой каган.

Ардарику всегда поражало, почему гуннов считали сдержанными. По голосу кагана он понимал, что тот уже решил, что Такс сказал им правду, и сейчас он продлевал разговор, чтобы заполнить паузу, пока продолжал думать.

— Я еще раньше заметил у него эту магию. Как-то, когда мы атаковали в Гауле...

Каган медленно развернулся у огня, согревая тело. Свет сверкал в редких волосках его бороды. Он пальцем почесал свой широкий и приплюснутый нос.

— Не думаю, что он унаследовал это от своего отца. Ризак был неудачником во всем. Но его брат был хорошим шаманом. Он почти каждый день разговаривал на неизвестных языках. Может, Такс научился колдовству от него? Его брат тоже принадлежит к счастливчикам.

— Угу,— осторожно заметил Ардарик.

Дверь за тронном отворилась, и в комнату вошли два сына кагана — Эллак, старший, и Денгазич, сын готской принцессы. Но он был таким же уродливым, как и чистокровный гунн. Ардарик ненавидел сыновей Аттилы, но он обрадовался, увидев их, потому что теперь скоро с ним распрощается. Ему надоело слушать размышления кагана по поводу колдовства. Он прекрасно знал, что они могут продолжаться все утро. Рассуждения о необычных вещах. Когда ему приходилось отвечать кагану, это было таким напряжением, будто он пытался разговаривать с ним на незнакомом языке. Оба молодые гунна остановились у трона, оперевшись на него. Они

ждали, пока их отец обратит на них внимание. Ардарик молчал. Сквозь окно слышались вопли и звуки диких детских игр. Все три гунна повернули головы к окну.

— Такс не очень умен,— продолжал Аттила, не отводя взгляда от окна,— но чтобы заниматься колдовством, не обязательно быть умным. Я часто замечал, что это качество как раз сильнее всего у тех людей, которые не так умны. Мне кажется, что мы сможем перехитрить его, чтобы узнать, что же он ведаёт, но мне не хочется этого делать. Я радуюсь, что один человек из этого клана с таким тотемом все ещё обладает в наши дни способностью к колдовству.

Квадратный, с мордой, как у быка, Эллак смотрел на отца, но Денгазич повернулся и нахально посмотрел на Ардарика своими круглыми готскими глазами.

— Каждый человек владеет каким-то колдовством,— заметил Ардарик, потому что ему нужно было что-то сказать. Денгазич фыркнул, и Ардарик разозлился. Он произнес:

— Мой каган, разреши мне оставить тебя с твоими сыновьями.

— Да.

Голос Аттилы был резким от насмешки:

— С наследниками моего тела.

Он снова повернулся к огню и наклонил голову. Через окно слышались крики играющих детей. Ардарик выразил свое почтение к кагану, сложив руки ладонями вместе и покинул комнату. Даже сам каган терпеть не мог своих старших сыновей. В коридоре, подальше от их глаз, Ардарик позволил маске почтения сойти с лица. Он послал раба, чтобы тот подвел ему коня к крыльцу.

Гунны считали, что белый олень вел их на запад, но Ардарик не верил этому, потому что белый олень являлся знаком господина бога Иисуса Христа, а гунны не были христианами. Несколько лет назад их пастух нашел старый меч, наполовину погребенный в землю к северу от Хунгвара. Аттила во всю использовал эту находку, назвав мечом Бога Войны. Он сочинил историю о том, как меч очутился в этом месте и что означал тот факт, что его нашли. Но когда Ардарик как-то был с ним наедине, каган начал смеяться над этой историей и над мечом. Он говорил, что только дураки могли поверить этому.

Гораздо легче можно было поверить историям, рассказанным отцом Ардарика о том, как появились здесь гунны. Сначала здесь жили германцы, к северу от реки, а римляне — к югу от нее. Все жили в мире и торговали друг с другом. Но как-то утром горизонт на востоке почернел от наступающих

орд. Это были остготы, вестготы и аланы, бежавшие от гуннов. Далее следовали сами гунны. Они гнали перед собой людей по равнине, как будто за теми двигалось море огня. Некоторым удалось удрать в землю римлян, но большинство германцев были побеждены во время войны, и их заставили платить дань вождям гуннов. Их в то время было много — шесть или даже восемь, они не были такими сильными, как каган Атилл, который теперь правил половиной мира.

Ардарик уселся на коня перед деревянным дворцом Атиллы и поехал по переднему двору к воротам. Такс был среди толпы гуннов у ворот. Он сидел с остальными стражниками у ворот, греясь на солнце, и что-то пил из кувшина. Ардарик повернул коня налево, чтобы попасть в поток людей, выходящих из ворот. Такс увидел его, но сразу же посмотрел в другую сторону.

Каждый день купцы и разные торговцы устраивали базар во дворе у женских покоев. Телеги и люди с тюками на спинах затем выходили за ограждение, чтобы разойтись по деревням, расположенным неподалеку. Ардарик на белом коне был вынужден натянуть поводья, чтобы не растоптать человека в полосатом халате и красной повязке на голове, который вел рабов, несших тюки материала.

Шли разговоры, что парфяне торговали не только тканями. Между слоями шелка они проносили опиум и гашиш и другую отраву.

За воротами утоптанная почва дороги делилась на три тропинки. Одна из них вела вниз по холму к броду. Тесно растущие кустарники росли по берегам реки. Дети гуннов играли там и в грязи под огромным дубом, росшим прямо у ворот. Парфянин в своем красном с желтым халате что-то приказал рабам на странном и резкозвучащем языке и повел их к деревне гуннов к северу от ограждения. Ардарик поехал по направлению к реке.

Когда Хунгвар был всего лишь придорожным базаром, до того, как каган приказал построить здесь дворец, дороги извивались, как тетива лука, чтобы обойти болотистые места. Каган приказал засыпать топкие ямы грязью и землей, камнями и кусками дерева, и теперь даже в весеннюю распутицу дорога была вполне приличной. Сейчас, когда стоял холод, болото отступило от дороги, и траву покрывала корка льда. Был слышен смех детей, игравших среди деревьев у реки. Пока дети не начинали двигаться среди голых ветвей, они напоминали зимние лохматые гнезда белок.

Четверо или пятеро гуннов пересекали реку в месте брода, двигаясь цепочкой один за другим. По волнистой поверхности воды их отражения шли рывками. Ардарик замедлил ход лошади, чтобы пропустить этих людей. Они поднялись вверх

по берегу и поскакали, а их начальник поднял руку, приветствуя Ардарика. Ардарик ответил ему на приветствие. Он никогда не мог отличить одного гунна от другого, хотя так много их видел. Он пересек реку и поехал по краю болота к своей деревне, стоявшей на холме между тополями напротив холма кагана.

Белая лошадь несла его по дороге, глубоко протоптанной в холме от движения многих ног людей и животных. Она напоминала ему русло реки. При виде деревни сердце Ардарика переполнилось гордостью. Дома стояли аккуратными рядами. У каждого домика был свой огород и садик. Каждый клочок земли использовался и был огорожен. Резные оконные рамы были покрашены яркой краской, как и подпорки крыльца у домов. Все, что было возможно, украшала искусная резьба — это были карнизы крыш и навесы над крыльцом.

Ардарик въехал в деревню и направился к своему дому. Он слышал болтовню женщин, доносившуюся из пивоварен. Ардарик представил себе, как кипят котлы, полные пива, по краям которых застыла закваска. Разговоры перелетают из края в край над медленно перемешивающими варево лопатами.

Деревенские ребятишки играли на улице в прятки. Это были дети с бледной кожей и светлыми волосами. Может, дети гуннов казались ему такими грязными только из-за цвета их волос и кожи. Цвет их кожи напоминал цвет пива и темного янтаря. Он повернул за угол дома и подъехал к воротам в ограждении. Дом был меньше, чем у кагана. Гораздо меньше, и там не было помещений для женщин. Но дом был хорошо построен и прекрасно украшен снаружи и изнутри. Ардарик украсил его вещами, награбленными во время похода в Италию.

Перед дворцом стояла статуя, которую он нашел на вилле рядом с Миланом. Это был мальчик, изваянный из прекрасного белого мрамора вполовину человеческого роста. По дороге отлетели по самый локоть его раскинутые в стороны руки. Ардарик слез с коня и повесил поводья на плечи мальчика. Перед ним распахнулись двери дома, и его единственный сын Дитрик спустился к нему по ступенькам.

— Где ты был? — спросил его сын. — Гундхар и Эйдимир сидят у нас целый день. Ты сказал, что приедешь домой к обеду.

— Я был нужен кагану.

Ардарик поморщился. Почти целый год Гундхар и Эйдимир вели спор по поводу десяти жеребых кобыл и шестидесяти овец.

— Они все еще здесь?

— Они не собираются уезжать, — сказал ему Дитрик. Его

волосы выгорели на солнце до цвета сала, а на худых щеках шелк его первой бородки был скорее рыжего цвета, чем цвета спелой пшеницы. Худой и гибкий, сын был выше Ардарика. Отец был гораздо плотнее его.

— Ни один из них не уйдет первым.

Дитрик пошел к лошади отца.

Ардарик поднялся по ступенькам. В дверях он обернулся и посмотрел, как сын вел коня к конюшне. Некоторые из его конюших проходили по двору. Хотя они прошли совсем рядом с Дитриком, никто из них не обменялся приветствием. Ардарик вошел в шум и тепло дворца.

Двое часовых сидели за дверью на полу и ели. Когда вошел Ардарик, они поднялись и отдали ему салют. Ардарик приказал, чтобы они продолжили еду. Дворец состоял из одной огромной комнаты. Длина ее была раза в три больше ширины. В середине находился очаг, построенный из камней, и тут же стоял помост для сна. Когда-нибудь он поделит все помещение на маленькие комнаты, как у кагана. Он знал, что дворец у кагана был построен по типу итальянских дворцов.

В западном краю комнаты у окна стояло его высокое кресло, и он пошел прямо к нему. Его ждали Гундхар и Эйdimир, окруженные свидетелями и родственниками. Все они повернулись и радостно двинулись к нему поближе. И сразу начались оживленные разговоры.

— Итак,— сказал Ардарик. Он сел в свое кресло под деревянным навесом, который привез из Италии. Сзади прохладный ветерок из открытого окна освежал его шею и затылок. Он видел, как Дитрик вошел через переднюю дверь и позвал его.

Дитрик спокойно прошел между двумя толпами свидетелей и сел на низкий стул у левого колена Ардарика. Эйdimир подождал, пока он сел. Его глаза перебегали с Дитрика на Ардарика, и он гордо задрал подбородок вверх.

— Мой хозяин Ардарик, ты обещал нам, что сегодня скажешь нам свой приговор по поводу спора между мною и Гундхаром. Итак, как тебе известно...

Ардарик положил руку на крытую кожей ручку кресла и оперся подбородком на кулак. Он уже много раз слушал то одного, то другого спорщика. После смерти их дядьки, чье глупое распоряжение и вызвало эту проблему, он уже давно решил, что разрешить этот спор или очень трудно, или, наоборот, слишком легко. Оба спорщика вполне могли получить наследство. Было неважно, что он скажет или сделает, потому что проигравший немедленно отправится к кагану, и гунн примет окончательное решение. Чтобы этого не случилось, Ардарик откладывал приговор многие месяцы.

Эйдимир, старый и тощий, с белой бородой до талии, закончил свою версию случившегося и поднял руки вверх, чтобы его свидетели выразили ему свое одобрение. Они все начали кивать и восклицать, что согласны с ним. Гундхар покраснел и пробился вперед, расставив в стороны руки. Он презрительно глянул на Эйдимира и перевел взгляд на Ардарика.

— Мой господин король, великий сын Ризимира, самый прекрасный из людей...

Дитрик плел косичку из бахромы на широком синем рукаве. Плавная речь Гундхара со сложными фразами лилась, как плохая музыка. Снаружи за открытым окном две женщины начали разговор. Они сплетничали о какой-то молодке, которая встречалась по ночам в амбаре с парнем, пока ее муж нес службу у Ардарика. Дитрик не сводил глаз со стены, было очевидно, что он внимательно слушал разговор. Ардарик перегнулся назад и захлопнул окно.

Завтра он встретится с Таксом и возьмет с собой Дитрика. Ему это понравится. Он очень интересовался гуннами. Ему также не мешало кое-чему поучиться. Это будет урок морали. И они возьмут с собой стадо скота, которое нужно пригнать в деревню гуннов. Гепиды снабжали гуннов мясом. Те считали себя слишком важными, чтобы заниматься этим самим. Может, это была его вина, что Дитрик так мало интересуется делами общества. Может, если он станет больше вовлекать сына в каждодневные дела, ему станет все это интересно.

Гундхар замолк, его свидетели захлопали в ладоши и начали утвердительно кивать головой и громко говорить, что он прав и его требования правильные. Ардарик с усилием заставил себя вернуться к этой проблеме. Они все с надеждой смотрели на него. Дитрик тоже ждал его решения и повернулся к отцу. Ардарик открыл рот, и внезапно к нему пришло правильное решение. Он сам был поражен, поэтому специально откашлялся, чтобы подобрать подходящие слова.

— Эйдимир и Гундхар, я целый год слушал ваши слова, и мне кажется, что каждый из вас имеет право на эти стада. Поэтому я решил, что будет справедливым поделить стада поровну между вами. Таково мое решение. Вы поделите стада на следующий день после Дня Бога, а мой сын Дитрик должен смотреть, как вы будете это делать.

Это было правильно. Дитрик был опытным пастухом.

Эйдимир и Гундхар стояли пораженные, открыв рты в изумлении. Ардарик нетерпеливо постучал по ручке кресла. Ему казалось, что решение принято справедливое и точное. Он ждал, что они начнут хлопать в ладоши, а не будут стоять, разинув рты. Но они хором начали возмущаться, грозно глядя друг на друга, и все ближе подступали к его креслу. Ардарик поднял руку вверх. Они недовольно замолчали.

— Таково мое решение. Вы можете идти. Примите его, я больше не стану вас слушать.

Они оба отступили назад, посмотрели друг на друга и снова повернулись к Ардарiku. Эйдимир закричал пронзительным голосом:

— Хорошо, тогда я пойду и пожалуюсь в другом месте. Каган услышит об этом.

— И я тоже буду ему жаловаться,— сказал Гундхар,— мы обратимся к кагану за справедливостью.

Он мрачно посмотрел на Ардарика и сдержанно поклонился. Они вышли вместе со своими свидетелями, пройдя мимо женщин, которые несли хлеб на ужин.

Ардарик выругался.

— Невозможно сделать так, чтобы люди остались довольны.

— Мне твое решение показалось справедливым,— сказал Дитрик.— Но, наверно, оно им не понравилось...

— Они слишком жадные,— ответил ему Ардарик.

Они не уважают собственного короля и не приняли всерьез его решение. Он почувствовал жар, как будто их недовольство подействовало на него.

— Принеси мне что-нибудь поесть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

До рассвета Дитрик вместе с другими пастухами отправился за стадом для гуннов. Они привели животных с пастбища. Ночью выпал небольшой снежок, и на фоне белой земли бурые животные казались детскими игрушками из тряпок. Дитрик послал двух пастухов, чтобы они ехали впереди, а сам с другими пастухами поехал по бокам, чтобы подгонять отставших животных. Стало гораздо холоднее. Ветер проникал через одежду из бараньих шкур, и Дитрик начал дрожать.

Он понимал, что не стоит волноваться из-за того, что вскоре отправится в деревню гуннов, но он там раньше никогда не бывал и знал только одного гепида, побывавшего там. Поднялось солнце, чуть согрело его, и он снял рукавицы. Юноша подул на руки и спрятал их у себя на груди, пытаясь немного согреть.

Он начал шевелить пальцами ног в сапогах, чтобы они совсем не замерзли. Впереди, на холме, расположенном между ними и бродом через реку, его ждал отец на своем белом коне. Дитрик быстро натянул рукавицы, чтобы отец не закричал на него, как будто он все еще оставался малым ребенком и сделал что-то недозволенное.

Ардарик махал им рукой. Дитрик натянул поводья и по-

вернул своего черного жеребца в сторону от стада. Пока ехал к отцу, он снова оглядел стадо. Дитрик остался доволен — животные были откормленными, сильными двухлетками. Они стоили потраченных на них забот. Он остановился подле отца и отдал ему салют.

— Тебе нужно было подождать меня,— сказал ему Ардарик.— Тебе необязательно быть здесь.

— Прости,— сказал Дитрик и почувствовал, как начал краснеть. Он смутился и еще больше покраснел. Его шея и лоб горели, как от солнца.

— Теперь выслушай меня,— сказал ему отец.— Когда мы встретимся с гунном, ничего ему не говори. И в особенности, не задавай ему своих глупых вопросов. Они легко обижаются, а я не желаю его обижать. Если ты меня слушаешься, то я отошлю тебя к лошадям.

— Да, отец,— сказал Дитрик.

— Если мы войдем в его юрту, будь осторожен, следи за тем, как будешь себя вести. У них существует множество обычаев. Почти все они бессмысленные, но они воспринимают их всерьез. Не смотри на их женщин или детей. Не вытаскивай нож, даже если тебе захочется почистить ногти. Не показывай подошвы сапог. Если кто-то предложит тебе пищу, первый раз откажись. Если тебе предложат еще раз, то можешь принять приглашение.

— Мне показалось, что я не должен ничего говорить,— заметил Дитрик.

— Не смей мне грубить, а то вообще никуда не поедешь.

— Да, отец.

— Гунны всегда соблюдают свои ритуалы.

Они с Дитриком уже доехали до реки. Пастухи прогоняли плотное стадо через брод. Ардарик ехал рядом с пастухом и Дитриком. Пастух был постарше остальных людей. Он улыбнулся и кивнул, когда Ардарик обратился к нему.

— Мой король, ночью шел снег.

Ардарик прищурился и глянул на небо.

— Снег станет идти еще. Послезавтра снег будет доставать до карниза наших крыш.

— Тогда хорошо, что мы отправим этих животных через реку. Неизвестно, что они станут делать, когда выпадет глубокий снег, а у них не останется мяса.

Он показал на деревню гуннов. Как по сигналу, все трое поехали вперед, спустившись к броду позади стада. Первые животные уже повернули на восток в направлении холма кагана.

Ардарик и старший погонщик серьезно разговаривали о погоде, о стаде, о запасах сена и о будущих новорожденных телятах.

Дитрик глубоко вдохнул воздух. Он был настолько холодным, что напоминал замерзшую воду. Впереди, за зарослями ив на краю болота, на фоне серого неба поднимался вверх частокол. К югу земля резко понижалась, и пастухи направляли стадо туда. Деревня гуннов располагалась на дальнем конце холма. Они ее не видели, пока не прошли заграждение. Место между холмом кагана и деревней было чем-то вроде границы. Дитрику не разрешали туда ездить с тех пор, как он вырос достаточно для того, чтобы сесть на коня.

Головная часть стада свернула перед болотом и проследовала дальше. Ардарик протянул руку к сыну.

— Смотри,— резко сказал он ему.

Дитрик удивленно пытался что-либо разглядеть. Сначала он ничего не видел, кроме стада и отдаленного частокола, но потом показалась цепочка гуннов, ехавших верхом вдоль стены частокола. Их короткие кривые ноги были крепко прижаты к лохматым бокам лошадок. Волосы у них были украшены перьями, яркими камешками и кусочками металла. На некоторых из них были куртки с кусочками золота. Глядя на них Дитрик понял, что он все равно не сжился с лошадьёю даже после многих лет езды верхом. Ему стало завидно, когда он увидел, что они составляют единое целое с животными.

— Вон мой гунн,— сказал Ардарик,— тот, который едет впереди.

Он выглядел таким же, как все остальные, только его лошадка была самой маленькой.

— Такс,— закричал Ардарик. Гунн поднял вверх руку, и лошадь вынесла его из общей линии всадников. Они тоже остановились, пока Такс спускался по некрутому склону к Ардарику. Стадо продолжало продвигаться, отделяя Ардарика от гуннов, и Таксу пришлось сделать объезд, чтобы не столкнуться с ними. Пастухи Ардарика погнали стадо к насыпи.

Один из гуннов завопил, и почему-то волоски на затылке у Дитрика зашевелились. Подобно птичке, слетевшей с ветки дерева, гунн вылетел вперед и галопом помчался к стаду. В его черных волосах выделялось красное перо. Люди Ардарика быстро отъехали в сторону. У гунна было копые, украшенное по всей длине беличьими хвостами. Он поднял его над головой, потряс им, и снова раздался леденящий кровь вопль. Ворвавшись в стадо, он погнал половину его к реке.

Дитрик развернул коня и поехал, чтобы собрать вместе оставшихся испуганных животных. Он кричал, чтобы другие гепиды помогли ему. Над головами стада он видел, как гунн с красным пером пытался отбить пятнистого бычка от остальных животных. Стадо мычало от ужаса. Другие всадники носились вокруг Дитрика, и он повернулся, чтобы что-то им крикнуть.

Но это были гунны, а не его слуги. Он натянул поводья. Гунны пролетели мимо него и начали собирать стадо. Дитрик вернулся к отцу. Оглянувшись назад, он увидел, как гунн с красным пером бил пятнистого бычка своим копьём. Наконец тот развернулся и поскакал от стада, сильно вытянув вперед морду.

Гунн не отставал от него, время от времени наклоняясь и снова ударяя его копьём. Дитрик остановился подле отца. Такс уже был рядом с отцом. Дитрик робко глянул на него. Такс смотрел, как другой гунн продолжал гонять бычка по степи. Все гунны были похожи друг на друга. Желтые лица, глубоко посаженные глаза и безмятежное выражение. Дитрик снова глянул на пятнистого бычка.

Неподалеку от стада, возле засохшего дерева бычок повернул назад, и гунн развернул коня, чтобы перехватить его. Его тело плавно развернулось вместе с конем, и только затрепетавшее красное перо показало, насколько резким было это движение. Бычок рванулся в сторону и яростно нацелился рогами на коня гунна. Всадник стукнул его копьём, бычок развернулся и снова побежал. Наклонившись с коня, гунн вонзил копьё в брюхо животного.

Бык замычал от боли. Он споткнулся, и Дитрик подумал, что он сейчас упадет. Его сердце прыгало от ужаса и сочувствия к животному. Гунн начал колоть его острием копья в ноги, и бычок с трудом попытался рвануться вперед. Кровь капала из ран на ногах. Гунн заставлял его бежать быстрее. Из разорванного брюха вывалились розовые кишки и запутались в задних ногах. Животное спотыкалось и скользило на собственных внутренностях.

Ардарик что-то проворчал, а Дитрик прикусил губу. Почему они просто не убьют его? Гунн крепко натянул поводья, и его лошадь неслась галопом, но он не давал ей перегнать быка. И более того, он не пытался его убить. Разрывая собственные кишки и скользя по ним, бычок с трудом передвигался по равнине.

Кровь и помет отмечали его дорогу. Нежные розовые ткани его внутренностей почернели от грязи. Животное упало на колени. С морды на землю падала пена, и из ноздрей полилась кровавая пенистая жидкость. Дитрик вцепился в луку своего седла и затаил дыхание. Гунн крутами направлял коня вокруг бычка, как стервятник, который собирается сесть на труп. Бычок упал набок, его ноги задрожали и застыли. Ардарик, находившийся рядом с Дитриком, громко вздохнул.

Обратившись к гунну, Ардарик яростно спросил его:

— Почему вы это делаете?

Такс слегка округлил узкие глаза:

— Нам теперь не позволяют охотиться.

Он пожал плечами, как бы сбрасывая тяжелый груз, узкие глазки смотрели вдаль.

— Ты желаешь говорить здесь?

— Нет, — резко ответил Ардарик. — Здесь слишком холодно.

Такс снова пожал плечами.

— В моей юрте слишком много людей. Мы можем посидеть на крыльце за частоколом.

Дитрик не уловил его движения, но черная лошадка развернулась и направилась к ограждению.

— Мы не поедем к ним в деревню? — заметил Дитрик.

— Нет.

Ардарик последовал за Таксом.

Дитрик был так разочарован, что не сразу двинулся с места. Гунн быстро поскакал вниз по склону. Ардарик, чуть отстав, следовал за ним. Другие гунны отводили стадо от насыпи к своей деревне. Мертвый бык лежал на земле — беспомощной кровавой тушей. Группа женщин с корзинами и ножами направлялась из деревни, чтобы разделать тушу. Дитрик стукнул каблуками по бокам лошади и помчался за отцом. Он желал что-нибудь придумать, чтобы отправиться домой. Ему не хотелось сидеть и слушать тоскливые разговоры на военные темы. Но когда он догнал отца, то по его лицу понял, что лучше промолчать, поэтому ему пришлось ехать за ним внутрь частокола, туда, где он бывал много раз. Разозленный, он привязал лошадь рядом с остальными животными. Потом прошел на широкое крыльцо под крышей. Дальше оно переходило в широкую веранду, тоже под крышей, которая занимала переднюю и боковую часть дворца кагана. Такс повел их подальше, в глубину веранды, где не чувствовался ветер, и они все сели. Ардарик сразу начал задавать вопросы по поводу дорог через болота в Северной Италии.

Гунн отвечал ему медленно, как будто он пытался мысленно представить себе эти места. Дитрик потихоньку его рассматривал. На лбу Такса был нарисован черный с красным символ. Он был похож на лопату, поперек которой изображен жезл. На каждой щеке у него были глубокие шрамы. Ардарик рассказывал ему, что гунны наносят подобные раны детям при рождении, чтобы научить их переносить боль еще до того, как они попробовали молоко. Дитрику это показалось интересным, вроде как крещение наоборот.

Пол под ними затрясся, и юноша поднял голову. К ним направлялся другой гунн, неся с собой глиняный горшок с углями и кувшин вина. Он поставил горшок на пол между ними, улыбнулся и ушел, не ожидая благодарности. Дитрик был поражен, и он повернулся, чтобы посмотреть, как тот уходит. Красное перо болталось на косичке в его черных волосах. Это был тот самый человек, который убил бычка.

— Ты был недалеко от Рима? — спрашивал Ардарик, — насколько близко вы к нему приближались?

— Мы провели там два дня. Это огромный перекресток, и нам было нужно узнать, насколько там оживленное движение.

— Два дня? Вы входили в город?

Такс удивленно посмотрел на него.

— В город? Нет, как я мог это сделать? На стенах повсюду стояли солдаты, и их было много на дорогах. Я уже говорил вам. Мы могли передвигаться только по ночам. Южнее у нас уже не было никаких проблем.

Ардарик хмыкнул. Подобно остальным гуннам, у Такса была поразительная топографическая память. В течение долгого времени он терпеливо отвечал на все вопросы Ардарика, и этот разговор был весьма полезен для короля. Ардарик не мог сказать — утомился ли гунн. Но сам он сильно устал, и ему хотелось закончить разговор. Он посмотрел во двор. Под крыльцом две собаки рычали друг на друга, грызясь из-за кости. Он стукнул по полу ногой, чтобы отогнать их прочь. Мысль о Риме снова вернула его к разговору.

— Что ты видел в Риме?

— Стены, — Такс пожал плечами. — Они похожи на стены Сирмиума, только старше.

Ардарик разозлился. Этот глупец не видит разницы между провинциальным укреплением и Римом. Но прежде чем он заговорил, Дитрик засмеялся, он молчал все утро. Ардарик посмотрел на него.

— Почему ты смеешься?

— Ты говоришь о Риме, как будто это какое-то место, ну вроде Хунгвара, — ответил ему сын.

— Вроде Хунгвара! Рим в двадцать раз больше Хунгвара, — сказал Такс.

— Конечно. Рим — это половина мира. Все вокруг или Рим, или не Рим, не так ли? Нам нужен только Рим. Он похож на рай.

— Правда? — у Дитрика задрожал голос.

В последовавшей за этим тишине Ардарик слышал, как скулили и ворчали собаки под верандой. Такс играл с косичкой из невыделанных кожаных полосок. Он не сводил взгляда с Дитрика.

По двору проехали, разговаривая, два всадника. Внутри дворца хлопнула дверь.

— Я понимаю, почему ты так думаешь о Риме, — наконец сказал Ардарик. — Это интересная точка зрения, но она — неправильная. Рим — это город. Настоящее место, похожее на Хунгвар или Сирмиум, но это — центр мира. Все хорошее идет из Рима.

Теперь захохотал Такс. У Ардарика забегали горячие мурашки по шее.

— Это правда! Почему вы оба смеетесь надо мной?

— Из Рима идет только дань,— сказал Такс.— Это плата германцам, чтобы те кормили гуннов. Рим такой же, как остальные города,— там негде охотиться и негде пасти коней. Всю воду держат в кувшинах, и она в них портится.

Дитрик потрогал подбородок.

— Существуют более важные вещи, чем все это.

— Да,— согласился с ним Такс.— Но они все тоже не из Рима.

— Из Рима идут законы,— сказал Дитрик.— Книги Христа тоже из Рима, и...

Он посмотрел на Ардарика:

— Что еще?..

— Не стоит стараться,— ответил ему отец.— Гуннам эти вещи неинтересны.

Такс снова засмеялся. Ардарик сжал зубы. Дитрик покраснел до корней волос и продолжал:

— Почему ты смеешься над нами?

— Как ты можешь говорить, что книги о Христе пришли из Рима, когда именно римляне пытались превратить Христа в дерево?

Дитрик не двигался несколько мгновений. Наконец он широко раскрытыми голубыми глазами посмотрел на Ардарика и потом перевел взгляд на Такса.

— Что?

— Я не христианин, и я, конечно, мало знаю о тотеме. Римляне пытались превратить Христа в дерево, потому что он обладал сильным колдовством. Поэтому римляне были его врагами и должны быть и вашими врагами. Разве не поэтому вы носите этот тотем?

Ардарик провел рукой по лицу. Он чувствовал себя так же, как тогда, когда каган рассуждал о волшебстве. Он никогда раньше не слышал, чтобы гунны рассуждали о Христе. Такс сел более удобно на корточки и обернул свою кожаную косичку вокруг кисти руки.

— Кроме того, все монахи, кто приходили сюда, были из Нового Рима, и монахи Рима — их враги, и они убивают друг друга. Разве это не так?

Ардарик разозлился и сказал:

— Новый Рим является частью Рима. Ты ничего не понимаешь.

— Ты никогда не видел Рим,— ответил ему Такс.— Что ты можешь знать о нем?

Он улыбнулся, показав клыки, как собака.

Ардарик прикусил язык. Он понял, что Такс нарочно его

дразнит. У него вспотели ладони, и сердце начало сильно биться в груди. Он мог прочитать красную с черным метку на лбу Такса — это был знак траура. Может, христиане убили друга Такса в Италии, а может, Такс винил Ардарика за смерть его друга.

— Если бы мы все были римлянами, тогда был бы мир, и мы все стали бы богатыми,— сказал Дитрик.— Разве нам не стоит стремиться к тому, чтобы стать римлянами?

— Зачем? — спросил Такс.

— Тогда везде наступит мир.

Такс пожал плечами.

— Я не слышал такого раньше. Трубоч говорит...

— Трубоч! — воскликнул Ардарик.— Этот ленивый разма-
леваный шаман? Да кто его слушает?

— Он говорит, что у римлян не осталось никакого кол-
довства с тех пор, как вестготы напали на Город. Трубоч зна-
ет все.

— Почему ты называешь его Трубочом? — спросил Дит-
рик.

Такс внимательно глянул на него.

— Потому что он играет на трубке.

— Ну да, так что стены падают,— заметил Ардарик.—
Дитрик прав некоторым образом. Когда мы говорим о Ри-
ме, то имеем в виду что-то хорошее, чего мы бы хотели для
себя.

Он поднялся. Ему хотелось уйти от этих разговоров.

— Ну, как бы ни было, у Рима не осталось прежней вла-
сти и силы,— заметил Такс.— Все духи и демоны ушли отту-
да, и римляне повезли свои тотемы в Равенну. Но я думал,
что мы обсуждали, как нам лучше покорить Рим.

— Нам нужен Рим, как и всем остальным,— сказал Арда-
рик. Он коснулся плеча Дитрика.

— Пошли, нам пора возвращаться. Такс, если мне будет
нужно снова поговорить с тобой, ты будешь здесь?

— Конечно.

Такс в улыбке снова показал ему все зубы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Такс жил в юрте в северо-восточной части лагеря гуннов
со своей матерью, братом и его женами. Его брат был доста-
точно богатым, чтобы содержать трех жен, а Такс был холо-
стяком, и ему там жилось не сладко. Народу было много, и
они все работали, и на Такса никто не обращал внимания. У
него не было жены, которая могла бы о нем позаботиться.
Поэтому он старался проводить почти все время у дворца ка-

гана со своими друзьями или в юрте своего друга Яя, младшего брата Марага.

У Яя была жена Юммейк, но она все время болела. Так вот никого у друзей не было, кто бы мог постирать им одежду, заставить привести себя в порядок и накормить. Они проводили вечера, рассказывая разные истории, и напивались допьяна напитком, изготовленным из травы с белыми цветками, которую гунны называли Белый Брат.

В юрте Яя собирались и другие одинокие молодые ребята из дворцовой стражи, когда у них было свободное время. Еще до похода в Италию они сильно досаждали людям, живущим по соседству. Некому было их покормить, поэтому они постоянно воровали еду. Некому было починить их одежду, и никто не требовал, чтобы они убирали в доме и чистили конюшню. Кроме того, они плохо соблюдали табу. Жена Яя перестала соблюдать порядок в доме и тоже стала рассказывать разные байки, воровала пищу и пила Белого Брата наравне с ними. Это было тогда, когда она не лежала в постели, кашляя и выплевывая кровь.

После того, как Такс привез домой Марага, Яя отправился в юрту своей бабушки, чтобы совершить обряд похорон. Он не возвращался домой до того дня, когда Такс впервые разговаривал с королем Ардариком. Такс узнал о возвращении Яя, увидев его пегую лошадь в пристройке у юрты Яя. Он отпустил свою черную лошадку и пошел к двери юрты Яя.

Юрта была сделана из шкур, привязанных к деревянной раме в форме купола. Шкуры здорово провисли с одного бока. Такс остановился и провел рукой по провисшему краю. Он нащупал сломанный остов. Если они не поправят остов до первого сильного снега, то юрта свалится им на головы. Он подошел к входу и вошел внутрь в дымное полутемное тепло, где было много людей, которых почти невозможно было разглядеть в дыму и полумраке.

— Яя?

— Сюда! — крикнул ему Яя. — Я видел, как ты говорил с королем гепидов.

Такс перелез через двоих, распростертых перед огнем. Сев рядом с Яя, он развязал завязки на сапогах и стащил их с ног. В темноте позади он услышал сухой хриплый кашель. Юммейк снова заболела.

Такс сказал.

— Я разговаривал с Ардариком, потому что Аттила приказал мне поговорить с ним. Ты что думаешь, он мне нравится? Что сказал твой отец по поводу мести?

— Они спросили шамана, — ответил Яя. В его голосе слышалось отвращение. — Нет необходимости мстить ему.

Монидяк перегнулся через огонь и протянул Таксу кувшин.

— Кто был этот молодой парень с Ардариком?

— Мне кажется, что это его сын. Он мне ничего не сказал о нем.

Кувшин был наполовину полон чая. Он отхлебнул, и его языка коснулась приятная сладость.

— Поесть что-нибудь не найдется?

Яя взял у него кувшин.

— Юммейк слишком больна, чтобы сходить за мясом, и нам никто ничего не принес.

— Я не виновата,— сказала жена из глубины юрты. Яя прополз в темноту к ней и что-то тихо сказал.

— Монидяк,— сказал Такс.— А как насчет того пятнистого бычка, которого ты убил?

При свете огня круглое приятное лицо Монидяка отливало медью, его глаза сверкали.

— Мне пришлось отдать его моей матери. Не волнуйтесь. Мы что-нибудь придумаем.

Такс забрал кувшин обратно и выпил несколько глотков чая. У него зашумело в голове. В животе медленно прокатилась теплая волна и согрела его грудь. Он прилег и посмотрел в темноту за спиной Яя.

— Юммейк, ты хочешь выпить Белого Брата?

— Нет,— тихим и хриплым голосом ответила ему Юммейк.— Спасибо тебе, Такс.

Такс снова сел. Яя и Монидяк нахмурившись смотрели друг на друга.

— Есть одно место, где мы можем найти еду, и там не станут на нас злиться,— сказал Монидяк.— Ты знаешь, где это?

Яя покачал головой. Он подполз ближе к огню.

— Что будет, если нас поймают?

— Ха!

Монидяк хлопнул в ладоши.

— Что будет, если мы сегодня ночью умрем во сне?!

— Тогда нам не будет нужно мясо,— заметил Яя.

Такс спросил:

— Монидяк, ты хочешь украсть у германцев?

— Точно.

К ним поближе подвинулся Бряк:

— Я вас слышал. Вам будет нужна помощь?

— Если нас будет четверо, мы сможем сделать это,— сказал Монидяк.— Но если Яя боится...

— Я пойду,— сказал Яя,— но если нас поймают, об этом узнает каган, и вы знаете, что он может сделать с нами.

Монидяк пожал плечами:

— Все равно это лучше, чем сидеть здесь и пить на голодный желудок.

Он улыбнулся и потянулся к кувшину.

Пока они ехали вдоль реки и мимо лагеря гепидов, начал падать снег. По виду маленьких колючих комочков снега Такс мог предсказать, что будет сильная буря. Он натянул на уши меховую шапку и приказал своей лошадке держаться ближе к пегой лошади Яя. Яя оглянулся, его брови и кончики усов были покрыты снегом. Такс ему улыбнулся.

— Мы хотя бы сейчас не оставляем следов.

Яя фыркнул. Он повернулся к Монидаку, который ехал с другой стороны.

— Это была твоя идея. Мы могли бы выпросить еду в кухне кагана. Мы могли бы украсть ее у моего отца. Мы могли бы потерпеть до завтра. Что будет, если в снегу мы потеряем дорогу?

Бряк коротко засмеялся, как будто залаяла собачонка. Он и Монидак начали издеваться над Яя из-за его осторожности. Такс осмотрелся. Они ехали по краю болота, и лошади делали мелкие шажки по неровному и хрупкому покрытию. Впереди, сквозь падающий снег, он с трудом мог различить дома наверху холма, где жили гепиды. Дальше этого места хунну могли ездить только с позволения кагана. Конечно, они все проезжали здесь много раз, но никто из них не знал местности достаточно хорошо. Монидак был братом Эдеко, начальника стражи кагана, и часто выполнял его поручения. Он говорил, что знает, где гепиды хранят свои запасы и где пасутся их стада. Ветер бросал пригоршни снега прямо в лицо Такса. У него от холода замерзли щеки.

Чтобы пересечь брод, они следовали друг за другом. После первых порывов ветра со снегом буря, кажется, немного улеглась, и Такс смог видеть чуть дальше. Он придержал свою лошадку. Яя поровнялся с ним, и когда подъехали остальные всадники, он отцепил кувшин от пояса Яя и поднял его вверх. Яя кивнул. Такс сделал длинный глоток и передал кувшин Бряку.

Впереди Монидак повернул лошадь по ходу реки и нахмурился, глядя вниз. Яя забрал кувшин у Такса.

— Видишь? — прошептал он. — Он забыл дорогу. Мы из-за него заблудимся.

— Нет, — сказал Такс, стряхнув снег с плеч своей новой шубейки. Он выиграл ее у Монидака в кости. Мать Монидака провела половину лета, украшая одежду красной и черной вышивкой и бисером. Теперь Такс пожалел, что не надел свою одежду, чтобы не мочить новую вещь под снегом. Он недовольно посмотрел на небо.

Монидьяк сказал:

— Эй, идите сюда!

Он говорил очень важно, как это делал Эдеко, когда отдавал приказания. Они подъехали к нему, поставив лошадей голова к голове, чтобы их крупы были расположены к ветру.

— Нам нужно ехать на север,— сказал Монидьяк.— Туда, где растет рощица ив. Туда двинутся Яя и Такс. Рощица идет вдоль реки в конце пастбища гепидов. Кто может сказать, что они станут делать в такую бурю, но они могли собрать стада там в излучине реки, чтобы защитить их от ветра.

— Там будет охрана,— сказал Яя.

— Да, но я не дурак. Бряк и я отправимся на север от рощицы и подыщем бычка. Мы разберемся с охраной.

Такс сказал:

— Почему мы вдвоем должны ждать вас в рощице? Вам может понадобиться наша помощь.

— Ты можешь ехать,— сказал Яя и отпил из кувшина.— Вас всех убьют.

Монидьяк натянул поводья:

— Я придумал этот план и стану все делать по-своему. В такую бурю безопаснее быть вдвоем, вот так-то. Поезжайте в рощицу, а Бряк отправится со мной.

Он и Бряк отъехали от друзей, и их поглотил снег. Такс глянул в направлении реки, чтобы сориентироваться, и сжал ногами бока лошадки. Он и Яя потрусили к рощице. Яя протянул ему кувшин.

— У Монидьяка нет никакого плана,— сказал Такс.

— Нам вообще не следовало ехать с ними,— ответил ему Яя.— Ты всегда обзываешь меня трусом, но я каждый раз оказываюсь прав.

Такс отряхнул снег с плеч.

— Не всегда.

Монидьяк хорошо соображал, и у него было время подумать. Он прищурился и попытался рассмотреть сквозь пелену снега рощицу.

Дитрик грел руки над огнем. Здесь, внутри навеса, было достаточно тепло, чтобы даже снять тулуп, но он до сих пор не ощущал пальцев на руках и ногах. Остальные пастухи сгрудились вокруг него, толкая друг друга. Они переговаривались поверх головы Дитрика. С ним никто не говорил, только иногда извинялись, сильно толкнув его.

При первых признаках снега он уехал на пастбище, чтобы помочь им. Он всегда так делал, хотя они никогда не просили его об этом. Сначала он им мешал, но пастухи терпеливо

переносили его вмешательство. Теперь он мог помочь в их трудной и нудной работе.

Старший из пастухов присел на корточки перед огнем и протянул к нему руки. Дитрик откашлялся. Он пытался еще раз подумать о том, что собирался им сказать.

— Как вы думаете, сколько еще будет идти снег?

Старик быстро взглянул на него и сразу отвел глаза. Дитрик продолжал глядеть в огонь.

— Дня два. Ночью он повалит сильнее.

Он снова глянул на Дитрика и сильно потер руки.

Дитрик отодвинулся в сторону, чтобы люди могли погреться. Иногда он играл роль королевского сына и заставлял их прислуживать себе только для того, чтобы проверить, как они станут на это реагировать. Отойдя в сторонку, он смотрел, как старик тер руку об руку, дул на них и почти засовывал их в огонь. Дитрику так хотелось, чтобы они восхищались им, хотя сами по себе они не были ему интересны. Но пастухи предпочитали ему Ардарика, хотя тот ничего не понимал в скотоводстве и даже не знал, когда и как следует сортировать телят.

Позади навеса пастбище, расположенное в излучине реки, было неразличимо в падающем снегу. Ближайшие животные стояли под деревом, развернувшись спинами к ветру и тесно прижавшись друг к другу. Только сейчас у него начали отходить пальцы. Один из пастухов подошел к нему и молча протянул пиво. Дитрик улыбнулся, тот улыбнулся ему в ответ и потрепал по руке, как отец. Дитрик снова глянул на стадо.

Животные стали разворачиваться. Иногда в такой шторм они могли разворачиваться против ветра, чтобы лучше защититься от снега и холода. Дитрик взволнованно выпрямился. Животные начали двигаться быстрее.

— Эй!

Остальные пастухи повернулись и посмотрели на животных. Они начали кричать. Дитрик вышел из-под навеса и пошел к лошади, но его остановил старик.

— Нет, в такую бурю ты заблудишься. Они не убегут далеко. Мы их соберем после шторма.

Он втянул Дитрика под навес.

— Почему они начали передвигаться? — спросил Дитрик. — Наверно, что-то их испугало.

Кто-то пожал плечами. Пастухи спокойно продолжали пить пиво и болтать между собой. Они сплетничали о женах и других женщинах. Дитрик всегда смущался, слыша подобные разговоры. Отец никогда не разрешал разнузданных рассуждений в своем присутствии. Но сейчас, увлекшись разговорами, пастухи не обращали на Дитрика никакого внимания. Когда они встречались с ним взглядом, то сразу же от-

водили глаза. Дитрик посмотрел на небо. Если он сейчас уедет, то будет в деревне к заходу солнца. Ему следует ехать вдоль реки, чтобы не заблудиться. Он отошел от коня и натянул рукавицы.

Дитрик сел на коня и выехал в бурю. Сначала его крупный черный мерин не желал ехать по снегу, но Дитрик отвел его от других коней и погнал по серым приглушенным от снега окрестностям, направляя в сторону родной конюшни, конь понял, что они едут домой, и стал бежать веселее. На землю уже намело небольшой покров снега, и он поднимался пушистыми струйками под порывами ветра с замерзшей земли. Дитрик развернул коня так, чтобы река находилась у него справа, и погнал вперед.

Пока Дитрик скакал, он размышлял о том, почему вдруг всполошилось стадо. Если что-то — ну, скажем, ветер или даже холодные хлопья снега испугали одно животное, они бы понеслись все, чтобы оставаться вместе. Конечно, пастух был прав, и они вернутся или их соберут вместе утром, когда перестанет идти снег. Он въехал в рощицу, где ветер был не таким сильным и снег падал на землю больше, но вдруг резко остановился.

В то самое мгновение, когда он увидел их, гунны тоже увидели его. Их там было двое. Они наклонились над мертвым бычком и разделяли его.

Дитрик подумал: «Они украли нашего бычка. И это так испугало стадо». Казалось, что у него перестало биться сердце. Он внимательно посмотрел на ближайшего гунна — это был Такс.

Он подъехал поближе, прежде чем они успели на него напасть.

— Подождите, послушайте меня,— сказал он.

Оба гунна рванулись к нему. Один из них схватил его коня за поводья. Другой — это был Такс в роскошном тулупчике, припорошенном снегом, что-то быстро проговорил на своем языке и потом что-то выкрикнул. Позади Дитрика слышались крики — значит, там, среди деревьев, были еще гунны. Он понимал, что его убьют, потому что он поймал гуннов, когда те крали животных. Он сказал:

— Если вы это сделаете, то мы все окажемся в сложном положении. Но если вы меня слушаете, то, может, нам удастся каким-то образом выбраться из него.

Такс повернулся к нему:

— Что ты хочешь сказать?

Он глянул на другого парня и снова сказал ему что-то резким голосом.

Дитрик посмотрел на другого гунна и похолодел. В его руке был окровавленный длинный нож.

— Что ты хочешь сказать? — повторил Такс, тронув его ногу.

Дитрик сказал ему:

— Вы знаете, что случится, если вы меня убьете. Вы знаете, кто я такой и кто такой мой отец.

У него еле двигались губы от страха и холода, и он с трудом выговаривал слова.

— Это мои стада, и я могу продать вам бычка.

Еще один гунн появился рядом с Таксом, что-то ему сказал и повернулся к Дитрику:

— Я здесь главный, разговаривай со мной.

Это был гунн с красным пером. Дитрик повторил ему свои слова. Он постоянно посматривал на гунна слева от него, который не убирал окровавленного ножа. Лезвие упиралось ему в грудь. Это были взрослые гунны-воины. Для них ничего не значило убить человека.

Главный заявил:

— Ты прав, если мы тебя убьем и нас поймают, то не оберемся беды. Но если мы тебя отпустим, то ты расскажешь отцу, что мы украли у вас бычка, и каган нас накажет. Выбор у нас невелик.

— Если вы мне что-нибудь дадите за бычка, то будет так, как будто вы заплатили за него, — сказал Дитрик.

Он посмотрел на Такса, стоявшего несколько позади, пытаясь разглядеть симпатию на его лице. Но тот хмурился, глядя на гунна, находившегося перед ним. Такс был взволнован — он же его узнал.

Главный фыркнул. Он что-то сказал Таксу, третий гунн с ножом в руках попытался возражать, но его сразу оборвали те двое. Такс пожал плечами. Главный повернулся к Дитрику и сказал:

— Что ты возьмешь вместо бычка?

— Что-нибудь стоящее.

Он в панике оглядел гуннов, чтобы найти у них что-либо подходящее.

— Его тулупчик.

Они оба заворчали на него, а гунн с ножом захохотал. Главный снова начал переговоры с Таксом, потом он обратился к Дитрику:

— Это слишком много.

Дитрик начал размышлять. Ему начал нравиться торг, и он подумал, может, он уже в безопасности. Немного расслабившись, он вдруг захотел иметь этот тулупчик.

— Что стоит бычок?

— Это — твоя жизнь, — спокойно ответил ему главный. — Мы тебе отдадим тулуп за бычка, если ты нам дашь немного золота.

— Нет,— сказал Такс.— Я ему дам золото, только не нужно отдавать ему мой тулуп.

— У нас нет золота,— заметил главный.— У нас его здесь нет.

Такс погладил тулуп и медленно начал расстегивать застежки.

Дитрик сказал им:

— Я вам дам империал за тулуп и еще бычка.

— Два империала,— сказал главный.

Гунн с ножом резко повернулся и пошел разделять бычка, чем он и занимался, когда к ним приблизился Дитрик.

— Один империал,— ответил Дитрик.

У него был всего один империал, который отец подарил ему в качестве талисмана.

— Я привезу его вам к дворцу кагана.

Такс подошел к нему, держа тулуп в руках. Главный отошел в сторону и отвернулся.

— Мы слишком доверяем тебе,— сказал он и пошел помогать разделять бычка.

Такс протянул ему тулуп. Наклонившись, Дитрик взял его из рук гунна. Пальцы Такса гладили вещь, как бы прощаясь с ней.

— Я привезу тебе империал. Ты часто бываешь там, за частоколом? — спросил его Дитрик.

— Когда ты приедешь, если я отдам тебе золото, ты мне вернешь мой тулуп?

Такс погладил плечи. Без тулупа он казался слишком маленьким, даже хрупким. Дитрик подумал: замерзнет без одежды.

Он чуть не вернул ему обратно тулуп, но выпрямился и погнал коня вперед.

— Может быть.

Тулуп был очень красивым, и ни у одного гепида не было ничего подобного.

— Прощай.

Он снова поскакал вдоль реки.

Они не стали его преследовать. Дитрик ехал, запрятав новинку под свой старый тулуп, чтобы на нее не падал снег. Он с трудом верил случившемуся. У него было такое ощущение, будто выскользнул из собственного тела и находится рядом, наблюдая за тем, что происходит. Они бы его убили, если бы Дитрик не заговорил с ними. Теперь он начал дрожать. Впереди река выходила из-под прикрытия деревьев и текла по открытому месту. Снег пошел сильнее, мокрый и плотный. Его приносил с собой ветер. Дитрик подумал об отце, о том, что тот скажет, и старался заранее приготовить нужные ответы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Каган приказал Денгазичу, своему сыну от остготской принцессы, рассудить претензии Гундхара и Эйдимира, и в первое утро после снежной бури Ардарик и Дитрик поехали во дворец кагана, чтобы выслушать решение. Все понимали, что решение принял каган, а не его сын, который, как сказал Ардарик, был немного старше Дитрика и совсем не такой умный.

Снег, выпавший в день, когда Дитрик торговался с гуннами, после этого падал еще два дня, и Хунгвар был завален сугробами. Если сойти с тропинок, протоптанных людьми или лошадьми, невозможно было понять, что находится под ногами или копытами коня — болото, равнина или же река, замерзшая в своих берегах. Ветер постоянно поднимал вверх столбы снега. Они напоминали петушинные гребешки или разметающуюся гриву коней. Но утром ветер затих, и сухой мороз надвинулся на Хунгвар.

Дитрик надел свою обновку, хотя понимал, как злится на него отец. Он рассказал отцу все, не упомянув, что Такс был среди воров. Ардарик бушевал и угрожал, что кинет тулуп в огонь. Но Дитрик пытался ему все спокойно объяснить, и наконец отец разрешил ему оставить эту вещь у себя. Этот тулупчик с отделкой из меха и на стеганой подкладке защищал от холода лучше, чем его старый овечий тулуп, но все равно во время короткого пути до дворца он изрядно промерз.

Дитрик радовался холодному воздуху и пронзительной синеве неба, когда они ехали по дороге к воротам частокола. Полдюжины женщин подметали снег у ворот. Вместо метелок у них были связанные вместе ветки деревьев. Дитрик им улыбнулся, но только одна женщина улыбнулась ему в ответ.

Каган произносил свои приговоры с западной части веранды. Сегодня народ ждало несколько решений, и толпа стояла в ожидании на открытом воздухе между верандой и стеной частокола.

Все переминались с ноги на ногу и похлопывали себя руками, чтобы окончательно не замерзнуть. На веранде сидели закутанные в меха три сына кагана и его секретарь — римлянин Константиус. Из меха были видны только лбы и глаза. Вдоль забора снег намело кучками. Дитрик слышал крики и смех детей с другой стороны площадки. Он понял, что они катались на санях, ему припомнилось собственное детство.

Ардарик спешил, и тут же подошел раб, чтобы позаботиться о его коне и коне Дитрика. Они подошли к толпе ожидающих.

Как по сигналу, вышел вперед начальник караула с штан-

дартом из конских хвостов и воткнул его в грудь снега у крыльца. Длинные черные конские хвосты сверкали при свете солнца, будто их только что расчесали. Один из четырех, сидевших на крыльце, встал, вышел вперед и начал говорить на языке гуннов.

— Эллак, — тихо сказал Ардарик, — это наследник кагана.

Дитрик кивнул. Он уже видел Эллака — настоящего гунна с плоским лицом и весьма надменного. Некоторые в толпе понимали, о чем он говорит. Это в основном были германцы, а они обычно не старались выучить язык гуннов. Дитрик оглянулся и посмотрел на ворота, где обычно стояли охранники дворца.

Там было четыре или пять человек. Они сидели на земле, окруженные наметенными стенками из снега. Дитрик прищурился и попытался разглядеть их лица, но это ему не удалось. Теперь Эллак заговорил по-германски, объявляя решение двум германцам, принадлежавшим к разным племенам. Такие дела мог разрешить только каган.

— Перестань вертеться, — сказал Ардарик.

Дитрик выпрямился и попытался внимательно слушать Эллака. Ардарик собирался выслушать решение, а потом пойти во дворец и пожаловаться, что гунны крадут их скот. Вчера днем он и Дитрик поехали на то место и после снегопада нашли примороженные остатки животного на кровавом снегу. Когда Ардарик побывал на месте преступления, он наконец признал, что Дитрик правильно повел себя в той ситуации. Именно тогда он сказал сыну, что тот может оставить у себя тулупчик гунна.

— Каган так решил, — говорил Эллак. — И так оно и будет.

Он оглядел толпу и отступил назад.

Теперь вперед вышел Денгазич, закутанный до бровей в сверкающий черный мех. Он был выше и внушительнее, чем настоящий гунн. Он тоже сначала говорил на своем языке. Дитрик переминался с ноги на ногу и стрелял глазами по двору. От женского двора шли люди и что-то несли в корзинах — это было белье? Нет, корзины были пустыми. Дитрик подумал, куда же они идут?

Он развернулся, чтобы посмотреть, как они выходят через ворота, и Ардарик так поддал ему локтем в ребро, что Дитрик охнул, а люди, стоявшие рядом, повернулись и посмотрели на него. Дитрик выпрямился, но краем глаза продолжал следить за людьми с корзинами.

Перед тем как они дошли до ворот, которые, как обычно, были широко открыты днем, в них въехал гунн на маленькой черной лошадке. Это был Такс, и Дитрик не удержался от улыбки. Но он продолжал смотреть на Денгазича.

Наконец тот произнес гуннские слова, которые, как знал Дитрик, означали конец речи. Он без перерыва продолжил говорить по-германски. Гундхар, Эйдимир и их свидетели находились впереди всей толпы. Они начали волноваться, услышав свои имена.

Ардарик тоже на несколько часов продвинулся вперед. Дитрик понял, что его отец стал просителем в данном случае. Ему это не понравилось, и юноша нахмурился. Ему хотелось думать об отце, как о короле, над которым не было главных королей. Но каган был самым главным. Он глянул назад и увидел, что черная лошадка стоит перед снежной избушкой, в которой находились караульные.

— Итак, — говорил Денгазич на чистом и четком германском. — Мы решили, что Гундхар и Эйдимир будут поровну владеть стадами, иметь одинаковые прибыли и делить потери. Каждый станет пользоваться стадами по одному году. Так как стада были весь год у Гундхара, пока король Ардарик не мог прийти к решению, то Эйдимир станет пользоваться этими стадами на будущий год. Каган так решил и быть тому.

Ардарик захрипел. Над горбатым носом сошлись вместе его светлые брови. Дитрик заметил.

— Но ты тоже так решил, правда, отец?

Его поразило, что отец выругался.

Гундхар и Эйдимир с несчастным видом поплелись к воротам.

— Вы — идиоты! — закричал Ардарик. Он выделялся в толпе. Никто из них не смотрел ему в глаза или пытался как-то помочь ему. — Если бы вы не спорили со мной и согласились с моим решением, все было бы то же самое, и вам не пришлось бы унижать меня! Вы — идиоты, с умишками, как у мышей, жадные людишки, с задницами, полными дерьма!

Гундхар и Эйдимир быстро уходили, низко наклонив головы, как бы пытаясь спастись от резкого ветра. Стоя на крыльце, хохотал Денгазич. Все уставились на Ардарика. Дитрик смутился и отвернулся. Ардарик громко выругал Денгазича. Тот продолжал хохотать, потом Ардарик прошел по крыльцу и подошел к дверям дворца.

Смех пропал с лица королевского наследника, как будто его смыло водой. Он смотрел на Ардарика остановившимися глазами. Дитрик начал нервничать, глядя на его напряженное лицо и застывшую фигуру. Он ощущал, как сильно Денгазич ненавидел его отца. Какой-то момент он ждал, что сейчас что-либо случится.

Но отец пробежал по ступенькам и вошел во дворец. Денгазич снова уселся. Его длинное лицо полукровки погрузилось в черный блестящий мех.

Толстый Константиус вышел вперед, чтобы тоже провозг-

ласить решение. Его редкие волосы были прилизаны, и нос у него покраснел от холода. Дитрик выбрался из толпы и пошел через двор к снежной горке, в которой прятались часовые. Черная лошадка все еще стояла там и отрывала клочки сена от небольшого стога. Когда Дитрик приблизился к ней, лошадь резко подняла голову, фыркнула и быстро отошла в сторону. Губы лошади обнажили длинные желтые зубы. Дитрик испугался и остановился.

Такс выглянул из снежного домика.

— О, что ты здесь делаешь, сын короля? — неуверенно спросил он.

Дитрик отвел глаза от лошадки.

— Я принес тебе империал. Могу я... Твоя лошадь кусается?

— Да.

Такс выбрался из снежного домика и протянул руку к лошадке. Та запряла ушами и быстро отскочила назад. Такс что-то сердито сказал ей. Тогда лошадь развернулась и обегала вокруг снежного дома. Такс пошел за ней, а потом остановился. Он оглянулся на Дитрика.

— Иногда она меня не слушается. Входи.

Дитрик вошел в снежный дом, предварительно посмотрев, где же сейчас лошадка. В ледяном доме не было крыши. Стены достигали уровня груди и были толщиной с полметра. Когда вслед за ним туда протиснулся Такс, то места уже не оставалось, и они почти касались друг друга. На Дитрика уставились три гунна. Щелочки глаз на их невыразительных лицах смотрели, как из прорезей на коже.

Дитрик почувствовал, что краснеет. Все, включая Такса, сидели, а он возвышался над ними.

— Садись, — сказал ему Такс.

Дитрик присел на корточки. Там не было места, чтобы протянуть ноги. Они продолжали смотреть на него. Дитрик откашлялся. Внутри хижины было удивительно тепло. Пахло гуннами и еще чем-то удивительно сладким. В следующий момент он узнал двух гуннов, сидевших перед ним, — один был человек с ножом и другой, который назвал себя главным там, в роице.

Они оба насмешливо смотрели на него. Один из них что-то сказал Таксу по-гуннски. Такс протянул руку и погладил рукав нового тулупчика Дитрика.

— У меня есть золото, — с надеждой сказал он. — Я дам тебе три империала, и ты можешь вернуть мне мой тулуп.

Человек слева от Дитрика что-то произнес. Дитрик посмотрел на него. Он его не узнал, но понимал, что там с ними был еще четвертый. Он решил, что это и есть четвертый. Когда он закончил говорить, Дитрик обратился к Таксу:

— Если я отдам тебе тулуп, то мой отец будет знать, что я получил его от тебя.

Лидер компании кивнул головой.

— Бряк только что сказал именно это. Такс, успокойся, ты достанешь себе другой тулуп.

У него было круглое, приятное лицо и хорошая улыбка.

— Я — Монидак. Ты знаешь Такса,— он кивнул в сторону,— а это — Бряк и Яя.

Бряк слева от Дитрика улыбнулся ему. Яя, тот самый, который наставил на него нож в роще, был хмурым человеком с широким плоским носом.

Монидак сказал:

— Мы все были там, когда напали на стадо твоего отца.

— О да, это было умно задумано,— осторожно заметил Дитрик.

— Все было очень глупо,— сказал Яя. Его глаза налились кровью так, что не было видно белков. У него был расплющенный нос, и он выглядел жестоким и грубым. На коленях у него был кувшин, и он отпивал из него.

— Все было так глупо, очень глупо.

Он передал кувшин Бряку.

— Возьми,— сказал Бряк, протягивая кувшин Дитрику. Он посмотрел на Такса и сказал что-то на языке гуннов, приподняв вверх редкие брови. Дитрик переводил взгляд с одного на другого. Он был поражен тем, как сильно они отличались друг от друга. Потом Дитрик взял в руки кувшин. Внутри плескалась какая-то жидкость. Сладкий аромат наполнил рот и ноздри. Он думал, что и на вкус она будет сладкой, но напиток был настолько горьким, что он подавился и выплюнул глоток рядом с Яя и Монидаком.

Яя фыркнул, а остальные засмеялись. Такс забрал у него кувшин, отпил из него и снова отдал ему.

— Маленькими глотками. Когда привыкнешь, тогда тебе станет легче пить, а пока — маленькие глотки.

Дитрик приложил губы к кувшину. Какое-то мгновение он не мог себя заставить отпить отвар. Даже воспоминание об этой горечи сжимало горло, а желудок начинали сводить спазмы. Но он сделал несколько глотков. Казалось, что они ждали этого, внимательно следили за ним и улыбались. Когда он опустил кувшин, они засмеялись, но это был дружеский смех.

Он прежде никогда не находился так близко от гуннов и не проводил с ними так много времени. Ему было приятно и удивительно, что они дружелюбно настроены к нему. Он постарался не отводить от них взгляда. У них были гладкие толстые веки от уголка глаза до другого конца, без всяких складочек. В голове начало пульсировать. Перед ним поплыли

глаза Монидяка. Они от смеха стали совсем щелочками. Пораженный Дитрик сделал глубокий вздох, и ему показалось, что в горле у него вместо воздуха плескалась вода.

— Что это? — спросил он, глядя на кувшин в руках. Ему самому показался глупым его вопрос. Они опять захохотали, и Бряк тихонько и дружелюбно подтолкнул его.

— Белый Брат, — ответил ему Такс. — Ты берешь стебли и листья, цветки и корневища и кипятишь все в воде. Тебе понравилось?

Он взял кувшин и еще отпил из него. Дитрик с ужасом увидел, как он пил большими глотками.

— Я что, пьян? — спросил их Дитрик. Он почувствовал, как у него потеплели руки и ноги. Он протянул руку вправо и коснулся стены снежного дома, и плотный снег согрел его пальцы.

— Он — пьян? — передразнил его Яя и фыркнул.

— Нет, — сказал ему Монидяк. — Выпей еще. Тебе нужно добавить.

— Нет, — засмеялся Дитрик. — Нет, я не могу, а то я умру. Бряк заметил:

— Оставьте его в покое. Он не привык к Белому Брату. Такс, посмотри, кто охраняет ворота.

Такс на четвереньках подполз к выходу и выглянул из снежного дома.

— Микка. А вот идет Трубач. Интересно, что ему нужно?

Он что-то крикнул на своем Трубачу.

Дитрик почувствовал себя более уверенно. Тепло в руках и ногах распространилось по всему телу. Он посмотрел на Монидяка.

Тот улыбнулся и сказал:

— Тебе он понравился, не так ли?

— У тебя было в волосах красное перо.

— Да, мне нравится красный цвет.

Монидяк протянул руку к Яя, который пил из кувшина, и тот отдал его другу, предварительно сделав еще глоток. Такс снова вполз в ледяную избушку.

— Подвиньтесь. Бряк, отодвинься.

Загораживая солнечный свет, в избушку влез еще кто-то и присел рядом с ними. Он был гунном, но имел светлые и чистые глаза. В ушах у него висели кружочки из золотой проволоки с небольшими драгоценными камнями, а на ремешке вокруг шеи висела плоская деревянная дудочка. Такс отодвинулся в сторону и практически уселся на Дитрика, а Трубач удобно уселся на освобожденное для него место. Монидяк предложил ему кувшин, но он сделал отрицательный жест рукой. Его светлые блестящие глаза уставились на Дитрика, и он, улыбаясь, что-то сказал на языке гуннов. Он был гораздо

худее остальных мужчин и более костляв, и улыбка у него была иная.

— Это Трубач,— сказал Такс Дитрику.— Он — великий шаман. Но он не знает германского языка. Извини. Ты можешь поговорить с ним. Он может тебе многое рассказать.

— О чем?

Но Такс повернулся к Трубачу и заговорил с ним. Они сидели так близко друг к другу, что колени их соприкасались с коленями других. Пока Такс говорил, он сильно жестикулировал. Дитрик поразился, когда по жестам понял, что тот рассказывает о нападении на стада его отца. Потом он понял, что на языке гуннов часто упоминалось искаженное имя его отца, поэтому ему показалось что-то знакомое. Глаза Трубача быстро перебегали с лица Такса на лицо Дитрика, и он не переставал улыбаться. Дитрик решил, что он выглядит голодным.

Бряк тихонько подсказал ему:

— Выпей еще Белого Брата. От него становишься мудрее.

Дитрик взял у него кувшин и поблагодарил. Бряк рассмеялся:

— Или ты вообще перестанешь беспокоиться о чем-либо.

Он отвернулся от него. Дитрик отхлебнул из кувшина. Теперь жидкость не казалась ему такой горькой: когда ее пьешь маленькими глотками, она становится почти приятной. У него снова начало пульсировать в голове. Потом все вокруг становилось то ярким, то темным. Яя сильнее осел на корточки, голова у него ушла между плечами, и глаза закрылись. Рот у него был открыт. На секунду Дитрику стало противно, и он испугался.

Он подумал о том, не станет ли он сам таким, если выпьет еще, и он понял, как он со стороны может показаться таким же неприятным своему отцу. Но Монидак и Бряк постоянно отпивали из кувшина — они хорошо держались. Ему стало интересно, о чем они говорили — их жесты были для него такими же странными, как и их язык. Голоса их звучали живо, и время от времени они начинали смеяться. С ним никто не разговаривал, ему стало скучно и потянуло в сон, и он зевнул.

— Дитрик,— услышал он голос отца.— Выходи!

Тело Дитрика дернулось. Он выглянул из-за плеча Трубача. Ардарик, нахмурившись, стоял у входа. Все гунны уставились на него, кроме Трубача, который сидел и тихо улыбался. Он один раз хлопнул в ладоши и положил руки на колени. Дитрик быстро натянул на себя тулуп и вылез наружу к отцу.

— Что ты там делаешь? — закричал Ардарик.— Я что-то чувствую... Ты что-нибудь ел? Или, может, пил?

— Нет,— ответил Дитрик. Теперь, когда он стоял вне из-

бушки, ему показалось, что он пил воду. Холодный воздух освежил его. Ардарик подозрительно смотрел на него. Дитрик сказал ему:

— Не кричи на меня. Почему ты злишься?

Ардарик пошел от ледяной избушки.

— Не твое дело. Пошли. Мы едем домой.

Он направлялся к дворцу, и Дитрик видел, что их там ждут лошади. Крыльцо было пустым, и толпа, ждавшая приговоров, уже разбрелась в разные стороны. Шесть осликов, нагруженных товарами, стояли у помещения для женщин, а продавцы расставляли деревянные столы, чтобы на них разложить товары.

— Что случилось? — спросил отца Дитрик.

— Каган сказал, что он ничего не может поделать, если я не смогу ему сказать, кто же убил нашего бычка. Ты их хорошо рассмотрел, и если ты увидишь их еще раз, то сможешь узнать?

— Да, — серьезно ответил ему Дитрик.

Ардарик что-то промычал. Между светлыми бровями пролегли две глубокие морщины. Он вырвал поводья их рук раба и повернулся к своей светлой лошади.

— Ну и что толку? В Хунгваре тысячи гуннов, и каждый день кто-то из них приезжает и уезжает.

Дитрик ничего ему не ответил. Он знал, что должен рассказать отцу всю правду. Но они украли только одного бычка. Он вспомнил, что не отдал Таксу золотой империей, и рукой потрогал его в кожаном мешочке, прикрепленном к поясу. Холодное золото было гладким под прикосновением пальцев. Он взял в руку поводья и сел на коня.

Ардарик смотрел на людей, которые готовили товары к торговле. Дитрик остановил лошадь рядом с отцом и ждал, что тот станет делать.

Такс и его друзья вылезали из ледяной избушки.

Дитрик видел, как они шли друг за другом к дворцу и переговаривались между собой, потом поднялись на крыльцо и вошли внутрь. Кто-то из них, ему показалось, что это был Яя, споткнулся о порожек.

— Тебе нужно поехать к ним в деревню. Может, там ты кого-нибудь узнаешь.

Дитрик удивленно посмотрел на отца:

— Ты все еще думаешь об этом? Почему это для тебя так важно?

Ардарик злобно потянул себя за ус:

— Я не позволю гуннам говорить, что они смогли меня ограбить и не получили за это по заслугам.

Он ударил коня и поехал к воротам. Дитрик следовал за ним. Они проехали мимо столов, на которых были разложе-

ны товары — стекло и персидский сахар. Женщины собрались там со своими слугами, чтобы покупать разные разности.

— Почему ты ходил к кагану? — спросил Такс. Он удобно расположился у огня в юрте Трубача и протянул руку к чаше, которая разогревалась на плоском камне среди углей.

Трубач ударил его по руке.

— Не смей, это не для тебя, и тебя не касаются мои визиты к кагану. Тебе также следует держаться подальше от сына короля Ардарика. Он был очень зол, когда обнаружил своего сына с вами.

Трубач что-то вылил из маленькой бутылочки в большую и запечатал пробкой из воска.

— Я не ходил к нему, это он пришел ко мне. И какое мне дело до того, что думает Ардарик? Он не мой король. Если я не могу это пить, то что мне попить? Я страдаю от жажды.

— Вон, возьми там.

На основном центральном столбе висел кожаный бурдюк. Такс подошел к нему, вытащил пробку и начал пить. Это была вода. Когда он напился, то огляделся. Ему нравились скамьи красного лака, покрытые шкурами, разными коврами и золотые и серебряные украшения, стоявшие на раскрашенных полках. У Трубача было две жены, но Такс их видел редко. Они всегда прятались, когда сюда приходили люди. Обычно они уходили в маленькую юрту, которая стояла позади большой. Даже для шамана он был удивительно богатым.

Он также принадлежал к тотему Такса, и Такс знал, что какое-то время шаман хотел взять его в ученики. Трубач начал смешивать обе жидкости в стеклянном сосуде. На нем не было куртки, и его острые локти и лопатки торчали, натягивая кожу.

— Ну вот,— сказал шаман и, заткнув сосуд стеклянной пробкой, поставил его среди других сосудов на маленькую деревянную скамейку у стены.

— Я бы держался подальше от сына Ардарика, потому что кроме вреда он ничего больше не может принести хунну.

— Он знает, что мы украли бычка у его отца, но он ничего не сказал об этом, и я не думаю...

Трубач повернулся к нему не вставая.

— Нам сложно общаться с ними, так же, как и им с нами. Даже если они желают нам добра, они приносят нам горе. Я не знаю, действует ли это в обоих направлениях. Надеюсь, что да. Почему ты хотел поговорить со мной?

— Ну,— сказал Такс, с трудом отвлекаясь от своих мыс-

лей.— Это касается Ардарика. Я говорил тебе, что каган приказал мне рассказать ему все, что я помню об Италии.

Трубач кивнул головой.

— Я с ним уже разговаривал, и он слушал меня и задавал много вопросов. Потом мы поговорили о Риме. Присутствовал и его сын, это было до нашего нападения на их стадо. И Дитрик сказал...

Он махнул рукой.

— Нет, мне нужно подумать, как мне выразить его слова.

Трубач улыбался ему. Он сторбился, как будто его не держала спина — руки и ноги торчали в разных направлениях и спина была изогнута, как у журавля. Открылась дверь юрты, и вошла одна из его жен. Она принесла в горшке мясо и тихо прошла за разрисованный занавес позади юрты.

Такс сказал:

— То, как Ардарик и Дитрик говорили о Риме, меня удивило, почему они хотят напасть на него? Они говорили о нем, как будто они любят его.

— Ага,— Трубач кивнул. Он переплел длинные пальцы и положил на них подбородок.

— Продолжай.

— Все.

— Почему тебя это волнует?

Такс удивился:

— Но... как они могут быть людьми кагана и любить Рим? Рим — это враг кагана.

Трубач пожал плечами.

— Разные намерения могут в конце концов служить одной цели.

— Они так сильно любят Рим, что хотят его для себя. Не волнуйся. Каган знает обо всем, сам разберется с этим.

— Это все неправильно,— упрямо повторил Такс.

— Может быть. Давай поговорим о других вещах.

Его голос насторожил Такса, и он спросил:

— О чем?

— Некоторые люди говорили твоему брату Разу о тебе, Яя, Бряке и Монидяке.

— Они нас ненавидят. Они не помогают нам, ты разве станешь нас обвинять в том...

— Не прерывай меня. Я все понимаю. Я сказал Разу, что ничего не изменится, пока нет никого, кто бы мог позаботиться о тебе, и что жена Яя не может этого сделать. Она не переживет эту зиму. Раз со мной согласен, но он не желает попадать в беду из-за тебя. Он все время говорит, что тебе нужно жениться.

— Я не хочу жениться.

— Если бы ты женился, то у тебя было бы то же, что и в

юрте Яя. Я не вижу из этого выхода. Но я обещал Разу, что сделаю все, что смогу. Я тебе говорю, чтобы ты больше не воровал, или дрался, или шутил над нашими людьми или готами — каган злится на тебя из-за нападения на стадо Ардарики. К счастью для тебя и твоих людей, его это забавляет.

Такс наклонил голову.

— Если мы не станем воровать, то как мы...

— Ты можешь добывать себе пищу и сам готовить ее, и чинить свою одежду, и убирать в своей юрте. Или можешь вернуться к брату и жить вместе с ним и его женами, но там тебе придется плохо. Я ничего тебе не предлагаю. Я только перечисляю тебе разные варианты. Ты меня понял?

— Трубач, ты же не?..

— Я все прекрасно понимаю.

— Но как мы можем доставать пищу и сами готовить? Мы не...

— Ты можешь научиться, как это делать. Каждый день один из вас станет приходить сюда, в мою юрту, и получать мясо и зерно на день для пятерых и учиться, как нужно готовить. И убирать в юрте. Вам следует почистить в конюшне — все люди, живущие вокруг вас, жалуются на вонь. И держать лошадей в конюшне. Особенно твою лошадку.

— Она не станет жить в загоне.

— Научи ее оставаться там.

— Но...

— Лошадь небольшая и заходит в юрты других людей. И кусает детей.

— Они ее дразнят.

— Ты предпочитаешь, чтобы она шаталась где угодно и чтобы кто-то ее убил?

— Нет.

— И еще одно, если ты желаешь нарушать табу по поводу того, чтобы не мыться в стоячей воде и вообще не мыться, пусть никто больше не знает об этом.

Такс что-то пробормотал, глядя себе на руки. Но он не мог смотреть в глаза Трубачу, ему было очень стыдно.

— Не волнуйся,— сказал ему шаман более добрым голосом.— Я постараюсь сделать так, чтобы к тебе больше никто не приставал и чтобы у тебя было достаточно пищи, чтобы ты не страдал от холода и голода. Будет лучше, если вы научитесь заботиться о себе, но ради безопасности соседей кому-то придется присматривать за вами.

— Да,— сказал Такс, не поднимая на него глаза.

— Когда Юммейк станет лучше, скажи ей, чтобы она зашла ко мне.

— Зачем?

— Не задавай мне вопросов.

— Ты не можешь ей помочь?

Трубач фыркнул, и его широкий рот с тонкими губами скривился.

— Я пытался это сделать и попытаюсь еще раз. А сейчас уходи. Мне нужно кое о чем подумать.

Такс поднялся. Трубач все еще смотрел вдаль. Его лицо не оправилось от гримасы, и его костлявые пальцы были сплетены вместе. Такс понимал, что тот размышлял о Юммейк. Он взял свою одежду и вышел в яркий зимний ветреный день.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На базаре красные с желтым навесы трепетали над прилавками богатых купцов. Бедные продавцы сидели на земле, и их товары лежали перед ними на циновках, сплетенных из соломы. Въехав через ворота, Дитрик с любопытством посмотрел на двойной ряд прилавков. Такса тут не было, и Ардарик станет на него злиться за опоздание. Он повернулся, чтобы посмотреть на снежное укрепление. Там никого не было, и одна стена осела. Дитрик слез с коня и посмотрел на ворота, надеясь там застать Такса. Он не знал ни одного из двух караульных гуннов, сидевших на платформе у лебедки для приведения в движение ворот. Он не знал, куда ему еще заглянуть, чтобы разыскать Такса. Он может сейчас находиться в деревне гуннов. Или он может дежурить во дворце. Дитрик был внутри дворца один раз в жизни. Он оставил коня и медленно пошел к крыльцу.

Прислонив копье к стене, дежурный гунн сидел на корточках у дверей и кончиком маленького ножа что-то вырезал из полоски кожи. Когда Дитрик приблизился к нему, он посмотрел на него, но выражение его лица не изменилось. Дитрик его не узнал. Гунн повернулся, открыл дверь и что-то прокричал по-гуннски в прихожую. Не глядя на Дитрика, он снова занялся своим делом.

Дверь открылась пошире, и оттуда вышел Яя.

— Что хочешь? — спросил он холодным голосом.

— Мой отец король Ардарик прислал меня, чтобы я привез с собой Такса. Они должны поговорить.

Дитрик разозлился, что Яя так плохо говорит по-германски. Все гунны знали германский язык.

Яя широко открыл глаза.

— Куда везти... туда?

Он кивнул в направлении деревни гепидов.

— Каган приказал...

— Такс не едет.

— Каган сказал, что он должен выполнять приказы моего отца.

Яя какое-то время смотрел на него, потом хлопнул в ладоши и что-то сказал караульному. Тот отложил в сторону свою работу и ответил ему. Яя подошел ближе к Дитрику.

— Такс там.— Он показал на другую сторону дворца.— Там, позади. Он не идет. Ты слушать.

Он развернулся и пошел в прихожую. Дверь за ним хлопнулась.

Дитрик пошел со своим конем за угол. Дворец кагана занимал столько же места, сколько и весь огороженный двор его отца. Вокруг дворца можно было ездить на коне. Повернув за угол, он вошел во двор, где росли три дуба. Несколько ребятшек играли в мяч, но Такса там не было видно. Держась ближе к дворцу и стараясь не проходить близко от детей, он дошел до конца этой стены и еще раз повернул за угол.

Там между стеной дворца и ограждением располагалась небольшая кузница. Дитрик слышал потрескивание мехов, и над пламенем тонкой струйкой поднимался дым. Вокруг кузницы стояли люди, и среди них был Такс. Дитрик поспешил вперед, таща за собой коня.

— Такс!

Такс повернулся и помахал ему рукой. Дитрик в ответ отдал ему салют. Он оставил лошадь и пошел к людям, улыбаясь Таксу.

— Мой отец сказал...

Внезапно он понял, что находится в присутствии кагана. У него перехватило горло. Он посмотрел в узкие глаза кагана, но не смог ни о чем подумать. Каган был такого же роста, как и Дитрик, но очень плотный и широкий, как дуб. Дитрик оторвал от него взгляд и уставился на землю.

— Продолжай,— на германском сказал ему каган.

Дитрик осторожно посмотрел и увидел, что они все смотрят на что-то. Он подошел ближе.

Рядом с каганом и Таксом было еще четверо людей — молодой юноша, стоявший рядом с каганом, германец и двое гуннов. Дитрик не сводил с кагана взгляда. Он обнял плечи юноши, и тот ласково прислонился щекой к груди кагана. Это, видимо, был один из его принцев. Щеки мальчика были гладкими, без ритуальных шрамов. Может, к сыновьям кагана не относились так жестоко с самого рождения. Он тайком глянул на кагана и увидел на его щеках глубокие сморщенные старые шрамы. Потом Дитрик снова посмотрел в узкие черные глазки кагана.

— Такс,— сказал каган,— это сын Ардарика, не так ли?

— Да, Аттила,— подтвердил Такс.

— Ты мало похож на своего отца,— заметил каган. Он перевел взгляд на гунна у очага.

— Почему ты до сих пор не готов?

Гунн что-то ему ответил. Дитрик вытянул шею, чтобы лучше все рассмотреть. Одной рукой гунн раздувал меха. И угли горели ярко, как зимние ягоды рябины. Другой рукой он переворачивал лезвие меча, держа его в пламени. Дитрик подумал, если он перегреет лезвие, оно просто лопнет. Он был рад, что знает это. Ему так хотелось сказать это вслух. Гунн вытащил меч из пламени и плюнул на лезвие. Комок слюны с треском исчез, и гунн поднял глаза на кагана.

— Хрольд, ты видишь?

Германец кивнул, не изменив выражения лица. Каган зло посмотрел на него, и он дернулся.

— Я смотрю, мой каган.

Он поклонился.

— Хорошо.

Каган положил руку на плечо другого гунна. Тот молча стоял между каганом и Таксом.

Мужчина шагнул ближе к кузнице, и Дитрик понял, что того ждет наказание. Этот молчаливый гунн что-то украл у германца Хрольда. У Дитрика желудок сжал спазм. Он быстро посмотрел на маленького принца. Тот прижался щекой к одежде кагана, зажав в руке полу отцовской одежды. Дитрик снова посмотрел на огонь.

Обвиняемый человек положил правую руку на дубовый стол, стоявший перед ним. Взяв меч обеими руками, кузнец отсек ему руку. Ему пришлось ударять несколько раз. После каждого удара кузнец прикладывал раскаленное лезвие к ране. Дитрик закашлялся — запах был ужасный!

Кузнец нанес сильный удар, и рука упала в грязь под ноги кагану. Пока кузнец очищал меч, виновный стоял у стола. Голова у него была опущена, и обугленная культя его руки оставалась на деревянном столе. Дитрик перекрестился. Гунн выпрямился и повернулся к кагану. Лицо у него посерело, и ресницы трепетали, как будто он был готов упасть в обморок. Он неловко преклонил колена в грязи и наклонил голову, прижав щеку к меховому сапогу кагана. Потом медленно поднялся на ноги и пошел прочь, постоянно спотыкаясь.

Каган что-то резко сказал по-гуннски своему сыну, указав ему вниз. Мальчик наклонился, поднял руку и побежал за наказанным гунном. Дитрик повернул голову, чтобы все видеть. Мальчик позвал его, и человек остановился и повернулся к нему. Мальчик подбежал к нему и отдал руку, и когда человек снова двинулся, он пошел вместе с ним. Дитрик перевел дух и увидел, что каган смотрит на него.

— Ты искал Такса?

— Мой отец хочет поговорить с ним, мой каган.

— Иди!

Он жестом послал Такса с Дитриком.

Такс сказал:

— В ваш лагерь? Но, я... Аттила, должен ли я ехать в их лагерь?

Каган повернулся.

— Да, если он так желает. О, я понимаю...

Он развернулся своим массивным торсом к Дитрику:

— Поезжайте на перекресток перед вашим лагерем, и пусть твой отец встретит его там. Хрольд, ты можешь идти.

Мальчик возвращался к ним, и каган его ждал и улыбался. Когда мальчик подошел к нему, он протянул руку и погладил гладкие щеки мальчика.

— Ты сделаешь так, как он сказал? — спросил Такс, подходя к Дитрику.

— Что?

Такс посмотрел в том направлении, откуда приехал Дитрик. Тот пошел за конем, глядя на солнце над стеной частокола. Он достал империял из кожаного мешочка, потер монету между указательным и большим пальцами и отдал монету Таксу, когда тот приблизился к нему.

— Я забыл отдать тебе ее в тот день.

— Спасибо, — ответил пораженный Такс. — Спасибо.

Он спрятал монету в карман куртки из свалявшегося серого меха.

— Ты сможешь привезти Ардарика, чтобы мне не нужно было ехать в ваш лагерь?

Дитрик обиженно ответил:

— Ты считаешь, что это западня, не так ли? Ты думаешь, что я все рассказал отцу и он хочет, чтобы ты приехал в нашу деревню, чтобы он мог захватить тебя?!

— Ну...

Они повернули за угол дворца, и Такс посмотрел на него:

— Ты знаешь, что случится, если германец поймает хунну, который что-то у него украл. Хрольд сам поймал этого гунна, и кагану пришлось наказать его в соответствии с законом. Если бы ты был на моем месте, о чем бы ты подумал?

— Если бы я все рассказал отцу, он бы захотел поймать всех остальных, не только тебя. Ты же знаешь, что мне известны их имена.

Такс огляделся, потом приложил к губам два пальца и свистнул.

— Если ты говоришь, что там нет западни, я тебе верю. Но почему ты ничего не сказал ему?

Он сел на ступеньки крыльца и подтянул собранный мягкий верх сапог до колен.

— Но я верю тому, что ты мне сказал.

Яя вышел из входной двери дворца и пошел к Таксу. Он громко топал по деревянному полу. Такс посмотрел на него. Яя что-то ему сказал, но Такс ответил ему одним словом. Яя спрыгнул с крыльца, повернул за угол и пошел к кагану.

— Сколько времени ты охраняешь кагана? — спросил Такса Дитрик.

Такс наклонил голову набок.

— Один из моих братьев был караульным, потом он умер, и я занял его место.

Он посмотрел на черного мерина Дитрика и обошел его вокруг.

— Это твоя лошадь?

— Да, — ответил Дитрик, — что ты о ней думаешь?

Такс пригнулся и провел рукой по передней ноге коня. Его лошадка бежала к ним, держа голову очень высоко, чтобы не наступить на волочащиеся поводья. Такс выпрямился, осторожно подошел к лошадке и взобрался на нее. Дитрик тоже сел на лошадку.

— Так что ты думаешь о моей лошади? — повторил он.

Такс ответил:

— Ты не должен ездить на ней по снегу.

Голос у него был укоризненным.

— Конь может охрометь, но он может и выздороветь. У всех больших лошадей страдают малые берцовые кости. Не могу понять, почему германские лошади такие крупные.

Дитрик заметил.

— Но все гунны стараются ездить на больших лошадях германцев. Разве не так?

— Поэтому у богатых хунну больше хромых лошадей, чем у бедных хунну.

Такс снова посмотрел на коня Дитрика.

— И еще, у богатых хунну больше лошадей. Ты мне заплатил золотой, хотя мог и не делать этого. Я окажу тебе услугу — мы можем поменяться лошадьми, если хочешь.

— Поменяться конями?!

Дитрик облизал губы. Он начал думать, как ему вывернуться из подобного положения, не обидев Такса. Они выехали из ворот и миновали старый дуб. Снег занес все вокруг. Он отливал синим в тени, и на нем были бесчисленные следы птичьих лап.

Они проехали вниз по холму по направлению к броду. Внизу у болота, где ивы не давали снегу покрыться коркой, дети строили снежные крепости для снежных боев.

Дитрик, волнуясь, посмотрел на Такса.

— Тебе не стоит меняться своей чудесной лошадкой с моим старым меринком. Я не могу принять это.

Такс глянул на него и захохотал, и тогда Дитрик понял, что он его дразнил. У него загорелись уши, но он заставил себя улыбнуться. Такс попридержал лошадку и протянул руку вперед ладонью вверх.

— Я — бедный хунну с четырьмя конями. Два из них хромают, и они оба полукровки. Это вы, германцы, сделали меня нищим. Ты мне должен отдать своего коня. Если ты хорошо ко мне относишься, то я не стану заставлять тебя, чтобы ты взял у меня лошадку.

Дитрик сказал, не изменяя выражения лица.

— Если все кони германцев становятся хромыми, то я смогу тебе помочь тем, что не стану тебе отдавать бесполезное животное, чтобы тебе пришлось его кормить.

Такс разулыбался от уха до уха.

— Я тебе сказал, что у богатых хунну может быть много хромых лошадей. Мне нужно много хромых лошадей, чтобы я стал богатым.

Он начал хохотать, даже не закончив говорить. Дитрик присоединился к нему. Такс легко стукнул его по руке.

— Это был сын кагана? — спросил его Дитрик. — Тот мальчик, что стоял с ним рядом?

— Это был Эрнач, брат Эллака, наследника кагана.

— Он — очень красивый и совсем не похож на кагана.

Такс откинул голову назад и захохотал. Дитрик вдруг почувствовал, будто они были друзьями с Таксом очень давно. Он обратил внимание на глубокие шрамы на щеках Такса.

— У Эрнача нет...

Он засмутился и решил, что не стоит задавать этот вопрос. Но Такс ждал.

— Шрамы... Я думал, что у всех гуннов есть шрамы на щеках.

— Кто? Эрнач? — Такс смотрел на Дитрика, склонив голову набок. — Он еще не мужчина, а ребенок. Тебе режут лицо только тогда, когда ты становишься мужчиной. Это очень длинная церемония. Она продолжается три дня, и каждый день шаман наносит тебе рану. Когда ты становишься мужчиной, ты должен уметь переносить боль, не давая сдачи. Вот так.

Он поднес руку к щеке.

— Они дают тебе Белого Брата, чтобы ты не сильно все ощущал. Я кричал очень громко. Старикам это нравится. Им нравится, когда шаман делает все хорошо и тщательно. И тогда все дарят тебе подарки.

— О!

Дитрик подумал, как можно жить рядом друг с другом и не понимать ничего. Они подъехали к броду. Снег там был сметен, и на льду лежали доски и камни. Он сказал Таксу:

— Я привезу отца на перекресток у нашего холма.
— Хорошо. Он может взять с собой солдат, но я их увижу заранее, и они не поймают меня,— кивнул головой Такс.
— Я знаю, что он не приведет с собой солдат.
— Может, когда-нибудь я поеду в ваш лагерь. Я никогда там не был.

Дитрик посмотрел на него.

— Я всегда хотел посмотреть вашу деревню. Если ты приедешь в наш лагерь, могу я потом приехать к вам?

Такс радостно кивнул головой.

— Да. Хорошо. Мы можем быть... товарищами.

Он сказал это слово неуверенно и посмотрел на Дитрика.

— Если у тебя будут неприятности в моем лагере, я смогу прийти тебе на помощь, а ты мне поможешь в своем лагере.

— Хорошо,— согласился Дитрик.

Они уже почти доехали до перекрестка. Над ними на застывшем холме возвышалось ограждение Ардарика, как уменьшенная копия дворца кагана. Навстречу им ехали два гепида. Они с подозрением оглядели Такса, и хотя один ответил на приветствие Дитрика, другой не обратил на него никакого внимания.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вдоль северной и западной стен частокола кагана располагалась в беспорядке деревня гуннов. Дитрик вел свою лошадь за лошадкой Такса по берегу реки, который ограничивал южный конец лагеря. С высоты он разглядывал круглые юрты и кучи отбросов, ряды стоек, на которых сохло мясо, детей, собак, непривязанных лошадей и взрослых людей, занимавшихся работой или отдыхавших. Он подумал, как они могут ориентироваться во всем этом.

Такс приказал лошадке спускаться вниз. Дитрик следовал за ними, стараясь держаться поближе к Таксу, хотя он чувствовал себя довольно странно, потому что был намного выше Такса.

Когда они приблизились к деревне, показалось, что в нее невозможно проникнуть, как в плотные заросли терновника, без путей и дорожек. Сильная вонь вымачиваемых шкур и лошадиного помета смешивались с запахами готовящейся пищи. Котлы висели над каждым костром, мимо которого они проходили. Дитрик отпустил поводья — его конь сам следует за лошадкой Такса, а ему хотелось оглядеться. Между домиками были загоны для лошадей, сделанные из ивовых прутьев. В большинстве из них находилось две или три лошади. Сами юрты были похожи на чаши, поставленные вверх

дном. На деревянных дверях и даже на кожаном покрытии, везде были нарисованы символы гуннов.

В его деревне мужчины уходили с рассветом на работу, здесь же они стояли, сидели или даже лежали на земле перед домами и ничего не делали. Они все смотрели на него. Он ощущал их любопытные пристальные взгляды. Он смотрел на них, и они не отводили глаз, как это делали германцы. Дитрик подумал, что было бы, если бы он не был с Таксом. Он чувствовал себя, как в огне и во льду одновременно.

Такс заговорил с кем-то проходившим мимо, и ему ответили. Они проехали через всю деревню. Собаки лаяли и рычали на них и даже бросались на ноги лошадей. Некоторые из женщин, которых он видел, — это были старухи — делали хлеб. Они придавали форму хлебным буханкам, размером не больше руки. Ребенок, завернутый в одеяло и перевязанный веревкой, висел на шесте перед домом. Его темные глаза спокойно смотрели на Дитрика, так же, как и глаза других детей и взрослых. Где-то звучала странная музыка без ясно выраженной мелодии, исполняемая на инструменте, который был неизвестен Дитрику. Это были резкие гнусавые и свистящие звуки.

— Эй! — крикнул Такс. Дитрик оглянулся и напрягся. Его конь соскользнул вниз по насыпи в нижнюю деревню. Здесь дома стояли дальше друг от друга. Ребятишки висели вниз головой на ветках невысокого деревца. Мальчишка выкрикнул название германца по-гуннски и насмешливо захохотал. Такс приветствовал мужчину, сидевшего у юрты. Тот поднял руку в приветствии, но ничего не ответил. Перед огнем на земле лежала куча медвежьих шкур. На них лежал старый человек. Дитрик не мог разобрать, кто это был — мужчина или женщина. Фигура у этого создания была настолько согнута, что нос почти касался колен. Руки беспорядочно двигались на коленях, но черные глаза не моргая следовали за Дитриком.

Такс протянул руку, чтобы остановить Дитрика.

— Смотри, ты здесь можешь заблудиться, если не станешь запоминать, куда идешь. Входи внутрь.

Такс привел его к лачуге. Ее дверь была разукрашена красным и желтым рисунком. Дитрик слез с коня и посмотрел, куда бы ему повесить поводья, ничего не нашел и потому просто кинул их наземь. Такс вошел в дверь, Дитрик наклонил голову, согнулся и последовал за ним.

Они вползли в темноту и тепло. Внутри можно было еле-еле видеть при свете маленького красного светильника. Дитрик почувствовал, что там находится еще примерно человек шесть. Хотя никто не двигался и не говорил ни слова. Что-то прошло между ним и красным светильником, и он испугал-

ся, но это был Такс, который нагнулся над светильником. Красное пламя касалось его лба, щек и носа. Он увеличил свет и вернулся к Дитрику.

— Садись.

Такс потащил его назад, и протянутые руки Дитрика коснулись густого и длинного меха. Он сел, пытаясь присмотреться к полумраку.

— Ты их знаешь,— сказал Такс, указывая рукой на людей.— Это — Монидяк, Яя и Бряк.

Из-за светильника послышалось бормотание. Он был здесь лишний. Дитрику стало неприятно. Он полагал, что будет забавным, если придет сюда, и Такс был тоже рад этому. Потом он вспомнил рассказы о том, что случалось с незнакомыми людьми, которые оказывались среди гуннов.

Из темноты справа от него появился кувшин, освещенный красным светом, и низкий голос сказал:

— Эй, здесь есть выпивка. Такс, где ты был?

Когда Дитрик взял кувшин и поднес его к губам, он вдруг понял, что это говорила женщина. Такс перегнулся через него, чтобы ответить ей.

— Я был в лагере гепидов, чтобы снова поговорить с королем Ардариком. О, все было так интересно. Раза два я даже подумал, что уже не вернусь сюда. Дитрик, ты что, собираешься забрать кувшин к себе домой?

— О, прости.

Дитрик отдал ему кувшин. Он сделал всего один глоток, помня о горьком вкусе, но поразительно, на этот раз было весьма приятно. По телу разлилось тепло, и казалось, что красный огонек стал ласково подмигивать ему.

— Ты мне должен был сказать заранее,— сказала девушка.— Это была твоя очередь идти к Трубачу, а вместо этого мне пришлось идти к нему. Он меня пугает и задает слишком много вопросов. Что случилось в лагере гепидов? Ты не ходил туда один, так?

— Меня отвел туда Дитрик. Они просто смотрели на меня. Я могу сказать, что они ненавидели меня и там много больших собак. Дитрик, это — Юммейк, жена Яя.

— Привет,— сказал Дитрик.

— Там сильно все отличается от нашей деревни? — спросила Юммейк. Она не смотрела на Дитрика. Он подумал, что не нравится ей, и отполз от нее подальше.

— О, все сильно отличается. Я бы не смог один выбраться оттуда, и все дома похожи друг на друга.

Дитрик поразился.

— Но как ты находишь дорогу здесь, хижины стоят без всякого плана и нет никаких тропинок.

Юммейк засмеялась, и Такс сказал ему:

— Но здесь легко найти дорогу, только посмотри на рисунки на дверях.

— Это очень легко, если ты знаешь, что они обозначают,— сказала Юммейк.

Что-то теплое и мягкое коснулось руки Дитрика. В темноте от этого легкого прикосновения он чуть не вскрикнул. Это была Юммейк.

— Такс не думает о таких вещах. Тебе здесь страшно?

— Не здесь, снаружи.

— Ну, не бойся. Никто не причинит тебе зла. Слишком много потом будет волнений. Почему ты пришел сюда?

— Мне всегда хотелось посмотреть вашу деревню.

Она снова засмеялась и опять коснулась руки, но потом в темноте она отползла от него, и Дитрик услышал, как она разговаривала с Яя. Ему стало интересно, как она выглядит. Голос у нее был тише и глубже, чем у остальных женщин. Ему хотелось, чтобы она снова коснулась его и заговорила с ним. Но она продолжала разговаривать с Яя, чей грубый пьяный голос заглушал ее слова. Он вдруг разозлился, и ему стало жарко.

— Возьми,— сказал ему Такс и подал кувшин с Белым Братом.— Хорошо относитесь к нему. Ты хочешь есть? Ты голоден?

— Нет, спасибо.

— Твой отец дал мне еды. Вот, возьми.

Дитрик начал снова отказываться, но потом вспомнил, что отец говорил ему по поводу обычаев гуннов. Он подумал, обидится ли Такс, если он начнет снова отказываться. Он положил ломоть хлеба на ладонь. Хлеб был теплый, и на нем лежало мясо.

Он засунул хлеб и мясо в рот, и почувствовал на языке кровь. Мясо было почти несваренное. Они ели его полусырым. У него подкатило к горлу, но он протолкнул еду дальше в желудок, кто-то подал ему вина, и он выпил его все, чтобы заглушить вкус крови во рту.

Монидяк и Такс разговаривали по-гуннски. Дитрик услышал, как Такс произнес его имя, и еще ему показалось, что он слышал название Сирмиум. Он старался что-то понять. Справа от него засмеялась Юммейк. Ее смех был таким же красивым и низким, как и ее голос, и у Дитрика по коже пробежали мурашки. Слева Такс снова произнес его имя.

— Вы говорите обо мне?

Такс откинулся назад на локтях, ногами к красному святильнику. Темные блики лежали у него на лице, как краска.

— Каган посылает Яя и меня и еще некоторых других людей в Сирмиум, чтобы встретить там Эдеко. Эдеко — это наш начальник караула. Он был в Новом Риме и вел переговоры с

императором. Мы должны привезти Эдеко домой. С ним едут и римляне. Я подумал, может, ты хочешь поехать с нами.

Сердце Дитрика подпрыгнуло.

— В Сирмиум? Но... могу ли я туда поехать? Разрешит ли мне это каган?

Он представил себе узкие глазки кагана, жестокие, как у орла.

— Конечно, почему бы и нет? А твой отец позволит тебе туда поехать?

— Я...

Нет, он ему это не позволит. У него сильно сжалось в груди.

— Я спрошу его.

Но Ардарик скажет ему «нет». Он мечтал о том, чтобы поехать с ними. Казалось, что он умрет, если не увидит Сирмиум.

— Если он не позволит, все равно поезжай,— сказал Монидяк,— или вообще не спрашивай его. Я так делал, когда был молодым, и когда я возвращался, мой отец думал, что это была забавная шутка.

Такс стукнул Монидяка по груди.

— Твой отец был Тсса, а его отец — Ардарик.

Справа от Дитрика раздался тихий и низкий голос Юммейк.

— Ты — гепид? Какие у вас тотемы?

— Я... Мы... У гепидов теперь нет тотемов. Мы стали христианами.

— Нет тотемов,— поразились девушка, как будто он ей сказал, что у них нет глаз.

Ему придется просить разрешения у Ардарика, чтобы поехать в Сирмиум. Иначе не может быть. Сирмиум был римским городом, когда-то он был даже столицей империи. Такс сказал, что там будут римляне. Ардарик должен понять, что это для него будет делом чести. Ардарик позволит ему поехать. Каган...

Кувшин с Белым Братом снова оказался у него в руках, и он отпил из него. В темно-красном свете перед глазами заплескали разные огни, какие-то круги красные с синим. В ушах снова и снова звучало название Сирмиум. Такс и Монидяк разговаривали и смеялись. И Яя разговаривал с Юммейк своим грубым неприятным голосом. Как она его терпит? Звук ее мягкого смеха и низкий голос наполнили его желанием. Потом он вспомнил о Сирмиуме, и желание стало сильнее. Он откинулся назад на меха, поглаживая мягкий ворс. Смех Юммейк ласкал его, как нежный мех. В Сирмиуме он обязательно найдет себе... что-нибудь... Сладкий запах Белого Брата донесся до него, и у него потекли слюнки. Он

все допил из кувшина. Но почти сразу появился другой полный кувшин. Он закрыл глаза. У него кружилась голова, и он был полон желаний.

— Дитрик,— сказал Такс.

— А?

— Я повезу тебя из деревни. Ты можешь заблудиться в темноте.

— Темноте?

Он сел и подумал, неужели он заснул?

— Уже темно?

Он непонимающе огляделся, но в помещении было всегда темно.

— Да, пошли.

Ардарик будет злиться. Дитрик поднялся. От него пахло мясом и пищей гуннов, и Юммейк ушла. Спотыкаясь на тряпках, разбросанных по полу, он вышел на улицу вслед за Таксом.

Закат еще окрашивал небо на западе, но на востоке и у него над головой блестели на небе звезды. Конь Дитрика стоял перед юртой с брошенными на снег поводьями. Вокруг гунны собирали вещи, чтобы отойти на покой в хижинах. Яя прошел мимо них, ведя двух кобыл. За одной из них бежал маленький жеребенок. Дитрик разобрал поводья.

— Я спрошу отца, могу ли я поехать в Сирмиум. Спасибо тебе.

Такс кивнул головой:

— Мы хорошо проведем время, если ты поедешь с нами. Скажи ему, что каган разрешил тебе ехать.

Дитрик взобрался на коня, и Такс пошел к своей лошадке. В темноте начинался ветер. Он слышал, как вокруг люди собирались ложиться спать.

— Подожди,— сказала Юммейк и вышла наружу.— Вот, возьми с собой, а то ты проголодаешься по дороге.

Она протянула ему кусок хлеба. Теперь он наконец смог разглядеть ее. Она была такой же уродливой, как и остальные гунны, с плоским лицом, веками без складок и прищипнутым носом. Он что-то пробормотал, взял хлеб и повернул коня. Он не мог посмотреть ей в глаза.

Когда Ардарик въехал за частокол ко дворцу кагана, он сразу увидел его вместе с Константиусом и несколькими караульными. Они стояли у прилавка маленького базара. Несмотря на холод и сильный ветер, Аттила был без верхней одежды. Полдюжины его женщин делали покупки. С каждой была ее прислуга. Но они находились в отдалении от кагана и его слуг. Женщины постоянно оглядывались на него и пе-

реговаривались шепотом. Каган на них не обращал никакого внимания.

Ардарик оставил коня рабу и подошел к кагану. Он перебирал драгоценные камни и разговаривал с Константиусом о погоде.

Среди караульных находился Такс. У него в руках был мех. Он увидел Ардарика и отошел в сторону, чтобы освободить ему место рядом с каганом. Солнце осветило золотую застежку на черном меху. Аттила поднял голову и улыбнулся.

— Хорошо, что ты пришел, я рад. Посмотри на эти камни. Константиусу нравятся красные. А ты что думаешь?

— Мой каган,— сказал Ардарик. Кусок ткани от навеса хлопал почти у него над ухом, он отодвинулся и внезапно разозлился.— Ты можешь все посмотреть у себя дома. Почему ты вышел на холод?

— Мне нравится холод. Каждую зиму я сижу в помещении и становлюсь все толще. Какой камень тебе нравится?

После его слов с треском открылась дверь в помещении для жен. Все повернулись и посмотрели туда. Крека, любимая жена кагана, собиралась выйти во двор. Двое рабов держали над ее головой зонтик с оборочками и бахромой, а пять служанок шли за ней. Увидев кагана, Крека сделала вид, что очень смутилась, и притворилась, что собирается вернуться на женскую половину. Каган поднял руку, чтобы она осталась, и послал одного из караульных сказать ей это.

Крека была из рода гуннов. Она была небольшого роста, толстая, и ей было не так уж мало лет. Она была матерью Эллага и Эрначи. На ней была одежда алого цвета, которая немного оживляла ее желтовато-бледную кожу. Когда караульный передал ей позволение кагана, она подняла руку в шутиливом салюте и поковыляла на базар в другую сторону от кагана.

Ардарик недовольно посмотрел на нее. Он уже перестал удивляться грубости и внешности женщин гуннов. В них не было ничего женского, с точки зрения гепида. Он слышал, что они передавали друг другу грязные сплетни и радовались, услышав рассказы об измене и других грязных преступлениях. Каган смотрел на него. Ардарик послушно взглянул на серебряный поднос, который торговец из Медиша держал перед ним.

— Зачем они тебе, мой каган?

— Мне они просто нравятся.

Ардарик потрогал камни. Их твердая гладкая поверхность касалась его пальцев. Под навесом они не отражали свет и казались блеклыми. Купец стоял по другую сторону прилавка и улыбался всем своим длинным коричневым лицом. Ардарик почувствовал, как он считает деньги, полученные от кагана, как будто уже держал их в руках.

— Ардарик, я нашел людей, ограбивших твоё стадо,— сказал каган.

— Вот как!

Ардарик выпрямился.

— Я их накажу и заплачу тебе за корову. Я их отошлю туда, где они научатся вести себя честно. Чтобы удовлетворить твою гордость и самолюбие твоего сына, я могу тебе сказать, что эти люди будут страдать сильнее, чем пострадал ты. Это должно успокоить тебя.

Ардарик посмотрел на камни. Он бы сам хотел наказать воров, но боялся настаивать, потому что мог обидеть кагана, и улыбнулся.

— Мой каган, мне очень нравятся изумруды.

— У тебя прекрасный вкус. Мне они тоже нравятся.

Каган слегка оттолкнул серебряный поднос с камнями и пошел прочь. За ним двинулось его окружение. Ардарик задержался, глядя на купца. У того исчезла улыбка с лица.

Какое-то мгновение казалось, что он хочет окликнуть кагана. Ардарик засмеялся, и купец покраснел.

— Он сказал, что они ему нравятся,— заметил Ардарик,— но он не говорил, что станет их покупать.

Каган уже ушел с базара, и Ардарик направился вслед за ним. Ему понравилась шутка Аттилы.

Идя ко дворцу, каган приостановился, и Такс, став на цыпочки, накинул ему на плечи шубу. Ардарик догнал их. Константиус с его жирной шеей глядел под ноги и хмурился. Яркое солнце отражалось на его лысой блестящей голове.

— Ты меня не понял, Константиус,— сказал ему каган.— Зачем я стану тратить деньги на камни и украшения? Они должны тратить их на меня.

Он жестом показал на прилавки, застегнул шубу и захохотал. Затем двинулся ко дворцу в окружении караульных.

Ардарик снова оглянулся на торговца драгоценностями. Его окружили женщины. Они громко переговаривались пронзительными голосами и ссорились из-за камней. В середине двигался и подпрыгивал зонтик с бахромой хатун Креки.

Константиус смотрел на них, расставив руки в стороны.

— Что они делают? — спросил его Ардарик.

— Они спрашивают, что выбрал каган.

Константиус залился тонким женским смехом.

— Он — очень бережливый человек. Каган никогда не тратит свое золото, если только на него может потратить кто-то другой.

Он повернулся и потрусил за хозяином, подобрав свои длинные полы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дитрик не переставая дрожал в холодном мокром рассвете. Вокруг него были юрты, покрытые только выпавшим снегом. На крыше хибарки Яя, там, где выходил дым, снег растаял и снова замерз в маленький конус льда. Казалось, что еще никто не проснулся, кроме Такса и Яя. Они седлали коней. Не спали и Дитрик с Юммейк, которая сидела у дверей юрты на ковре, сложив руки на коленях.

Как только Ардарик обнаружит, что Дитрик пропал, он сразу же поймет, где он. Такс был уверен, что ему удалось благополучно ускользнуть, но Дитрик каждую секунду думал, что сейчас увидит отца, мчащегося по деревне гуннов. Он может начать скандал, который неизвестно чем закончится. Ему вдруг почему-то представились запорошенные снегом юрты в виде яиц, где внутри уютно согрелись люди, а Ардарик разбивал скорлупу, и гунны выливались наружу в виде содержимого яиц. Он начал дрожать и пожалел, что вообще связался в эту историю.

Дитрик надел свою старую овчинную шубейку поверх тулупчика, полученного у Такса. Гунны помогли набить его сапоги соломой, но все равно холод пробирал его до костей.

Лошадка Такса, лохматая, как пастуший пес, стояла перед юртой и поедала снег. Яя вышел, неся с собой длинный куль, и бросил его на седло лошади. Лошадь, как всегда, прижала уши и подняла вверх ногу, чтобы стукнуть его копытом. Но Яя быстро отошел к своей лошади. Такс подошел к лошадке и крепко приторочил поклажу к седлу. Дыхание у него вырывалось клубами.

Когда Дитрик попросил у отца позволения отправиться с ними, Ардарик гневно отказал ему и добавил, что гунны чего-то хотят от него, чтобы он оказался у них в долгу. Дитрик почти поверил его предупреждению. Но даже если это было правдой, ему не хотелось терять шанс съездить в Сирмиум, повидать римлян и провести время в поездке вместе с гуннами. Даже когда каган повел свою армию сражаться, очень мало германцев отправились вместе с гуннами. Обычно гунны ехали в авангарде и позади армии и занимались разведкой, а германцы были основным ядром армии. Их использовали только, когда гунны уже выполнили всю самую, можно сказать, «интересную работу».

Такс и Яя сели на лошадей. Юммейк поднялась с коврика и вышла вперед, подняв кверху лицо. Сначала она подошла к Яя и, улыбаясь, что-то сказала ему. Он быстро погладил ее по грубым черным волосам. Потом она подняла руку в приветствии Таксу, и тот ответил ей. Тогда она отправилась по снегу к Дитрику, подняв вверх широкие штанины, чтобы не сильно мочить их.

— Дитрик! — воскликнула она. — Проследи за ними ради меня. Не разрешай никому их соблазнять!

Блеснули ее белые зубы, и она вернулась к Яя, а потом пошла домой.

Такс и Яя двинулись друг за другом. Дитрик ехал за ними и думал, что имела в виду Юммейк. Конечно, это была шутка, и она ничего серьезного не имела в виду. Он начинал понимать, как сильно отличались гунны от гепидов, и эти отличия казались ему удивительными и важными. На улице стало гораздо светлее. Сейчас тишину ночи нарушали крики детей и лай собак. Уже началось движение между домишками, и пока они ехали по деревне, шум кругом нарастал, а когда они достигли южной части деревни, шум и крики людей, ржанье лошадей, звуки и запахи готовящейся пищи, звяканье ведер усилились, как бывало днем, и гунны уже начали распахивать по всей деревне.

Когда они проезжали мимо последней хижины, Такс сказал Дитрику.

— Не бойся, Ардарик тебя не догонит. Будь осторожен со своим конем. Если ты станешь слишком нагружать его, он может в снегу повредить кости.

— Я прикладывал ему к ноге припарки,— сказал Дитрик.

Такс нахмурился.

— От них мало толку, пока он не охромел, но вреда тоже не будет.

Впереди, на покрытой снегом равнине, их дожидались на лошадях гунны. Их было примерно человек двенадцать. Дитрик ожидал, что их будет больше, так как считал, что посланцы из Константинополя будут охраняться большой группой людей. Яя погнал коня побыстрее. Люди, ожидавшие их, развернулись и двинулись вперед, и снег сразу стал затоптанным. Конь Дитрика без всякого принуждения прибавил ходу. Скакавший с ним рядом Такс начал застегивать свою шубейку, а пока поводья лежали на шее его лошадки.

Когда они начали двигаться, Дитрик уже не так сильно страдал от холода. Перед ними расстилалась равнина, вся покрытая снегом. Отец его не догнал. Дитрик оглянулся назад. Холм кагана и его частокол уже находились далеко за ними, и Ардарик теперь уже не сможет его остановить. Он стал смотреть вперед, крепко сжал в руках поводья и захохотал.

В сером небе поднялось солнце. Позади них Хунгвар вдали начал растворяться, а потом совсем исчез. Некоторое время они ехали параллельно реке. На фоне белизны снега и серого неба деревья по берегам реки казались черными. К полудню река осталась позади. Дитрик решил, что они продвиг-

гаются к югу. Бледное серебристое солнце передвигалось по небу, и оно было таким слабым, что на него можно было свободно смотреть. Дитрик вспоминал сказки своего детства о Снежном Великане и Снегурочке. Рассказы о борьбе холода и темноты с теплом солнца. Теперь эти истории уже никто не вспоминал, потому что они относились к тому времени, пока Христос не пришел к германцам и не спас их. Теперь никто не желал вспоминать о том времени, когда они были прокляты, до прихода к ним Христа. Может, рассказы были именно об этом — холод и темнота до пришествия Христа.

— Когда мы прибудем в Сирмиум? — спросил он Такса.

— Кто знает? Через три дня, а может, через четыре.

Дитрик думал, что Сирмиум находится подальше. Он смотрел на профиль Такса. Маленький гунн улыбался, глаза у него блестели. Он, наверно, был счастлив. Дитрик вспомнил историю о том, как Такс один возвращался из Италии после того, как армия оставила его там. В первый раз, когда он ехал по равнине, он понял, почему его отец не мог этому поверить.

— Когда ты был в Италии...

Такс посмотрел на него. Дитрик не мог придумать, как ему спросить о том, что он хотел узнать. Он облизал губы и посмотрел вперед. Другие гунны ехали широким неровным полукругом. Некоторые из них переговаривались, другие молча ехали в стороне.

— Ты не боялся? — наконец спросил Такса Дитрик. — Ты ведь был один.

Такс выставил вперед нижнюю губу, как обиженный ребенок.

— Я ничего не боюсь.

— Я хочу сказать — одиночества.

Такс упорно отводил от него взгляд. Дитрик попытался сказать все по-другому, чтобы Такс не подумал, что он мог испугаться.

— Я был бы так одинок, что просто умер бы. Я не думаю, что смог бы все это вынести.

Такс искоса посмотрел на него. Было ясно: он считает, что Дитрик не смог бы все это вынести. Но он немного размяк и снова начал улыбаться.

— Почти до самого конца я не был один. Со мной был Мараг — брат Яя.

Дитрик взглянул на Яя.

— Я не знал этого.

— Он умер в горах. Там было труднее всего. Мы не понимаем гор. Мы не можем там найти пищи. Еще там очень холодно и нечем кормить лошадей.

Яя придержал коня, чтобы они могли его догнать. Когда они поравнялись с ним, он что-то быстро сказал на своем языке, показав назад. Такс кивнул и утвердительно ответил ему. Яя глянул на Дитрика, словно он его не видит. Его взгляд был неприятен Дитрику.

— Мы научим его говорить по-гуннски,— сказал Такс на германском языке, показав жестом на Дитрика.

— Зачем? — спросил Яя.— Он и так уже наш друг.

Такс широко раскрыл глаза.

— Почему ты злишься?

— Я не злюсь.

Яя отвернулся. Казалось, что он был от них далеко. Такс пожал плечами и посмотрел на Дитрика.

— У Яя очень плохой характер, и он волнуется из-за Юммейк.

— Кто о ней позаботится? — спросил Дитрик.

— Трубач. Она...

Яя сказал:

— Не говори ему ничего. Юммейк принадлежит мне!

— Я никогда не думал...— начал Дитрик, но Такс его прервал.

— Оставь его в покое. Если ты не хотел, чтобы он ехал, то почему ничего не сказал раньше?

Яя все еще смотрел вперед на равнину и воинственно выставил вперед подбородок.

— Мне все равно.

Такс наклонил голову и с интересом посмотрел на него. Потом он снова осторожно заговорил с ним. Яя ему ничего не ответил, стукнул лошадь и ускакал вперед. Он присоединился к группе всадников, которые ехали справа от них. Такс с завистью посмотрел ему вслед.

— Мне бы хотелось ездить так же, как он,— сказал Дитрик. Он был доволен, что Яя ускакал от них.

— Яя знает слово, благодаря которому его слушаются лошади,— заметил Такс.

— Что? Но все гунны так хорошо ездят на лошадях.

— Конечно, мы все хунну.

Такс выпрямился. Он больше не смотрел в сторону других всадников, и Дитрик понял, как он злится на Яя.

— Ты можешь научить меня?

Маленький гунн откинулся назад в седле и с сомнением посмотрел на Дитрика и его коня. Потом он снова выпрямился.

— Нет!

Дитрик не мог ничего сказать. Слезы обожгли его глаза. Ему стало стыдно, и он отвел взгляд.

— Тебе нужно было учиться, когда ты был ребенком,—

сказал ему Такс.— Даже до твоего рождения. Я могу тебе показать, но тебе для этого слишком много лет. Мне кажется, что твои ноги уже привыкли к тому, чтобы ходить, а не ездить, и твоя спина тоже уже приняла другую форму. Ты знаешь, что хунну не могут делать некоторые вещи, потому что мы их не выучили вовремя. Вырашивать пищу и делать такие хорошие дома, какие есть у вас...

Он заколебался, словно пытался вспомнить, какие же еще есть вещи, которые были бы важны для гуннов.

— Но ты все равно хорошо едешь верхом для германца,— добавил он.— Ты едешь гораздо лучше твоего отца.

— Да? — Дитрик обрадовался.

— Но тебе нужно больше ездить на коне и быть вместе с ним. Вот, посмотри.

Черная лошадка галопом рванулась вперед, развернулась и помчалась назад, разбрасывая комки снега по воздуху. Она снова развернулась и побежала к Дитрику, сделала вокруг него круг и снова потрусила рядом с ним.

— Ты понял? — спросил его Такс.

Дитрик отряхнул с себя комки снега.

— Что я должен был увидеть?

Такс наморщил нос. Он был таким смешным, что Дитрик чуть не расхохотался. Ему вдруг стало так приятно находиться рядом с ним. Наконец Такс сделал рукой легкое движение.

— Я не могу тебе ничего объяснить. Может, если ты станешь смотреть на нас, и сам все поймешь. Все связано с тем, как ты сидишь и едешь на коне. Лошадь не знает, что ты от нее хочешь по движениям рук и ног, она все понимает по тому, как ты на ней сидишь.

Такс прижал руку к своей пояснице.

— Все идет отсюда. Ты понял?

— Нет, извини.

— Я не могу объяснить. Наблюдай за нами. Наблюдай за Яя. Он в этом специалист. Смотри, как ездят верхом германцы, видна огромная разница.

— Ты правда считаешь, что Яя едит верхом лучше тебя?

Такс серьезно посмотрел на него и кивнул. Голос у него был очень уважительный.

— Все мужчины из их семейства обладают даром ездить верхом. Мараг мог ездить на любой лошади. Они его любили. Он разговаривал со своими лошадьми, и Яя такой же. Я слышал о том, что это волшебство похоронено в черепе лошади где-то в степи, и пока этот череп не превратится в пыль, они все будут обладать этой магией.

Дитрик сказал, не изменяя выражения лица:

— Понимаю.

Он вспомнил то, что как-то сказал ему Ардарик.

— А где похоронено твое волшебство?

У Такса резко дернулась голова.

— Что?

— Мой отец сказал, что у тебя есть... Что каган сказал, ты тоже обладаешь сильной магией.

— Ты никогда не должен говорить о магии с человеком, который ею обладает,— сказал Такс.— Ты — германец и не знал этого, но больше так не делай. Теперь ты об этом знаешь и запомни на будущее.

Он покачал головой, возмущаясь плохими манерами Дитрика. Но почти сразу наклонился к нему и улыбнулся.

— На самом деле все не так. Я не обладаю никакой магией. Но почему-то все в это верят, ну и пусть! Они ко мне тогда лучше относятся, но магией я не обладаю.

Дитрик ничего не успел сказать, как один из гуннов, ехавший впереди, что-то резко выкрикнул, и они все повернули на восток. Такс что-то пробормотал и галопом поехал к этому человеку. Дитрик последовал за ним. Он понял, что кто-то что-то там заметил, но сам он ничего не видел на снежной равнине. Он попытался по-другому сидеть на коне, но ничего не ощутил.

Все гунны собрались вместе и возбужденно поглядывали на восток. Теперь Дитрик заметил, как волны снега поднимались на горизонте. Через некоторое время он увидел, что колонна всадников движется в их сторону, поднимая вихри снега. Такс схватил его за руку:

— Они — германцы, гепиды. Так? Ты их знаешь?

Дитрик заморгал. Он даже еще не мог пересчитать всадников. Пока он на них смотрел, они приблизились к ним на расстоянии нескольких сотен метров и остановились. Один из всадников выехал вперед. Это были гепиды. Их светлые волосы были заплетены в косы, и их бороды были такими же длинными, как и у Ардарика. Дитрик никого из них не узнал, но понял, кто они такие. Это были люди, жившие в излучине реки к югу от Хунгвара.

— Вы — гунны! — крикнул начальник их отряда.— Куда вы едете и кто вас послал?

Такс сильно стукнул Дитрика по плечу:

— Скажи им, что нас послал каган. Быстро!

— Почему я должен...

Такс подтолкнул его. Дитрик выехал вперед и поднял руку вверх, приветствуя гепидов.

— Я — Дитрик, сын короля Ардарика. Эти люди и я едем со специальной миссией в Сирмиум по поручению кагана.

Гепид подъехал к нему ближе. Его длинное обожженное солнцем лицо выражало удивление. Он наклонился вперед, чтобы посмотреть в лицо Дитрика.

— Сын короля? Как я могу знать, что ты не врешь?
— Клянусь Иисусом Христом,— сказал Дитрик.— Почему я должен тебе врать?

Гепид оглядел гуннов и снова перевел взгляд на Дитрика.

— По поручению кагана?

— Да.

Гепид кивнул ему и натянул поводья.

— Смотри, чтобы они ничего здесь не украли. Чем быстрее они отсюда уедут, тем для нас будет лучше.

Он развернул коня и поехал к своим всадникам. Глядя на него, Дитрик понял, каким он был напряженным, и как с каждым движением лошади тяжело шлепался обратно в седло, и какая у него была напряженная спина. Слова гепида были очень неприятны Дитрику. Он тоже развернулся и поехал к гуннам.

Его приветствовали все, кроме Яя, и когда гепиды поехали прочь, то все еще раз начали его поздравлять. Они трогали и гладили его в благодарность. Он оказался в середине отряда, и они продолжили путь. Такс подъехал к нему.

— Тебе они поверили, но не поверили бы нам. И тогда началась бы свара. Каган...— Такс покачал головой.— Ты знаешь, он очень разозлился на нас за то, что мы напали на стадо твоего отца. Он говорит, что когда мы так себя ведем, то германцы каждый раз начинают обладать над ним лишней властью. Да-да. Он бы сильно злился, если бы у нас сейчас начались неприятности с гепидами. Если бы тебя не было с нами, сейчас у нас были бы большие нелады с ними.

Все остальные гунны продолжали ехать одной группой и оживленно что-то говорить. Дитрик решил пошутить.

— Может, я обладаю волшебством, чтобы избежать беды.

— Если это так, то тебе это пригодится, когда ты станешь королем,— заметил Такс.— Но ты не должен говорить об этом даже со мной.

Весь долгий день, пока они ехали по нескончаемой снежной равнине, солнце пыталось проглянуть сквозь плотные облака. День заканчивался, и оно начало спуск по небу на запад и наконец совсем пропало в тяжелых темных облаках, которые двигались, подгоняемые северным ветром. Сильно похолодало, и небо стало темным. Дитрик в дорогу приторочил к седлу тяжелый, подбитый мехом плащ, и ему захотелось надеть его. Но он решил его не надевать, пока гунны не наденут свои плащи. Он посмотрел вверх на нависшее небо. Ветер шумел и выл над головой.

— Снег,— сказал Такс.— Сейчас начнется буря. Я надеюсь, что она не будет слишком долгой.

Он был взволнован. И Дитрику стало легче от того, что не он один боится.

— Где мы проведем ночь?

Такс пожал плечами. Он слегка приподнялся в седле и что-то выкрикнул на своем языке. Другие гунны ехали впереди неровным полукругом. Когда Такс окликнул их, они быстро сбились все вместе. Такс втиснулся со своей лошадкой в тесный круг, но Дитрик не стал этого делать, и круг замкнулся без него.

Собравшись вместе, гунны начали спорить о чем-то. Дитрик переменял положение, чтобы ему было видно Такса. Спорящие разделились на две группы — одна энергично указывала на юг, а другая — показывала на небо, землю и на север. Они начали спорить громче. Такс и еще несколько человек ничего не говорили. Яя относился к тем, кто хотел продолжать путь. Он наклонился вперед, тянул Такса за рукав и что-то кричал. Такс ему улыбнулся, но ничего не сказал и посмотрел вниз. Наконец те гунны, которые требовали остановки, перекричали всех остальных, а два человека, находившихся с группой, которая желала продолжать движение, быстро переметнулись на другую сторону. Теперь начали говорить Такс и другие гунны — трое из них захотели ехать вперед, а Такс хотел остановиться, и вдруг его поддерживали все всадники, кроме трех или четырех, самых упрямых.

Все успокоились, и кучка всадников рассеялась.

Такс подскакал к Дитрику и улыбнулся ему, продолжая двигаться вперед. Дитрик поехал за ним, не совсем понимая, в чем тут дело. Сначала ему показалось, что Такс возвращается, и он подумал, может, они решили вернуться в Хунгар и там переждать бурю. Но черная лошадка повернула. Дитрик ехал рядом с Таксом. Лошадка повернулась к его лошади и влекла за собой кругами около притоптанного места, где до этого что-то решали гунны.

Половина всадников тоже ездили кругами и утаптывали снег. Остальные поехали прочь. Такс и Дитрик проехали три круга, и оказалось, что лошади утоптали большое пространство. Такс остановился и сказал Дитрику:

— Надеюсь, что снег перестанет идти. Мне не хотелось бы, чтобы нас тут занесло. Поедем поищем, чтобы из чего-нибудь сложить костер.

Он начал пересекать утоптаный круг, они еще не доехали до его края, как к ним присоединился Яя. Он и Дитрик зло посмотрели друг на друга и отвели взгляды прочь. Такс, казалось, ничего не замечал. Дитрик и Яя ехали по разные стороны от него, и он повел их вперед через равнину.

Дитрик подумал, где в этой бесконечной снежной пустыне Такс собирается найти дрова. От приближавшей бури в

воздухе пахло горечью. Из-под облаков пробивался грязно-желтый свет. Такс широким полукругом развернул всех на восток. Внезапно он издал резкий крик, и его лошадка начала пробиваться через снег, а потом Дитрик увидел, что он вел их к лощине.

Лощина была узкой, но она была выше человеческого роста и поросла кустарником. Такс въехал туда, и Яя пробился сразу за ним, оттеснив Дитрика. Он задержался, потому что испугался, что Яя может причинить ему какую-нибудь неприятность. Склоны лощинки поднимались с каждой стороны, так что ему было некуда деваться. Он слышал, как впереди прорывался через кустарник Такс, но в темноте лощины он его не видел.

Вдруг с одной стороны лощины между Таксом и Яя слышался звук ужасного фыркания. Дитрик рывком остановил коня. Он ожидал, что из перепутавшегося кустарника на стене лощины вылетит медведь. Такс и Яя завопили. Такс скакал навстречу Дитрику, направляя лошадку вверх по откосу лощины.

— Яя! — крикнул он, потом что-то добавил по-гуннски. Яя соскочил с коня и отправился в кусты. С ним было копье, и он вонзал его в темные заросли кустарников. Конь Дитрика начал волноваться, а злое громкое фыркание стало сильнее.

Яя заорал, из кустов выскочило небольшое плотное животное. Яя мог в тот момент убить это животное. Оно на своих коротеньких ножках поскользнулось на крутом откосе и начало подниматься снова, но Яя отошел в сторону.

— Дитрик! — завопил он. — Дитрик, убей его!

Яя захохотал. Животное метнулось к Дитрику, продолжая фыркать. Его полосатый мех поднялся вверх. Дитрик не мог двинуться с места.

Ему показалось, что зверь оскалил свои изогнутые клыки. Его конь заржал и поднялся на дыбы, и темное животное проскользнуло почти под ногами коня. Он опять поднялся на дыбы и споткнулся. Дитрик начал соскальзывать с седла, потом упал, ударив локоть о покрытый снегом камень. Он закричал. Лицо ожег холодный снег.

Яя хохотал над ним. Дитрик сел, вытирая снег с лица. Такс ехал по лощине к ним.

— Что случилось?

Он посмотрел на Яя, потом на Дитрика. Лицо у него не изменилось.

— Нам нужно поймать твою лошадь.

Он проехал мимо Дитрика, а за ним ехал Яя, продолжая смеяться. Дитрик поднялся на ноги. Он кипел от ярости. В первый раз он понял, что ненавидит Яя.

Когда они поймали его коня, то вернулись в лощину и

собрали много веток. Все связали и потащили за конями в лагерь. К тому времени совершенно стемнело. Другие гунны сделали из снега стену, чтобы защититься от ветра. Они также разожгли костер и поставили вариться еду. Пока кипел суп, они уселись все вместе, как стая животных. От всех во-няло отсыревшим мехом, потом и особенным сладковатым запахом, присущим всем гуннам. Снег не переставал идти, отражаясь в свете костра, и пар от тающих снежинок тянулся наискосок в порывах ветра. Огонь начинал шуметь и пле-ваться, когда в него попадали большие хлопья снега. Под на-весом снежных стен, когда с одной стороны к нему тесно прижимался Такс, а с другой — какой-то гунн и когда перед ним и за ним сидели гунны, Дитрику стало тепло.

Они ели жидкую похлебку из разваренного зерна с суше-ным мясом, пили растопленный снег и напиток Белый Брат. Чтобы экономить дрова, они не часто подкладывали их в ко-стер. Вне небольшого круга огня огромная темнота дрожала от порывов ночного ветра. Лошади двинулись на огонек, за-шли за снежную стену и начали дремать. Дитрик чувствовал себя пьяным от усталости.

Раза два он засыпал и просыпался, когда у него голова падала на грудь. Когда он проснулся второй раз, кто-то гово-рил, а все остальные слушали.

В темноте он ничего не видел и только с трудом различал силуэты сидящих возле него. Голос шел из самой середины, как будто кто-то по-гуннски рассказывал какую-то историю. Он разобрал несколько слов, но этого было недостаточно, чтобы понять, о чем же шла речь. Это были слова — конь, вода и буря. Но сам голос, который поднимался вверх и опу-скался, меняя тональность, поразил его и вызвал разные эмоции. Хотя он не понимал, о чем шла речь, но в голосе слышались нотки опасности, затем эта опасность была по-беждена, а затем он понял, что наступил счастливый конец.

Потом последовала долгая тишина. За защищавшей их стеной и светом огня ветер был в темноте. Дитрику показав-лось, что за воплями ветра он различил вой волков. Он под-нял голову и пытался что-то услышать.

— К чему ты прислушиваешься? — тихо спросил его Такс.

— Волки.

— Только волки?

Гунн, сидевший перед Дитриком, оглянулся — он был мо-ложе остальных, и у него были серьезные глаза. Дитрик по-думал, сколько же ему лет, и перестал прислушиваться к зву-кам бури.

У него зашевелились волосы на голове, и он рывком под-нял голову.

Такс спросил:

— Ты их слышишь?

— Что это?

Даже находясь среди гуннов, Дитрик почувствовал свою незащищенность и холод. Он подумал, почему он не слышал ничего раньше. Звук напоминал смех. Как будто сумасшедший начинал хихикать. Звук был удивительно мягким на фоне грохота сильного ветра. Потом он зазвучал, как женский вопль.

— Что это?

Он подобрал под себя ноги, чтобы подняться, но все продолжали сидеть, и он снова сел.

Такс произнес какое-то слово.

— Я не знаю, как германцы называют их. Это духи людей, умерших ночью в снегу. Они пытаются выманить других людей в бурю. Если ты уйдешь, то замерзнешь до смерти, и твой дух займет место духа, который выманил тебя на смерть. Он сможет отдыхать, но тебе придется звать кого-то, кто был мог освободить тебя от вечной муки.

— Но что они сделали? — спросил Дитрик.

— Они умерли в снегу, ночью и в одиночестве, и их дух подхватил ветер. Он двигается настолько быстро, что они никак не могут вырваться из бури, и ветер их переносит с одного места на другое, и так продолжается постоянно, пока они не подхватят кого-то другого и смогут вырваться из потока ветра.

— Но что они сделали? Они что, грешили? Почему их так наказывают?

Такс поднял брови вверх:

— Они умерли ночью, в снегу.

Дитрик сгорбился. Он никак не мог понять, почему люди должны были страдать от того, что с ними произошел несчастный случай. Он всегда верил, что наказание ждет только плохих людей. Он низко опустил голову и теснее прижался к окружающим его людям, стараясь быть подальше от ветра.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На следующую ночь они спали во дворе семьи хунну, которая двинулась на север с гор к Хунгвару. Они находились на каменистой вершине холма в конце долины, которая шла на юг в горы, в направлении Сирмиума. На следующий день они ехали по долине дальше на юг и спали под навесом скалы. Еще через день они выехали на равнину, где был расположен Сирмиум. Вокруг него, как стены, стояли высокие, покрытые снегом горы. Несмотря на холод, река не замерзла, переноса течением куски снега и синий лед.

Ветер смел почти весь снег с долины, и кучки снега были наметены под стены города. Он был грязным от мусора, который выбрасывали из-за стен. Такс посмотрел на Дитрика, ехавшего рядом с ним. У того был открыт рот, и глаза, постоянно что-то рассматривали. Он перевел взгляд на Такса и спросил:

— Сколько здесь живет людей?

Такс пожал плечами.

— Не знаю. Может, Эдеко знает. Если хочешь, я могу его спросить. Много...

Он улыбнулся.

— Тебе нравится?

Он был так доволен, будто сам специально построил город, чтобы показать Дитрику.

— Я никогда раньше не видел город из камня. Только Хунгвар. Но это совсем иное.

Такс фыркнул.

— Хунгвар не город. Города — это зловещие места.

Они подъехали к воротам, которые были открыты, и город находился за пределами стен. Такс знал, что римляне стараются держать ворота закрытыми даже днем, если это возможно. Он подумал, что могут делать горожане в снегу. Горы вокруг пугали его, и он начал волноваться. Но он был расстроен тем, что им приходилось въезжать в город. Они проехали под аркой ворот, и на них упала тень. Она была холоднее солнечного света, как кусок железа.

Внутри хунну остановились и собрались в кружок. Такс проверил, чтобы там нашлось место для Дитрика. Все сразу начали говорить. Каган приказал им всем ехать в город за Эдиком, но не назначил главного, и поэтому их путешествие на юг было таким сложным. Такс снова посмотрел на Дитрика. Он, бледный, на фоне темных лиц хунну, внимательно смотрел на разговаривавших людей и молча шевелил губами, пытаясь повторять слова из речи гуннов.

— Такс, — сказал Яя, — ты помнишь, где находится дворец проконсула?

Такс выпрямился и огляделся, пытаясь сориентироваться.

— Да, внизу по этой улице есть площадь с фонтаном из каменных детей, и от него отходят разные улицы. Нужно проехать две улицы на юг, потом по одной подняться к холму, а другая улица — прямая, и на ней стоит дворец проконсула.

— И там будет Эдеко, — сказал другой человек. — Мы встретим его там? Кто-нибудь знает, где мы будем спать?

Яя закричал:

— В бараках казармы римского гарнизона. Я знаю, где это.

Такс собрал поводья.

— Дитрик, поехали. Они будут говорить, пока не сядет солнце.

И он начал выбираться из круга.

— Куда мы едем? — спросил его Дитрик. Он старался ехать рядом с Таксом, и они начали поездку по городу.

— Посмотрим, что из этого выйдет.

Дитрик оглянулся.

— Может, нам нужно было остаться с остальными? Мы правда будем спать в казармах?

— Да. Разве ты не хочешь посмотреть на город? Если мы останемся с ними, то ничего не увидим.

Дитрик поудобнее уселся в седле.

— Я думал, что он совсем другой.

Такс засмеялся. Они ехали посередине улицы. По обеим сторонам шагали люди. Их одежда была сделана из ткани, а обувь — из кожи. Они смотрели на Такса и Дитрика так, словно никогда прежде не видели таких людей. Вокруг возвышались дома, построенные из камня. Такс постарался расслабиться, потому что его пугало то, что он мог видеть всего лишь на несколько сотен футов перед собой.

— Все так близко расположено друг от друга, — заметил Дитрик. — И люди смотрят на нас. Мне стыдно, я похож на варвара.

Такс потихоньку глянул на него, но ничего не сказал. Они ехали уже по другой улице. Перед ними на улице играли дети, которые смеялись и кричали. Эхо от стука копыт отражалось от каменных стен, и казалось, что вместо двух коней едет четыре. Дети перестали играть. Под грязью их лица были светлыми, и у них были длинные тонкие носы, как у германцев.

— Смотри, — предупредил его Такс.

— Что? — Дитрик посмотрел на него.

Такс показал ему на детей. Они смотрели, как всадники приближались к ним. Такс надвинул капюшон плаща так, чтобы он защищал его голову и шею.

Дети молча и внимательно, как кошки, прижались к стенам, чтобы дать им проехать. Такс сделал вид, что не обращает на них внимания. Он держался поближе к Дитрику. Они проехали мимо первой группы детей. Впереди улица суживалась между высокими, покрытыми виноградом стенами.

Вдруг дети закричали и начали швырять в них снежки, камни и куски черепицы. Они напали на них сзади. Дитрик вскрикнул и прижал руку к виску. Он увидел, что на ней кровь. Тогда он обернулся и закричал на детей. Такс продолжал смотреть вперед. Его постоянно что-то ударяло по спине. Лошадка начала волноваться и взбрыкивать. Такс сжал

ногами бока, и она недовольно покорилась всаднику. Ребята бежали за ними. Дитрик сердито ругал их на германском языке. Но дети кричали на латыни, они не знали германского языка. Наконец они подъехали к площади, где был фонтан с каменными детьми. Голоса ребят стали тише. Камень ударил Такса по плечу, мимо пролетел какой-то гнилой фрукт и на камнях дороги разлетелся на куски.

— Ублюдки,— сказал Дитрик.— Неужели их родители не следят за ними?

— Они всегда так делают,— сказал ему Такс.— Поехали.

— Но я же христианин, как и они,— заметил Дитрик.

Такс фыркнул. Площадь была широкой и светлой, и там находилось много горожан. Посредине нее была расположена широкая чаша фонтана. Над чашей возвышалась искусственная скала с тремя мраморными мальчиками с раковинами в руках. Двое из них пригнулись, а третий стоял, возвышаясь над ними. Было холодно, и вода не лилась из раковин. Но Такс был здесь, когда фонтан работал, и он был прекрасен. Ему хотелось, чтобы Дитрик мог все увидеть.

Вокруг фонтана расположились с лотками уличные торговцы. Они стояли с одной стороны площади под обнаженными ветвями деревьев. Такс почувствовал запах апельсинов и яблок. Он подумал, что не мешало бы закусить.

— Хунну!

— Хунну! — закричал Такс и выбросил руку вперед. Дитрик позади него испугался, и его конь попятился к фонтану. Человек на черной лошади пробирался к ним через толпу у лотка с апельсинами. Старуха в шали выругала его и погрозила палкой, но он не обратил на нее внимания. Такс остановился, чтобы подождать его. На человеке были тяжелые латы катафракта (македонской конницы) в римской армии. Его лошадь хоть и была немного выше конька Такса, но в несколько раз тяжелее его. Он остановил коня рядом с лошадкой Такса и снял свой шлем.

— Аррун из хунну Хатригур, мой тотем — змея и весенний дождь.

— Такс из хунну Мишну, мой тотем — лягушка и ива.

Такс достал кувшин Белого Брата и протянул его всаднику.

— Какие-то новости от кагана?

— Он процветает, а его враги гибнут.

Аррун приложил кувшин к губам и отпил большой глоток.

— О, хорошо. Кто он?

Он показал на Дитрика.

— Просто германец. Они оставляют солдат хунну в этой провинции?

— Нет, мне просто не повезло.

У Арруна было забавное лицо, с крупной лепкой костей, добродушное. Он улынулся:

— До весны мне придется замещать Изауриана, которого я убил. Он заслуживал смерти, но мой командир посчитал, что сможет выслужиться, если отдаст меня на время в эту армию. Все мои друзья в Антиохе, и я здесь совсем один. Ты — первый хунну, которого я увидел с тех пор, как выпал снег, кроме посланцев, возвращающихся домой из Константинополя. Ты едешь с ними?

— Каган прислал сюда отряд, чтобы встретить Эдеко и проводить его домой.

Аррун высоко поднял брови.

— Вы приехали сюда из Хунгвара?

— Мы — охрана кагана.

— Ух, я бы хотел быть там, а не здесь.

— И я тоже. Но если мы здесь, то нам следует как-то повеселиться. Мы можем чем-нибудь сегодня заняться, мой друг и я?

— Получить удовольствие?

Аррун выпятил вперед нижнюю губу:

— На этой улице продается вино в доме под названием «Фортуна». Там играют в кости. Иногда бывают петушиные и собачьи бои.

— Они будут злиться, если к ним придет хунну?

Аррун захохотал:

— О, они уже к этому привыкли. Я иногда захожу туда. Но ты же знаешь, что любой хунну может справиться с пятью или шестью горожанами.

Такс скорчил рожу.

— Я не желаю ввязываться в драку, ведь кто-то может погибнуть. Потом я не уверен, что мой друг умест драться. Как насчет женщин?

— О, они бывают на церковном крыльце под навесом с наступлением темноты.

— Хорошо.

Такс сплюнул, он был доволен. Он уже был в Сирмиуме дважды, но не смог найти места, где держались шлюхи. Он кулаком стукнул катафракта по груди.

— Спасибо. Я думаю, что мы будем ночевать в ваших казармах. Может, мы вместе отправимся к торговцу вином, и ты там скажешь, чтобы с нами не затевали драку.

— Иногда веселее драться, чем воздерживаться от этого.

Такс захохотал и снова стукнул его в грудь.

— Если ты так считаешь, то тебе следует вернуться к кагану. Какие сражения могут быть в армии римлян?

Катафракт захохотал, повернул коня, поднял руку в приветствии и поехал от них прочь, продолжая смеяться.

Такс посмотрел на Дитрика. У того было странное выражение лица, и он спросил:

— Почему ты так странно выглядишь?

— Да нет, ничего.

Дитрик попытался успокоиться.

— Кто это был?

Они снова начали пробираться сквозь толпу.

— Солдат императора.

— Ты его знал раньше? Он из Хунгвара?

Такс покачал головой:

— Он из клана змеи из хунну Хатригур. Они живут далеко, вдоль Длинной Реки у моря.

Дитрик вздохнул:

— У меня нет друзей.

— Что? Я же здесь, и разве я не твой друг?

— Ты не гепид.

— Почему мне нужно быть гепидом, чтобы стать твоим другом?

— Прости, но ты так дружелюбно разговаривал с этим человеком, как ты говоришь со мной, а ты его никогда не видел раньше.

Такс не знал, что ему возразить. Он не понимал, что Дитрик имел в виду, или почему он вообще говорил подобные вещи. Воздух городов отравлял собой все. Он огляделся, пытаясь отыскать что-то интересное и показать Дитрику, чтобы тот снова стал счастлив.

— Вот. Это гробница твоего Прародителя?

Дитрик поднял голову. Такс наклонился, схватил поводья и повел его к боковой улице. Гробница была небольшой, но ее крытое крыльцо и навес были во всю длину здания. Сквозь двойные двери Такс мог видеть лица, нарисованные на стенах. На дверях были изображены кресты. Крыша поднималась над зданием углом. По крыше и карнизам крыльца рос старый виноград серебристо-серого цвета с набухшими бутонами.

— Это церковь,— сказал Дитрик.

— Катафракт сказал, что ночью мы здесь можем найти женщин.

Дитрик снова глянул туда. Его щеки и шея медленно краснели. Он откашлялся. Такс возмущенно покачал головой:

— У тебя есть с собой какие-то деньги?

— Нет. Я даже не подумал об этом,— громко сказал Дитрик.

— Тогда я тебе дам. Они не берут ничего, кроме денег. Я как-то раз попытался купить шлюху за седло, и она его вышвырнула из дома совершенно голого.

Такс захохотал, вспоминая, как Яя бежал по улице, пытаясь прикрыться руками.

— Они всегда проверяют, есть ли у тебя деньги, прежде чем начинают иметь с тобой дело. Седло все равно стоит слишком много, а шлюха — всего лишь пару или тройку медных монет. Но денег все равно не хватает, иногда они заставляют тебя платить больше, если перестают просто лежать на спине и начинают двигаться. Шлюхи такие ленивые. Если тебе повезет и ты найдешь приличную, то тебе лучше потом еще дать ей денег, чтобы показать, что ты ценишь то, что она для тебя сделала.

Краска отлила со щек Дитрика, и он быстро заглянул в глаза Такса.

— Твой отец будет злиться?

— Наверно, да,— ответил ему Дитрик. У него был нормальный голос. Такс откинулся назад, и его ноги болтались свободно по бокам лошадки.

— Твой отец — странный человек. Может, с нами пойдет Яя и еще парочка ребят.

— Ты хочешь сказать...— у Дитрика прервался голос, и он почти взвизгнул. — Что мы все?.. Все сразу?..

Такс внимательно посмотрел на него и нахмурился.

— Нет, все по очереди, но...

Он ничего не сказал, но у него появились подозрения. Ему даже не приходило в голову, что Дитрик мог еще ни разу не быть с женщиной. Кони довезли их до конца улицы, где стояла церковь, и повернули к югу.

— Мы можем пойти только вдвоем,— сказал он.

— О,— сказал Дитрик.— Так уже лучше.

Он опустил глаза, и краска снова начала распространяться по шее и лицу.

— После нашей встречи с римлянами.

В казарме хунну отвели одну из комнат, где могли отдыхать солдаты. Она была построена из камня, только стена, отделявшая ее от остальной казармы, была деревянная. Крыша тоже была из дерева. Ее длина была в четыре раза больше ширины, и там было одно окно. В него проникал рассеянный свет из затененного двора. Вдоль стен стояли твердые деревянные лавки для сна.

До ужина хунну развлекались тем, что кричали разные гадости через окно солдатам гарнизона, которые не оставались у них в долгу. Хунну кричали на своем языке, а римляне отвечали им на лагерной латыни, и никто ничего не понимал, но было интересно. Такс сидел на лавке, вытянув ноги. Конюшни были с другой стороны двора, и пока он

шел и тащил за собой упряжь, у него начались судороги в бедрах. Пока он снимал сапоги, Яя подошел к нему и сел рядом.

— Где твой мальчик? — спросил Яя и ехидно скривил рот.

— Дитрик? Он сейчас придет. Почему ты так злишься?

— Он считает себя лучше нас.

Такс фыркнул:

— Нет... Он хочет быть похожим на нас. Мы станем есть вместе с римлянами?

— Наверно, вместе с солдатами.

Яя показал на двор.

Такс сбросил сапоги и начал разминать мышцы ног. Яя наклонился, взял в руки правую ногу Такса и стал ее массировать. Такс вздохнул и расслабился.

— Я подумал, может, нам стоит поесть с настоящими римлянами, из Нового Рима. Я сказал Дитрику...

Яя сильно стал нажимать на мышцы ног Такса.

— Не говори мне о нем.

— Ты — неправ. Он...

— Я сказал, что не желаю слышать о нем.

Пальцы Яя разгладили его сжатые и напряженные мышцы.

— Хорошо?

— Да, мне лучше.

Яя начал массировать другую ногу. Дитрик вошел через дверь в дальнем конце комнаты. На плече он нес седло. Он остановился и огляделся, потом увидел Такса и пошел к нему. Но, заметив Яя, заколебался и отошел в другой конец комнаты. Такс посмотрел на скамью. Солдаты, жившие там, украсили сиденье разными знаками и картинками.

— Тебе не стоило брать его с собой,— сказал Яя.— Тебе вообще не следует иметь с ним никаких дел.

На закате солнца все римские солдаты вышли во двор, чтобы получить пищу, но гуннам пришлось ждать, пока они не закончат еду. Наконец их тоже вызвали на улицу. Там было темно. Посреди двора между двумя высокими факелами стояла огромная корзина и железный котел. Раб давал каждому из гуннов такую же миску, как те, из которых ели римляне. Сначала они все пытались одновременно пробиться к котлу, но потом, после того, как рабы начали на них кричать и бить своими длинными ложками, они всё поняли, выстроились в длинную очередь и начали проходить между факелами.

Дитрик стоял в очереди одним из первых и искал Такса, чтобы пропустить его впереди себя. Такс был посредине дво-

ра. Внезапно он швырнул свою миску на землю и пошел обратно к казарме, ковыляя так быстро на своих коротких кривых ногах, что переваливался с боку на бок.

Дитрик был так поражен, что остановился, и человек, стоявший за ним, толкнул его, тогда он двинулся вперед.

Раб вывалил половник супа ему в миску, а другой раб, стоявший подле корзины с хлебом, бросил кусок хлеба прямо в ту же миску. Третий раб подал ему стопку вина.

Дитрик оглянулся, чтобы посмотреть, чем занимаются остальные. Большинство сидели на камнях двора и ели с помощью пальцев, держа миски близко к лицу и быстро запихивая пищу в рот. Жир тек у них по подбородкам и покрывал руки. Позади, подальше от света факелов вдоль стен казарм, раздавался смех — римляне смеялись над гуннами.

Они станут смеяться и над ним, если он усядется, как гунны, и также начнет есть руками. Он унес миску через двор в темноту. Там было прохладнее, но он чувствовал себя в безопасности. Он уселся, скрестив ноги, и стал есть, помогая себе ломтем хлеба и отпивая вино маленькими глотками, как настоящий христианин.

Гунны закончили ужин гораздо раньше него и, оставив миски на дворе, пошли в казарму. Ругаясь, рабы ходили по двору, собирая миски и стопки и бросали в котел, чтобы мыть. Дитрик встал и отнес миску к котлу. Один из рабов стоял рядом, и Дитрик улыбнулся ему, но тот мрачно посмотрел на него.

Он вошел внутрь казармы. Гунны сидели посредине помещения и играли в какую-то игру, хлопая друг друга ладонями по плечам. Как раз когда вошел Дитрик, они все захохотали в ответ на какую-то шутку. Такса с ними не было. Дитрик нашел его. Он сидел на лавке, а Яя расчесывал ему волосы пальцами и заплетал их в косу.

Дитрик уселся рядом с Таксом, скрестив ноги.

— Ты сказал, что мы пойдем смотреть римлян.

— Пойдем.

Такс склонил голову набок, потому что Яя сильно тянул его за волосы.

— Но уже темно, они все лягут спать.

Яя холодно взглянул на него поверх головы Такса и что-то сказал по-гуннски. Дитрик услышал слово, обозначающее римлянина. Такс ему что-то ответил.

— Что ты сказал? — недовольно спросил Дитрик. — Неприлично разговаривать на своем языке, если его не все понимают.

Яя сплюнул и произнес какую-то грубость. Такс некоторое время просто сидел, обняв руками колени, и спокойно смотрел на Дитрика. Дитрик извинился.

— Я сказал, что ты — германец. И что все германцы любят римлян. Яя хотел знать, почему ты хочешь туда идти.

— Я не люблю римлян, мне просто интересно.

— Может, у них есть вино.

— Вино за ужином было очень плохое, — заметил Дитрик. Он вспомнил, что Такс не ел ничего.

— Почему ты ушел? Я занял тебе очередь.

Яя что-то пробормотал. Его пальцы аккуратно заплетали длинные черные волосы Такса в тугую косу. Такс глянул на Дитрика, но ничего не ответил. Яя завязал косу куском красной тряпки и хлопнул Такса по плечу. Такс провел рукой по голове и косе. Яя тщательно заплел волосы по бокам головы Такса вместе с остальными длинными волосами в одну косу.

Такс начал говорить, но посмотрел на Дитрика и перешел на германский.

— Я никогда не могу все волосы заплести вместе.

Он не смотрел Дитрику в глаза, потом подобрал ноги и поднялся.

— Сейчас мы пойдем к римлянам.

Дитрик прикусил нижнюю губу.

Такс злился на него, и он не знал почему. Яя насмешливо глядел на него из теней у стены. Было видно, что он доволен. Наверно, Яя сказал что-то против него. Дитрик встал и пошел за Таксом к двери. Яя тоже пошел туда же, но старался держаться от него подальше.

Снаружи Яя и Такс начали спорить, нужно ли брать с собой коней или нет. Яя пожал плечами и сказал.

— У тебя болят ноги, а я могу легко идти пешком.

Он быстро зашагал вперед, делая большие шаги.

Такс продолжал спорить, но шел за ним. Они прошли по двору к воротам и вышли на улицу. Во тьме улица выглядела узкой и опасной. Ровные днем тротуары сейчас оказались неровными и полными рытвин. Дитрику было сложно шагать по ним, хотя оба гунна легко продвигались по улице. Они повернули за угол, и до Дитрика донеслась вонь сжигаемого мусора. За стенами по обе стороны улицы звучали приглушенные голоса. Он напрягся, пытаясь что-нибудь разобрать. Один из гуннов тихо напевал, но звук был настолько низким, что юноша не мог сказать, кто же из них пел. Они вышли из узкой аллеи на площадь, освещаемую факелами. Дитрик принюхался. Его поразил теплый приятный запах земли. Начиналась весна, и он понял это, почувствовав особый аромат в воздухе.

Они прошли через площадь мимо молчащего фонтана. Римские солдаты — готы и вандалы — сидели на каменных краях фонтана. Их шлемы лежали у них на коленях. Яя про-

изнес что-то неприятное по-гуннски, и солдаты ответили ему что-то на латыни тем же тоном.

— Почему в римской армии нет римлян? — спросил Яя, пока они шли дальше.

— Они слишком хороши для этого, — сказал Дитрик. — Они оставляют подобную работу тем людям, которые больше ни к чему не пригодны.

Такс громко захохотал и что-то сказал Яя. Дитрику захотелось снова сказать им, что неприлично разговаривать при нем на своем языке. Но он не успел этого сделать, и они свернули на улицу, идущую к югу. Там было много факелов, и Дитрик понял, что большое белое здание перед ними было резиденцией проконсула. Он заволновался и подошел к невысоким ступенькам. Оба гунна побежали, чтобы не отставать от него. Они взошли вверх по ступеням. У дверей стояли два караульных в римских кольчугах. Такс заговорил с ними по-латыни, они отступили в сторону и пропустили всех троих внутрь.

Дитрик и двое гуннов вошли в помещение, такое же большое, как весь дом Ардарика. Пол был сделан из блестящих черных и белых квадратов, положенных одинаковым узором — три черных квадрата, один квадрат белый, один — черный, три — белых. Этот узор повторялся до самой дальней стены. На небольшом пьедестале у стены помещался обнаженный человек, сделанный из золота. С другой стороны зала, на другом возвышении, была каменная голова и плечи старика с веткой в виде венка вокруг головы.

Дитрик подумал, что это может быть портретом императора. Он ничего не успел спросить, как перед ними открылась дверь и оттуда вышел римский солдат — офицер в латах, украшенных серебром, и в шлеме, на котором были укреплены пушистые перья, которые волновались при каждом шаге. У него было лицо вандала.

Увидев их, он остановился и резко спросил по-латыни, а потом на языке германцев:

— Кто вы такие? Куда вы идете?

— Посмотреть римлян, — ответил ему Такс на германском и улыбнулся, показав клыки.

— Куда ты идешь? У тебя такая красивая шапка!

Яя насмешливо захихикал. У вандала раздулись ноздри и показалась белая полоска вокруг рта. Он отступил и что-то выкрикнул по-латыни, не сводя взгляда с Такса. Тот ткнул Яя локтем в ребра. Яя что-то шепнул и быстро посмотрел на Дитрика.

Вандал сказал:

— Он хочет знать твое имя, свинья.

Такс направился к двери. Вандал одним движением дви-

нул в сторону, чтобы преградить ему путь. Тогда Такс втянул голову между плеч и положил руку на пояс, туда, где находился его нож. Вандал просто нависал над ним и в своей кольчуге выглядел раза в два больше него. Дитрик выступил вперед, но Яя отшвырнул его в сторону.

— Назад, мальчишка!

Сквозь дверь Дитрик слышал голоса, что-то спрашивавшие, и потом по плиточному полу зашлепали шаги. Такс и вандал ходили друг возле друга кругами, как псы, готовые к драке. На полу между ними показалась тень. Кто-то выходил из двери.

— Такс,— произнес мужчина, стоящий в дверях. Он повернул голову и сказал:

— Эдеко, это Такс.

Вандал немного успокоился и опустил руки. Он посмотрел на дверь и, не сказав ни слова, пошел по коридору. Гунн, стоявший в дверях, позвал их внутрь. Он улыбнулся и отошел в сторону, чтобы пропустить их. Все вошли в ярко освещенную комнату.

Дитрик никогда не видел такой комнаты. Даже дворец кагана нельзя было сравнить с ней по богатому убранству и роскоши. Нет, подобную красоту нельзя было сравнить ни с чем. На стенах были изображены сцены борьбы между людьми. Фигуры были больше нормального человеческого роста. В металлических рамках с потолка свисало множество свечей. В середине комнаты находился длинный стол, покрытый тканью, вышитой красными нитками и золотом. Тарелки и кувшины были из чеканного серебра. Посередине стола стояла ваза с огромным букетом цветов. Цветы зимой!! По одну сторону стола на низких стульях и кушетках сидели римляне. Они были настоящими римлянами, а не готами и вандалами из гарнизона, которые пытались перенять их обычаи. Их кожа казалась чистой и тонкой, как стекло. Они сидели с достоинством, как благородные мужи.

С другой стороны стола сидели два гунна. Один из них был человек, пригласивший их в комнату. И еще там сидел Орестес, римский советник кагана. Вокруг стола двигались рабы, которые держали в руках кувшины с длинными горлышками. Дитрик наблюдал за ними. Один из них поднял кувшин над чашей и налил красного вина. Все смотрели на него. И Такс, и остальные слуги, ожидавшие своей очереди прислуживать за столом. Дитрик отвел взгляд.

— Такс,— сказал один из гуннов.— Садись. Кто... О, это же Яя. Но...

Такс схватил Дитрика за руку и подтолкнул его вперед.

— Это — сын Ардарика, короля гепидов. Дитрик, а это — Эдеко.

Он легонько потряс Дитрика.

Эдеко был молод и красив и одет в красную тунику. У него было круглое привлекательное лицо, как это бывало у некоторых гуннов. Он нахмурился.

— Я очень хорошо знаю короля Ардарика. Садись. Такс, это ты командуешь эскортом, который каган прислал за мной?

Такс сел на скамью с той стороны стола, где сидел Эдеко. Дитрик сел рядом с ним. Раб принес им серебряные чаши и наполнил вином. Яя сел между Эдеко и Таксом. Дитрик поднял чашу и поверх нее смотрел на римлян.

Их одеяния были белыми, как соль. Вырез у шеи вышит золотыми нитями. На пальцах — кольца, а на руках — браслеты, звеневшие, как маленькие колокольчики. Они даже пахли по-другому, чем германцы или гунны... Как мыло, как должны пахнуть чистые и хорошие вещи. Подобно одежде, черты их лиц были более утонченными, чем у гуннов или германцев. Они сидели, сдвинув вместе ноги и скрестив руки. И хотя они поворачивали головы и поднимали руки, чтобы взять пищу или поднять чашу с вином, Дитрику показалось, что они вообще не двигались.

Они говорили на латыни, и Дитрик не понимал их. Когда римлянин, которого прервали, когда они вошли в комнату, закончил свою речь, ему ответил Эдеко, но его голос был грубым, как у Яя. Он казался взволнованным и беспокойным, и ему не нравился тот римлянин, с которым он разговаривал. Такс и Яя тихо спорили по поводу качества вина — было ли оно лучше или хуже, чем то, которое каган получил от римлян из Нового Рима год назад. Они мешали Дитрику слушать, говоря у него над ухом и отвлекая, и он начал злиться.

Когда Эдеко кончил говорить, один из римлян сказал что-то спокойным голосом. Он говорил как бы сквозь нос, и его голос был тонким и неприятным. Другой римлянин более молодой, у которого было больше волос на голове, нахмурился и сказал что-то, словно укоряя его. Дитрик пораженно уставился на Эдеко. Гунн весь сжался и в упор смотрел на римлян, его руки вцепились в край стола.

Такс тихо заметил:

— Римлянин сказал, что мы не должны сравнивать нашего кагана, который всего лишь человек, с их императором, который является богом.

Эдеко поднялся. Его голос дрожал от ярости. Римлянин с гнусавым голосом начал что-то говорить, но молодой римлянин положил ему на плечо руку, и тот замолчал. Такс с интересом наблюдал за Эдеко. Эдеко пинком откинул назад стул и, развернувшись на каблуках, пошел к двери.

Такс заметил:

— Если их император был бы человеком и к тому же гунном, он бы не стал платить золото кагану.

Он заглянул к себе в чашу и позвал раба.

Гунн, впустивший их, захохотал и посмотрел на римлян. Яя пьяно усмехнулся. Такс протянул чашу рабу. Молодой римлянин обернулся к скамье, где сидели слуги, позвал:

— Виджилас!

Один из сидевших встал и подошел. Наклонившись, он что-то прошептал ему. Спокойное усталое лицо римлянина осенила улыбка. Он внимательно посмотрел на Такса.

На другом конце стола Орестес наклонился вперед и заговорил с римлянами, при этом он тоже улыбался. Яя стукнул Такса в бок, расплескивая вино из чаши.

— О чем они говорят?

Такс начал слушать.

— Если бы император был гунном, он был бы Аттилой.

Он покачал головой:

— Они не должны говорить такие вещи. Это — оскорбление нашему кагану.

Римлянин с гнусавым голосом что-то небрежно промолвил и поднял руку вверх. Орестес улыбнулся так, как иногда улыбался Такс, показав все зубы. Дитрику не нравилось смотреть на него.

Лицо и руки у него были как у римлянина, но манеры — как у гуннов, словно в нем жили две души. Ардарик как-то сказал, что Орестес позабыл Христа, и сейчас в Хунгваре, в своем доме, исполнял страшные и отвратительные ритуалы.

Такс сказал:

— Теперь римлянин делает вид, что он ничего такого не сказал, и просит, чтобы кто-нибудь вернул обратно Эдеко. Он сказал, что если нам придется вместе ехать в Хунгвар, то следует оставаться друзьями.

Такс обратился к Орестесу, и тот ответил ему одним словом.

Такс сказал:

— Имя этого римлянина — Максиминус.

При звуке своего имени гнусавый римлянин отвернулся. Орестес что-то сказал по-гуннски Таксу. Тот встал и вышел из комнаты. Видимо, чтобы найти Эдеко. Орестес положил руки перед собой на столе, переплел пальцы и что-то сказал римлянам, продолжая улыбаться своей вечной насмешливой улыбкой.

Максиминус, римлянин с гнусавым голосом, резко откинул голову назад и покраснел, но молодой человек твердо нажал ему на плечи и спокойно заговорил с Орестесом, потом вежливо ему поклонился. Гот, сидевший среди римлян, фыр-

кнул. Орестес откинулся назад и уставился в пол. Яя еле-еле успевал переводить взгляд с Орестеса на римлян и обратно. Потом он с надеждой посмотрел на Дитрика:

— Ты понимаешь?

Дитрик покачал головой.

— Куда пошел Такс?

Он заметил, что гот Виджилас переводит.

— Эдеко,— сказал Яя. Он снова начал смотреть на римлян.

Дитрик отпил еще вина. Теперь ни Орестес, ни другой гунн, сидевший рядом с Яя, не смотрели на римлян. Максиминос нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Молодой человек, сидящий с ним рядом, достал восковую дощечку и начал писать на ней золотым стилем. Дитрик подумал, все эти люди приехали сюда издалека, но между ними нет ничего общего, кроме скуки. Ему вдруг стало неприятно.

Он отпил еще вина. В комнате тишину прерывало шарканье ног рабов, которые постоянно разносили кувшины вина. И еще по мраморной поверхности стола стучали ногти Максиминоса. Виджилас сидел на конце кушетки Максиминоса. Плечи его опустились. Он был немолодым человеком с умным и тяжелым лицом.

Дитрик вспомнил: Такс сказал ему, что после того, как они здесь закончат дела, пойдут искать шлюх, и у него пересохло во рту при этой мысли. Он подумал, пойдет ли с ними Яя. Если пойдет, то Дитрик знал, что у него ничего не выйдет. Раб стоял рядом с ним, чтобы налить ему вина, и он поставил чашу на стол. Звук льющегося в чашу вина напомнил ему звук водопада. Дитрик еще подумал о том, известно ли Таксу, что он никогда прежде не имел дела с женщинами. Ему вспомнился странный взгляд Такса, когда они говорили о шлюхах. Ему стало стыдно своей неопытностью.

Кто-то бежал по направлению к залу, легкие шаги приближались к двери. Вошел Такс и подошел к столу. Он слегка оперся о стол, давая отдохнуть ногам, и заговорил с Орестесом. Тот кивнул и что-то сказал, усмехаясь, затем показал жестом, что Такс может идти. Дитрик встал, а Яя сказал:

— Я остаюсь. Здесь тепло и есть вино.

Он положил локти на стол, а Дитрик вслед за Таксом вышел вон.

Снаружи Такс посмотрел на него и засмеялся.

— Эдеко не впустил меня к себе. Он сказал через дверь, что не выйдет и не желает видеть римлян до завтра, но что он уже перестал на них злиться. Я должен был это сказать Орестесу, но я не стал этого делать. Эдеко надоели римляне, и они знают это. Ты помнишь дорогу к гробнице?

— Да,— сказал Дитрик, и они пошли к входной двери.

Лунный свет затопил площадь перед церковью, но крыльцо было скрыто в темноте. Высокие двойные двери были закрыты. Такс и Дитрик взошли по ступенькам под навес, и Такс шел впереди.

Дитрик ощущал, как кровь билась в ушах, и, несмотря на сильный холод, у него вспотели ладони. Вдоль стены и в тени от крыши шлюхи выстроились, как лошади, которые ждали, когда их купят. Когда Такс и Дитрик подошли ближе, женщины начали зазывать их тихими голосами. В голосах звучали неприятные нотки призыва и ласки. Одна шлюха выскочила вперед и распахнула перед ними одежду. В темноте Дитрик с трудом увидел ее белые груди. Она схватила его за руку и прижала ее к своему телу. Он в ужасе отпрянул.

Такс что-то сказал, и шлюха ответила ему на латыни. Дитрик не видел ее лица, только белую грудь, которую она не потрудилась убрать под одежду. У него горела ладонь от прикосновения ее соска. Она и Такс начали о чем-то спорить. Потом Такс пожал плечами и, казалось, сдался. Он сделал жест, она прикрыла грудь и сошла с крыльца. Такс последовал за нею, а Дитрик, немного отставая, шел за ними.

— Она хочет по три медные монетки с каждого,— сказал Такс.— Но у нее есть дом. Там лучше, чем в саду. Сейчас очень холодно.

— Да,— хрипло заметил Дитрик.

— Я пойду первым, а ты станешь охранять, чтобы ничего не случилось. Иногда у них друзья воры. Когда ты раздеваешься, они входят и пытаются ограбить тебя. Трудно драться, когда на тебе ничего нет.

Дитрик не возражал. Они пересекли площадь и свернули на узкую улицу. Шлюха шагала перед ними, будто они шли не с ней. Он был одурманен ее телом. Женщина была очень молода, моложе его, и слишком худая и некрасивая. Но когда она двигалась, вместе с ней двигались ее длинные черные волосы, и его это волновало. Они шли по узкой улочке. Слева из-за высокого забора брехали собаки. Воняло отбросами. Что-то коснулось его ладони, и он подпрыгнул, но это был Такс. Он дал ему деньги.

— Я тебе все отдам,— тихо сказал Дитрик.— Я обещаю.

Такс засмеялся.

Шлюха остановилась у дома, стоявшего рядом с тем домом, где лаяли собаки. Это был маленький каменный домик с деревянной дверью. Над ней горела лампа. Девушка постучала в дверь и резко сказала что-то на незнакомом языке. Ей ответил мужчина заспанным голосом. Она остановилась у двери и улыбнулась Таксу и Дитрику. Это была пустая равнодушная улыбка, чтобы только они не ушли. Дитрик вспоминал, как ее грудь вывалилась из одежды. В темноте она каза-

лась синевато-белой. Дверь открылась, и мужчина маленького роста вышел на улицу, завернувшись в накидку. Он равнодушно посмотрел на Такса и прошел мимо Дитрика, даже не посмотрев на него, зевнул и пошел вдоль улицы.

Девушка заговорила, и Такс сказал:

— Она говорит, что это ее брат.

Такс улыбнулся и подмигнул Дитрику. Девушка сказала еще что-то. При свете лампы Дитрик отчетливо видел ее лицо. У нее были мелкие резкие черты и капризный рот. Такс ей ответил, и она вошла в дом. Такс пошел за ней и закрыл за собой дверь. Дитрик прислонился к двери. Под ним от возбуждения подгибались ноги.

За дверью был слышен голос девушки, и ей что-то отвечал Такс. Послышался металлический звук. Это Такс бросил монетки в медную чашу. Такс сказал, что нужно платить до того, как он... они... что-то начинали делать. За дверью заскрипело дерево. Ее постель. Они занимались этим. Ее грудь была мягкой, когда к ней прикоснулись его пальцы. Она была мягкой и податливой. Он совсем привалился к двери, но она была плотно закрыта.

Больше не было слышно никакого звука. Дитрик огляделся. Улица была пуста. Он увидел огонек и пошел туда. Огонек пробивался из-за ставен на окне за углом дома девушки. Дитрик прижался ближе к дому, глядя на окно. Что они там делают? Он вообще-то знал, и ему помогало воображение. Он видел за этим делом собак и скот и даже иногда видел людей.

Дитрик приблизился к окну и прижал глаз к трещине в ставне. Он увидел комнату. На столе горела масляная лампа и стояла медная чашка. Нельзя было подсматривать. Это был грех и нехорошее поведение. Стыд... Он наклонился и начал двигаться вдоль дырочки в ставне, пытаясь увидеть побольше. Ставня тихо растворилась перед ним на ширину ладони.

Он откатнулся назад, уверенный, что они его увидят и крикнут, чтобы он перестал подсматривать, и прикрыл ставню. Ему стало жарко от стыда, но никакого крика не последовало. Он услышал хриплое дыхание, это было дыхание двух человек. И тихое шуршание соломы. Лампа отбрасывала тени по стенам комнаты. У него сжалось горло, и он еще сильнее подвинулся, пока не увидел их двоих.

Девушка стояла на локтях и коленях на подстилке. Голова у нее опустилась вниз, и длинные черные волосы рассыпались по голым плечам и рукам. Свет лампы освещал ее ноги и бедра и руки Такса, которыми он обхватил ее бедра, расставив пальцы. Он держал колени между ее бедрами, и его тело двигалось вперед и назад, а его руки каждый раз после рывка снова притягивали к себе тело девушки. Дитрик не мог дышать. Тело Такса блестело от пота. Он рукой нажал на

спину девушки, и она послушно опустила ниже плечи. Такс поднял голову. Рот у него был открыт, а глаза плотно зажмурены. Израненная кожа на щеках была золотой, как у идола, и его волосы разметались по спине. Его дыхание становилось более хриплым и быстрым. Дитрик начал дрожать и сжал руки вместе. Он весь дергался, словно уже сам вошел в девушку. Его туника натянулась впереди, как тент на палке. Такс задергался. Ритм его дыхания прервался, и он замер на спине у девушки. Она сразу вылезла из-под него и пошла в угол комнаты. Такс упал набок и свернулся, как собака.

Дитрик попятился от окна. Ему опять стало стыдно. Он нажал спереди на возвышение под одеждой, и оно немного спало и даже стало мягким. Дитрик быстро пошел назад к двери. За ней слышались голоса и опять раздался стук монеток в медной чаше. Дверь отворилась. Лицо Такса, распухшее и удовлетворенное, блестело при свете огня.

— Входи.

И Дитрик вошел в домик. У него дрожали руки, и когда он отсчитывал деньги, то одна монетка упала на пол. Девушка сидела на постели, глядя на него. Он пошел было к ней, снимая на ходу пояс, но по дороге свернул к окну и крепко закрыл ставни и запер их на защелку.

Эдеко провел много времени в Новом Риме, и поэтому у него стала кожа более светлой. Он сидел за столом и ел. Правой рукой Эдеко показал, чтобы Такс подошел ближе к нему. Казалось, что его больше интересовал кусок мяса в руках, чем Такс. Такс подошел к маленькому мраморному столику и стоял, ожидая, пока Эдеко обратит на него внимание. Тот посмотрел на него и отложил пищу в сторону. Он, как всегда, хмурился.

— Прошлой ночью я решил, что они не так сказали мне твое имя. Когда я покинул Хунгвар, все с грустью говорили, что ты и Мараг умерли. Как тебе удалось добраться до дома? Садись. Они слишком долго варят здесь мясо, но зато его у них много.

— Спасибо,— ответил ему Такс. Он огляделся, чтобы найти что-то, на что можно было сесть. Из полутьмы алькова вышел раб и поставил небольшую деревянную лавочку напротив Эдеко. Эдеко взял несколько кусков мяса и положил их прямо на стол перед Таксом. Они там лежали, и под ними растекался соус. Раб вернулся с тарелкой, но Эдеко нетерпеливо отогнал его движением руки.

— Убирайся. Вообще убирайся отсюда!

Раб поковылял к двери. Эдеко не сводил с него взгляда.

— Они шпионят за мной все три месяца. Хунну не может

вытерпеть подобное наблюдение. Не столе стояла корзина с хлебом. Это были круглые плоские лепешки, все еще теплые. Такс разломил одну лепешку пополам и устроил на столе запруду против соуса, который сбегал к краю стола. Он еще ничего не ел утром, потому что его опять пытались заставить стоять в очереди за едой, как раба.

— Мараг умер. Я вернулся в Хунгвар осенью, до того, как начал падать снег. Я бы мог вернуться раньше. Теперь ко мне все хорошо относятся и даже сам каган. Расскажи мне о Новом Риме.

— Ты был в Новом Риме, расскажи мне о старом.

— О Городе? Но мы не смогли продвинуться дальше ворот.

— Ардарик приказал тебе попасть туда. Что ты там видел?

— Да, мы оставались там три дня.

— Мы сможем взять этот город? Если вестготы смогли его взять, то хунну обязательно сделают это! Какой высоты его стены? Он такой же большой, как Новый Рим? Там хороший залив?

Такс откусил кусок мяса, оно было таким вкусным. Ему пришлось быстро проглотить его, чтобы он смог разговаривать.

— Город разбросан по холмам и болотам, и там вообще нет залива. Только река, по обе стороны которой тянутся болота. Реку можно перекрыть, и тогда в Город не попадут никакие припасы. Мне кажется, что там нечего грабить. Готы, наверно, уже все забрали. Я слышал, как в Городе по ночам кричали совы и волки подходили к самой стене, чтобы отыскать себе еду. Зачем нам нужно покорять Город?

— О, ты никогда не слышал старика. Он говорит, что если мы захватим Рим, то на нас падут проклятья, и мы все умрем в муках.

— Какой старик?

Эдеко выплюнул кусок хряща. Он взял кувшин с вином, стоявший рядом с корзиной с хлебом, налил себе вина в чашу. Выпил и подвинул чашу к Таксу.

— Прошлым летом, когда мы были в Италии, старик привез нам дань из Рима, чтобы мы вернулись обратно домой. Ты уехал за день до его приезда, мне так кажется. Он был важным священником. Он передал кагану золото и прочитал ему лекцию по поводу Рима. Как его охраняют духи, и демон Христос, и его власть. Ты знаешь, что каган всегда хорошо относится к старикам. Мы все в то время болели и страдали от голода, он решил взять золото и вернуться домой. Но он очень внимательно выслушал этого важного священника.

Кусочки мяса застряли между зубов Такса. Он пытался их выковырять с помощью ногтя и помогал себе языком.

— Тогда почему вы все же хотите взять Рим?

— Чтобы доказать, что наше колдовство сильнее их магии. Такс допил вино и поставил чашу на стол.

— Я не уверен. Это — странное место. Мне было там трудно спать. Может, именно там магия хунну не срабатывает. Там полно всяких духов. Старик мог быть прав.

Эдеко пожал плечом:

— Может, и так, но каган ему не поверил.

Он отвел взгляд и нахмурился. Такс вытер о ляжки свои сальные руки. Он чувствовал, что что-то беспокоит Эдеко. Он едва удержался, чтобы не спросить его, но он понимал — если это важно, то он все равно узнает об этом.

— Мы завтра возвращаемся в Хунгвар? — спросил он Эдеко.

Тот перевел взгляд на него.

— Нет, только через несколько дней. Римляне сказали, что не тронутся с места, пока не отдохнут. Мы продвигаемся вперед очень медленно.

— Не знаю, почему они устали. Возможно, что это какая-то хитрость. Как дорога на север?

— Пока все нормально, — ответил Такс. — Но ты знаешь, как затапливаются дороги весной, когда вскрываются реки. Нам не следует ждать слишком долго.

— Всего несколько дней.

Эдеко снова устремил взор вдаль, нахмурился. Потом внимательно уставился на Такса. Такс ему улыбнулся. Эдеко фыркнул и отвел глаза.

— Кто командует караулом у кагана, пока меня нет?

— Видимо, Монидяк.

Эдеко кивнул и снова замолчал, устремив глаза на руки, лежащие перед ним на столе. Такс съел еще кусок хлеба.

— Ты помнишь Виджиласа? — спросил его Эдеко.

Такс покачал головой.

— Он приезжал в Хунгвар как-то с поручением от старого императора.

— Не помню.

— Может, тебя в то время там не было. Он был тогда переводчиком. Он — гот и был в зале прошлым вечером.

— Да, теперь я его вспомнил.

Он ждал, когда Эдеко продолжит разговор. Но тот налил еще вина, выпил и передал Таксу чашу. Глаза и постоянно сжатые брови выдавали его волнение.

— Ну, — неуверенно заметил Такс. Он решил, что ему пора уходить, и поднялся.

— Такс, — внезапно сказал Эдеко. — Что лучше: выполнить клятву или не изменять кагану?

Такс снова уселся на лавку.

— Что?

Эдеко встал и обошел вокруг стола. На нем была туника из чудесной красной материи и даже золотые браслеты, которые так нравились римлянам, но на ногах — обмотки, как носили гунны, и сапоги из меха чернобурой лисицы.

Он пошел и двери и выглянул, чтобы проверить, не подслушивают ли их, потом сказал:

— Я поклялся никому ничего не говорить, но если я промолчу, то может случиться беда. Или даже лучше сказать — пройдет ненаказанной, потому что об этом никто не будет знать, и кагану может быть оказана плохая услуга.

— Какая клятва?

— Она была принесена духам римлян, но это все равно была клятва.

— Почему ты поклялся?

— В то время я не знал, что они потом мне скажут. Ты же знаешь, каким любопытным бывает человек, и когда ему что-то хотят сказать по секрету, его одолевает любопытство, хотя он потом хочет отказаться от знания этого секрета.

Такс не понимал, о чем говорит Эдеко. Он ждал разъяснений.

— Мне нужно нарушить клятву, и я боюсь, что случится что-то плохое. Что мне сделать, чтобы как-то оградить себя?

Такс засмеялся.

— Я не шаман. Когда вернешься в Хунгвар, спроси об этом Трубача.

— Я часто слышал, что ты обладаешь даром волшебства.

— Поговори с Трубачом. Каким духам ты приносил клятву?

— Демону Христу и некоторым его помощникам.

Такс нахмурился.

— О, я могу спросить Дитрика. Он — христианин.

— Нет, ничего не говори об этом германцу. Они все наполовину римляне. Я поговорю с Трубачом, но ты должен пообещать, что кое-что сделаешь для меня. Ты должен сразу отправиться обратно в Хунгвар, раньше всех нас, и все рассказать кагану о том, что когда я был в Новом Риме, римляне говорили со мной и заставили принести им клятву никому ничего не рассказывать, а потом предложили мне золото, чтобы я убил кагана.

Такс взволновался. Эдеко не отводил от него взгляда. По углам его рта пролегли глубокие морщины, которых раньше не было.

— Я дал свое согласие, и они одарили меня золотом. Я боялся отказывать им, так как думал, что они меня тогда убьют. Но я не собирался выполнять их приказание. Мне нужно было отказать им, не так ли?

— Убить кагана? — Такс не мог перевести дыхание. — Кто просил об этом? Этот Виджилас?

— Он был там, но предложил один из советников. Кастрат — Хрисафиус. Мне нужно было отказаться!

— Как они могут называть своего императора богом, если он приказывает совершить подобное? Украсть волшебство у целого народа?

— Мне кажется, что император об этом ничего не ведает. Ты знаешь, что я не стану этого делать, лягушонок, не бойся. Но я должен все сказать кагану, чтобы он мог их наказать.

Такс кивнул головой. Он почувствовал, как тень копья прошла над ним.

— Ты поедешь в Хунгвар и все расскажешь кагану?

— Да.

— Ты должен сказать, что я никогда не собирался делать это, что я сделал вид, будто принял их предложение, чтобы заманить их туда и наказать.

— Я это сделаю. Разреши мне все рассказать Дитрику. Он очень уважает римлян, и ему следует знать об их коварстве.

— Он может их оправдать и не изменить о них своего мнения. Почему ты подружился с гепидом? Он не станет защищать тебя перед своими людьми, как ты его сейчас защищаешь передо мной.

— Не говори так. Ты его не знаешь, и мне он нравится.

— Он — сын Ардарика. Я знаю Ардарика и работал с ним со времени смерти моего отца. Можно быть мудрым и не быть хорошим, и Ардарик пример тому.

— Дитрик не такой, как Ардарик, — упрямо сказал Такс.

— А, не говори ему ничего, — Эдеко хлопнул в ладоши. — Иногда мне кажется, что ты слишком глуп, чтобы связываться с тобой.

Такс обиделся.

— Я никогда и не говорил, что я — умен.

— Но ты хотя бы не врешь!

Такс раскачивался на скамейке и испепелял взором Эдеко. Тот встал и прошелся по комнате. Здесь стояла мебель резного темного дерева, и ее полировали маслом. Столы и лавки были чудесной формы. И вся комната воспринималась как единое целое. Все радовало глаз — плитки пола, потолок, очертания окон и стен. Комната была светлой и полной воздуха даже зимой, но, как все римское, казалось, что лучше всего она выглядела, когда там не было людей. Неожиданно Таксу захотелось вскочить и перевернуть в комнате всю мебель, разбросать мусор и дерьмо по полу и по стенам. Эдеко вернулся и сел напротив него.

— Прости. Это я — дурак, что говорю с тобой таким то-

ном. Но мне пришлось провести много времени с римлянами, и поэтому у меня не осталось терпения.

— Почему ты извиняешься? Все считают меня дураком.

Эдеко приставил руку к груди Такса и легонько толкнул его.

— Все, уходи. У меня нет времени, чтобы врачевать твою гордость. Никому не говори, почему ты уезжаешь, и завтра отправляйся обратно в Хунгвар.

— Мне можно забрать с собой Дитрика?

— Да,— сказал Эдеко.— Ему будет плохо, если он останется один с нами.

Такс встал и вышел из комнаты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Каган выставил вперед нижнюю губу. Он скорчился на своем высоком кресле, левое плечо было опущено, а правая рука покоилась на подлокотнике кресла. Справа сидели его сыновья Эллак и Денгазич. Они слушали Такса молча и ни разу не взглянули на него. Каган, наоборот, не отводил от него взгляда. Такс чувствовал себя ужасно, сообщая подобные новости.

Тишина уже начала давить на людей. Каган лениво почесал жидкую бороденку. Он не отводил взгляда от Такса. У него стало сводить судорогой ноги, начиная с колен и поднимаясь выше к бедрам. Он переступил с ноги на ногу, подумав, может ли он попросить позволения сесть. Каган, глядя на него, улыбнулся и сказал:

— Садись, лягушонок. Ты не можешь долго стоять.

Глядя на пустую стену, Денгазич скорчил рожу и потом снова принял равнодушное выражение. Такс вздохнул и уселся на корточки.

— Итак,— сказал каган спокойным голосом.— Эдеко признался тебе, что клятва, которую он дал, его волновала, а ты являешься другом шамана по имени Трубач. Что ты ему сказал в отношении клятвы?

Такс ждал, что его станут спрашивать по поводу заговора, и он не знал, как ему нужно отвечать на другие вопросы. Ему нужно было время, чтобы все вспомнить. Он пожал плечами:

— Ничего. Я ему сказал, чтобы он поговорил с Трубачом. Я не помню, чтобы я говорил ему что-либо еще.

— Угу.

Каган улыбнулся, и лицо его стало гладким и спокойным. Он посмотрел на своих сыновей. Денгазич быстро улыбнулся в ответ, но лицо Эллага ничего не выражало.

— Как выглядит Эдеко? — продолжал спрашивать каган.—

Когда он рассказывал тебе о заговоре, он тебе показался... расстроенным?

— Конечно.— Такс поднял руки ладонями вверх: — Даже подумать об убийстве...

— Ш-ш-ш-ш, ты знаешь, что я предпочитаю краткие ответы. Тебе показалось, что он так же расстроен заговором, как и клятвой и тем, что ему придется нарушить эту клятву?

— Ну,— протянул Такс.— Он знал о заговоре дольше меня.

Он не понимал, для чего его обо всем спрашивают. Ему хотелось, чтобы каган вернулся к заговорщикам и к делегации, которая следует в Хунгвар, чтобы он, Такс, мог рассказать ему о своем плане, как следует расправиться с заговорщиками. Он никак не понимал интереса кагана к Эдеко.

Но каган спокойно откинулся назад в своем кресле.

— Ты привез с собой сына короля Ардарика?

— Дитрика? Да.

— Я рад. Ардарик приставал ко мне из-за него, как старая баба. Тебе не стоило брать его с собой. Он спросил разрешения у отца, и тот ему отказал. Ты знал об этом?

— Он мне не сказал об этом,— ответил ему Такс.

— Но ты все равно знал...

— Он достаточно взрослый, чтобы поступать по-своему, а не так, как желает его отец.

Каган захохотал. Он кивнул на своих двух сыновей. Когда он немного успокоился, то заметил:

— Не говори так в присутствии моих детей. Ты видишь Денгазича.

Ему почти столько же лет, как и сыну Ардарика, и он может последовать его примеру. Спасибо, что ты мне все рассказал. Ты можешь идти. Проследи, чтобы Дитрик возвратился к своему очагу.

Когда он говорил о доме Дитрика, в его голосе прозвучало презрение. Но потом он стал снова улыбаться и был спокоен.

— Ты посмотри, как мы подготовили место, где станут жить римляне и их слуги, когда они явятся сюда.

У Такса широко раскрылись глаза.

— Аттила, ты говоришь, что позволишь им приехать даже после того, как ты все узнал?

Каган потер грудь.

— Мне кажется, что если мы обратим слишком большое внимание на этот заговор, то сами римляне могут задрать нос. Они не так важны для меня. Выполняй то, о чем я тебе сказал, лягушонок.

— Хорошо,— согласился с ним Такс.— Я тебя не понимаю.— Он поднялся, осторожно потопал ногами и вышел из комнаты.

— Почему ты разрешаешь простому солдату так разговаривать с собой? — спросил отца Эллак.

Каган поднялся с трона и плотно прижал руку к боку.

— Он может со мной разговаривать, как ему угодно. Вы должны разговаривать со мной почтительно. Убирайтесь!

Эллак встал и пошел прочь. На столе в другом конце комнаты, где стояли кувшины с вином, лежал амулет, который шаманы дали кагану. Аттила быстро пошел к нему. Он жестом показал Денгазичу, чтобы тот отправлялся вслед за Эллаком. У кагана начало бурлить в животе, и его затошнило. Он знал, что если успеет налить молоко с медом на амулет и выпить его до наступления боли, то не упадет в обморок. Но боль, как удар ножа, пронзила его желудок. Он рывком сделал еще шаг к столу и упал на колени. Темнота прикрыла его глаза, и сознание ему отказало. Через мгновение он смотрел в лицо Денгазича.

— Что это? — кричал сын. — Отец, мой каган...

Аттила понял, что стоит на коленях и сын его поддерживает. Он попытался выпрямиться, чтобы его вес не так давил на руки сына, и с трудом поднялся на ноги. Он подошел к столу за амулетом и молоком с медом. Денгазич шел за ним, как ястреб за зайцем.

— Что с тобой случилось? Я видел, как ты упал. Что случилось?

— Я споткнулся, — сказал Аттила.

Амулет лежал в маленькой коробочке из прозрачного восточного камня. Он открыл коробочку и бросил амулет в свою чашу.

— Где Эллак?

— Ушел. Он вышел до того, как ты... упал.

Каган выпил молоко. Сладкий вкус кобыльего молока заглушал привкус амулета. В желудке боль нанесла еще один, более слабый удар и потом пропала.

— Раньше так уже случалось? — спросил его сын.

Аттила снова наполнил чашу.

— Я споткнулся.

Когда у него в первый раз начались боли, он даже начал подозревать Денгазича, что тот навел на него порчу. Теперь он уже привык к этим приступам и больше не винил в них своих сыновей. Но по-прежнему считал, что им не следует знать о его слабостях. Он вернулся к трону и снова сел на него. Денгазич ходил вокруг него в беспокойстве. Потом он присел на корточки и посмотрел на кагана.

— Эллак ничего не знает. Что тебе сказали об этом шаманы?

— Я оступился, — повторил каган. — Если ты еще раз скажешь об этом мне или еще кому-нибудь, я все равно узнаю, и тебе будет худо.

Он отпил сладкое молоко.

— Ты мне веришь?

Денгазич посмотрел на него. Его глаза гота были похожи на взгляд рыси. Аттила округлил свои глаза. Неожиданно мальчик упал на колени и ударил лбом по полу:

— Мой каган.

Он вскочил и выбежал из комнаты.

Аттила пил молоко. После каждого приступа боли он испытывал страшную слабость, и каждый раз ему требовалось больше времени, чтобы прийти в себя. Два раза его рвало кровью. Это его жутко испугало, и ему было стыдно, что он испугался. Он сидел расслабившись, чтобы сила снова вернулась в его тело.

Все шаманы сказали в один голос, что это действовало на него старое колдовство. Всегда многие желали нанести вред кагану. У него было множество врагов. Сейчас Аттила начал стареть, и силы у него уменьшались, и проклятия стали сильнее на него действовать. Так говорили ему шаманы.

Двое шаманов, один из которых Трубач,— его магия была сильной и старинной, и еще у него было несколько демонов, так вот, они сказали, что это было нечто другое. И сам Аттила был согласен с тем, что некоторые проклятия против хунну были очень сильными, когда животные превращались в людей, а потом в растения, и что подобное колдовство сильнее всего действовало на кагана.

Хотя он сам не припоминал этого, но тысячу раз слышал о том, как хунну следовали за белым оленем через болота по Европе. Как они проходили по равнинам. Это были орды захватчиков. Каждый клан имел собственного короля. С ними путешествовали женщины, дети, юноши и старики. Их было очень много, как сейчас остготов или франков. И после этих времен с ними что-то случилось. Постепенно хунну начали вымирать. Болезни, которые не тронули германцев, убивали хунну. Женщины хунну рожали детей, которые могли прожить год или два, а потом умирали. Молодые мужчины уходили воевать и присоединялись к армиям римлян, и их убивали, или они женились на женщинах германцев, и их дети становились детьми германцев, а не хунну.

Денгазич был не хунну, а германцем, как и Ардарик, а Эллак — слаб умом. Только Эрнач, один из его сынов, обладал сердцем и способностью возглавлять людей, но Эрнач не получит шрамы до следующего лета. Ни один из сыновей Аттилы не знал заговоров, которые следует произносить над телом умершего отца. Ему следовало научить их этому. Им нужно было выучить это, когда он произносил заклинания над своим отцом каждый год во время смерти Мундзука. Но сам Аттила не повторял заклинаний уже десять лет, с тех пор как он убил Бледу, своего брата и старшего сына Мундзука.

В то самое время, когда он должен был молиться во имя духа своего отца, каждый клан и тотем Хунну обычно собирались вместе и проводили курултаи, чтобы лучше действовали заклинания во время охоты, и ехали на охоту, чтобы приготовить мясо на зиму. Но уже многие годы не проводилась Великая Охота. Хунну лениво прозябали в своих лагерях или ждали, когда германцы привезут им пищу. Никто уже не помнил ритуал курултая. Люди, владевшие умением и мастерством охоты, умирали, не оставив сыновей. Все позабыли песни и ритуалы, которые могли защитить стада, потому что теперь немногие хунну держали стада. Германцы ухаживали за стадами, и их у них было множество.

Данное ему при рождении имя не было Аттилой. Другим было и его тайное имя, которое он получил при нанесении шрамов на щеки, когда он стал мужчиной. Его стали называть Аттилой в качестве подарка, потому что он объединил своих людей и сделал их сильными, и они начали повелевать другими племенами. Ему казалось, что после его смерти хунну пропадут. В его животе поселилась боль. Правда, она теперь стала меньше от сладкого молока. Сделав усилие, он исключил грустные мысли и стал думать в другом направлении.

Дитрик оставался с Таксом под навесом дворца кагана до наступления темноты. Когда он удирал вместе с гуннами, то не думал о том, что ему все равно придется возвратиться к отцу. Он говорил об этом с Таксом, но тот его оборвал.

— Он будет слишком счастлив, что ты вернулся. Он немного покричит на тебя, а потом отошлет, чтобы ты подумал о том, какой ты совершил проступок. Не волнуйся.

— Ты не знаешь моего отца.

— Тогда не возвращайся к нему, а оставайся с нами.

Дитрик фыркнул. Он прислонился спиной к стене. Монидяк, Бряк и Такс играли в палочки. Они кричали и шутливо били друг друга после каждого хода. И их голоса звучали, как голоса ссорящихся женщин. Дитрик смотрел на них. Ему не хотелось их покидать. Ему казалось, что их жизнь проходит гораздо легче, чем его жизнь.

Такс ничего не сказал Дитрику о том, почему им пришлось так внезапно покинуть Сирмиум. Утром, прежде чем отправиться к Эдеко, он сказал, что они отправятся смотреть петушинные бои, и подробно описывал, как следует выбирать петуха, на которого стоит поставить деньги. Днем он повидал Эдеко, а вскоре он и Дитрик уже возвращались в Хунгар.

Возвращение домой было тяжелым. Они ехали от темна до темна и ели только горсточку подсушенного зерна, а пили растопленный снег и Белого Брата. Почти все время Дитрик был пьян от Белого Брата. В его памяти путешествие запечатлелось, как сияние ослепительно белого снега и неба, на котором иногда появлялись черные силуэты ветвей деревьев.

Теперь, когда он вспомнил об отце, мысль о доме наполнила его теплом и ощущением триумфа. Он смотрел, как Такс перекидывал свои палочки, и думал, как бы небрежно напомнить ему о возвращении домой.

— Такс, почему мы так внезапно заторопились домой?

Такс глянул на него, улыбнулся и повернулся к Монидяку.

— Он — лучший всадник среди германцев, и ни разу не попросил меня ехать медленнее.

Монидяк и Бряк захохотали и наклонились, чтобы тронуть руку Дитрика. Он опустил глаза, ему стало очень приятно. Он начал размышлять о том, говорил ли ему Такс, почему им пришлось так внезапно покинуть Сирмиум. Он посмотрел на ворота. Солнце уже зашло, но было еще достаточно светло. Группа женщин шла через ворота. Они шли одна за другой и несли в корзинах снег, чтобы охладить вино хатун Креки. Караульный у ворот ждал, пока пройдет последняя женщина, чтобы закрыть ворота на ночь. На фоне темневшего неба прямые ветки дуба простирались, как сеть.

— Ну,— сказал Дитрик.— Мне нужно двигаться.

— Оставайся с нами,— ответил Такс, глядя на него через плечо.— Зачем тебе вообще нужно ехать к отцу?

Монидяк добавил:

— Дитрик, ты — уже мужчина, а не маленький мальчик. Оставайся жить с нами.

— Я бы хотел этого...

Он попытался представить себе, как он станет жить с гуннами, но не смог.

— Мне нужно вернуться. Я приеду к тебе завтра, Такс. Быть может...

Дитрик наклонился и хлопнул Такса по плечу. Он поднял свою шубейку с перил и пошел за угол дворца за конем. Он услышал, как Монидяк крикнул караульным, чтобы они открыли для него ворота.

В воздухе похолодало, после того как село солнце.

Он выехал из ворот, проехал по пустой дороге к броду и пересек реку. Ночной ветер проносился по равнине и бил его в лицо, принося с собой запах близкой оттепели. Он ехал вдоль берега реки и слушал, как деревья похрустывали под порывами ветра.

Все уже спрятались на ночь.

Он вспоминал поездку из Сирмиума. Когда они ночью остановились, Такс рассказал ему, как он и Мараг пересекали Альпы, и тогда разразилась сильная буря в начале осени. Когда он говорил о смерти своего друга, на лице Такса было сожаление. Даже гунны умирали в снегу, и перенести подобное путешествие — это было признаком силы. По мере того, как дом его отца становился все яснее и больше на холме,

Дитрик использовал память о путешествии, как защитную броню. Что бы ни говорил ему о гуннах Ардарик, он все равно знал их лучше него.

Он подъехал к дому и проник внутрь через маленькие ворота, которые он знал, как надо открыть. Он отвел коня в конюшню и оставался там до тех пор, пока, как он знал, все будут заняты ужином. Если ему удастся проникнуть на сеновал и провести там ночь, тогда утром Ардарик будет выглядеть глупо, начав скандалить. На него подействовали знакомые звуки и запахи дома. Ему вдруг показалось, что прошли годы со времени его поездки в Сирмиум и что туда ездил совершенно другой человек. Он вспоминал только какие-то отдельные детали.

Открыв дверь конюшни, он посмотрел на грязный двор и дом. Сквозь щели в ставнях проникал свет факелов. Он слышал смех и разговоры людей в доме. Он почувствовал запах мяса, хлеба и даже пива. На глаза юноши навернулись слезы.

Это была настоящая жизнь, а жизнь у гуннов была где-то далеко, в дымке прошлого. Он пошел к задней части дома, где было окно, через которое можно было проникнуть в дом.

— Остановись... Собака! Стой!

Дитрик остановился. По рукам у него пробежали мурашки, и во рту пересохло. Ардарик вышел из дома, сжав руки в кулаки и задрав сверху подбородок.

— Где ты был?

Так орал Ардарик, делая шаг на каждом слове.

— Куда ты отправился, когда я приказал тебе... Я тебе приказал никуда не ездить с ними...

— Пожалуйста... Пожалуйста.

Дитрик оглянулся, чтобы увидеть, кто их слушает.

— Ах, пожалуйста,— сказал Ардарик.— Пожалуйста!!

Он подскочил к Дитрику и стукнул его по уху.

— Пожалуйста!

Потом он ударил его в другое ухо.

— Пожалуйста!!

Дитрик поднял руки, чтобы защититься от ударов.

— Отец...

Огромные кулачища Ардарика летали над ним, задевая по голове и молотя по рукам. Дитрик пригнулся, пытаясь удрать от возмездия отца. По лицу текли слезы унижения. Он решил убежать, но вместо этого он выпрямился и ударил Ардарика по лицу.

Он ссадил себе костяшки пальцев, и рука у него онемела до локтя. Ардарик попятился назад, размахивая руками, и потом тяжело приземлился на грязный мокрый снег. Дитрик был так поражен, что захохотал.

Ардарик с трудом поднялся со снега и, прихрамывая, пошел к нему. Дитрик развернулся и побежал, но он скользил

по растоптанному снегу, и ему было трудно сохранять равновесие.

Огромная тяжесть толкнула его сзади, он упал лицом в снег и заскользил вперед, неся на спине Ардарика. Когда он остановился, его отец прыгнул с него, схватил его за руки и рывком поднял вверх.

— Ты посмел меня ударить...— Ардарик начал колотить его по плечам.— Ты ударил своего бедного отца... Моли бога, чтобы он простил тебя, проклятая собака...

Дитрик прикрывал голову руками и стоял пригнувшись, пока Ардарик бил и колотил его. Он вдруг понял, что половина людей из их окружения смотрели на них и смеялись. Головы торчали из окон. Но ему уже было все равно. Он спокойно ждал, когда отцу надоест колотить его или он устанет и остановится. И наконец он почувствовал, что удары стали не такими сокрушающими.

— Проси прощения! — орал Ардарик.

— Прости.

Дитрик отряхнул с одежды раскисший снег.

— За что я должен просить прощения?

Ардарик уставился на него. Его широкая грудь бурно вздымалась от усталости.

— Ты поехал в Сирмиум? Что ты там делал?

— Пошли в дом,— сказал Дитрик.— Я замерз.

Ардарик схватил его за руку.

— Так тебе и нужно. Ты, непослушный и непочтительный сын.

Он сильно обнял Дитрика.

— Бог сильнее карает того, кого больше любит.

Его голос стал хриплым. Дитрик был поражен, когда почувствовал, как его отец неумело поцеловал его в щеку, и ощутил слезы на щеке.

Брат Такса Раз содержал дюжину кобыл в степи к западу от Хунгвара. Каждый вечер он сам приводил их на дойку. Через день после возвращения в Хунгвар Такс поехал на пастбище, чтобы привести своих лошадей, которых он оставил заботам брата. Он уже проехал половину пути, когда позади него раздался крик. Его брат ехал к нему. Раз был на шесть лет старше Такса. Он был единственным выжившим его братом. Хотя они никогда не были близки друг другу, Таксу нравилось с ним разговаривать, потому что у Раза было много разных странных идей и мыслей.

Раз подъехал галопом на своей черной лошади и остановил ее рядом с Таксом. Раз был высоким мужчиной с длинным лицом. Он напоминал больше мать, чем их отца Резака, которого очень любил Такс.

— Брат, я не знал, что ты уже вернулся из Сирмиума,— сказал он.

— Я вернулся вчера,— ответил ему Такс.— Эдеко послал меня раньше всех остальных.

Оба брата медленно поехали вперед. На плече у Раза висело собранное лассо. Такс всегда им восхищался, хотя ни за что не желал себе в этом признаваться. Раз был очень богат, и его уважали солидные люди. Пока они ехали, Такс искоса поглядывал на Раза.

Неожиданно Раз спросил:

— Что было интересного в Сирмиуме?

Такс пожал плечами:

— То же самое, что и везде — много разных зданий, люди и всяческие вещи, которые делают римляне. Я встретил хунну, который служит в армии императора. Потом видел дом проконсула. У меня была шлюха — все одно и то же.

— Тебе следует опасаться шлюх. Тебя могут ограбить.

— Я взял с собой друга, и он охранял меня.

Раз внимательно посмотрел на него.

— Этого Яя? От него тебе не будет никакого толка.

— Нет, Дитрика, сына короля гепидов.

— Короля гепидов? Ардарика? Я думал, что Яя — твой друг.

— Так оно и есть, но Дитрик — это мой близкий друг, как раньше был Мараг.

Раз отвел взгляд. Они ехали под ветвями деревьев, стоявших на краю пастбища. На голых серых ветвях набухли плотные зеленые бутоны. В тени снег лежал на земле кусками, пропитанный влагой и ноздреватый.

— Люди не забыли о твоём поступке,— сказал Раз.— Как ты привез тело Марага, чтобы его похоронили здесь. Его отец подарил мне трех жеребят, соль и железо, и он плакал и поклялся, что ты — настоящий человек.

Такс ничего не ответил. Он подумал, почему отец Марага сделал эти хорошие подарки не ему, а Разу. Хотя, конечно, Раз был главой семейства Такса. Он был поражен, когда услышал в голосе Раза восхищение. Такс откашлялся и стал смотреть в сторону. Равнина перед ними спускалась к замерзшему ручью и вдали снова поднималась вверх. Сотни лошадей паслись на коричневой грязи, в которую их копыта превратили снег. Большинство из них медленно продвигались по равнине туда, где их обычно собирали хозяева. Кони Раза уже ждали их под погибшим дубом. Их головы были развернуты в одну сторону, а хвосты развевались на сильном ветру. На боках были куски свалывшейся линяющей зимней шерсти.

— Значит, Дитрик стал теперь твоим близким другом,— заметил Раз.— Эта твоя черная кобылка очень противная.

Она никогда не пасется вместе с остальными конями. Ты ее где-нибудь видишь? Вчера я ее нашел вдали в ложине, что расположена через ручей.

Такс начал разглядывать лошадей, рассеянных по равнине. Черная кобылка предпочитала одиночество. Он ее не увидел и, приложив пальцы ко рту, свистнул. Его черная лошадка вскинула голову. Гнедая кобыла и серый мерин, принадлежавшие Таксу, начали проталкиваться посреди лошадей Раза.

Раз пошел собрать лошадей и привязать их всех вместе к веревке. Кони Такса шли к нему, опустив головы, а их длинные лохматые гривы развевались по ветру. Черная кобылка появилась среди деревьев. Она остановилась, высоко подняв голову, и Такс снова свистнул. Его черная лошадка заржала. Высоко задрав вверх голову, черная кобылка помчалась по раскисшему снегу прямо к ним. Хотя она ждала жеребенка, она мчалась большими плавными движениями, которые были так по душе Таксу. Он подумал, может, она ищет место, чтобы там спокойно ожеребиться. Как и его черная лошадка, она была чистокровной кобылкой хунну, и черная лошадка Такса была ее жеребенком. Она остановилась рядом с гнедой кобылой и куснула в шею, та ее лягнула. Все три лошади пошли к Таксу и остановились возле. Их морды почти касались морды его черной лошадки.

Такс слез с седла и связал вместе своих лошадей. Он ласково приговаривал им что-то и трепал по шее. Черная кобылка лизала ему руки. Все трое обнюхивали одежду — они искали подарки, которые он иногда привозил им. Потом Такс начал выбирать у каждой колючки из гривы и счищать длинную линиявшую зимнюю шерсть с крупа. На животе черной кобылки был какой-то бугор, и Такс решил, что это нога будущего жеребенка. Он коснулся выпуклости и произнес заклинание для быстрых и легких родов. Когда он закончил дела с черной кобылкой, он заглянул в глаза гнедой кобылы. Глаза лошадей не были похожи на глаза людей. В них было что-то холодное и недружелюбное. Раз возвращался со своими лошадьми. Такс сел в седло, они отправились домой и ехали рядом друг с другом.

— Значит, сын короля гепидов стал твоим другом, — заметил Раз. — Германец и хунну, как странно!

— Все говорят, что мне не стоит с ним дружить.

— Вот как? Возможно, они правы, не могу тебе ничего сказать. Мне это тоже кажется странным, у меня все друзья были хунну. Более того, у меня не было друзей, которые сильно отличались от меня — у них тоже были малые дети, жены, и мы думали одинаково. Ты для меня такой же странный, как и гепиды.

— Что?

Таксу понравилось, что брат считает его другим. Они проехали под ветвями деревьев с набухшими почками и начали подниматься по пологому холму в направлении частокола у дворца кагана. На севере показался лагерь гепидов с их аккуратными деревянными домиками, а на юге можно было видеть дом Орестеса и каменную римскую баню.

— Мои друзья и я, — начал Раз, — часто не соглашаемся с каганом и его поступками, но мы ему повинемся, потому что так следует поступать. Я не понимаю, почему молодой парень вроде тебя, у которого нет обязанностей, все время вертится в Хунгваре, подчиняясь чьим-то приказам, и зря тратит свою молодость. Если бы я был на твоём месте, я б уехал отсюда и посмотрел мир и, может, столкнулся с интересными приключениями. Но ты остаешься здесь, напиваешься, играешь в идиотские игры и постоянно попадаешь в беду. Ты очень легкомысленный, и в этом со мной соглашается Трубач, хотя он хорошо к тебе относится.

— Если я поеду один, какие у меня могут быть приключения? — возмущенно воскликнул Такс. — Нужно, чтобы со мной были мои друзья, иначе все будет неинтересно!

Длинное лицо Раза вытянулось еще больше — он о чем-то раздумывал.

— Не знаю, но если бы я был на твоём месте, я бы постарался все выяснить. Есть много вещей, которые ты не сделал.

— Что я должен сделать? И что ты сделал в своей жизни?

Они подъехали к броду через реку. Там было много народа. Гепиды возвращались в свой лагерь, хунну двигались к частоколу, купцы ездили взад и вперед. Раз и Такс встали в стороне, собираясь подождать, пока толпа рассеется, чтобы они могли пересечь брод со всеми своими лошадьми.

— Не слушай меня, — сказал Раз. — Я ничего не имел в виду. Это были всего лишь мечты.

— Тогда почему ты мне сказал об этом?

Раз раздраженно пожал плечами.

— Что планирует каган? Ты не знаешь, он собирается снова двигаться к Риму?

Возле брода наступил небольшой перерыв в движении, и они поскакали туда, разогнав по дороге стадо коз, которое мальчишка гепид пытался перегнать через реку.

— Да, — сказал Такс. Он не был уверен, стоило ли об этом говорить брату, но он не знал, каким образом он может скрыть подобные планы от брата. — Конечно, он собирается сделать это.

Раз покачал головой. Он носил длинные волосы незаплетенными, набок, чтобы прикрыть ухо, где отсутствовала нижняя часть, которую он потерял в сражении, когда был молодым.

— Иногда мне кажется, что нам жилось бы лучше, если

бы нами правил обычный человек. Как это было в прежние времена, когда было много начальников, а не один.

Такс возмутился, и черная лошадка стала двигаться быстрее под нажимом его ног. Таксу пришлось ее осадить. Он посмотрел на Раза, тот внимательно смотрел на брата. Такс быстро отвел от него взгляд.

— Ты понял, почему я сказал тебе это? — спросил Раз.

— Потому что ты — глупый. Ты даже глупее меня. Тебе следует любить кагана.

— Может быть. Но ты меня послушай. Хунну, а мы все хунну, верят в определенные вещи — в силу наших предков, в прежний жизненный строй и еще в целый ряд вещей. Если человек начинает верить еще во что-то, он уже больше не хунну. Но кем он тогда становится?

— Что ты хочешь сказать? Моя мать была хунну, и отец был хунну, как я смогу стать римлянином? Или германцем?

Такс покачал головой.

— У кобылы не родится теленок. Что ты мне хочешь сказать?

Раз ласково улыбнулся ему.

— Я тебя расстроил?

— Да. Тебе не стоит говорить непочтительно о кагане. Ты бы не повторил свои слова в его присутствии.

Они объезжали холм кагана в направлении к лагерю хунну. Запахи вечернего приготовления пищи доносились до них. Цвета закатного солнца постепенно становились серыми.

Раз спросил:

— Почему ты сделал это? Привез тело Марага домой? Тебе, наверно, было нелегко сделать это.

— Но... Что я еще мог сделать?

Они двигались между юрт. Таксу пришлось натянуть поводья, чтобы пропустить лошадей Раза. Ему было непонятно, как можно было говорить то, что Раз сказал ему о кагане. Получалось, что Раз плохо говорил о самом Таксе. Он ехал за братом к середине стоянки. Ему хотелось сказать ему что-то резкое, если Раз начнет этот разговор снова.

Когда они доехали до того места, где им было нужно разъехаться в разные стороны, Раз позвал его! Такс объехал лошадей и приблизился к брату. У него горело горло, так ему хотелось высказать Разу все умные вещи, которые он придумал по дороге.

— Давай, поужинай с нами, — сказал ему Раз. — Ты редко бываешь у нас, а нам нужно чаще видеться друг с другом.

— Яя будет...

— Поехали.

Раз улыбнулся и коснулся руки Такса.

— Тогда ты сможешь мне сказать все, что ты обо мне думаешь.

Такс улыбнулся и кивнул головой:

— Если у тебя есть еда — тогда поехали.

— У нас всегда есть, чем угостить брата.

Раз повернул к своей юрте. Его кобылы направились за ним. Такс видел, как младшая жена брата поджидала его с кувшином, чтобы полить ему на руки, когда он спешится с коня.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Через несколько дней римляне прибыли в Хунгвар. Никому не позволили их приветствовать, за исключением нескольких специально назначенных людей, которые должны были следить за ними.

Но любопытные все равно вертелись вокруг, делая вид, что просто проходят мимо. Дитрик был среди них. После того, как Такс встретил римлян, его отпустили, они вместе пошли на стоянку гуннов.

Юммейк снова заболела. Такс сказал, что на этот раз болезнь проявилась очень сильно, и она могла умереть. Трубач пришел, чтобы помочь ей. Дитрик и Такс пошли к юрте шамана. Вокруг нее болтались люди и с любопытством заглядывали в дверь, когда она отворялась. Такс сказал, что Трубач желает его помощи, и было видно, как он гордится этим. Дитрик сначала держался позади, думая о том, как станет реагировать Трубач на незванного гостя, но Такс втащил его за собой в юрту.

Они сели посредине помещения. Шаман был чем-то занят в задней части юрты. Они видели его профиль, но он не обращал на них внимания. Дитрик с интересом огляделся. Он никогда не встречал у германцев таких богатых домов. Он не видел ничего подобного с тех пор, как они покинули римский дом в Сирмиуме.

— Юммейк болеет всю жизнь, — сказал Такс.

Он уселся поудобнее и пальцем начал водить по рисунку ковра.

— Ее мать съела змею до рождения Юммейк, и кровь у девочки стала холодной. Трубач, откуда эта вещица?

— Новый Рим.

— Почему, если у нее холодная кровь, она кашляет кровью? — спросил Дитрик. — Ты, правда, считаешь, что она от этого так больна?

— Конечно.

Такс даже сплюнул, чтобы подчеркнуть свои слова. Трубач грозно глянул на него, и Такс быстро растер свой плевок по коврику.

— Все знают, что если человек харкает кровью, то у него холодная кровь.

Дитрик смотрел, как Трубач растирал ягоды на плоском камне. В юрте больше никого не было. Такс сказал, что шаман был женат, но Дитрик не видел его жены. В юрте было темно и очень тихо, если не считать звука растираемых ягод. В полумраке, в свете огня небольших масляных ламп блестящие золотые узоры на лаке лавок, на основном шесте, который держал на себе всю юрту, на сотнях маленьких чашек и чашечек, стоявших повсюду и полных разных трав и порошков. Здесь даже пахло по-особому.

— Я был один раз в Новом Риме,— заметил Такс. Он поглаживал рукой темно-красный рисунок ковра, который был окружен резкими мазками черного цвета.

— Они там писают в горшки из золота, и даже на собаках надето золото.

— Если бы они не были богаты, то мы бы погибли от голода,— сказал Трубач.— Помолчи, мне нужно подумать.

Такс уперся руками в бедра, округлив пальцы, и сидел абсолютно спокойно. Дитрик пораженно взглянул на него. Трубач поставил чашку на ковер и высыпал туда размолотые ягоды. Он достал одну из чашек, стоявших вокруг, высыпал оттуда порошок в руку и протянул ее над чашкой довольно высоко. Из руки в чашку начал тонкой струйкой сыпаться порошок. Дитрик с восхищением наблюдал за его мастерством. Ардарик как-то сказал, что некоторые гунны обладают прекрасными манерами и они много знают, что возвышает их над соплеменниками.

Трубач опустил руки и тихо сидел, не моргая и глядя на чашку. Его, как шитом, окружала настоящая стена тишины. Свет лампы отражался на маленьких белых камешках, прикрепленных к его сальным волосам. На шее у него выступили жилы. Это было прекрасное представление, и Дитрик восхищался искусством шамана. Он считал себя умнее Такса, который, видимо, верил шаману. Через мгновение над чашкой показалась струйка дыма.

У Дитрика на руках поднялись волосы. Трубач не прикасался к чашке, не двигался и молчал все время. Он не сводил взгляда с чашки. Небольшой дымок поднимался с ровной поверхности жидкости в чашке. У Дитрика пересохло во рту, он с трудом проглотил слюну, он боялся произнести хотя бы слово. Краем глаза он глянул на Такса. Тот не двигался, но сейчас улыбался уголками рта.

— Хо!!!

Дитрик подскочил. Трубач резко, как змея, подпрыгнул в воздух. Он мотал головой и вращал руками.

— Пора, пошли со мной. Такс, неси погремушки, палку с перьями и жаровню. Осторожно, она очень горячая. Скажи своему другу, чтобы он держался позади и не дышал на меня.

Трубач взял в руки дымящуюся чашку и вышел из юрты.

Такс схватил две погремушки, сделанные из тыквы, и длинную палку, на которой были прикреплены покрашенные орлиные перья. Дитрик протянул руку к жаровне, чтобы передать ему, но Такс стукнул его по руке.

— Нет, я сам. Важно все делать так, как он приказывает.

Он взял жаровню и пошел к двери, а Дитрик следовал за ним с пустыми руками.

Народу вокруг юрты собралось очень много. Дети прятались за родителями, и тощая серая собака завизжала и убежала прочь, когда вышел Трубач. Был удивительно теплый день, как это иногда бывает в начале весны. Яркий солнечный свет ослепил Дитрика.

Такс и Дитрик шли гуськом за шаманом через толпу к маленькой юрте, куда привел Яя Юммейк, когда она разболелась. Толпа не отставала от них. Дитрик услышал, как кто-то сказал по-гуннски.

— Это сделал заход солнца.

И сразу кто-то начал возражать этому человеку.

Держа перед собой дымящуюся чашку, Трубач начал читать заклинания, и люди замолчали. Дитрик подумал, что Трубач еще относительно молод, гораздо моложе Ардарика, но его голос, когда он произносил заклинания, дрожал и хрипел, как у старика. Некоторые слова были из языка гуннов, но иногда он шипел и странно и удивительно тихонько посвистывал. Дитрик решил, что все это было просто чушью. Ему не хотелось придавать этому значение, но чашка продолжала дымиться, и он чувствовал сильный горячий запах того, что в ней кипело. Но огонь не коснулся чашки, и Трубач нес ее голыми руками. Он дважды топнул левой ногой, перестал произносить заклинания и вошел в маленькую юрту.

Такс прошел вперед, но он не успел подойти к двери, как оттуда вышел Трубач и остановил его. Шаман забрал у него палку с перьями. Потом повернулся к толпе и что-то выкрикнул по-гуннски. Дитрик не смог разобрать слов. Шаман потряс палкой с перьями над головой и воткнул ее, как копьё, в землю.

Толпа хором вздохнула. Трубач вернулся в юрту, и Такс переступил с ноги на ногу. Дитрик понимал, что Такс не знает, идти ли ему за шаманом или оставаться на месте. Почти сразу шаман крикнул ему.

— Входи, мне нужна жаровня.

Такс вошел внутрь, и Дитрик последовал за ним.

Юрта была очень маленькой. Вдоль стен лежали кучи мехов, забавные горшки из глины, палки, украшенные перьями, кусочки раковин, рога, дерева и разные ягоды. Там не было никакой мебели. В помещении было очень жарко, хотя огня нигде не было видно. Дитрик почувствовал запах старого дыма. Юммейк лежала на спине на полу посредине юрты.

Ее голова касалась стены, а ноги почти достигали двери. За ней, в темноте, сидел ее муж Яя. Он смотрел на Трубача.

Юммейк с трудом хрипло дышала через открытый рот. Дитрик увидел, какой жесткой и обветренной стала ее кожа. Трубач наклонился над ней, приложил ухо к ее губам и прислушался. Движением левой руки он приказал, чтобы Такс и Дитрик стали подальше.

Такс уселся на полу, прижав колени к груди. Перед ним стояла жаровня и лежали погребушки. Из открытого отверстия для дыма на крыше шел слабый свет. В юрте было слишком тепло. Трубач взял жаровню, поставил ее рядом с головой Юммейк.

— Закройте отверстие для дыма.

Такс вскочил и начал искать палку с крюком. Он нашел ее прислоненной к стене и, орудуя ею, прикрыл отверстие. Темное и влажное тепло окутало их. Дитрик поморгал, и постепенно его глаза привыкли к темноте. Он напряг слух и услышал, как остальные люди в юрте шевелились и Трубач что-то бормотал, а Такс поставил на место палку. Кто-то откашлялся.

Когда Дитрик начал что-то различать, Трубач с помощью длинного медного совка перекладывал горячие угли из горшка в жаровню. Он повесил совок на основной поддерживающий крышу столб, и Дитрик увидел, что он сделан в виде змеи с открытой пастью и выступающими клыками, чтобы оттуда не вываливались угли. Угли светились слабым красным светом, и Дитрик увидел лицо Яя. Оно было застывшим, как деревянная маска. Он понял, как он боится за жену. Дитрик никогда не думал, что тот способен на подобные чувства.

Трубач установил жаровню, полную горячих углей, у головы больной женщины и поставил на нее горшок с кипящим отваром. Он старался не затушить угли. Жестом руки он приказал Таксу посильнее раздуть угли, чтобы они горели жарким пламенем. Сначала Такс размахивал руками, но потом Трубач пошарил на полу и нашел кусок коры, раскрашенный символами, и Такс использовал его вместо веера.

Трубач сидел на корточках и равнодушно смотрел на Юммейк. Каждый взмах веера издавал шуршащий звук, и пар омывал лицо Юммейк. Дитрик ощущал, как вязкий воздух касается его щек. В жаровне угли светились густым оранжевым светом. Лекарственный отвар начал кипеть. Струйки пара поднимались с его поверхности и растворялись в воздухе, разгоняемые взмахами куска коры. С лица Такса стекал пот. Трубач взял погребушки и начал их трясти.

Дитрику захотелось убраться отсюда. Пар проникал через ноздри и, казалось, просачивался через глаза в мозг. У него по коже струился пот, и вся одежда стала мокрой. Невозмож-

но было дышать в горячем плотном воздухе. Ему приходилось с силой работать легкими, чтобы вдохнуть воздух. Перед глазами плясали огоньки. Человек, который склонился над жаровней, раздувая сильнее огонь, напоминал ему создание ада, согнутое под тяжестью своих грехов.

Трубач продолжал греметь погремушками и раскачиваться взад и вперед.

Он не отводил глаз от лица больной женщины. Бедро у него двигалось, и голова свободно болталась на шее. Звуки погремушек стояли в ушах Дитрика — сухие и шипящие, как угроза змеи. Ему почудились в воздухе извивающиеся округлые формы. Они медленно, как пар, поднимались к потолку. Каждый взмах веера казался сильнее прежнего. Каждый треск погремушек звучал громче и громче, пока у него в ушах не стал раздаваться постоянный грохот. Он просто задышался в этой атмосфере. Юммейк лежала в луже пота. Эта лужа была на два пальца шире очертания ее больного тела. За ней Яя дико раскачивался из стороны в сторону, и голова у него болталась.

Трубач поднялся и упал на тело Юммейк, поддерживая себя на локтях и коленях. Погремушки пролетели через всю юрту. Он склонил лицо к лицу Юммейк и прижался ртом к ее рту. Дитрик издал тихий возглас. Он хотел отвернуться, но не смог. Ему показалось, что Трубач хочет проникнуть в Юммейк через рот и потом проползти прямо ей в горло. Шаман навис над женщиной, как грозный демон. Тело Юммейк было, как в клетке, между его ног и рук. Они соединялись ртами, как будто у них срослись губы. Было грехом даже смотреть на подобную неприличную сцену. У Дитрика пульсировало в голове. Шуршание веера из коры и хриплое дыхание трех гуннов болью отдавалось у него в мозгу. Трубач поднимался, таща за собой Юммейк. Она уже почти сидела, приклеившись ртом к губам Трубача. Наконец он положил ее снова на пол и, отвернув голову, что-то выплюнул в свою ладонь.

Дитрику показалось, что это «что-то» извивалось и пыталось удрать — кровавый червь длиной с человеческий палец лежал на ладони Трубача. Он швырнул его в горшок с лекарством. Над сосудом поднялся столб дыма, варево перелилось через край и, фырякая, начало испаряться на раскаленных боках жаровни.

Такс откинулся назад. Шаман дрожащими руками прикрыл жаровню и жестами показал Таксу, что следует открыть вытяжное отверстие. Он вылил остатки варева в маленькую банку.

Трубач посмотрел на Дитрика, и тот быстро опустил глаза. Как только Трубач отвернулся, он снова посмотрел на него. Но шаман продолжал не мигая смотреть на него. Дитрик

что-то пробормотал, поднялся и вышел на свежий воздух. Он чувствовал себя пьяным, и его подташнивало. Холодный ветер ударил по перегретому телу и по промокшей насквозь одежде. Дитрик начал дрожать, и его вырвало. Толпа молча смотрела на него.

Трубач вышел вслед за ним и пошел прочь.

Дитрик, как привязанный, последовал за ним и повернул к юрте шамана. У двери он остановился, не смея войти. Трубач глянул на него через плечо, наклонился и вошел внутрь. Дитрик вздохнул. Он ощущал слабость, но почему-то у него появилась надежда. Он начал понимать, как все происходило на самом деле. Нижняя губа Трубача кровилась, как будто он прикусил губу, чтобы у него пошла кровь.

На следующий день, когда он пришел навестить Такса, Юммейк сидела в юрте Яя, болтала и ела вареное мясо. Дитрик, пораженный, уселся с ней рядом. Когда она посмотрела на него, он едва смог с ней поздороваться, не глядя ей в глаза. Он видел, что она очень слаба — руки у нее дрожали и ее спину подпирали подушки. Но щеки у нее порозовели, и глаза сильно блестели.

— Юммейк,— сказал он.— Я рад, что ты снова счастлива.

Он не знал гуннского слова «здоровье».

Ее глаза еще сильнее заблестели от смеха.

— Дитрик, я счастлива, что ты говоришь со мной на моем родном языке.

Такс подошел к нему с маленьким кувшином Белого Брата. Они стояли и разговаривали и передавали кувшин друг другу. Потом Такс сказал:

— Римляне все еще стоят лагерем на равнине. Ты их видел?

Дитрик кивнул головой. Все знали, что каган не желает их видеть и не позволил им жить в своем огражденном дворе.

— Мой отец ходил к ним вчера вечером.

— О, почему ты не пошел с ним?

Дитрик откинулся назад.

— Он меня не звал с собой. Мне кажется, что об этом никто не знает. Наверно, каган послал его с секретным поручением.

Он снова посмотрел на Юммейк. Яя сидел с ней рядом и кормил ее кусочками мяса, разрывая его руками.

— Что дал Яя Трубачу за его представление вчера?

— Он обещал ему половину жеребят, которых принесут его кобылы весной.

Дитрик захохотал. Белый Брат переливался в нем, согревая его и делая свободным.

— Неудивительно, что он богат. Этот Трубач.

— Трубач — великий шаман. Ты сам видел, как он высосал зло из Юммейк,— сказал Такс.

Дитрик передал ему кувшин. Во рту оставался сладкий вкус пьянящего чая.

— Я видел, как он устроил вчера представление для дураков. Как будто он ее излечил и даже потом выплюнул что-то кровавое. И что, Юммейк выздоровела?

— Посмотри на нее! Разве ей не лучше? Ты же сам видел то, что он высосал из нее,— этого кровавого червя.

— Такс,— обратился к нему Дитрик, убедившись, что их больше никто не слушает.— Откуда тебе известно, что Трубач не держал этого червя во рту все время?

Такс взял кувшин и снова отпил из него. Потом вытер рот рукой.

— Что ты хочешь сказать?

— Когда я стал обо всем думать, понял: он выплюнул то, что до этого держал во рту, а потом я увидел рану у него на губе. Может, он прикусил губу, чтобы кровь покрыла то, что он до этого держал во рту. Может, даже это был кусок веревки. Я не думаю, что он это высосал из Юммейк.

Такс рассеянно смотрел на него. Его реакция поразила Дитрика, который ждал взрыва негодования или того, что Такс ему не поверит.

— Он вылечил Юммейк тем, что забрал у нее зло,— все же сказал Такс.— Ты сам видел это. А сейчас Юммейк стало лучше.

— Но я уверен, что он плюнул в огонь что-то не то.

— На, поешь,— Такс подал ему маленькие пирожки с начинкой из яблок.— Я тебя не понимаю. Юммейк сейчас хорошо себя чувствует, правда? Эти пирожки приготовила мать Монидяка. Они вкусные, так?

Дитрик откусил кусок пирожка. Они были сделаны на «два укуса». Внутри теплой корочки было повидло из яблок.

— Она еще не полностью выздоровела.

Считая себя таким же умным, как Трубач, он расстраивался от того, что был не в состоянии все объяснить Таксу. Он доел пирожок и взял еще один.

— Она выздоровеет.

— Может, она сама бы выздоровела.

Но когда подумал об этом, то начал сомневаться. Юммейк очень больна. Он покачал головой.

— Я уверен, что Трубач — жулик!

— Он обладает большой силой. Может, действительно, как ты сказал — кровавый червь, который он выплюнул, не был болезнью Юммейк. Но он считал, что она должна выйти из нее, и когда он притворился, ей стало лучше. Это не жульничество, это — настоящая вещь. Никто из нас не мог ее вылечить, а он смог. Тебя волнуют вещи, которых ты не

понимаешь. Это так глупо. А пирожки все равно хорошие, правда?

— Отличные, — сказал Дитрик, продолжая жевать.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Каган открыл ставни и высунулся в окно. За стеной частотола на дубе было множество светло-зеленых набухших почек с листьями. Они раскрывались под теплым прикосновением солнечных лучей и шелестели в легком весеннем ветерке. Он чувствовал запах деревьев, запах новой травы и реки. Запахи давали ему энергию. Ему хотелось бегать, как молоденькому жеребенку. Его забавляло, когда он представлял себя в виде жеребенка. Его голова и плечи были в рамке окна, обширный живот подпирался подоконником, и каган захохотал.

Позади него открылась дверь, и послышался звук сандалий, ступавших по деревянному полу. Это был Константиус.

— Мой каган.

— Не сегодня, — сказал каган, все еще выглядывая из окна. — Я сейчас занят другими делами.

Сегодня должен был прийти Ардарик и рассказать о своих планах нового нападения на Рим. Аттила закрыл глаза и вдохнул свежий воздух.

— Мой каган, — упрямо повторил Константиус. — Я молю, чтобы ты выслушал мое мнение.

Каган открыл глаза. Далеко отсюда, на равнине, скрытый от глаз холмом гепидов, находился лагерь римлян. Они находились там уже пять дней. Каждый день у него появлялся гонец и просил, чтобы их принял великий каган. Вчера гонец приходил дважды. Аттила выпрямился и повернулся лицом к Константиусу.

— Я слушаю.

Круглый и гладкий, как масло, Константиус, как всегда, был в чистейших одеждах из хлопка с оторочкой синего и зеленого цвета. Даже после того, как прожил десять лет среди хунну, он продолжал носить римские одежды. Их ему привозили раз в полгода с караваном из Италии. Константиус откашлялся, оглядел комнату и подошел к стулу без спинки у трона.

— Мой каган, можно мне сесть?

— Садись.

Константиус сел, подобрал подол тоги, чтобы та не касалась грязи, и почесал нос. Аттила прошагал по комнате к трону.

— Ну, Константиус?

— Да, — Константиус вздохнул. — Мой каган, нельзя, что-

бы римляне слишком долго ждали приема, иначе они могут собраться и уехать обратно в Новый Рим, и тогда император может прекратить посылать вам ежегодные подношения.

— Но мы можем заставить его делать подарки нам.

— Но тогда нам придется отвлечь силы и потерять время, предназначенное на проведение итальянской кампании. Вы также не можете делать вид, что продолжаете на них злиться, потому что они вроде бы пытались подкупить Эдеко, чтобы тот вас убил, потому что...

— Я не делаю вид,— заявил Атила.— Никто не сможет спокойно слушать о попытках покуситься на его жизнь.

Константиус плавно повернулся на стуле. Его коротенькие ножки свесились набок.

— Мой каган, всем известно, что Эдеко прислал гонца, чтобы рассказать вам, что случилось в Новом Риме, и что вы знали о подкупе задолго до приезда римлян. Но вы все равно готовились к их приезду и позволили им разбить лагерь у Хунгвара. Мой каган, все станут думать, что вы — тиран, властолюбец и не очень мудрый человек.

— Так оно и есть,— ответил Атила,— и мне это нравится.

Конечно, Константиус был прав. Игру следовало заканчивать.

— Я позволю им... Да?

Эдеко вошел в покои, в руке у него было копье.

— Атила, король Ардарик пришел к тебе.

— Пусть подождет.

Эдеко кивнул. Он немного больше, чем положено, не отводил взгляда от Атилы. Атила снова сел на трон, сложив руки на животе.

— Константиус, принеси мне молока.

— Повинуюсь, мой каган.

Константиус слез со стула и пошел к столу за молоком.

Вчера вечером римляне тайно прислали гонца к Ардарику, и он проводил его в лагерь к римлянам, где тот оставался почти до рассвета. Когда гепид вернулся домой, то стал гораздо богаче, получив множество маленьких подарков и большое количество золота. Эдеко знал об этом. Конечно, было возможно, что Ардарик воздержится от соблазна. Да и Атила прекрасно знал, как сильно Эдеко ненавидел Ардарика. Константиус проковылял по комнате с двумя чашами в руках. Одну, с молоком, он подал Атиле, а сам с чашей вина в руках сел на свой стул.

Каган отпил молоко и осторожно поставил чашу на подлокотник трона.

— Константиус, когда сегодня приедет гонец римлян, скажи ему, что они могут явиться в Хунгвар, и проследи, чтобы им приготовили четыре комнаты в задней части дворца. Те, которые выходят на стену частокола.

Константиус посмотрел на кагана.

— Делегация слишком большая, и им будет неудобно в этих покоях, мой каган. Римлян здесь двадцать человек, а комнаты такие маленькие.

Аттила фыркнул.

— Я и не хочу, чтобы им здесь было удобно.

— Кроме того, эти комнаты сейчас заняты — мы сложили там дрова.

— Убрать!

— Мой каган, куда же я их уберу? Если оставлю снаружи, вдруг пойдет дождь? У нас все занято с тех пор, как столько важного народа пожаловало в Хунгвар.

— Ну, что ты скажешь, куда же нам поместить римлян?

Константиус встал.

— Мой каган, позади помещений для женщин есть пустой дом. И мы не окажем им чести жить в самом дворце. Я заставлю рабов подготовить для них этот дом.

— Константиус!

Тот был уже на полдороги к двери, но остановился, радостно улыбаясь.

— Сложи дрова в тот дом, а римлян помести в четыре комнаты, как я приказал тебе.

Улыбка сбежала с лица римлянина.

— Слушаюсь, мой каган.

Он быстро вышел, а Эдеко вошел в покои.

Аттила пил молоко, у него было плохое настроение. Конечно, римлянам было бы удобно жить в пустом доме позади помещения для женщин. Они могли бы входить и уходить оттуда, и никто не смог бы за ними проследить. Вероятно, это могла быть идея самого Константиуса, но Аттила решил, что это не так.

План появился после посещения Ардариком их лагеря.

— Аттила,— обратился к нему Эдеко.

— Эдеко, прекрати приставать ко мне, иначе я отвечу тебе тем же. Прикрой дверь и подойди ближе.

Эдеко закрыл дверь и подошел к трону. Аттила допил молоко и поставил чашу на подлокотник.

— Так все еще проводит много времени в компании сына Ардарика?

— Да, каждый день.

— Пошли его ко мне. Скажи Ардарику, что я его не приму сегодня. Пусть отправляется к себе домой и ждет, когда я за ним пришлю. Такс где-то неподалеку?

— Да, мой каган. Он караулит ворота.

— Пришли его сюда.

— Да, Аттила.

Эдеко вышел из покоев. Каган положил ноги на стол. Ему было любопытно выслушать план Ардарика, и если даже ко-

роль гепидов поддался на уговоры римлян, было не сложно снова вернуть его в подчинение кагану. Но ему было бы интересно разработать план, чтобы запугать короля гепидов. Кагану хотелось видеть, как сильно испугается Ардарик. Атилла взял чашу и пошел к столу налить еще молока. Он был доволен собой.

Дитрик сказал:

— Таксу приказали сказать мне, чтобы я передал тебе, что кагану известно о твоём визите к римлянам вчера ночью. И он будет знать, если ты отправишься туда еще раз.

Ардарик был поражен. Чтобы скрыть волнение, он стал смотреть на расстеленную на столе карту. Колени у него дрожали, и он с трудом сел.

— Отец,— обратился к нему Дитрик. Он коснулся руки отца. Голос у него был таким юным.— Что-нибудь случилось?

— Да,— сказал Ардарик,— ты ему что-нибудь говорил... хотя бы что-то... ты знал, что я...

— Нет! Отец, я никому ничего не говорил. Я не стал бы говорить ничего лишнего.

Ардарик по его голосу понял, что сын лжет. В злобе он сильно ударил сына по лицу.

— Пошел прочь, не желаю тебя видеть!

— Отец, прошу тебя.

Дитрик был испуган, и Ардарик почувствовал удовлетворение.

— Теперь вы понимаешь, что наделала твоя дружба с этим грязным гунном. Убирайся! Прочь!

Дитрик выбежал из комнаты. Ардарик, тяжело дыша, усталился на дверь. Какой-то момент его злоба на сына питала его. Он снова уставился на карту, но на него накатила волна страха. Он попытался подумать о защите — он очень мало сказал римлянам и молча слушал их рассуждения. Он прекрасно знал, что, говоря ему приятные вещи, они старались подцепить его на крючок, но он не поддавался. Ну, почти не поддавался.

Наконец он снова стал слышать звуки. Его ум был в смятении. Ардарик огляделся. Маленькая комната была построена недавно весной. Со свежих досок свисали стружки, и вокруг пахло смолой и всежими опилками. Он должен был понять утром, когда каган отослал его, что случилось нечто неприятное. Он поднялся с кресла, но идти ему было некуда, и он снова сел.

Снаружи кто-то колот дрова. Мимо окон проходили, разговаривая, люди. Раздался стук в дверь. Он не ответил и услышал, как кто-то пошел прочь. Во дворе гоготали гуси, а в

комнате стояла тишина. Он продолжал смотреть на карту, припиленную к столу. Столько тяжелой и интересной работы, и все пошло в тартарары. Он тщательно составлял планы, собирал информацию, взвешивал «за» и «против». Теперь он думал, как же с ним поступит каган.

Но он ничего не сделал! Он принял подарки римлян, но мало что сообщил им взамен — описание частокола истроей — они могли это узнать у любого — купца, других посетителей, да, любого! Они расспрашивали его о многих вещах — об отношениях кагана с другими германскими королями, но Ардарик ничего не знал об этом. Эдеко принял взятку за более важную вещь. Но он до сих пор продолжает охранять кагана в прихожей дворца. Это было несправедливо и жестоко. Если бы он был гунном, они бы лучше относились к нему.

Весь день он просидел в комнате, глядя на карту, а за ужином не смог проглотить ни кусочка. Ардарик отправился спать, но не сомкнул глаз. Когда настал рассвет и все отправились работать, он лежал и стонал под покрывалами, сделав вид, что заболел, потому что здесь в темноте никто не мог видеть его испуг.

Днем явился гонец от кагана, и ему пришлось натянуть одежду, чтобы спуститься вниз и выслушать его. Каган пожелал немедленно увидеть Ардарика, и гонец должен возвратиться вместе с ним. Он был из числа охранников кагана — высокий гунн с круглыми щеками. Ардарик видел его в компании Такса. Ардарик приказал, чтобы ему подали пива, а сам пошел в комнату, чтобы собрать карты и кусочки мела и угля.

Собирая карты, Ардарик подумал, не отказаться ли ехать к кагану... И даже о том, чтобы срочно приказать слугам собрать вещи и покинуть Хунгвар. Он упаковывал карты и с наслаждением думал о том, как рассвирепеет каган и будет поражен смелостью Ардарика, и, конечно, он станет тайно им восхищаться. Ардарик понимал, что не сможет выполнить свой план — это было слишком опасно. У Аттилы были сотни жаждущих крови воинов, поэтому может пострадать весь народ. Ардарик захватил карты и пошел в зал.

Дитрик, который находился там, разговаривал с посыльным. Когда Ардарик подошел ближе, то понял, что его сын говорит по-гуннски, иногда немного запинаясь. Но он может общаться с гунном на его языке. Увидев Ардарика, Дитрик отступил назад, и посыльный встал. На его лице играла улыбка.

— Король Ардарик, у вас очень хорошее пиво. Может, я вам помогу что-либо нести?

— Нет, спасибо.

— Отец, могу я поехать с вами? — спросил его сын.

— Нет,— Ардарик, не глядя на него, пошел вслед за посыльным.

Для короля оседлали белого жеребца. Уздечка и седло были из красной кожи. Он привез их год назад из Италии. Лошадь гунна стояла позади жеребца, и он подошел к жеребцу Ардарика и придержал уздечку, пока Ардарик садился в седло. Дитрик, который вслед за ними вышел во двор, держал карты, пока отец влезал на лошадь.

Гунн отправился к своей лошади, а Дитрик подал отцу карты.

— Монидак всегда может тебе услужить,— сказал он.

Ардарик держал карты под мышкой.

— Ты умеешь говорить на их языке?

— Немного.

Дитрик отошел в сторону, а Ардарик направился к воротам.

Монидак всю дорогу до дворца кагана ехал молча. Ардарик пытался собраться с мыслями. Он не мог отрицать, что ездил к римлянам. Если каган прикажет обыскать его дом, то найдет золото, материи, римские украшения и красивое маленькое серебряное распятие. Он может сказать, что сделал то, что перед ним сделал Эдеко, или говорил, что сделал,— все выслушал, принял подкуп, чтобы узнать, что было на уме у римлян, чтобы потом эти сведения могли быть использованы каганом. Но у него были ледяные руки и похолодели щеки, и он понимал, что ему никто не поверит.

Во дворе кагана Монидак придержал его коня. Караульные у дверей отступили назад, пропустив его и не сказав ни слова. Он прошел по коридору к лестнице, переложив карты, чтобы держаться за поручни. Потом поднялся на второй этаж дворца.

Эдеко сидел в прихожей, уперевшись ногами в стену. Он бросал косточки фиников из окна и спорил о чем-то с Константиусом на латыни. Ардарик закрыл за собой дверь, и Эдеко лениво поднялся на ноги. На мгновение его ненависть к Эдеко поглотила в нем страх. Он пристально посмотрел на гунна и резко сказал:

— Каган посылал за мной.

— Да, вы так заняты. Путешествуете туда и сюда,— у Эдеко раздувались широкие ноздри.— Что это? Что вы сюда принесли?

— Не ваше дело. Скажите кагану, что я здесь.

Эдеко судорожно вдохнул воздух, выплюнул косточку из окна, хлопнул в ладоши и вошел в дверь, расположенную позади него.

Ардарик слышал, как он разговаривал с каганом по-гуннски. В первый раз он пожалел, что не знает языка. Он слышал низкий приятный голос Аттилы. Эдеко вернулся.

— Проходите.

Ардарик протянул руку и взял финик с блюда, положил в рот и вошел в тронный зал.

Когда он оказался в зале, вся его храбрость улетучилась. Он не мог взглянуть кагану в глаза. Его буквально пригибала вниз жалкая и позорная трусость. Он видел сапоги Аттилы, упиравшиеся в край стола, кожаные шнурки перекрещивали мех. Ардарик расстелил карту на столе. Он понимал, что ему от нее не было толка, но она служила ему спасательным кругом.

— Ардарик, — спокойно сказал Аттила, — что ты сюда принес? Давай посмотрим.

Аттила спустил ноги и подошел к Ардарiku.

— О, ты стал использовать карты римлян? Хорошо. Объясни все мне.

Ардарик посмотрел в глаза кагану. Их лица были близко, и Аттила ему улыбнулся. Во рту Ардарика был финик. Губы у него были сладкие, и когда он начал говорить, то с трудом разлепил их. Он начал рассказывать Аттиле о всех значках, которые он использовал на карте.

Аттила сделал несколько замечаний. Каждый раз, когда Ардарик смотрел на него, он улыбался. Они склонились над картами, и Ардарик начал рассказывать Аттиле о плане нападения на римлян. У кагана было превосходное настроение, и лицо его светилось. Он даже пошутил. Ардарик понял, что он не собирается говорить о посещении им римлян. Ему стало легче, но потом он рассвирепел и его постигло разочарование — каган настолько не считал его важной персоной, что не собирался наказывать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

После того, как все поели и были убраны тарелки, появился карлик. Даже на фоне гуннов он казался крохотным и уродливым. Карлик танцевал и что-то болтал. Он строил такие рожи, что все смеялись, даже римляне, которые изящно откинулись на креслах справа от кагана. Но каган не смеялся. Дитрик потихоньку наблюдал за ним, пока карлик прыгал колесом и корчил рожи.

Римлянин Максиминус, смеясь, склонился к кагану, как бы желая поделиться с ним удовольствием, но каган с отвращением смотрел на карлика.

Дитрик слышал, и об этом знали все, что, несмотря на праздничный пир и тот факт, что римляне жили во дворце, каган отказывался обсуждать с римлянами проблемы, из-за которых те прибыли в Хунгвар. Дитрику это было приятно — римляне должны понять, что им не следует шутить с Атти-

лой. Он посмотрел через весь зал — юноша стоял позади отца и прислуживал ему на пиру, и Дитрику был прекрасно виден Аттила. Он понял, что Аттила может быть благороднее римлян, считавших своего императора богом.

Все важные люди, жившие в двух или трех днях пути от Хунгвара, приехали на пир. Широкий зал был заполнен столами и лавками, и все сидевшие на них тесно прижимались друг к другу — места для всех едва хватило. На деревянных стенах висели ковры и гобелены, собранные со всего мира. Пол покрывали половики, сотканые из тростника. Ардарик сказал, что Аттила не желал, чтобы его ковры испортили многие пары ног, шагавшие по ним.

Балки на потолке почернели от сажи великого множества факелов, а звук голосов был похож на грохот водопада. За столами сидели мужчины благородного происхождения, и каждый старался одеться побогаче в соответствии со своими вкусами и возможностями. Три короля остготов пришли в греческих и египетских нарядах. На Ардарике была одежда из ткани с меховой отделкой. Эдеко, Скотгас и другие гунны, считавшиеся важнее германцев, были в мехах и коже, украшенной драгоценными камнями. В их волосы были вплетены перья и вставлены камни, лица украшали разные знаки. Когда Эдеко вошел в зал, Константиус, служивший у кагана герольдом, объявил его начальником конницы. Дитрик понял, что это была насмешка над римлянами.

Карлик неуклюже продвигался в танце по столу в направлении к кагану. Люди, сидевшие неподалеку, пытались помешать ему танцевать и хватали его за ноги. Некоторые пытались порезать ему ноги. Но карлику удавалось увертываться от них. Его короткие кривые руки были подняты над головой, а коротенькое платье смешно развевалось над ляжками. Один из мужчин попытался пырнуть его ножом, но карлик быстро откинулся в сторону, высокий кувшин с пивом перевернулся и вымочил его обидчика. Все захохотали. Но каган, сидевший во главе стола, нахмурился.

На нем была синяя шелковая туника, которую он надевал по торжественным случаям. Его крупная круглая голова вжалась между плеч, сжатые в кулаки руки лежали на подлокотниках.

Рядом с ним римляне в вышитых нарядах с тонкими лицами и бледной мягкой кожей казались хрупкими и несколько женственными.

— Дитрик, — тихо оказал отец. — Налей мне вина.

Дитрик отошел на два шага назад, развернулся и пошел в конец зала, где находились столы с запасами вина и пива. Вдоль стен стоял караул гуннов, среди них был Такс. Когда Дитрик проходил мимо Такса, он улыбнулся и поднял руку в приветствии.

— Я тебе говорил, что все будет хорошо,— сказал ему Такс.

Дитрик показал ему, чтобы тот его подождал, и подошел к столу. Кувшин с вином, которое пил Ардарик, кто-то унес, и Дитрику пришлось подождать. Такс подошел к нему.

— Он тебе сказал, что там было? Я был...

Эдеко закричал на него через весь зал, и Такс посмотрел на него. Дитрик отошел в сторону. Эдеко начал ругать Такса и приказал ему вернуться на свое место и не смей его покидать.

Такс был поражен такой строгостью и вернулся к стене. Все захохотали, и даже каган присоединился к ним. Светлый парень вернул на место кувшин с вином, и Дитрик поднял кувшин, чтобы отнести его отцу.

Карлик приблизился к кагану и стал перед ним на колени, касаясь лбом стола. По обе стороны кагана сидели его сыновья. Денгазич не переставал улыбаться, а глаза его старались все рассмотреть вокруг. Эллак сидел, как мешок, и заталкивал в рот еду. Карлик болтал что-то непонятное, бился лбом о стол и кланялся. Но в его позе не чувствовалось унижения, только дерзость. Аттила не улыбнулся. Потом он что-то сказал Константиусу, сидевшему рядом на низком стуле. Тот достал кошелек и положил золотую монетку перед карликом.

Он схватил ее и побежал по столу к двери. Он кричал и подпрыгивал в воздухе, сшибая блюда и чаши с вином на колени пирующих. Максиминус трясся от смеха, положив руку на плечо сидевшего рядом римлянина. За карликом захлопнулась дверь, и оба римлянина свободно откинулись на креслах. Через мгновение в зале появился монах.

Ардарик повернулся к соседу, объясняя ему, что каган не смеялся над карликом, потому что тот когда-то принадлежал брату кагана Бледе. Дитрик налил вина в чашу отца. Когда тот увидел монаха, рука его дрогнула, и он разлил вино. Дитрик достал салфетку и подал ее отцу.

Монах стоял перед каганом и говорил на латыни, подняв вверх руки.

— Что он говорит? — спросил Дитрик.

Ардарик крепко сжал губы. Он еще послушал монаха, а потом резко сказал.

— Он напоминает римлянам об обещании, что он может здесь читать молитвы, чтобы обратить гуннов в христианство. Он — глупец. Он только разозлил кагана.

Дитрик отнес кувшин на дальние столы. Он почти бежал, потому что этот стол был расположен близко к возвышению, где сидел каган. Монах продолжал говорить, но было видно, что римляне начали волноваться. И как говорил ему Ардарик, каган был очень зол. Он что-то резкое сказал Констан-

тиусу, тот встал, но не успел произнести ни слова, как Эдеко вскочил на ноги, начал ругаться по-гуннски и подзывать охрану.

Трое караульных подскочили к нему, перелезли через мешавший им стол, чтобы добраться до монаха. Среди них был Яя. Дитрик сжал губы и стал наблюдать, поставив кувшин на стол. Караульные схватили монаха и грубо потащили его вон. Он закричал, а потом, пока его тащили по залу, молча сопротивлялся, но толка от этого было мало. Гунны превосходили его в силе. Яя выкручивал монаху руку. Его черный капюшон свалился с головы и тащился за ним по полу. Гунн, стоявший у двери, открыл ее для них и потом снова закрыл.

Максиминус начал что-то говорить кагану. Он улыбался, но кожа у него на скулах побелела. Он наклонился вперед и пальцами постукивал себя по колену, чтобы придать больший вес своим словам. Виджилас подошел, чтобы все перевести, но не успел закончить перевода, как каган ответил:

— Нет, скажите ему, что когда он приходит в мой дворец, то я должен обеспечить развлечения.

Движением руки он отстранил римлянина и переводчика и отвернулся от них. Максиминус опустил глаза.

Когда Дитрик подошел и отцу, тот хохотал.

— Вы посмотрите, как он их накажет,— говорил он соседу-бургунду.— Они боятся, что он может уничтожить их за заговор против него. Каган — очень умный и хитрый человек.

Дитрик облизал губы. У него перед глазами стояла фигура монаха, который беспомощно брыкался в руках трех гуннов, и ему стало неприятно. Он оглянулся вокруг. Казалось, это никого не волновало, хотя большинство людей в зале были христианами.

Потом он решил, что монах был, видимо, католиком, а все германцы принадлежали к племени Арийцев. Сам Дитрик был арийцем. Но все равно он понимал, что должен был помочь монаху. Ведь они оба — христиане, а гунны были язычниками.

В его ушах звучали отголоски разговоров. Через зал он видел, как Такс сел, прислонившись спиной к стене. Рядом с ним стояло его копье. Открылась дверь, и Такс глянул туда. В зал, улыбаясь, вошел Яя, за ним шли два караульных.

Дитрик отвел от них глаза.

— Отец, разреши мне выйти во двор.

Ардарик разговаривал через стол с одним из остготов. Он глянул на Дитрика и нахмурился.

— Я тебя предупреждал, чтобы ты сходил до того, как мы пришли сюда.

— Пожалуйста,— просил Дитрик.

Он начал переминаться с ноги на ногу, и Ардарик позволил ему выйти.

Бургунд смотрел на них и широко улыбался. Он завязал волосы в виде длинного конского хвоста. Когда Дитрик пошел к двери, он завопил.

— Ардарик, дома мы говорим, что в этом случае пусть у них все льется по ногам.

Все услышали эту шуточку и начали громко хохотать. У Дитрика разгорелись щеки и уши. Он пытался сделать вид, что абсолютно спокоен. У двери он обернулся и увидел, что каган смотрит на него. Он поклонился ему. Каган с улыбкой махнул ему рукой.

Небольшая прихожая была так же заполнена людьми, как и главный зал. Слуги и рабы стояли и сидели вокруг и разговаривали между собой. На полу стояли полные тарелки объедков, и с них ели рядышком люди и собаки. Солдаты из охраны королей и важных лиц стояли у стен под факелами. Некоторые играли в кости или дремали. Монаха тут не было. Дитрик отправился к двери, ведущей на улицу. Караульный открыл ее для него, и юноша вышел на крыльцо.

Он только отошел от двери, как ветер швырнул ему в лицо брызги дождя. На крыльце никого не было, и он ничего не видел в темноте. Дитрик прохаживался под навесом, отдыхая в тишине и покое. Капли дождя стучали у него над головой по крыше. В нескольких местах она сильно протекала, и под навесом собрались большие лужи. Иногда порыв ветра задувал дождь под навес и мочил рукава Дитрика.

Он не сможет вернуться к отцу мокрым, размазывая грязь по залу кагана, поэтому нельзя было покинуть крыльцо и искать монаха в темноте, под дождем. Юноша пытался уговорить себя, что он его все равно не найдет. Вернувшись в зал, он ощутил во рту ужасный привкус. Дитрик думал, что если бы он двигался быстрее, то смог бы спасти монаха. Он, наверно, сейчас лежал избитый до полусмерти под дождем, и ему было очень стыдно.

Позже он слышал, что кому-то удалось его спасти, и монах продолжал бродить вокруг и читать молитвы и проповеди. Дитрик пытался его отыскать каждый раз, когда покидал Хунгвар, но это не удавалось сделать.

Константиус сказал.

— Мой каган, снова пришли римляне.

Аттила фыркнул. Он решил, что они уже уехали. Не отрывая взгляда от палочек на столе, он ответил:

— Пусть уходят. Пусть возвращаются домой. Они мне надоели.

Эрнач, его младший высокородный сын, сделал ему за-

падною в их игре в палочки, и каган пытался найти разгадку. Эрнач улыбался отцу, сложив руки на груди.

— Мой каган,— заметил Константиус,— сюда пришел их секретарь Прискус. Мне кажется, что он пришел по своей воле.

Каган поднял две палочки, чтобы переложить их, сделав нужный ход. Эрнач нахмурился и положил подбородок на кулак правой руки, а левую руку положил на стол. Палочки для игры были изготовлены из слоновой кости, и на них вырезаны тотемы клана кагана с отделкой из золота. Палочки были подарком покойного императора Теодосиуса. Каган перекладывал их в руках, обдумывая следующий ход. Потом вспомнил о секретаре римлян и кивнул.

— Пусть войдет.

— Мой каган — вы мудрый правитель.

Аттила положил первую палочку на новое место, глядя на Эрнача. Мальчик напрягся, готовый воспользоваться преимуществом, если отец его даст. Эрнач всегда серьезно относился к игре, и это забавляло Аттилу.

Он небрежно положил следующую палочку на нужное место, как будто ему было все равно, и он больше не мог найти для нее другого места. Маленькая ручка Эрнача метнулась вперед, и он начал торопливо передвигать палочки.

В комнату быстро вошел римлянин. Это был мужчина средних лет. Каблуки его сандалий проскальзывали на гладком полу.

— Мой господин Аттила...

— Если вы пришли сюда по поручению Максиминуса, то это все бесполезно. Я не имею дела с людьми, которые пытаются подкупить моих слуг.

У Прискуса были выдающиеся скулы и такой же большой нос, редкие светлые волосы и гладкая кожа.

Аттила искоса наблюдал за ним. Эрнач энергично передвигал палочки. Прискус слегка покраснел, но не опустил глаз. Он сказал:

— Но мы знаем, мой господин Аттила, что вы не отказываетесь от подарков.

Каган засмеялся:

— Вы не должны говорить об этом. Вы что, пришли, чтобы предложить мне взятку?

— Нет, я пришел не из-за тех дел, которые мы обсуждали... Пытались обсуждать с вами почти две недели. Аттила, когда мы приехали сюда, с нами был один монах. Теперь, когда пришло время отправляться в Новый Рим, мы его нигде не можем найти.

Руки Эрнача метались над палочками. Он их клал, снова перекладывал, улыбался и готовился торжествовать.

Каган сказал:

— Этот монах исчез уже месяц назад, и вы об этом ничего не говорили.

— Нет,— Прискус откашлялся.— Мы думали... Мы боялись тем самым помешать нашей миссии. Но вы не собирались вести с нами переговоры, и миссия была обречена на провал с самого начала.

— Это не моя вина!

— Господин, уверяю вас, что и не моя. Может, нам следовало сразу же помешать говорить монаху, но разве причина в...

— Вы так себя ведете, как будто он где-то у меня,— сказал Аттила. Из всех римских дипломатов его интересовал только Прискус.— Я не могу щелкнуть пальцами и достать его из шкафа.

— У вас его нет? — неуверенно спросил Прискус.

Аттила внимательно посмотрел на него и вдруг понял, что Прискус пришел к нему именно за этим. Глядя на палочки, он рассеянно передвинул одну из палочек из слоновой кости по столу в направлении к Эрначу.

— Нет, у меня нет вашего монаха. Я уверен, что аланы, бывшие здесь в ту ночь, нашли его полумертвого под дождем и выходили. Они набожные люди, они — арийцы, а монах считает, что Иисус Христос — вечен, они о нем позаботились.

Прискус долго молчал. Римлян всегда поражало, как тонко Аттила разбирался в особенностях их религии. Затем Прискус произнес:

— Я этого не знал, и где же он сейчас?

— У аланов, которые, как я понял из ваших вопросов, единственные из всех германцев, которые не предали меня. Уходите, Прискус, я устал от римлян!

Эрнач снова начал передвигать палочки. Римлянин не двигался и следил за неизвестной ему игрой. Сначала Эрнач передвигал палочки быстро и уверенно, но с каждым ходом он все яснее понимал, что каган загнал его в ловушку. Движения замедлились, и он остановился. Мальчик откинулся на спинку кресла и взглянул отцу в глаза. Каган ему улыбнулся.

— Ты выиграл,— горько заметил Эрнач.

Каган переплел пальцы на большом животе. День был поразительно жарким для этого времени года. Его никогда теперь не оставляла нудная боль в животе, но сейчас она стала сильнее, и каган потянулся к чаше с молоком.

Прискус покинул комнату.

— Ты обдумываешь слишком сложные ходы,— сказал он мальчику.— Я тебе постоянно повторяю, дитя мое, что лучший ход — это простой ход. Давай сыграем еще раз.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сильная весенняя жара перешла в ослепительное, обжигающее лето. Под солнцем и безоблачным небом равнины вокруг Хунгвара превратились в пыль. Постоянный ветер поднимал облака пыли, и мелкие частицы проникали повсюду сквозь стены в сундуки и комоды, в еду и питье, и в волосы людей. Ардарик постоянно требовал, чтобы женщины следили за его одеждой, но все, что он надевал, было пыльным. Пыль скрипела на зубах и раздражала глаза, и он постоянно злился и ворчал.

Дворец кагана также не был защищен от пыли, но, казалось, что гунны легче переносили эти неприятности. Ардарик проводил много времени с каганом, Эдеко, Орестесом и его братом — Онегезиусом. Они часто привлекали к беседам других людей, кто разбирался в тех проблемах, которыми они занимались. Постепенно план нападения на римлян, составленный Ардариком, принимал четкие очертания. Этому помогали разные мнения и советы. Они давили и меняли его, как разные молоточки, выковывавшие меч.

Ардарику нравилась эта работа, он хорошо справлялся с ней. Правда, ему не нравились гунны, с которыми ему приходилось общаться, и он ненавидел Орестеса и его брата.

И еще, он постоянно думал о Дитрике. Он ничего с ним не мог поделать, и сын бежал в деревню к гуннам, как только ему это удавалось. Ардарик пытался загрузить его работой, но Дитрик быстро переделывал все дела и убегал, чтобы там бездельничать, набираться вшей и напиваться, или делать еще кое-что похуже с гуннами из охраны кагана.

Дважды Ардарик чуть не пожаловался на это кагану, но потом решил, что Аттила может разозлиться на него, если поймет, что король Ардарик не желает, чтобы его сын общался с гуннами.

Постепенно Ардарик понял, что он ничего не сможет сделать. Его это раздражало, как пыль у него на одежде и в его пище. Но если он заставлял себя спокойно посмотреть на сына, то видел, что его мальчик не стал от этого хуже.

С тех пор, как гунны разбили бургундов и заставили их вождей платить себе дань — это случилось несколько лет назад, — бургунды с тех пор пытались заключить с каганом соглашение, которое немного подняло бы их над уровнем обычных рабов, выплачивающих подати. В начале лета в Хунгваре было полно посланцев бургундов, и каждый из них предлагал кагану немного больше выгод, чем предыдущий. Представители разных враждующих кланов сражались между собой, пытались подкупить любого гунна, с которым они разговаривали, и представляли с предложениями перед Ардариком почти каждый день, стараясь заручиться его поддерж-

кой. Тот вождь, с которым каган начнет переговоры, обязательно станет королем над всеми остальными.

Каган не обращал внимания на мольбы и предложения бургунов. И всеми делами должен был заниматься Ардарик. Аттила был полностью поглощен планом нападения на римлян. Наконец, в середине лета, когда полная луна пошла на убыль и казалось, что жара просто испепелит их всех, Аттила призвал к себе Ардарика, выслушал все предложения бургунов и выбрал вождя, который станет во главе их племен. Чтобы подкрепить союз, он женится на старшей незамужней дочери бургуна — Илдико.

В первый день церемонии Каган появился перед дворцом и объявил о своем будущем браке. Там собрались все карульные кагана, было много важных гуннов и все вожди готов, которые находились поблизости от Хунгвара. Ардарик сидел на белом коне в своем окружении. Он видел Видимира, остгота, и его родственников, пару или тройку вождей аланов, ругианов и херулов, и даже франка.

В середине лета все племена постоянно кочевали. Сейчас на вождях были надеты самые богатые одежды, и они сидели на крупных конях германцев, в свете яркого ветренного дня, и ждали, когда же появится каган. В окнах помещения для женщин были видны жены Аттилы и их слуги. Они сидели, ели апельсины и обмахивались веерами. Когда наконец дверь дворца открылась, по толпе прокатился вздох. Дюжина карульных вышла двойной цепочкой.

Каган появился на крыльце, и все стали его приветствовать. Толпа перед дворцом ринулась вперед. Из-за шума лошадь Ардарика начала перебирать ногами и осаживать назад. Дитрик, стоявший за ним, быстро убрался из-под копыт волнующегося животного. Его лицо блестело от пота и возбуждения. Проведенное с гуннами лето затемнило кожу до цвета выдержанного дуба, а редкие волоски его молодой бородки блестели, как золото.

Каган поднял вверх обе руки и вышел к краю крыльца на солнечный свет. В толпе гунны начали кричать.

— Аттила, Аттила, Аттила!

Их руки металась над головами, как ветви деревьев на ветру. Ардарик глянул на Видимира, остгота. Тот сидел молча и неподвижно в седле. Он не размахивал руками, хотя вокруг него все кричали и приветствовали кагана.

Ардарик подумал, что тому это все не очень нравилось, как и ему самому. Он почти не знал Видимира, но вдруг почувствовал к нему симпатию.

Каган начал говорить на языке гуннов, сообщив, что женится на Илдико, дочери вождя бургунов Гундхара, чтобы навеки скрепить договор дружбы между ними. Дитрик переводил Ардарику. Правой рукой Аттила показал на дверь двор-

ца, и оттуда в сопровождении старых женщин вышла невеста. Ее отец гордо поглядывал на девушку. Она была высокой, как большинство бургундов, а волосы, светлые, как лед, толстой косой свисали до пят. Женщины вплели в косу кусочки красного шелка. Девушка была моложе Дитрика, слишком молода для брака, но она смело оглядывалась вокруг, будто надеялась стать старшей женой кагана. Ардарик заметил, как ее красивая грудь поднимается под нарядной одеждой. Женщины провели ее вперед, и каган взял ее правую руку. Все гунны и некоторые германцы начали повторять ее имя в приветствии.

Девушка была такого же роста, как каган, и когда Ардарик увидел их стоящих рядом — светлое красивое дитя и гунна, напоминавшего огромную плотную жабу, он невольно издал какой-то звук. Он не мог радоваться. Дитрик держался за стремя и радовался, и ликовал, как все остальные гунны. Ардарик снова глянул на Видимира и увидел, что тот продолжает молчать, стараясь, чтобы лицо не выражало никаких эмоций, и он стал считать его своим единомышленником.

Небо сияло звездами, дул мягкий ветерок, пропитанный запахом трав и деревьев, росших у реки. Аттила снял с плеч тяжелый плащ. Было слишком жарко для такой одежды. Вдали, на равнине, красным кольцом сверкали факелы. Пламя раздувалось ветерком, и огни потрескивали в черноте ночи.

Каган медленно ехал к факелам, его сопровождали солдаты и подчиненные. Каган не мог сдержать улыбку. Она была красивой и безотказной девушкой. Многие женщины не выказывали должного желания, и это все портило. Но важнее было то, что стояло за ней. Бургунды владели территорией между реками Роной и Рейном и дальше к Альпам. Сейчас, когда он мог контролировать эти земли, каган понимал, что может овладеть Италией.

Когда у него будет Италия, дела пойдут совсем хорошо — будет достаточно пропитания и будут защищенные границы, и ему станет легче справляться с подчиненными народами. И тогда хунну смогут восстановить свою численность и обретут настоящую силу и власть. Мягкий ветерок над степью, сотни крохотных цветов и трав, растоптанных копытами коней, услаждали запахом его брачную ночь.

Он уже слышал жалобные звуки труб и флейт и чувствовал запах горящих масел, пропитавших факелы. По краям пылающих огней собрались люди, которые засвидетельствуют их брак — вожди других подчиненных ему кланов, люди, которых он сделал королями, чтобы они ему лучше служили. Свет факелов отражал золотую отделку их одежды и блеск глаз, глядящих на него.

Он замедлил бег коня, чтобы церемония протянулась подольше и была более торжественной. Позади него ехал Эрнач со знаменем кагана и тихо уговаривал свою сноровистую лошадку. Аттила уже выезжал так в кругу горящих факелов, но тогда все свидетели были гунны, и он направлялся не к невесте, а к могиле. Когда он ехал к телу своего брата, он думал, как же он сможет оправдать это убийство, как он сможет что-то объяснить этим людям, собравшимся, чтобы судить его.

Но когда он наконец въехал в круг факелов и увидел этих мужчин, которые были все гораздо его старше, неопределенность и неуверенность оставили его. Он стоял перед ними, как стальной кулак, и объяснил, что он убил Бледу и теперь станет их главным вождем. Каган объяснил всем, что Бледа предпочитал римлян и германцев своему собственному народу и хотел освободить императоров от ежегодной дани.

Сейчас Аттила подъехал близко к факелам и увидел Илдику и ее прислужниц, стоявших неподалеку. Она войдет в круг после него, чтобы показать, что она гораздо ниже его рангом. Если бы он был вождем или королем, то они вместе вошли в круг, потому что девушка была дочерью вождя. В ту ночь, когда он стоял перед старейшинами над телом своего брата, он пытался объяснить, какие чувства он испытывает к собственному народу, и ему пришли на ум рассказы старейшин, и тогда он назвался Каганом всех Хунну. Хотя его клан был самым крупным, существовали еще дюжины других, и старейшины начали возмущаться. Их злила узурпация высокого титула больше, чем смерть Бледы. Но они его уже боялись. И никто не сказал, что это святотатство, и титул стал реальностью. Он был Великим Каганом!

Каган остановил коня на краю освещенного пространства и оглянулся. Все смотрели на него. С раннего детства он постоянно чувствовал на себе чужие взгляды, с восхода до заката. Аттила спокойно переводил взгляд с одних на других — ломбардцев, выходцев из Тюрингии, остготов, гепидов, регианов, херулов, аланов, скирианов, квади, сувианов, всех королей, повинующихся его желаниям. Он спешил, не переставая улыбаться, и вместе со своими сыновьями вошел в золотисто-красный круг факелов.

Огромные костры полыхали по обоим берегам реки. Они были сложены высотой в два человеческих роста, чтобы отметить брак Аттилы. Такс, стоя в карауле у ворот частокола, вспоминал, когда каган впервые приказал разводить такие костры. Очень долго хунну считали, что костры были частью брачной церемонии германцев, а кагану были по душе их обычаи. Позже они обнаружили, что германцы считали костры проявлением обычаев хунну.

Такс прислонился к столбу. Он был немного пьян и прислушивался к звукам летней ночи. В помещениях для женщин Крека-хатун и другие жены Аттилы праздновали по-своему. Из окон неслась бешеная музыка труб и барабанов. Яя, ранее ходивший и подсматривавший за ними, сказал, что они плясали. Во дворце никого не оставалось, кроме караульных и парочки рабов внутри дворца.

— Такс,— позвал его снаружи Дитрик.— Ты здесь?

— Да, иди сюда!

Такс спустился по лестнице вниз.

— Ты принес, а?

Дитрик въехал в ворота, везя с собой два огромных кувшина с пивом.

— Мне кажется, что мой отец догадался. Он запер пивоварню. Они уже начали?

Такс покачал головой. Он взял в руки уздечку, и они с Дитриком пошли через двор.

— Не думаю. Если они начнут, то мы тоже будем продолжать пить, не можем же мы оставаться единственными трезвыми на свадьбе!

Они прошли под окнами помещения Креки-хатун и вышли к костру караульных в задней части ограждения. Они могли видетьдвигающиеся фигуры женщин сквозь окна, но Такс отвернулся от них. Существовало строгое табу — нельзя было смотреть на танцующих женщин.

— Дитрик,— сказал он приятелю.— Ты должен следить за мной и Монидаком, чтобы мы не перепились!

— Разве это возможно? — улыбнулся Дитрик. Они завернули за угол и пошли к маленькому полю.

Такс засмеялся.

— Надеюсь, что нет. Нам придется охранять комнату кагана и не стоит быть чересчур пьяными.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Константиус уже не первый раз встал, сжимая в кулаках складки белой одежды.

— Вы должны его разбудить. Они ждут.

— Пусть подождут,— ответил Монидак. Он поставил копье рядом с дверью и облокотился на стену, сложив руки на груди. Такс сидел рядом на полу с другой стороны двери. Он перевел взгляд с Монидака на Эдеко, который никак не мог решиться. Лоб Эдеко сейчас прорезала удивительно глубокая морщина, он постоянно жевал губами и не сводил глаз с двери кагана.

Константиус мрачно посмотрел на Монидака и снова устало сел. В маленькой прихожей была только одна скамья.

Эдеко и Константиус тесно прижались на ней, как двое влюбленных.

— Что вы думаете? — спросил Эдеко.

— Я? — переспросил Такс.— Ничего. Она — очень хорошенькая.

Монидяк улыбнулся.

— Мне нравятся более толстые женщины, на них мягче лежать.

— У тебя, братец,— сказал ему Эдеко.— У тебя самого слишком много жира, и он мешает тебе как следует слышать.

Монидяк откинул голову и захохотал. Углы рта Эдеко опустились, будто ему пришла в голову неприятная мысль. Он взглянул на Константиуса.

— Наверно, ты прав. Нам придется туда войти. Он никогда так долго не спит и всегда отзывается, когда кто-то стучит в дверь.

Константиус вскочил на ноги и пошел к двери. Такс поднялся на ноги. Каган, наверно, будет злиться; и ему хотелось быть от него подальше. Эдеко сильнее стукнул в дверь. Все стояли, не отводя глаз от двери, и прислушивались, стараясь не дышать. Ответа не последовало. Эдеко попытался открыть дверь, но она была заперта изнутри. Он отошел назад и выбил ее ударом ноги. Эдеко вошел, говоря при этом:

— Аттила, прости нас.

Константиус следовал за ним по пятам.

Такс снова уселся у двери, поставив копьё между ног. Монидяк радостно промолвил.

— Надеюсь, он их не убьет.

— Такс! — закричал Эдеко из комнаты.— Такс, иди сюда. Монидяк, запри внешнюю дверь и никого не пускай.

Такс вскочил на ноги. От голоса Эдеко у него побежали мурашки по спине. Он подумал: каган — мертв.

Такс вбежал в комнату. Сзади с шумом захлопнулась входная дверь в прихожую. Он увидел, лицо Эдеко стало бело-зеленым под загаром, а Константиус стоял на полу на коленях, сцепив перед собой руки. Такс почти сразу же увидел кровь.

Девушка скорчилась в углу занавешенной балдахином постели кагана. Занавеси были почти прикрыты, и сам каган оставался в тени. Он лежал на спине в полумраке с открытым ртом. Все лицо было в крови. Под постелью кровь стояла лужицей. Она уже наполовину высохла, и ею были сильно пропитаны покрывала.

Эдеко что-то говорил, но Такс его не понимал. Он не мог отвести взгляда от кагана. Наконец Эдеко схватил его за плечи и начал трясти так, что у него чуть не отлетела голова. Такс заскулил. Когда Эдеко отпустил его, он поднял на него взгляд.

— Эдеко, что теперь будет с нами?

— Молчи,— приказал Эдеко.— Мы потом подумаем об этом. Ты останешься здесь и станешь сторожить его тело. Ты сможешь это сделать? Если нет, то этим займется Монидак...

— Сделаю,— сказал Такс.— Позволь это сделать мне.

— Не уходи,— распорядился Эдеко.— Константиус пойдет со мной.

Константиус начал рыдать. Его руки в кольцах дрожали, и он на латыни начал о чем-то умолять Аттилу. Такс стоял с копьем у постели вождя. Резкие незнакомые звуки молитвы Константиуса пугали его. Он посмотрел на девушку.

— Это она его убила?

— Нет,— резко сказал Эдеко.— Это не она. Посмотри, что с ней творится.

Он подошел к постели и одной рукой ухватил девушку за талию. Она вся обмякла у него в руках. Глаза у нее были широко раскрыты, но она ничего не понимала. Эдеко приподнял ее. Она положила голову ему на грудь и медленно закрыла глаза.

— Пошли со мной, Константиус,— сказал Эдеко и подтолкнул маленького толстого человечка к двери.

— Монидак, открой нам дверь.

Дверь открылась, и они вышли из комнаты. Было видно голову Эдеко между повисшей светлой головкой девушки и лысой головой в веснушках римлянина. Когда они ушли, Монидак заглянул внутрь. Увидел кагана, и у него посерело лицо. Он посмотрел на Такса. Они оба молчали. Потом Монидак вышел и запер за собой дверь.

Такс сел на пол у головы кагана. Он почувствовал запах засохшей крови. Сначала он боялся посмотреть на мертвеца, но потом взглянул на него. Каган лежал, подтянув ноги к груди, его тело было выгнуто вперед в агонии. Кровь лилась у него изо рта и носа. Его волосы были пропитаны ею, а усы засохли от крови. Таксу стало так жаль его, что он начал плакать. Ему припомнилось все, что каган когда-либо говорил ему. Ему было так жаль, что Аттила умер в страшной боли и агонии. И рядом с ним была девушка, слишком испуганная, чтобы позвать на помощь. Такс положил голову рядом с мертвой головой и, плача, решил, что теперь никогда не сможет быть счастливым.

Через некоторое время он услышал шаги за дверью, вскочил и схватил копье. В комнату вошло много народа. Они стояли и смотрели на мертвого повелителя. Такс нервно переложил копье из правой руки в левую.

Эллак сказал:

— Эта девушка, наверно, его отравила.

Он повторил эти слова еще раз без всякого выражения. Маленький Эрнач, стоявший за ним, заплакал.

— Нет,— сказал Денгазич. Он встал рядом с Эрначем и положил ему руку на плечо.

— Каган был болен. Я был с ним как-то, когда у него начались боли в животе.

Он подошел к постели мимо Такса, чтобы коснуться тела, но Такс стал между ним и каганом.

— Пусти,— нетерпеливо сказал Денгазич.— Он был моим отцом.

Такс стоял молча, но когда Денгазич попытался его обойти, Такс снова преградил ему дорогу. Денгазич пожал плечами и отошел к остальным детям кагана.

Маленькие плакали. Старшие сыновья взяли их за руку и начали выводить из комнаты. Остались только Эллак и Денгазич. У Эллака сверкали глаза. Он сказал:

— Если ты поддержишь меня в качестве кагана, то станешь вторым после меня.

Денгазич захохотал.

Дверь открылась, и вошли Эдеко со Скоттасом, Орестесом и двумя вождями хунну. Они стояли за сыновьями Аттилы, смотрели на его тело и разговаривали шепотом. Орестес и Скоттас вышли, но вошли другие вожди хунну и их помощники. Они входили по двое, смотрели на мертвеца и молча выходили из комнаты.

В дверях появилась Крека-хатун с Эрначем, глянула на Аттилу и ушла, прикрыв рукой глаза, Эрнач остался, его покрасневшие глаза внимательно смотрели на Эллака. Такс снова уселся на пол, держа перед собой копье. Эдеко остался в помещении и прислонился к стене напротив Такса. Эллак и Денгазич шептались. Такс их слышал, и он понял по выражению лица Эрнача, что тот их тоже слышал. Эллак пытался уговорить Денгазича, чтобы тот принял его сторону. Денгазич не соглашался. Время от времени Денгазич смотрел на Такса, и наконец он толкнул Эллака, чтобы тот замолчал. Он тоже посмотрел на Такса и притих. Они не видели Эрнача, и он потихоньку исчез из покоев отца.

Первым из германцев пришел Ардарик. Он был один. Когда он увидел кагана, то побелел. Он открыл рот и попытался что-то сказать, но не смог, только покачивал головой из стороны в сторону. Повернувшись к Эдеко, он сказал:

— Вы знаете, что я так же сильно скорблю, как и вы.

— Да.

Ардарик продолжал качать головой.

Такс спросил:

— Почему он так говорит?

Эдеко ему не ответил.

В двери один за другим вошли три короля племен остготов. Лица у них были напряженными и рты крепко сжаты. В это время из комнаты вышли Денгазич и Эллак. Короли тихо

переговаривались между собой на своем диалекте. Такс плохо их понимал, но они говорили о крови. Затем в комнате появились шаманы.

Их было пятеро. Трубач был среди них, но не он был их вождем. Вождем был Мегиддо — старый, сторбленный и немой человек. На нем была накидка из перьев ворона — он был из клана Шай, и ворон был одним из их тотемов. Другие шаманы стояли в стороне, а Мегиддо наклонился и обнюхал лицо Аттилы. Он протянул тонкую руку и коснулся его тела. Шаманы обходили Такса, не глядя на него и не разговаривая с ним. От них пахло по-разному, но это был запах сушеных трав. Когда они все осмотрели тело, то сгрудились в кружок и начали разговаривать на языке жестов — это был единственный язык, понятный Мегиддо. Они быстро переговорили и ушли все, кроме Трубача.

Трубач заявил:

— Эдеко, каган болел, и мы давали ему против болезни магические талисманы. Мы считаем, что он погиб от болезни, и не следует никому за это мстить.

Эдеко посмотрел на остготов, которые оставались в комнате, потом перевел взгляд на тело кагана.

— Что это за болезнь, когда человек теряет столько крови?

— Кто знает?

Трубач наклонил голову набок и глянул в сторону остготов.

— Может, это кара за то, что он сам проливал столько крови.

Он сделал шаг назад, посмотрел на Такса и тихо заметил.

— Не плачь, лягушонок. Все люди умирают.

Он поправил на плечах плащ из кожи змеи и пошел к двери.

— Он пил столько крови, что она его убила, — пробормотал один из королев остготов. Два другие согласно кивнули и подошли ближе друг к другу.

— Если бы он верил в Иисуса Христа...

Они быстро последовали за Трубачом.

Такс снова посмотрел на кагана. Ему казалось, что он потерял отца.

Там, где было кольцо из факелов для свадьбы кагана, сейчас сооружали деревянную платформу высотой с всадника на коне. Ардарик заметил, что это место является священным для хунну, но когда Дитрик попытался его расспрашивать, он ему ничего не мог объяснить.

— Они приходят туда, чтобы совершать там ритуалы, — сказал сыну Ардарик. — Когда Бледу у... он умер, они принес-

ли туда его тело, чтобы сделать с ним то, что делают со всеми мертвыми гуннами. Каган принял свой титул тоже там.

Густая летняя трава была затоптана и вся покрыта сажей от факелов, горевших во время брачной церемонии. Дитрик сделал несколько шагов к кругу, но Ардарик резко отозвал его назад.

— Я тебе уже говорил,— сказал Ардарик, когда сын вернулся к нему.— Оставь их в покое, и ты должен меня слушать. Если ты нарушишь мой приказ, я прикажу, чтобы тебя связали и держали в доме.

— Почему? — спросил его Дитрик, но Ардарик уже разговаривал с остготом Видимиром. Они пришли, чтобы посмотреть, как идет работа по подготовке погребального костра кагана, но теперь были полностью заняты своим разговором. Дитрик злился. Сначала, когда он услышал о смерти Аттилы, он перепугался, как маленький ребенок, боящийся чего-то незнакомого в темноте, но сейчас он был сильно возбужден. Всю его жизнь над ними стоял Аттила. При нем все шло по определенным правилам и никогда не было никаких сюрпризов. Теперь начнутся перемены. Новые люди станут занимать важное положение. Ардарик и Видимир обсуждали именно это. Они говорили о Денгазиче и Эллаке, старших сыновьях кагана, которые могли занять его место. Дитрик решил, что не станет поддерживать Денгазича, тот наполовину гот. Он подумал о том, поведет ли их новый каган в поход против Рима. На этот раз он сможет принять участие в походе. Конь наклонил голову и стал щипать траву.

В лучах заходящего солнца перед ними расстилалась коричневая степь. Она плавно переходила волнами за горизонт. К погребальному костру привезли еще дрова. Помост был наполовину закончен, и вокруг него, как муравьи, копошились люди. Конь Дитрика сделал еще шаг в ту сторону, щипля траву, и Дитрик почувствовал желание перевести коня в галоп и поскакать туда. Но он услышал новую нотку в голосе Ардарика и побоялся его послушаться.

Он не видел Такса с той ночи, перед смертью кагана, но он встретил Мониняка у реки. Он ему сказал, что Такс охраняет тело вождя.

— Он и Яя,— сказал Монинок.— Это честь, но я ее не заслужил.

— Почему? — спросил его Дитрик.

Монинок задрал вверх тонкие брови.

— Не отходить от мертвеца целых два дня? Дух кагана сильнее, чем у обычного человека.

Дитрику представилось, как душа кагана вылезает у него через рот и хватает Такса за горло. Он сторбился, и ему стало неприятно. Несомненно, что душа кагана была в аду — он не верил в Иисуса Христа. Подъехала еще одна телега с дрова-

ми. Гунны верхом скакали рядом. Конечно, душа кагана сейчас находится в аду.

— Дитрик! — крикнул Ардарик.

— Да, отец.

Такс ощущал запах трав и всяческих благовоний в телеге, ехавшей за ним. У него не было сил, он не спал в течение двух дней после смерти кагана. Он пригибался под тяжестью плаща, и глаза у него горели, будто в них попал песок. Темнота вокруг была полна всадников. Они двигались и сталкивались друг с другом среди моря людей. Перед ним ехал Эллак под знаменем кагана, украшенным конскими хвостами. Эрнач, ехавший рядом, вез Меч Бога Войны, который каган нашел на этой равнине. Денгазич не вез ничего и ехал рядом с остальными детьми кагана.

Эдеко заметил:

— Видите, как пламя раздувается ветром.

Голос у него был хриплым, и он едва говорил. После смерти кагана он не присел ни на минутку, все время вел переговоры, отдавал приказания, и поэтому потерял голос.

За сыновьями кагана следовали всадники с факелами, а потом воины с факелами в два ряда окружали погребальное шествие. На четырех концах погребальных дрог с телом кагана были укреплены факелы. В воздухе пахло паленым. При порывах ветра, в свете факелов, лица людей выглядели страшными и дикими. Конские хвосты развевались на крестовине штандарта кагана и бликами сверкали при свете факелов. Такс набрал слюны в рот и сплюнул. Эллак может нести конские хвосты, но он не станет каганом. Никакой каган не оставил бы всю работу Эдеко, а стал бы ее делать сам! Ни один из сыновей кагана не проявил почтения и не пришел погостить у тела умершего отца.

«Теперь они притворяются, что испытывают горе,— думал Такс.— Я не стану поддерживать ни одного из них».

В темноте германцы ехали слитной массой. Они двигались параллельно с погребальными дорогами, но не могли напрямую присоединиться к ним. Только хунну могли оплакивать кагана хунну. Такс подумал, где же Дитрик?

Монидяк сказал, что видел его после смерти кагана и что Дитрик был рад чести, оказанной Таксу. У него вдруг навернулись на глаза слезы. Так часто случалось за последние два дня.

Перед ними на равнине были погребены Риа, Бегуз и Тиннума, великие вожди, которые вели хунну по болотам за белым оленем.

Здесь в течение четырех поколений хоронили всех вождей хунну. Их привозили сюда на вечный покой, даже если они

умирали на другом конце земли. Каган не будет здесь одинок. Его погребальный костер был темной точкой на равнине, там еще не разожгли огонь.

Позади Такса, среди сыновей кагана, Денгазич начал монотонно петь. Такс прикусил губу. После нескольких слов он вспомнил прощальную песнь, хотя не слышал ее уже много лет. Это было старое моление сына о мертвом отце.

Вокруг все мужчины подхватили песнь. Такс почти забыл ее, но старые слова вернулись к нему и наполнили его дикими видениями и воспоминаниями. Рядом с ним Эдеко тихо сказал:

— Денгазич провел весь день с шаманами и выучил моление. Каган был бы этому рад.

Он тихонько присоединился к плачу, стараясь беречь больное горло. Такс облизал губы, слова сами вылетели из его рта, и он стал петь их, хотя его голос дрожал и запинался и слезы текли по щекам. Он чувствовал одновременно ужасную скорбь и поразительную радость.

С пением процессия медленно приблизилась к костру. Всадники окружили костер, поставив коней плечом к плечу. Их голоса взвились вверх в темноте, как четкий ритм барабана. Эллак, Денгазич и остальные старшие сыны кагана спешили у дрог и подняли тело отца. Они отнесли его на платформу и положили там. Потом принесли сосуды с благовониями и связки трав и разных специй. Они разложили всё вокруг тела, наклонив урны, чтобы густое душистое масло пропитало платформу. Один за другим сыновья покинули платформу, сели на лошадей и отъехали немного дальше от костра. Последним сошел Эллак. Он подошел к Эдеко, молча взял у него факел и зажег все факелы вокруг погребального костра.

Темнота мгновенно рассеялась от сильного пламени. Такс видел желтое лицо кагана в свете костра, с закрытыми глазами и плотно сомкнутым ртом, через который из него вышла вся кровь. У Такса трепетало сердце. Потом сильно запахло горячей плотью, и у него перехватило горло. Черная лошадка заржала и сильно прижалась к коню Эдеко, который быстро развернулся и поскакал прочь. Вокруг них начали волноваться остальные лошади. Черная лошадка порывисто раздувала ноздри.

Продолжая монотонно повторять слова моления, всадники по кругу мчались вокруг костра. Лошади все убыстряли движение.

Большинство всадников повторяли моление о погибшем отце, но некоторые из них пели другую песнь, и когда остальные всадники повторили слова, то стала звучать только эта песнь — моление на смерть кагана.

Такс тоже ездил по кругу, пока не почувствовал, что чер-

ная лошадка замедляет ход от усталости. Он вывел лошадь из круга и шагом отправился к стоянке хунну. Всадники будут ездить всю ночь и весь последующий день, и еще одну ночь. Когда всадник устал, он мог уехать отдохнуть, и другой всадник занимал его место. У Такса сами собой закрывались глаза, и маленькая лошадка несла его в лагерь. Такс задремал и не просыпался, пока лошадь не остановилась у юрты Яя и вышедшая наружу Юммейк не коснулась его руки.

На рассвете всадники все еще ездили вокруг костра на равнине. Дитрик слышал их песни, пока ехал к деревне гепидов. Когда он проснулся на рассвете и стоял в сером холодном воздухе, натягивая одежду, слушая песни, у него были крепко стиснуты зубы. Юноша подошел к окну и отворил его. Он ничего не мог видеть, если даже далеко наружу высунуть голову. Ничего, кроме крыш соседних домов. Но он знал, что там они делали.

Все уже были готовы. Дитрик последним спустился вниз. В комнате рабы готовили завтрак. Дитрик накинул плащ — в конце лета холод не проходил все утро. Мимо столпившихся рядом с отцом людей он прошел к огню. Раб подал ему чашу бульона и хлеб. Ардарик продолжал есть. Он увидел сына и показал в направлении гуннов.

— Ну, что ты теперь о них думаешь? Орут и воют, как дикие звери. Такие обычаи не подобают для великого человека, каким был каган! Так вот!

Дитрик сел и начал жевать хлеб.

— Они все пьяны или сошли с ума, — добавил кто-то.

— Дитрик все вам может рассказать о них, — хитро заметил Ардарик. Он быстро ел и вытирал руки о ляжки. Он откинулся назад и поставил руки на широко раскинутые ляжки.

— Дитрик, что они пьют?

— Кровь детей германцев!

Дитрик захохотал, но все вокруг него вздрогнули и с ужасом посмотрели на Дитрика. Ардарик поставил свою чашу на пол и позвал собак, чтобы те вылизали ее до блеска. Собаки грызлись и шумели миской у его ног.

Ардарик сказал.

— Нам нужно ехать. Вчера я разговаривал со старейшинами и нашими священниками. Сегодня мы должны все собрать и ночью уехать отсюда. Но это — тайна! Только богу известно, что они сделают, если узнают о наших планах.

Дитрик стоял, как после удара молнией, молча уставившись на отца. Все остальные выражали облегчение и согласие с планом Ардарика. Дитрик посмотрел на чашу с бульоном, которую он держал на коленях. Он понимал, что больше никогда не увидит Такса.

— Откуда он явился? — спросил Монидак, присаживаясь слева от Такса. Он покачал головой. Такс столько выпил, что никак не мог сфокусировать взгляд. Он видел монаха в центре юрты только в виде тени, которая загораживала ему свет. Везде пахло Белым Братом. У Такса забурчало в животе, и он чуть не начал блевать. Юммейк сидела рядом и пела низким красивым голосом.

Такс почувствовал, как он ее любит, даже если она — жена Яя. Было трудно дышать плотным теплым воздухом в юрте. Кругом полыхали оранжевые отсветы огня.

Монидак смотрел на монаха. Его руки поднимались и опускались, как крылья журавля в такт с пением, которое звучало где-то рядом. Монидак толкнул локтем Такса и сказал:

— Это тот самый монах, которого каган вышвырнул с пира, когда здесь были римляне. Он — шаман христиан. Что он говорит?

— Что?

— Что он говорит?

Такс прислушался, пытаясь что-то понять, поднял кувшин ко рту и отхлебнул из него. В вино был добавлен отвар Белого Брата. Желудок сжался от прикосновения маслянистой жидкости. Он постепенно понял, что именно монах пел странную песню на латыни и размахивал руками. Ему захотелось увидеть его лицо. Трудно понимать слова, если ты не можешь видеть лица говорящего. Но Такс различал только мазки красного, золотого и коричневого, которые двигались и переливались в такт движениям монаха и его пению.

— Что-то насчет души и духов, — объяснил Такс Монидаку. — О Прародителе христиан и насчет Христа.

Он снова поднял кувшин, не удержал его и облил всего себя вином. Монидак не сводил глаз с монаха.

— Может, это тот самый монах, который сглазил нашего кагана? За то, что тот выбросил его на дождь!

Такс осторожно поставил кувшин на пол и смотрел, как тот стал кругами вращаться по полу. Юммейк встала, спокойно подняла кувшин и унесла его подальше.

Такс сказал.

— Шаманы сказали, что не было никакого колдовства и сглаза.

Он закрыл глаза, но стало еще хуже, под ним поднимался и опускался пол, и опять забурлило в животе. Он открыл глаза.

— Это они так говорят, — заметил Монидак. — Но как может человек умереть подобным образом, если только не из-за колдовства.

— Что?

Монидак затряс головой.

— Я поговорю с тобой утром.

Он подобрал под себя ноги и начал хлопать в такт пению монаха.

Юммейк, улыбаясь, вернулась назад и села. Она принесла с собой еще один кувшин.

— Он — полон.

В таинственной теплой темноте ее глаза были прекрасны и холодны. Такс безмолвно смотрел в них. Юммейк опустила глаза вниз, потом вообще отвела взгляд. Она покачала головой, запрещая Таксу так смотреть на нее. Она — жена Яя... Такс поднял кувшин и, поддерживая его другой рукой, начал пить. Темнота вокруг него стала более плотной, иногда он начинал понимать слова монаха, но это были слова без всякого смысла. Монах снова и снова повторял латинское слово, означавшее нарушение табу, но это было нечто иное. Табу не имели смысла. Они не приходили от предков человека или из-за его образа жизни. Еще несколько человек стали, как Монидак, хлопать в ладоши, и громкие звуки оглушали Такса. Монах сказал слово, означавшее очищение человека, нарушившего табу. Такс начал дрожать. Ему стало стыдно, что он напился, когда каган лежит снаружи мертвый. Он попытался подняться и ползком добраться к двери.

Снаружи было тепло, воздух был чистым и пряным. Рядом с юртой Яя женщина причитала по мертвым — вялая мелодия иногда срывалась на крик. По всей стоянке раздавались причитания, а издали доносились крики и пение всадников, продолжавших скакать вокруг костра.

Такс отошел немного дальше, и его вырвало. Некоторое время он стоял на четвереньках, свесив голову вниз. Ему было стыдно и грустно. Он с трудом выпрямился.

Но ему стало лучше. Такс видел между хибарок стоянки равнину и погребальный костер на ней. На равнине горели костры, а в темноте, вокруг огромного погребального пламени, носились лошади с всадниками. Теплый ветерок ласкал кожу Такса. Ему хотелось присоединиться к обряду, и Такс начал искать свою черную лошадку. Он думал о том, как каган учил и вел их вперед, и заботился о них, и в груди начали подниматься рыдания от потери и горя. Такс отправился к загородке для лошадей и остановился там, пытаясь немного прийти в себя.

— Такс?

Он свистнул лошадке.

— Такс, — Яя, спотыкаясь, брел к нему. Он обнял его за плечи. — Куда ты отправляешься? Идем внутрь, выпей со мной.

Что-то энергично расталкивало остальных лошадей, потом появилась черная лошадка. Такс схватил ее за гриву. Яя продолжал его удерживать.

— Пойдем выпьем, маленький лягушонок. Пошли! Ты обладаешь магией и можешь удрать от врагов, а у нас с тобой одинаковые враги, и разве я не брат Марага?

Такс прислонился к Яя.

— Яя, друг мой. Я люблю Юммейк. Ты должен о ней заботиться!

— Конечно,— хихикал Яя. Лошадка подошла к ним. Она пролезла под загородкой и отшатнулась от вони вина. Такс наклонился вперед и обнял лошадку за шею. Яя пошел за ним и вытянул вперед руку. Лошадка отвела уши назад, начала фыркать и напрягла передние ноги.

— Я поеду справлять траур по кагану,— Такс прижимался лицом к гриве лошадки.

Яя подошел к нему ближе. Лошадка резко рванулась назад, таща за собой Такса. Такс почувствовал запах крови и понял, что лошадка волновалась из-за этого. Руки и грудь Яя, и его волосы — все было покрыто кровью. Она была еще свежая и блестела в свете огня от соседней юрты.

— Есть и другие пути оплакивать кагана,— заметил Яя.

— Что случилось?

Яя широко расставил руки и чуть не упал.

— Они даже не сопротивлялись и были похожи на рыб в запруде. Тебе просто нужно немного поработать ножичком!

Такс взобрался на лошадку. Он не понял, что ему сказал Яя.

— Я еду оплакивать кагана.

— Всего несколько германцев,— Яя, спотыкаясь, отправился мимо хибарок.

Такс глядел ему вслед. Яя подошел к своей двери, открыл ее, и наружу вырвался свет и шум. Такс движением ног развернул лошадку и поехал по поселку между юрт и кибиток. Он нашел кибитку, где висела, охлаждаясь, шкура с водой. Такс напился и тщательно вымыл руки. Отсюда он не видел равнину и костры на ней. Вокруг царил серебристый полумрак, и юрты стояли, как улы. Причитания женщин были похожи на шум пчел. На руках у него блестела вода. Он вспомнил, как отливала блеском кровь на руках и волосах Яя, и ему вдруг стало страшно. Он оглянулся и поскакал, чтобы быстрее добраться до костра и скачущих вокруг всадников.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Утром Монидак нашел мертвого Яя у загона для лошадей с ранами в груди и на спине. Они отнесли его в юрту для мертвецов, где Юммейк стала готовить его к погребению. Не было украдено ни одной лошади, и ничего не пропало с тела Яя.

Монидак сказал:

— У него было много врагов. Но неужели они воспользовались похоронами кагана, чтобы расправиться с ним.

Такс смотрел на Юммейк, склонившуюся к телу Яя. Она тихо плакала. Ее руки мягко касались и гладили его руки и ноги.

Такс отвернулся и ничего не сказал. Солнце ярко светило, и ветерок был теплым, но ему было холодно.

Юммейк сказала, что он ей не нужен, и Такс взял лошадку и поехал мимо частокола кагана в направлении к стоянке гепидов. По дороге он проехал мимо погребального костра. Каган уже полностью сгорел, и огонь начал постепенно тухнуть. Кости кагана собрали и положили в золотую шкатулку. На равнине осталась кучка пепла, которую ветер разносил в разные стороны. На всех углах платформы возвышались подставки для факелов.

Вокруг костра равнина была вся отбита, и образовался круг, по которому одновременно могла скакать дюжина лошадей.

Проезжая мимо заграждения, Такс слышал и видел, как за ним идет бешеная деятельность. Все упаковывали и грузили на мулов и на телеги, чтобы вывозить отсюда. Куда? Эллак, Денгазич и остальные станут решать, куда именно. Такс проехал по небольшому спуску к реке и отправился вдоль берега через высохшее болото к стоянке гепидов. Земля образовала небольшой холм, он остановился на вершине и взглянул через реку на лагерь.

Лагерь стал совсем небольшим. Сначала Такс не поверил своим глазам, но потом взглянул еще раз. Стало гораздо меньше домиков, особенно на дальнем конце. Он подумал, не там ли Яя нашел своих германцев, как рыбу в запруде, которую следовало прирезать. Но гепиды, видимо, уехали из лагеря. Ночью они все собрали, сложили домики и отправились подальше отсюда. В лагере было мало людей, и Такс не видел женщин и детей.

Такс немного понаблюдая за гепидами. Он уже понял, что они не станут следовать за Эллаком, но его поразило, что они смогли так быстро уехать со стоянки. Такс решил поехать и поискать Дитрика, потом передумал, потом ему опять захотелось поехать... Но в конце концов он развернул лошадку и поехал к лагерю хунну.

Трубач сидел рядом с юртой и пил из чаши, украшенной змеями снаружи и изнутри. Его жены суетились вокруг него, вбегали в юрту и выбегали из нее. Такс оставил лошадку подальше, чтобы не поднимать пыль вокруг шамана. Когда жены увидели его приближение, они скрылись внутри кибитки. Трубач продолжал сидеть и пить из чаши. Такс сел рядом и ждал, пока тот обратится к нему.

Трубач молчал, и Такс откашлялся и произнес:

— Хороший день.

Трубач поставил на землю чашу, и Такс увидел, что в ней бульон. Шаман сложил руки на груди и посмотрел на Такса.

— Ты уже третий человек, который приезжал сегодня ко мне и начинал разговор с того, что сегодня хороший день. Как может быть хорошим день, когда кости Аттилы захоронят в землю? Почему бы тебе не сказать что-то, что я не могу знать?

— Кто еще был здесь?

— Я тебе этого не должен говорить, но я тебе все равно скажу, потому что меня это волнует. Сначала приезжал Эдеко, твой начальник караула. Он спрашивал меня, чья магия сильнее — Эллага или Денгазича. Вторым приехал Денгазич с вопросом, стоит ли ему следовать за Эллагом, или делать то, что он сам считает нужным. А теперь вот приехал ты. Я надеюсь, что у тебя есть более умный вопрос.

— Почему они спрашивают у тебя о таких вещах? — пораженно спросил Такс.

— Именно поэтому меня все и волнует. Что тебе нужно?

Такс облизал губы.

— Ты знаешь, что Яя мертв.

— Нет. Яя из хунну Шаев, или Яя из клана Мишниги?

— Мой друг Яя, который вместе со мной был в охране кагана. Яя из клана Мишниги.

— Тц-ц-ц, я и не знал.

— Его убили. Мы нашли его сегодня утром недалеко от лошадей. Но ничего не пропало и ни одну лошадь не угнали. На нем было много ран, и из некоторых не шла кровь.

Трубач свистнул и уставился куда-то позади Такса.

— Угу.

— И еще. Гепиды покидают свою стоянку ночью. Не все сразу, а понемножку. Забирают лошадей и все остальное. Мне кажется, что в лагере уже не осталось женщин и детей.

— Да. Расскажи мне о Яя.

Такс сторбился.

— Я его видел ночью, и он кое-что мне сказал...

Такс все рассказал Трубачу — о словах Яя и о том, что он сам видел, — Яя был весь покрыт кровью.

Трубач опустил голову и продолжал посвистывать, вперив глаза куда-то вдаль. Женщины вышли из кибитки и занялись огнем, на котором варился котелок с мясом. Трубач перевел взгляд на Такса.

— Это, конечно, работа для шамана, в отличие от того, о чем меня спрашивали Денгазич и Эдеко. Ты молодец, что обо всем мне рассказал. Теперь послушай меня. Сегодня мы положим кагана в могилу. Но ночью ты должен приехать сюда с конем для меня и со своими вещами, и мы с тобой от-

правимся на юг. Не волнуйся о них.— Он жестом показал на своих жен.— Они могут вернуться в свои семьи, где о них станут лучше заботиться, чем это делал я... Мне кажется, что это будет моя последняя работа в качестве шамана.

— Что случилось? — спросил его Такс.

— Ничего, кроме того, о чем мы и раньше догадывались. Каган как-то...

Трубач потянул себя за нижнюю губу.

— В мире всегда за все существует расплата, и хорошо, когда она приходит разом за все. Приезжай сюда ночью.

Он поднялся, вошел в кибитку и закрыл за собой дверь.

Такс уехал не сразу, делая вид, что по-другому завязывает свои сапоги, но Трубач больше не вышел к нему. Наконец Такс сел на черную лошадку. Юммейк следовало помочь с похоронами Яя — Монидяк оставался в заграждении вместе с Эдеко. Но Такс не сразу вернулся в юрту мертвых. Он проехал мимо лагеря у реки, надеясь, что сможет увидеть там Дитрика.

Вдоль реки на высохших болотах играли дети хунну. Их крики и смех разносились по долине. Такс выехал на самое высокое место на берегу реки и попытался что-либо разглядеть в лагере гепидов. Летний ветерок поднимал пыль с высохших болот, и она, как пелена, заслоняла ему стоянку гепидов. Все было коричневого цвета и увядшим, даже деревья на берегу реки. Такс долго оставался на холме. Он уже не надеялся увидеть Дитрика, а только удивленно наблюдал за гепидами. Наконец он вернулся в свой лагерь.

Когда он подъехал к кибитке Яя, там уже был Монидяк. Он сидел и ел. Такс вошел и сел у огня. Воздух внутри застоялся, и пахло очень неприятно. Яя находился в другой юрте, но Юммейк пришла оттуда и складывала его вещи в мешки. Она не переставая плакала и время от времени шмыгала носом, потому что у нее здорово из него текло. Такс поставил на огонь чашу с похлебкой, а потом поел густую похлебку с помощью пальцев.

— Ну,— сказал Монидяк.— Тебе не интересно узнать, чем занимается Эдеко?

Такс хмыкнул. Он поставил пустую чашку и вытер руки об одежду.

— Чем занимается Эдеко?

— Он разговаривает со Скоттасом и Орестесом и его братом, Константиусом, Фергой и Миллисисом, со всеми, кто имеет какой-то вес. Эллак пытался заставить их, чтобы они провозгласили его каганом, но они отказались сделать это,— голос у Монидяка был весьма торжественным.— Эллак не станет каганом, так же, как и Денгазич. Все изменилось. Все будет теперь по-новому.

Такс подумал о том, что гепиды покидают Хунгвар. В

жаркой затхлой юрте его кожа покрывалась липкой пленкой пота.

— Как насчет германцев?

— Что? А-а-а. Им теперь не придется никакого значения. Когда мы разберемся с собственными делами, мы их притащим обратно.

Вожди германцев из всех племен и кланов собрались в Хунгваре на свадьбу и оказались на похоронах кагана. Теперь они все уехали, рассеявшись по всему миру.

Такс заметил:

— Они к нам теперь никогда не вернуться. Нового кагана не будет.

— Но... Он нам и не нужен. Будет совет вождей хунну...

Такс покачал головой.

— Ничего теперь не будет таким, как было раньше. Что он здесь делает?

Он показал на монаха, который свернулся у стены и спал там.

— Он был добр ко мне,— ответила Юммейк.— Оставь его в покое.— Она фыркнула и потеряла нос.

— Он говорит на хунну?

Юммейк отвернулась от них. У нее в руках было зерно, и она его высыпала в глиняный горшок.

Такс встал и пошел к монаху. Он его потряс, и тот открыл глаза. Такс снова сел. Подобно просыпающемуся ребенку, монах поднял голову и огляделся. В его глазах не было страха. Он посмотрел на Такса и улыбнулся.

— Уходи,— сказал ему Такс на латыни.— Убирайся! Тебе здесь нельзя оставаться.

Монах сел на корточки и отряхнул рукава рясы из грубой черной материи. Потом провел руками по голове, приглаживая волосы. В свете огня и света из дымового отверстия его худое лицо, казалось, состояло из одних углов. Сияющие глаза были бледными, как вода.

— Ты меня слышишь? — нетерпеливо повторил Такс.

— Ты торопишься. Мне говорили, что у гуннов отсутствует понятие времени,— ответил ему монах. Он сел, скрестив ноги.— Ты хорошо говоришь на латыни. Где ты выучил язык?

Такс разозлился и стукнул кулаками по коленям.

— Ты должен уйти. Всем будет плохо, если ты здесь задержишься.

— Нет, зло придет только, если я сам его сюда пушу. Иисус Христос защищает меня от всяческого зла.

— Такс,— резко сказала Юммейк.— Я тебе уже сказала, что он был очень добр ко мне. Оставь его в покое.

— Яя не понравилось бы, что он находится здесь,— Такс так грозно смотрел на монаха, будто желал поднять его в

воздух с помощью своего взгляда и вышвырнуть вон из кибитки.

Юммейк гордо задрала вверх подбородок.

— Яя — мертв,— ее лицо блестело от слез и соплей. Она резко вытерла его рукавом. Потом перевела взгляд на монаха, и лицо у нее стало мягким.

— Иди сюда, друг,— и протянула к нему руку.

Монах улыбнулся.

— Друг,— повторил он на хунну. Значит, он немного знает язык? Он пошел к ней, немного согнувшись.

— Юммейк,— спросил Такс.— Почему ты...

Он бессильно следил за ней. Она отломала кусок хлеба и подала его монаху, похлопав по руке. Потом она ему улыбнулась, как своей преданной собаке.

Держа хлеб в руке, монах посмотрел на Такса.

— Пожалуйста, переведите.

Когда Такс начал колебаться, он повторил:

— Пожалуйста.

Такс приблизился к ним.

— Юммейк, что ты делаешь?

— Вы все разошлись по своим делам и оставили меня одну с Яя,— сказала ему Юммейк.— Кто-то спал, а кто-то был слишком пьян или занимался чем-то другим. Он помог мне отнести Яя в юрту мертвецов. Он помогал мне обмыть и одеть Яя и успокаивал меня.

— Он — римлянин,— сказал Такс.

Монах тянул его за рукав, и Таксу пришлось посмотреть на него.

— Что ты хочешь?

— Я хочу поблагодарить ее. И еще скажи ей о любви и утешении Иисуса Христа.

На мгновение Такс потерял дар речи, потом он возмутился.

— Ее муж мертв, а ты хочешь, чтобы я говорил ей о разных римских вещах и верованиях?.. О германской вере?..

— Ей это сейчас необходимо,— настаивал монах.

Юммейк запечатывала горшки с едой глиной. Она очень высоко закатала широкие рукава своей одежды. Такс глядел на нее, на ее сильные руки. Юммейк была полностью занята работой. Волосы свисали по плечам и были свалывшимися. У нее не переставая текли слезы и мочили ей руки.

— Он хочет, чтобы я сказал тебе о дьяволе Христе,— сказал Такс.— И он говорит, что это может тебя успокоить.

Юммейк покачала головой.

— Скоро у меня будет покой. Скажи ему об этом.

Она продолжала запечатывать горшки глиной.

— Попроси, чтобы он остался со мной.

Такс повернулся к монаху.

— Она сказала, что не станет тебя слушать. Если хочешь, можешь здесь остаться.

Он отошел. Если ей было легче в присутствии монаха, что ж! Он вспомнил, что ему говорил Трубач, и отправился, чтобы найти лук и одежду.

Монидяк пошел за ним.

— Сегодня нам нужно отнести Яя на равнину. Я уезжаю. Без меня его будет тяжело нести.

— Хорошо. Найди Бряка.

Такс отбросил рваный плащ, под которым спал, и начал искать стрелы. Неожиданно он понял, что ему сказал Монидяк, и посмотрел на него.

— Куда ты собираешься?

— Я еду с Эллаком. Он хочет поехать к Озерам и собрать там весь народ. Шаманы призывают, чтобы все хунну собрались на реке Недао, чтобы выбрать нового вождя. Мы там будем к началу новой луны.

— Почему ты не сказал мне об этом?

— О,— Монидяк легонько стукнул его по руке.— Мы все равно будем там все. Нужно только посмотреть, что станет происходить здесь. Я знаю, что ты не будешь поддерживать Эллага. Ты за Денгазича? Он слишком молод.

— Они ссорятся?

— Пока нет. Но Денгазич вспоминает о Бледе, и что старший сын был вынужден уступить младшему.

Такс подумал.

— Все уезжают. Через несколько дней Хунгвар опустеет.

— Гепиды тоже уезжают.

— Ерунда. Тот, кто будет каганом, снова заставит их всех вернуться.

— У нас не будет нового кагана.

— Неважно. Германцы никогда не посмеют выступить против нас.

Такс поднял колчан.

— Вчера ночью я видел Яя, и он мне сказал, что убивал германцев. Значит, его убили германцы. Они ему отомстили. Будь осторожен. У тебя есть лишние стрелы?

— Возьми стрелы Яя.

У Такса забилося сердце. Ему стало не по себе при мысли, что он возьмет стрелы мертвеца. Но когда он заглянул в свой колчан, то увидел, что у него осталось слишком мало стрел.

— Юммейк! — позвал он.

Она сворачивала подстилку для спанья. Монах сидел рядом с ней, глядя в пространство. Юммейк подняла голову.

— Мне нужны стрелы,— ему было стыдно просить ее об этом.

— Бери.

Такс подошел к деревянному сундуку у стены и достал лу-

ки Яя и его колчаны со стрелами. Юммейк часто готовила для него стрелы, хотя некоторые говорили, если женщина делает стрелы, они будут слабыми. Там были три полных колчана. Такс взял два, а третий оставил, чтобы Юммейк положила его вместе с Яя.

В полдень, когда они все упаковали, пришел Бряк. Они вынесли тело Яя из юрты мертвецов и отправились в степь. Такс и Монидак везли тело на лошади. Бряк ехал впереди и вез с собой стрелы и копье Яя. Юммейк вместе с монахом следовала за телом Яя. Такс вел с собой трех коней. А Юммейк вела с собой кобылу Яя на веревке.

Они ехали к северу от Хунгвара. Долгая засуха высушила степь до серо-коричневого цвета. Небо было настолько синим, что на него было больно смотреть. Незадолго до заката они приехали к ручью, где стояло большое дерево. Юммейк сидела в тени рядом с монахом. А Такс и Монидак собирали хворост. Бряк вбил четыре кола со всех сторон постилки, на которой лежал Яя. Они связали эти колья так, чтобы образовалось возвышение, и уложили туда Яя с его стрелами и копьем. Под небольшую платформу они положили дрова и пищу. Юммейк сняла уздечки и седла с лошадей и отогнала их подальше. Кобыла уже щипала траву у ручья, и три коня присоединились к ней.

Юммейк снова села под дерево. Из мешка она достала корону из дерева и лент, которая была на ней во время брачной церемонии, и аккуратно надела ее на голову, достала также горшочки с краской и нарисовала на лице знаки траура. Потом все убрала обратно и сидела, положив руки ладонями вверх на колени.

Монидак обошел вокруг платформы, делая вид, что проверяет, насколько она прочная. Бряк не отводил взгляда от горизонта. Потом все отправились к своим коням. Монидак посмотрел назад на Юммейк, а Бряк сел на коня и подъехал к Таксу, стоявшему у платформы.

— Ты приедешь в Недао, Такс? — спросил Бряк.

— Не знаю, — ответил ему Такс. У него в горле был ком. Он сжал руку Бряка. Монидак подвел коня, и они все обнялись.

— Ты приедешь, — сказал Монидак

— Может быть... Я могу отправиться в Новый Рим.

Монидак захохотал.

— Или ты превратишься в воробья и улетишь отсюда. Мы тебя станем ждать.

Он перекинул поводья через голову своей мышастой кобылы и взлетел ей на спину.

— Береги себя!

Монидак и Бряк поехали прочь и помахали ему руками.

Такс медленно повернулся к Юммейк. Монах сидел ря-

дом, глядя куда-то вдаль. У него часто бывало подобное отсутствующее выражение лица. Руки у него были сжаты и слегка шевелились губы. Такс подошел к Юммейк и присел рядом с ней на корточки.

— Прощай.

Он наклонился к ней, и Юммейк обняла его, прижавшись теплой и мягкой щекой к его щеке.

Когда Такс поднялся, Юммейк сказала.

— погоди.

Такс снова присел и мрачно посмотрел на монаха, зная, что Юммейк сейчас станет говорить о нем.

— Ты должен забрать его с собой.

— Юммейк, ты сошла с ума. У него есть ноги, и он может сам ходить.

— Он — римлянин и городской человек. Он может умереть.

Такс сверкнул глазами на монаха

— Ты. Пошли со мной!

Монах поднял голову.

— О, сейчас? — он поднялся на ноги и пошел к лошадям Такса. Когда монах остановился, схватил его за руку и подтолкнул вперед.

— А как же она? — спросил монах и нахмурился. Такс толкнул его к гнедой кобыле.

— Садись.

Сначала он решил, что монах станет отказываться, но римлянин колебался только минуту. Он схватил гриву кобылки и неуклюже взобрался на нее. Потом уселся поудобнее на спине животного.

Такс покачал головой, чтобы монах понял, что ему странно видеть подобную неумелость, и взлетел на свою черную лошадку.

Они отправились в сторону Хунгвара. Монах постоянно оглядывался назад. Такс тоже разок посмотрел назад и увидел, что Юммейк продолжает сидеть под деревом и смотреть вдаль, как это делал до нее монах. А на платформе одежды Яя развевались от ветра.

Монах промолвил.

— Хотел бы я все ей рассказать об Иисусе, — он отвел глаза от Такса и посмотрел вперед в сторону Хунгвара.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Такс галопом возвратился на стоянку хунну. Он старался быстрее тащить за собой своих свободных коней. Он почти надеялся, что когда доберется до лагеря, монах ускачет прочь. Но этого не случилось, хотя у него растрепались воло-

сы и его грубые черные одежды были перекручены на теле. Такс ехал по насыпи вдоль юго-восточной границы лагеря, потом он остановился.

— Ты должен отдать мне коня. Вот лагерь.

Монах посмотрел на кипящий деятельностью лагерь и сказал.

— Пожалуйста, не оставляй меня здесь одного. Я не говорю на языке гуннов, всего лишь несколько слов.

Такс показал ему на север.

— Там у гепидов была стоянка на холме над рекой. Ты можешь идти туда.

— Пожалуйста,— повторил монах и глубоко вздохнул, чтобы у него восстановилось дыхание.— Я боюсь. Пожалуйста, не оставляй меня одного.

Такс с интересом посмотрел ему в лицо. Что-то ему подсказало, что монаху было легче пожертвовать гордостью, чем победить свой страх. Он спросил.

— Почему ты хочешь ехать со мной?

— Всю свою жизнь я желал принести Слово Божье народу гуннов. Теперь я среди них и понимаю, что боюсь, но если я сейчас отступлю, то никогда не добьюсь своего.

Такс ничего не понял. Он посмотрел на лагерь гуннов, расположенный на склоне холма под частоколом кагана. Люди разбирали юрты повсюду. Везде стояли основы юрт — изогнутые ветки были собраны в центре, чтобы там образовалось отверстие для выхода дыма. Ветки были похожи на обожженные ребра. Дети, собаки и козы были собраны кучками возле скелетов юрт. Они ждали отправления.

— Ты хочешь мне сказать, что желаешь жить среди гуннов?

— Да.

— Почему?

— Потому что германцы уже верят в Христа.

Такс захохотал.

— Да. Ну, мне кажется, что ты можешь это сделать. Но я не знаю, куда мы отправимся. Я поеду с Трубачом. Он — очень мудрый и великий шаман.

Он начал двигаться по границе лагеря. Монах следовал за ним, стараясь не приближаться к двум рыжим кобылкам. За ним на бегу играли два жеребенка — дети гнедой и черной кобылок.

Воздух над лагерем хунну уже пах так, будто люди давно покинули это место. Такс подъехал к юрте Трубача. Ему было трудно пробираться среди людей, которые собирали свои пожитки.

Шесть кибиток уже пустились в путь. В одной из них сидел старик, выглядывая из двери.

Жены Трубача снимали шкуры с рамы юрты и сворачива-

ли их. Куда-то делась вся их мебель и чаши, и кувшинчики Трубача, и его мешочки с травами. Трубач сидел на корточках посреди разоренной юрты и играл на дудочке.

Такс спешил и привязал лошадей к каркасу юрты. Черную лошадку он не стал привязывать. Монах неуверенно держал в руках поводья, и Такс показал ему на каркас.

— Привяжи ее. Она не станет беспокоиться. Видишь, это ее жеребенок.

Он погладил гнедого жеребенка, подбежавшего ближе и сунувшего морду под брюхо матери. Когда монах привязал кобылу, Такс подтолкнул его в проход между двумя планками юрты.

Трубач посмотрел на них.

— Кто это? Садитесь. Ты пришел раньше назначенного времени. Ну, ничего.

Он сидел на одном из своих прекрасных ковров и подвинулся, чтобы Такс и монах тоже могли сесть с ним. Такс указал монаху на место, рядом с собой, и тот сел, скрестив ноги, как нищий в городе.

— Он хочет знать, кто ты такой,— сказал Такс монаху, указывая на Трубача.

Монах кивнул. Его голова и лицо напоминали деревянную маску — одни острые углы.

— Пожалуйста, скажите ему, что я — Аурелиус, слуга Господа Бога Иисуса Христа, житель города Рима. Позже я стал жить в Новом Риме. Мой отец служил там, а моя мать — дочь сенатора.

Когда Такс все перевел, Трубач улыбнулся и сказал:

— Он не скрывает правды. Скажи ему, что я ждал знака, по какому пути мне следует двигаться дальше, и теперь мне кажется, что он дал мне такой знак. Я отправляюсь в Новый Рим.

Такс резко поднял голову:

— Но...

— Ты можешь меня туда проводить, а потом отправляйся куда угодно. Скажи ему об этом.

— Но он хочет остаться с хунну.

Трубач пожал плечами:

— Меня не волнуют его желания.

Такс все перевел монаху, и тот, улыбаясь, посмотрел на него.

— Дорогой друг, ты знаешь о моем желании жить среди ваших людей. Я не желаю возвращаться домой. Скажи ему, может, я действительно принес ему какой-то знак, послание, но после этого я должен найти возможность остаться с вашим народом. Я ему не нужен!

Когда Трубач услышал слова монаха, он сказал:

— Скажи ему, что он может позднее вернуться к хунну,

но сейчас это невозможно. Все племена будут кочевать до сезона охоты. Большинство станут передвигаться по два-три семейства, и они не объединятся в большие группы до самой осени, когда будут выбирать новых вождей и начнут Великую Охоту. Никто не возьмет его с собой — он не умеет охотиться или пасти скот, или охранять стоянку, но он станет есть столько же, сколько едят они сами. Ты ему скажи об этом, и он все поймет. У него умное лицо.

Трубач снова взял дудочку и подул в нее. Такс поморщился. На языке хунну все было для него ясным, но, чтобы перевести на латынь, потребовалось много слов и еще больше объяснений. В конце перевода монах глянул на Трубача. Лицо у него было грустным.

— Понимаю. Это воля Божья.

— Он все понял,— сказал Такс.

— Я так и надеялся.

Когда Аурелиус впервые выразил желание нести Слова Бога народу хунну, его старшие братья по религии начали ругать его за грех гордыни. Он нес наказание, и оно только укрепило его в желании выполнить свою миссию. Много лет он пытался попасть в Хунгвар. Наконец дипломатическая миссия согласилась взять его с собой. После прибытия в Хунгвар его просто выбросили в дождь и холод. И это унижительное зрелище наблюдали дюжины варваров. Он почти все лето не мог покинуть религиозных аланов, которые спасли его. У них не было собственного священника, и они не собирались отпускать Аурелиуса, хотя они были арийцами, а он проповедовал ортодоксальную доктрину. Наконец ему удалось вернуться в Хунгвар, как раз во время похорон кагана. Крики, костры и люди, носившиеся во всех направлениях, могли бы напугать его до нельзя, но вместо этого он был вне себя от страстного и бесстрашного возбуждения. Он вошел в первую юрту и начал там молиться.

Конечно, гунны пока ничего не поняли, но они постепенно все поймут и примут Слова Божьи, которые он нес им. Он больше молился для себя, чем для окружающих. Часть его преданности монашеству состояла в том, что он размышлял о Христе и от этого был счастлив.

На следующее утро, когда ушли последние гунны или они просто заснули, он вышел на свежий воздух, чтобы немного передохнуть. Ему нравился вид стоянки — она напомнила ему детскую, полную неряшливых детей. Пока он стоял у двери юрты, любуясь тем, что предстало перед его глазами, вернулись некоторые гунны, неся с собой мертвеца. Они не обратили никакого внимания на монаха. Он мог быть человеком-невидимкой. Один из них, сильно рыдая, отбросил от

себя руки сопровождающего, пытавшегося его успокоить, и тогда монах понял, что это была женщина — жена мертвого воина.

Он пошел за ними. Его поразила скорбь этой женщины. Мужчины оставили мертвого мужа в пустой юрте. Женщина начала укладывать тело, и монах стал ей помогать.

Сначала она тоже не обращала на него никакого внимания, но постепенно растаяла и начала что-то говорить, не переставая, хотя знала, что он не понимает языка гуннов. Они вместе обмыли ее мужчину и надели на него свежие одежды. И все время она говорила не переставая.

Ее мужа забили до смерти ножами. Аурелиус сначала не мог на него смотреть. Женщина — она ему четко объяснила, что ее имя Юмарка, — ловко переворачивала тело. Но когда она смывала кровь, то приложила щеку к его груди и застонала, и тогда Аурелиус понял, почему она так переворачивала тело мужа: потому что было ей так знакомо! Истерзанное и грязное, оно стало выглядеть в глазах монаха по-другому.

Но сейчас он снова ехал на юг — значит, не быть ему Апостолом среди гуннов! Лошадь трясла его. Он не умел сильно сжать ее бока коленями, и каждый подскок почти выбивал его из седла. Они ехали сквозь лунную ночь, полную голосов сов. Слева текла река, и к югу расстилалась светлая и прохладная степь. Перед ним ехали два гунна, болтая на ходу, как женщины. С ними были две свободные лошади и жеребят.

Гнедая кобылка остановилась, чтобы покормить жеребенка. Она останавливалась и раньше. Аурелиус боялся погонять ее, так как ему было жаль голодного жеребенка. Он знал, что гунны ценят своих лошадей превыше всего. Когда они увидели, что он остановился, они тоже остановили своих лошадей. Старший мужчина был худой и высокого роста. Он вытащил дудочку и начал играть. Кони стали щипать траву.

Аурелиус легко перевалился с боку на бок, чтобы немного размять застывшие мышцы. Кобыла двинулась вперед, вытащив сосок изо рта жеребенка. Другой жеребенок лег на землю. Его мать подтолкнула его носом, но он не вставал.

— Подождите! — обратился Аурелиус к гуннам. Те были готовы продолжить путь. Он показал им на жеребенка.

— Нам нужно отдохнуть.

— Мы только что покинули Хунгвар, — сказал младший гунн. Сейчас у него было приличное настроение.

Аурелиус согласился с ним.

— Я это знаю, но если вы хотите, чтобы я ехал с вами, вам следует понимать, что я не могу ехать так, как ездят хунну.

Старик засмеялся, когда Аурелиус употребил то имя, каким сами хунну называли себя. Он начал разговаривать с мо-

лодым парнем. Когда закончились переговоры, старик снова поиграл на дудочке. Потом он огляделся и, показав на реку, что-то сказал.

— Мы остановимся там, у реки,— сказал молодой парень Аурелиусу. Он снова начал злиться, схватил уздечку гнедой кобылки, выхватив ее из рук Аурелиуса, и помчался галопом. Аурелиус ухватился за гриву и крепко сжал ноги на брюхе кобылки, чтобы как-то удержаться на ней. Но он уже сильно растер себе колени и ляжки и на полпути к реке свалился с кобылки.

Парень сделал вид, что ничего не заметил, и продолжал лететь к реке. Аурелиус поднялся. Другой гунн хохоча подъехал к нему и что-то сказал по-гуннски. Монах разобрал слово хунну. Он наклонился, добродушно хлопнул Аурелиуса по груди и поехал дальше. Аурелиусу пришлось идти пешком. Ноги болели от бедра до лодыжек, и сильно ломило спину. Пока он дошел до берега реки, гунны разожгли там костер. Он лег на землю, питаюсь теплом костра, положил голову на руки и мгновенно заснул.

Утреннее солнце было обжигающим даже в тени деревьев у реки. Такс отпил воду из сосуда из тыквы, который дал ему Трубач, и наклонился, чтобы сорвать ягоды. Его пальцы, поцарапанные колючками, были ярко-красными от сока ягод. Кислый вкус от попадавшихся ему незрелых ягод щипал язык. Сидя неподалеку, Трубач опять играл на дудочке, и, наверно, с ним был монах. Такс еще попил воды. Он со своей лошадкой выбрался из кустов терновника и быстро объехал пасущихся коней, собрал их и погнал к берегу реки.

Под лучами солнца равнина расстилалась в дымке пыли. Ветер наконец затих. Два жеребенка играли друг с другом. Пыль и пыльца растений налипли на их длинные ресницы и гривки. Впереди тоненько заржала невидимая гнедая кобылка. Ее жеребенок ответил ей и побежал на зов матери. Такс свистнул, и Трубач ему ответил.

Они решили по мере возможности двигаться вдоль реки, потому что там всегда можно было найти какую-нибудь еду, и они могли ловить рыбу. Трубач взял с собой сушеное мясо и рыбу, и мешок зерна, но он хотел сохранить это для дальнейшего путешествия на юг. Такс все еще пытался отговорить его брать с собой монаха. Тогда они могли бы двигаться быстрее, но Трубач настаивал на своем. Он сказал, что монах ему нравится, и, кроме того, с двумя жеребятами они все равно не смогут быстро двигаться. Такс пригнал коней к маленькой рошице.

Трубач помахал ему. Монах тоже посмотрел на Такса. Его

тощее белое лицо было измазано соком ягод, как у маленького ребенка. Такс приблизился к ним. Гнедая кобылка подождала жеребенка, и он начал ее сосать.

— Узнай, что он мне хочет сказать,— попросил его Трубач, показывая в сторону монаха.— Все утро он пытается объясниться со мной на разных языках, как будто должен сказать нечто важное.

Такс отпил глоток воды и передал тыкву монаху.

— Ты хочешь что-то сказать?

Монах кивнул головой. Вместо того чтобы пить, он налил воду на руки и начал тереть их. Сок ягод не отошел, хотя монах пытался вытереть руки об рукава. Наконец он сдался.

— Я хотел спросить его, что он думает о том, кто создал все это?

Монах обвел рукой вокруг, включая в этот жест — реку, деревья, кусты терновника. Все, все!

Такс не сводил с него взгляда, не зная, правильно ли он понял его. Наконец он отвел глаза от монаха и тоже осмотрелся вокруг. Он подумал, почему монах решил, что все это кто-то создал. Его поразило, что римляне могут владеть таким мастерством, что они могут создать целую реку с берегами.

— Ну? — спросил Трубач.

— Он — сумасшедший,— пожал плечами Такс.

— Передай мне, что он сказал, а решать буду я сам.

— Он хочет знать, кто все это создал — реку и деревья?

Трубач удивленно посмотрел на монаха. Такс с удовольствием видел, что тот пораженно оглядывается вокруг, как только что делал он сам. Наконец шаман посмотрел на худое бледное лицо монаха.

— Пусть он объяснит свои слова.

Монах переводил взгляд с одного на другого и начал хмуриться. Потом он прочистил горло.

— Я хочу спросить, верит ли он, что Бог создал мир и все, что в нем существует? Или все это придумал дьявол?

Такс фыркнул:

— А, я все понял,— и потом обратился к Трубачу.— Теперь он пытается учить нас вере своего Прародителя Христа. Он спросил, верим ли мы, что его Прародитель создал все в мире.

Трубач кивнул, и лицо его просветлело.

— Понимаю, все прекрасно. Теперь мы можем обмениваться мыслями, и я смогу найти ответы на те вопросы, которые меня всегда волновали. Но нам пора двигаться, жеребенок кончил сосать мать. Вперед!

Они снова двинулись в путь. На этот раз они ехали рядом. Такс, не переставая переводить, по дороге пытался отыскать еще кусты с ягодами или фруктовые деревья и даже неболь-

ших животных и птиц, пригодных для еды. Пока они двигались вперед, кони на ходу прихватывали траву, а жеребята резвились и играли друг с другом, время от времени укладываясь отдохнуть.

— Конечно, мы не верим, что твой Прародитель создал все в мире,— сказал Трубач.— У нас есть собственные Прародители. Некоторые из них обладают огромной властью. И мы их уважаем и молимся им. Но было бы нехорошо говорить, что кто-либо из Прародителей на самом деле...

Он начал размахивать руками, чтобы подобрать нужные слова, но не смог продолжить.

— Они нас защищают, пока мы с уважением относимся к ним. Они нас учат магии и как мы должны справляться с демонами, но они никогда не могли сделать дерево или...— он посмотрел на монаха, изогнувшись, чтобы лучше разглядеть его за едущим посередине Таксом.— Он понимает, что я ему говорю?

Монах ответил:

— Наверно, да. Но я здесь оказался именно из-за этого. То, о чем вы говорите, есть неправильное ощущение реальности, результат незнания и темноты, в которую попали все люди, когда Господь изгнал наших Прародителей из Райского Сада.

Трубач выслушал монолог в молчании. Они проезжали через рощицу высоких деревьев, и он продолжал молчать. Таксу было трудно переводить, и он использовал слово на хунну: «Демон — король» для обозначения бога. Потом Такс быстро соскочил с лошадки и посмотрел на грибы, растущие на корнях огромного дуба.

— Не собирай их,— крикнул ему Трубач.— Они ядовитые, возвращайся.

Такс побежал за своей лошадкой, которая продолжала шагать между гнедой кобылой и каштановым мерином, на котором ехал Трубач.

— Впереди брод,— сказал Такс.— И дорога на юг.

Трубач нетерпеливо отмахнулся от его сообщения.

— Скажи ему, что нам следует сначала разобраться с простыми вещами и понятиями, прежде чем переходить к сложным вопросам, которые он пытается задавать мне.

Таксу не было понятно, какая ценность для них даже простых вещей. Монах был полон римской лени и играл в игрушки с идеями, которые были ясными с первого взгляда. Он перевел ему слова Трубача.

Монах не сразу начал ему отвечать. На лбу у него оставалась складка, и он внимательно смотрел на Трубача ясными светлыми глазами.

Впереди темные тени под деревьями рассеялись под ярким солнечным светом, сверкавшим на зеленых кустах. Такс уви-

дел, что между кустами проходила тропинка к реке. Он начал погонять вперед черную лошадку и понюхал воздух, не пахнет ли впереди ягодами и другими плодами.

— Скажи мне,— начал монах.— Вы, хунну, верите, что...

Такс резко остановил лошадку.

— Трубач, что там такое? Ты видишь?

Он показал на одинокое дерево, стоявшее в конце тропинки, и резко послал лошадку вперед. Сначала он решил, что на дереве растет мох, но сейчас он понял, что это не так. Такс галопом добрался до дерева и протянул руку, чтобы коснуться волос, свисавших со ствола дерева. Но он не мог заставить себя прикоснуться к ним и отвел руку назад. Монах и Трубач подъехали ближе.

— Что это? — воскликнул монах.— Господи, спаси нас!

Такс послал лошадку вперед и повернулся, чтобы посмотреть на остальные деревья возле брода. Во рту у него пересохло, и сердце тяжело стучало в груди. На трех деревьях он видел пучки волос, свисавших с ветвей. Налетавший ветерок шевелил пряди, и они извивались, как змеи.

Пока он осматривался, Трубач стянул волосы с ближайшего к ним дерева. Такс был поражен и отъехал в сторону от отвращения. Монах молчал, пока Трубач рассматривал волосы. Они слиплись от крови, и сморщившийся скальп стал размером с ладонь мужчины.

— Это — остготы,— сказал Трубач.— Они снимают у людей скальпы. Сколько их всего здесь?

Такс пытался прийти в себя. Он поехал по тропинке и начал считать скальпы, свисающие с деревьев. Он видел, что их было много — на одном дереве висело целых три скальпа. На двух из них были короткие волосы, и Такс решил, что это были скальпы детей. Он вернулся назад. Жеребята пробежали мимо него к реке. Они брыкались и покусывали друг друга.

— Там семь скальпов, и все это волосы хунну.

Трубач вздохнул. Он держал скальп на ладони и тихо поглаживал его.

— Поезжай, собери их. Мы должны их похоронить.

Он посмотрел на монаха. Тот перекрестился и начал бормотать молитвы.

Они собрали скальпы и сложили их в глубокую яму под корнями дуба. Когда они нашли перо ворона, все еще вплетенное в волосы одного скальпа, то решили, что эти были хунну из клана Шайги. Трубач попытался припомнить все, что ему было известно из похоронных обрядов Шайги. Они сделали что могли, выложив яму камнями и кусочками бересты. Такс боялся касаться скальпов, но Трубач гладил каждый из них и ласково клал его в землю. Все скальпы были выравнены в едином направлении, чтобы они могли путешествовать все вместе. Монах попытался помогать, а когда ему

уже было нечего делать, то уселся на землю и начал что-то бормотать.

Был уже полдень, когда они все закончили. Они отправились дальше, свернув от реки к югу, и проследовали по тропинке, которую они обнаружили. Монах и Трубач разговаривали, но они говорили об обычных вещах. Они стали ехать быстрее и не отпускали жеребят от кобыл. Такс постоянно оглядывал степь. Он чувствовал себя так, как это было с ним, когда они обнаружили мертвого Яя.

— Почему люди сделали это? — вдруг спросил монах. — Срывать волосы с мертвецов и даже с маленьких детей?!

Такс не стал ему отвечать, а начал переводить, и Трубач сказал.

— Есть много причин. Остготы верят, что когда человек погибает, его душа улетает в другую страну и живет там в виде человека, а этот человек без волос будет выглядеть смешным, и его никто не станет уважать.

— Что происходит с хунну, когда он умирает?

Река осталась далеко позади, и Трубач обернулся, чтобы посмотреть на нее. Такс чувствовал, что Трубач сильно волнуется.

— Когда мы умираем и наши тела соответствующе погребены, тогда наступает настоящий конец, — сказал Трубач. — Так, как это и должно быть. Если бы человек продолжал жить после смерти, это было бы неправильным. Конечно, души людей остаются в тотемах и других священных местах. Но если часть тела человека подвешена на дереве без подобающих ритуалов, дух человека станет кочевать, как дух глупого остгота, и приносить всем только беду, — Трубач сплунул.

— Если человек верит в Иисуса Христа, — сказал монах, — то когда он умирает, его душа находит покой и радость на Небесах вместе с Богом.

Перед ними за следующим возвышением в воздух поднимался дым. Такс прикусил губу. Трубач и монах ничего не видели — они продолжали спорить.

— Почему люди вообще должны умирать, — говорил Трубач. — Если после смерти продолжает существование его душа?

Монах подождал, пока Такс начал переводить, потом ответил.

— Иисус Христос спас нас от смерти.

Трубач начал ворчать:

— Мне не нужно, чтобы меня спасали. Если бы не было смерти, тогда жизнь ничего бы не стоила. Нет! Послушай... Я... Эй, что это такое?

— Дым, — ответил Такс.

Трубач начал погонять лошадь, оглядывая вокруг равнину. Он что-то пробормотал так тихо, что Такс не смог расслы-

шать. Концами поводий он ударил жеребца, и тот перешел в галоп. Монах и Такс последовали за Трубачом в направлении дыма. Сначала жеребята не отставали от них, но на крутом склоне они начали отставать. Черная кобыла осталась с жеребенком. Жеребенок гнедой кобылки тоненько заржал от ужаса. Мать ему ответила и повернула к нему назад. Монах не справлялся с ней. Такс оставил его позади и продолжал скакать за Трубачом, на ходу вытаскивая лук.

Кто-то кричал. Он достиг вершины холма и оттуда увидел горящую кибитку. Она была всего одна, старая и бедная. На земле валялся убитый вол. Из-за кибитки раздавались крики. Трубач уже наполовину спустился по склону к кибитке. Такс стукнул лошадку, чтобы та поспешала. Он видел тела, валявшиеся подле горящей кибитки. Вокруг также валялись разные домашние вещи. У Такса зашевелились волосы на голове. Крики стали более резкими. В них звучала страшная боль, и Таксу хотелось кричать вместе с этим человеком.

Трубач соскочил с лошади, подбежал к кибитке, и крики прекратились. Когда Такс подскочил туда, он увидел человека, привязанного к колесу кибитки. Волосы у него сторели, и у него не было глаз. Плоть у него на голове поджарилась, и повсюду сочилась кровь. Трубач прикончил его кинжалом.

— Снова германцы,— сказал Трубач. Он вложил кинжал в ножны и склонился над другим трупом.

Такс сделал глубокий вдох. Всюду воняло полусторевшей человеческой плотью. Он кругами ездил вокруг горевшей кибитки и понял, куда отправились германцы. Отпечатки копыт примерно дюжины лошадей вели прямо на юг по сухой траве. Если он сейчас же отправится за ними, то сможет их догнать. Он крепче сжал ногами черную лошадку и открыл колчан со стрелами. Трубач резко позвал его, и Такс подъехал к нему.

— Помоги мне. Это, наверно...

Он замолчал, глядя на что-то, лежавшее на земле. Такс глянул туда. С другой стороны кибитки возле мертвого мула валялась на земле девушка. Ее светлые волосы рассыпались в пыли. Всю девушку покрывала кровь, и рядом с ней растеклась целая лужа. Трубач пошел к ней, и Такс последовал за ним. Он резко остановился, увидев, что она была беременна и что ей распороли живот, вытащили ребенка и растоптали его по земле.

— Она была его женой,— сказал Трубач, возвращаясь к Таксу.

Монах бежал к ним по склону вниз. Он задохнулся и вдруг резко остановился. Грудь высоко вздымалась, и дыхание было хриплым. Чтобы не упасть, он схватил лошадку Такса за гриву. Он медленно обводил взглядом мертвецов — двое стариков валялись, как тряпичные куклы, с одной сто-

роны кибитки, сторевший мужчина, его жена и неродившийся малыш из племени готов с другой. Он похлопал Такса по колену. Из глаз у него струились слезы.

— Скажите мне,— сказал он и перевел дыхание.— Скажите мне еще раз, что смерть бывает милосердием.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Они занимались погребением тел до захода солнца. Кроме пяти тел, которые видел Аурелиус, они нашли еще два сторевших трупа в кибитке. Монах хотел помочь Трубачу и Таксу в их ужасном деле, но потом понял, что им мало от него пользы. Когда стало ясно, что им придется остаться здесь после наступления темноты, он начал собирать дрова. И когда солнце село в низкие облака над горизонтом, он разжег костер.

Оба гунна не обращали на него никакого внимания. Весь день, пока они готовили тела к погребению и строили для этого платформы, они не переставая спорили друг с другом. Монах понял по их жестам и по нескольким гуннским словам, которые были ему известны, что младший гунн — его имя было Такс — хотел догнать германцев, убивших этих людей. Шаман, казалось, выказывал больше горя и не желал мстить. Он часто начинал плакать.

Монах не понимал, почему они погребли в землю скальпы, но для тел воздвигали платформы, и почему они погребли их кагана Аттилу в землю, а мужа Аммарки положили ближе к небу. Весь день, когда он пытался молиться, он снова и снова возвращался к тем вещам, о которых говорил ему шаман, и его пугало, что он не мог обнаружить никакого соприкосновения с точкой зрения хунну. Ему казалось, что он ожидал встретить маленькую речушку и вместо этого подошел к скале, нависшей над бескрайним океаном. В их жизни не было места для Христа, и их невежество было безграничным.

В темноте Такс позвал его, и он стоял рядом, когда они подняли тела на платформу и свалили все, что осталось от вещей вокруг платформы. Было очевидно, что им не нужно много людей, чтобы хоронить своих мертвых. Кроме того, не имело значения, кто при этом присутствовал — хунну или нет. Потом все пошли к костру, зажженному монахом, и уселись вокруг него. Шаман положил голову на колени и ничего не говорил.

Такс добавил дров в костер и начал хозяйничать, развязывая сумы и готовя припасы, чтобы что-то стоговить на костре. Монах смотрел на гуннов. Он всю жизнь прожил в городе и никак не мог привыкнуть к тому, что постоянно находился

вне стен дома или города. Ему не хватало уюта стен и крыши над головой, и темнота и пустота за спиной холодом обжигала его затылок, и он постоянно напрягал слух, пытаясь уловить какие-то звуки. Аурелиус подумал, что их костер можно увидеть издалека. Германцы, которые сожгли живьем человека, может, в этот момент наблюдают за ними.

Он пытался молиться, но не смог. У него перед глазами стояло тело мертвой женщины и кровавого растоптанного малыша. Он смотрел на огонь и пытался очистить свой дух, но память о мертвецах, которых он сегодня видел, давила на него ужасным грузом.

Шаман, сидевший напротив него, поднял голову и заговорил с Таксом. Тот ответил ему одним словом. Шаман посмотрел на Аурелиуса. Монах был так обессилен от сознания сильного горя, что не смог отвести от шамана взгляда, и они смотрели в глаза друг другу.

И сразу у Аурелиуса полегчало на душе. Шаман улыбнулся. Он что-то сказал Таксу, наливавшему воду в железный котелок. Такс взглянул на него, и монах понял, что ему не понравился вопрос шамана.

— Он спрашивает, почему ты... почему ты стал монахом? — перевел Такс.

— О-о-о-о...

Аурелиус ближе подвинулся к огню. У него свело от голода желудок. Продолжая греть руки, он пытался сформулировать, как он впервые узнал о своем призвании.

— Я чувствую себя очень близким Христу, и мне хочется, чтобы и другие люди ощущали и думали то же самое, что я чувствую и думаю о Христе. Мне хочется, чтобы были спасены другие люди.

Такс, продолжая переводить, с помощью двух длинных палок вытащил из костра раскаленные камни и с шумом перекатил их в железный котелок. Поднялись клубы пара. Шаман сидел сгорбившись. Такс поднялся и пошел в темноту. Шаман что-то сказал Аурелиусу. Из темноты последовал перевод, как будто говорил дух. Такс появился с плащом, переливающимся у него в руках от света костра. Аурелиус увидел, что плащ был сделан из змеиной кожи.

— Но вы, монахи... мне говорили, что... вы не можете лечить. Вы не лекари.

— Иисус Христос мог лечить,— ответил Аурелиус.— Мы врачуем души.

Такс подал каждому чашу с дымящимся супом из зерна. Шаман сунул в свою чашу костлявый палец, лизнул его и отставил чашу в сторону, чтобы она остыла.

— Можно, я прочитаю молитву перед едой? — сказал Аурелиус.— Для всех нас.

— Что хочешь, то и делай,— ответил ему Такс. Он взял

себе чашу с похлебкой, и Аурелиус понял, что он не собирается переводить. Он пытался проявить свою власть. Монах посмотрел на шамана.

Тот заговорил с Таксом спокойным голосом. Такс что-то мрачно ответил ему. Голос у шамана звучал поучающе. Капризно, как дитя, Такс повернулся к монаху и сказал:

— Он говорит, что ты можешь читать благословение и чтобы я ему все переводил.

— Спасибо,— вежливо сказал монах. Он откашлялся и прочитал «Отче Наш», все время останавливаясь, чтобы Такс успевал переводить. Аурелиус подумал, что, наверно, в первый раз эта молитва прозвучала на гуннском. Она звучала, как заклинание дикарей. Когда он закончил, то похлебка остыла и ее можно было есть.

Шаман ничего не сказал. Он ел похлебку и время от времени вытирал рот. Иногда он с любопытством смотрел на Аурелиуса. Сначала наглая снисходительность шамана возмущала монаха, но потом он привык к этому. Он даже начал уважать этого человека. Аурелиус отставил чашку и сказал:

— А как ты стал шаманом?

Монах употребил германское слово, но Трубач его понял. Такс еще не успел перевести, как он начал говорить. Голос у него стал почти веселым.

— Мне всегда казалось, что все шаманы — жулики, и что они притворялись умными, и мудрыми, и сильными, чтобы люди восхищались и боялись их. Я видел, какие они богатые и как им все прислуживают. И я стал водить компанию с шаманами, чтобы вызнать, как они совершают обман, и потом они предложили мне стать их учеником. И вот теперь я — шаман.

Такс переводил, а потом задал шаману какой-то вопрос. Тот засмеялся, кивнул головой и сказал ему, чтобы он его не перебивал.

— Тогда скажи мне,— продолжал Аурелиус.— Вы — действительно обманщики?

Шаман поднял руки ладонями вверх и развел их в стороны.

— Не могу тебе сказать. Вот в этом содержится самое забавное. Может, я и обманщик, но я в этом не уверен.

— Нет, если ты обманщик, ты должен знать об этом.

— Наверно, это так. Я сам придумал трюк с ниткой и делаю вид, что высасываю дьявола, из-за которого человек болеет. Я прячу нитку во рту и потом пропитываю ее слюной и кровью, и всем кажется, что я высосал зло и болезнь у слабого и больного человека.

Монах не отводил от него пораженного взгляда. Шаман улынулся:

— Ты понял, в чем тут штука?

— Нет, но я поражен тем, что...

— Все дело в том, что, когда я проделываю такой фокус, обычно люди выздоравливают.

Аурелиус не мог этому поверить, но он не успел ничего сказать, как Такс заговорил с шаманом. Пока они разговаривали, Аурелиус налил себе еще похлебки. Ему опять стало не по себе от того, что он оставался перед лицом огромной равнины, и он начал быстро есть. Похлебка была безвкусной, и хотя желудок был полон, он не ощущал сытости.

Такс сердито прервал разговор и, надув губы, уставился на огонь. Шаман с ним заговорил, но Такс не желал ему отвечать. Шаман снова сказал ему что-то презрительным тоном и толкнул Такса в плечо.

Такс развернулся, как злобная собака, и отстранился от руки шамана. Аурелиус подскочил. Два гунна стояли друг против друга, и глаза у них горели черным пламенем в свете костра. У Такса от злости напряглось тело. Когда шаман снова заговорил с ним, Такс вылил на него целый водопад слов.

Он говорил некоторое время, потом шаман прервал его и отдал команду, подкрепив ее жестом. Такс зло смотрел на него. Шаман повторил команду и сделал тот же самый жест, но только более резкий, продолжая что-то бормотать. Такс повернулся и начал собирать вещи.

Аурелиус немного расслабился. Ему стало не по себе от власти, которой шаман обладал над Таксом. Но было видно, что Таксу все это было не по душе. Сейчас он занимался работой, соскребая остатки пищи с железного котелка дочиста облизывая пальцы.

Шаман сказал.

— Друг мой, мне не хочется вам говорить это, но нам сейчас придется отправиться в путь. Я понимаю, что вы устали, но нам нельзя здесь оставаться. Мы должны уехать подальше от германцев. Но мы будем ехать медленно, чтобы вам удалось отдохнуть.

— Понимаю,— ответил Аурелиус.— Я постараюсь не отставать.

В полночь жеребенок черной кобылки лег на землю и не стал подниматься. Такс слез с лошади и попытался поставить его на ноги, но черная кобылка протолкнулась между ними и чуть не укусила Такса. Жеребенок был почти такого же роста, как Такс. Он поднялся на длинные ножки и просунул голову под влажную ляжку матери, чтобы пососать молока.

К ним подъехал Трубач и посмотрел на жеребенка и кобылку. Потом он огляделся. Монах скорчился позади Трубача на своей гнедой кобыле.

Трубач сказал:

— Мы не можем здесь останавливаться. Мы еще недалеко уехали от реки.

Такс ответил ему:

— Вы можете отправляться, я вас догоню утром.

Он подумал, что если ему удастся отстать от них, он сможет поохотиться за германцами.

— Нет,— ответил Трубач. Казалось, он прочитал мысли Такса.— Мы можем оставить здесь лошадей. Кобылка справится сама, а жеребенка пора отлучать от молока матери.

— Она — моя лучшая кобылка,— спорил Такс.— Разрешите мне остаться с ней. Я вас догоню, когда отдохнет жеребенок.

— Нет,— настаивал Трубач.

Такс был в ярости. Казалось, что его заковывают в кандалы. Он хотел покинуть Трубача и монаха. Без него они будут беспомощными и даже не смогут разговаривать друг с другом. Потом он представил себя одного на этой огромной бескрайней равнине.

— Она уже старая кобыла, и этот жеребенок не такой уж хороший. Поехали!

Такс одним махом взлетел на черную лошадку.

Они ехали к югу. Жеребенок гнедой кобылки был постарше и не отставал от них. В лунном свете все лошади казались одного цвета — черными. Трубач взял свою дудочку и просвистел несколько нот, пытаясь найти свою мелодию.

Над головой луна передвигалась за ними по небу. Ветер перестал дуть, и на небе не было облаков. От горизонта до горизонта кругом расстилалась только степь, и взгляду не за что было зацепиться. Раза два Трубач и монах начинали разговор, задавая друг другу непонятные вопросы. Такс переводил им, почти не прислушиваясь. У него болели все мышцы и затекли конечности. Когда они долго молчали, он даже задремал.

Взошла луна, и немного посветлело. Над головами, пронзительно крича, пролетела стайка птиц. На горизонте появились белые полосы. Воздух становился теплее. Такс натянул поводья и посмотрел на небо.

Шаман и монах тоже остановились. Монах задремал на гнедой кобылке. Его сутана вся перевернулась и висела на нем, как наполовину снятая кожа. Трубач спешил и прошелся, чтобы размять ноги. Он шагал, как журавль. Такс смотрел на него и не мог отыскать в своем сердце обычную любовь к этому человеку. Он перевел взгляд на горизонт — вставало солнце.

На фоне белизны неба внезапно проглянул зеленый цвет, и за этой зеленью небо было таким ярким, что на него невозможно было смотреть. Такс приложил руку к глазам, защищаясь от раздражающего блеска. Начал дуть западный ветерок. Он шелестел травой и быстро побежал навстречу встающему солнцу. Яркое и прекрасное, оно быстро поднималось в небе. Вокруг них просыпалась степь, кишашая маленькими животными и птицами.

— Мы можем остановиться, если хочешь,— сказал Трубач.— Найди нам место для лагеря.

Такс облизал губы. Восход солнца радовал его. Он оглядел степь, чтобы увидеть лощинку или впадинку,— там обязательно должен быть ручей. Он посмотрел на монаха, сидящего на кобыле. Жеребенок отправился пощипать травку. Кобыла тоже дремала, и у нее отвисла нижняя губа.

— Почему бы нам не подождать здесь, пока он не проснется,— сказал Такс.

— Хорошо.

Трубач опустился на землю и заиграл на дудочке. Такс спешился и начал искать ветки, чтобы поджарить на них зерно для еды.

Днем их догнала черная кобылка. Она шла по их следу и привела с собой жеребенка. Такс был так рад ее видеть, что дал ей целую жменю поджаренного зерна. Трубач решил, что они могут оставаться здесь до темноты. Монах закутался в одежду и спал на земле. Такс обратил внимание, что ему нравилось, когда у него за спиной было что-то твердое, и он подпер его седлами и сумами. Такса поражало, что монах крепко спал, когда шаман играл на дудочке, вокруг двигались лошади, и ветерок пробегал по траве.

Днем Такс заснул. Он просыпался время от времени, чтобы оглядеться вокруг. Когда солнце начало садиться, он проснулся и проверил воду в бурдюках. Хотя вода была солоноватой и отдавала землей, ее было достаточно для двух дней пути. Такс был уверен, что к тому времени они встретят ручей. Он нагрузил вещи на каштанового мерина, оседлал свою черную лошадку и пошел будить монаха.

Трубач сидел на земле и задумчиво жевал травинки. Пока Такс седлал коней, монах и Трубач сидели рядышком и пытались объясняться с помощью жестов. Но у них ничего не выходило. Наконец Трубач обратился к Таксу:

— Спроси его, почему он считает, что у всех людей один и тот же Прародитель, когда на свете существует столько разных людей и племен?

Такс привел лошадей, потом перевел и добавил:

— Нам нужно отправляться. Мне кажется, что завтра мы увидим горы.

Монах и Трубач поднялись и пошли к своим коням. Такс подставил руку, чтобы монаху было легче взобраться на коня. Монах разобрал поводья.

— Я не хочу сказать, что Бог-отец в действительности является твоим и моим предком, как это обстоит с твоим настоящим отцом. Я хочу сказать, что Бог — это наш духовный отец, создавший нас из ничего, как он создал весь мир.

Трубач взобрался на каштанового мерина и сел на переметные сумы. Он сказал Таксу, который обходил их, чтобы подойти к черной лошадке:

— Ты переводишь неправильно.

— Нет,— сказал Такс. Ему и раньше казалось, что монах считает, что его Прародитель и Демон-король — это одно и то же. Но он посчитал, что это всего лишь объясняет невежество римлян.

— Скажи ему, что я изучал демонов и духов всю мою жизнь и был учеником тех людей, которые тоже всю жизнь занимались тем же и так далее до самого основания магии, и мне никогда и никто не говорил о едином главсе демонов и духов, который все создал. Вот так-то.

Они продолжали ехать. Монах что-то обдумывал, опустив голову. Наконец он сказал:

— Я начинаю вас понимать. Может, вы мне скажете, что же такое бог? — он повернулся к Таксу.— Ты.

— Я? — Такс был поражен, нахмурился и начал пристально смотреть вперед, пытаясь найти нужные слова.

— Ну-у-у... это великое волшебное... существо, и оно может со мной делать все, что захочет.

— Это доброе существо... любящее?

Такс покачал головой:

— Я тебя не понимаю.

Монах ничего ему не ответил, но продолжал смотреть на него. Было еще светло и можно было рассмотреть выражение его глаз. Такс смутился и посмотрел на Трубача. Ему не была понятна идея хорошего или любящего демона.

Трубач нетерпеливо заметил:

— Что он тебе сказал?

Когда Такс ему объяснил, Трубач заулыбался.

— Значит, он говорит не о демоне. Я что-то начинаю понимать.

Скажи ему, что он высказал интересную мысль, и мне нужно время, чтобы все обдумать.

Таксу ничего не говорили рассуждения о какой-то идее. Они продолжали ехать молча — монах не стал разговаривать с Таксом. Взошла луна. Она уже начинала идти на убыль. Когда она поднялась на небе на высоту двух кулаков, Такс спешился и напоил лошадей. Потом он проверил бурдюк черной кобылки и увидел, что он почти пуст. Он поморщился.

Такс вернулся к своей черной лошадке, и ветер принес запах дыма. У него пробежали мурашки по спине. Он увидел, что шаман смотрит на юг, весь напрягшись. Ноздри шамана раздулись.

Через секунду монах спросил:

— Мне кажется, что я чувствую запах дыма, а?

Трубач фыркнул:

— Он может доноситься к нам издалека, за сотни миль.

Такс сел на лошадку, и они быстро отправились вперед в направлении дыма.

Запах усилился, хотя порывы ветра постоянно относили его в сторону. Когда луна уже была высоко в небе, они подъехали к краю глубокого ущелья. Такс вел их к востоку по самому краю. Ущелье было шириной всего в несколько футов, но края были очень крутыми.

— Смотрите!

Впереди красные отблески огня освещали верх склонов ущелья. Такс послал лошадку вперед. Все ехали за ним цепочкой. Кобылки позвали жеребят следовать за ними. В одном месте ущелье имело покатые склоны. Такс направился туда. Лошадка прижала уши, зафыркала и начала осторожно спускаться вниз.

Такс спустился вниз, сопровождаемый водопадом камешков и пыли. Наверху, на склоне, Трубач и монах пытались заставить своих лошадей следовать за ним. Такс помчался по ущелью в направлении огня. Горячий дым жег ему глаза. Его поразило, что он не слышал криков — только потрескивание пламени звучало у него в ушах. Перед ним возвышалась куча камней, и ему пришлось обогнуть ее, потом он выехал на широкий луг.

Он остановился. В середине расширившегося ущелья полыхал огромный костер, высотой с дом. С одной стороны пламя было сильным, но кое-где уже оставались только тлеющие угли. Такс, волнуясь, подъехал ближе. Он видел части недогоревших кибиток в костре. С другой стороны костра он обнаружил тела.

Их было слишком много, может, даже двадцать... Это были только остготы, лежавшие рядами с перерезанными горлами. Его сердце взвилось от радости. Значит, хунну сделали это! Теперь костер казался ему маяком, который призвал его сюда через степь, чтобы он видел возмездие! Он радостно начал пересчитывать германцев — их было восемнадцать, считая детей. Хунну перерезали глотки даже собакам.

Приближались Трубач и монах. Они его звали. Такс крикнул, чтобы Трубач ехал сюда и сам все увидел. В его голосе звучала радость, хотя ему хотелось удивить шамана.

Объехав костер, Трубач резко остановил лошадь. Тени скрывали его лицо, но по напрягшейся фигуре Такс понял, что ему стало неприятно.

— Что не так? — спросил его Такс.

Трубач ничего ему не ответил. Он объехал сложенные рядами тела и смотрел на них так, словно они все были его друзьями. Такс, не понимая, не сводил с него глаз. Подъехал монах, и когда он увидел мертвых германцев, заскулил, как

собака. Такс понимал, что Трубач так нежно смотрел на мертвых готов из-за монаха. Но он не успел ничего сказать, как позади него раздался шорох ветвей, и он мгновенно насторожился.

Шум сразу же прекратился, но лошадка прижала уши и смотрела в темноту, за свет костра. Такс сильнее сжал ноги, и лошадка пошла вперед, раздувая ноздри. Монах позвал Такса, но тот не обратил на него внимания. Его черная лошадка ненавидела германцев, значит, именно германец прятался в колючих кустах у откоса.

Такс заставил лошадку развернуться так, чтобы свет костра не мешал ему привыкнуть к темноте. В тишине он услышал, как германец в кустах снова пошевелился. Лошадка фыркнула. Такс отпустил поводья, и лошадка рванулась в кустарник. Оттуда, из самой гущи, выбежал гот и, пригнувшись, побежал вперед, стараясь скрыться в темноте ущелья.

Такс испустил дикий крик. Лошадка продолжала преследовать гота, и Такс попридержал ее, чтобы позабавиться погоней. Гот завизжал — это была женщина. Она бежала, пытаясь скрыться в кустарнике, растущем по склонам ущелья, но черная лошадка с треском продиралась сквозь заросли вслед за ней. Женщина попыталась забраться по отвесному склону, хватаясь руками за ветки и камни. Земля и камни падали вокруг нее и на нее. Такс приблизился к ней и схватил за волосы. Лошадка по его команде развернулась, и Такс потащил свою жертву к свету костра. Она кричала не переставая. Такс вспомнил хунну, привязанного к горящему колесу, и ее вопли возбуждали его. У костра он швырнул женщину на землю и соскочил с коня, чтобы убить ее.

Монах бросился на нее, как разъяренное животное. Она хотела снова попытаться ударить. Он рукой прижал ее к земле и стоял, расставив ноги по сторонам ее тела, глядя на Такса.

— Нет! Именем Иисуса Христа!

Девушка лежала у его ног и рыдала. Ее ноги дергались из стороны в сторону. Такс искал глазами Трубача. Шаман подошел к ним и спокойно коснулся руки монаха. Он ничего не сказал, но монах посмотрел ему в глаза и, поколебавшись, отошел в сторону. Трубач склонился к девушке и перевернул ее на спину.

Такс присел на корточки у догоравшего костра.

— Я тебя больше не узнаю,— сказал он.— Что сделал с тобой этот идиот монах?

Девушка продолжала плакать, но когда она открыла глаза и увидела рядом с собой шамана, она одним движением поднялась с земли. Она попыталась его ударить и убежать прочь. Трубач левой рукой схватил ее запястья и, казалось, без труда удержал девушку. Она повисла в воздухе и, не отрываясь, смотрела на него. С каждым вздохом у нее начина-

до дрожать все тело. Отблески костра освещали ее круглые светлые глаза.

— Скажи ей, что мы ее не обидим, — потребовал Трубач.

— Почему она должна жить? — спросил его Такс. Монах переводил взгляд с Такса на Трубача. Лицо его было озабоченным.

Шаман потребовал:

— Делай то, что я тебе говорю, лягушонок!

Такс опустил голову. После смерти кагана произошло так много, и он был в постоянном напряжении. Он в последнее время постоянно говорил на латыни, и сейчас ему было очень трудно переключиться на германский. Он передал девушке слова Трубача.

Но не стал ждать ее ответа, обошел вокруг костра, разгрузил коней, лег на землю и мгновенно уснул.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Утром Аурелиус и готская девушка помолились вместе. Монах читал молитвы громким и твердым голосом, чтобы шаман хунну понимал, как ему приятно, что рядом с ним находится христианская душа, с которой он может вместе помолиться. Хотя сам он знал, что эта девушка, по имени Грита, молилась только потому, что он заставил ее сделать это.

Конечно, она не понимала латыни, и ему приходилось общаться с ней при помощи Такса. Ему показалось забавным, что приходилось прибегать к помощи хунну, чтобы что-то сказать ей.

После молитвы он жестами показал ей, что лучше оставаться на одном месте. Такс приготовил бульон из сушеного мяса и трав, и девушка начала его с жадностью есть. Монах отправился к шаману. Тот сидел в тени и играл на дудочке. Аурелиус уселся с ним рядом и попытался что-то объяснить с помощью жестов и небольшого количества известных ему гуннских слов.

Он часто пытался проделать этот трюк, чтобы смягчить свою зависимость от Такса, и каждый раз это не срабатывало. Он желал разъяснить идеи слишком общие и абстрактные. Но ему удалось сказать шаману имя девушки — Грита, и что он, монах, чувствует свою ответственность за нее. Но он не смог втолковать шаману, что считает необходимым сейчас же отправить девушку к ее народу.

Такс ходил по ущелью беспокойный, как дикий зверь. Он собирал дрова и расширял пространство для их лагеря. Потом начал убирать поросли кустарника от небольшого ключа в дальнем конце поляны. Его черная лошадка бродила за ним

по пятам. Монах решил, что Такс видел, как они с шаманом пытались объясниться, но ждал, когда его позовут на помощь. Шаман смотрел на монаха, пока тот размахивал руками, рисовал картинки на земле с помощью палочки и показывал на разные предметы, находившиеся неподалеку. Пару раз у шамана поднялись вверх брови, когда монах что-то ему сказал на своем языке, а потом пытался расшифровать с помощью знаков. Наконец он улыбнулся, пожал плечами и показал Аурелиусу, чтобы тот замолчал. Потом он позвал Такса.

Такс ему что-то ответил мрачным и обиженным голосом. Аурелиус внезапно понял, как он был обижен, когда они попытались обойтись без его помощи. Шаман засмеялся и что-то сказал, и тогда Такс посмотрел на монаха.

— Он спрашивает, чего ты хочешь?

— Я пытался ему объяснить, что девушку нужно вернуть к своим как можно быстрее.

Лицо Такса потемнело от ярости.

— Но все ее люди теперь...— он запнулся и не закончил жест, которым обвел остатки сожженных кибиток. Он ровным голосом перевел сказанное монахом шаману.

— Все ее люди теперь мертвы,— ответил монаху шаман, и Такс с удовольствием перевел его слова.

— Я имел в виду ее клан или племя. То, которое включает в себя большее количество ее народа. Другие готы или германцы. Люди, говорящие на ее языке, которые...

Такс все переводил, но Аурелиус не закончил предложения. Он не сводил взгляда с девушки, боясь, что она попытается удрать, и Такс в таком случае убьет ее.

— Лучше всего будет, если мы оставим ее здесь,— сказал шаман. Когда Аурелиус начал протестовать, он продолжил:

— Этот ручей знают все — каждый караван, идущий на юг, берет здесь воду, и она сможет уйти, присоединившись к первым готам, которые проследуют здесь.

Аурелиус сказал:

— Вы же не хотите, чтобы она рисковала погибнуть от рук ваших людей?

— Тогда объясни нам, каким образом мы сможем отвезти ее к собственному племени?

Монах об этом не подумал, но ему стало ясно, как это сложно. Он начал хмуриться.

— Ну-у-у, если бы мы могли найти лагерь готов и отпустить ее, чтобы она сама могла туда добраться...

— Интересно, а что будет с нами,— ответил ему шаман.— Если они нас обнаружат, то обязательно убьют!

— Наверно, не все люди на земле ненавидят друг друга.

Оба гунна отвернулись, и Такс сказал:

— Германцы и хунну всегда ненавидели друг друга. Но

когда был жив каган...— он посмотрел на девушку.— А ведь ты сам можешь отвезти ее к германцам.

Такс о чем-то поговорил с шаманом, и тот сделал неопределенный жест рукой. Такс повернулся к Аурелиусу и даже не попытался скрыть свое удовольствие.

— Конечно, если ты это сделаешь, то тебе придется с ними остаться... с германцами...

Аурелиус засмеялся, и Такс сжал зубы и отвел от него свой взгляд. Он крепко сплел руки и снова повернулся к шаману. Тот начал кивать, переводя взгляд с девушки на Аурелиуса. Наконец он что-то произнес, показав на монаха кивком головы. Такс снова обратился к монаху:

— Я знаю, где, видимо, сейчас стоят лагерем гепиды. Сын короля гепидов — мой... был моим другом. Это, примерно, в двух или трех днях езды, но мы можем отвезти ее туда, а они отправят ее в родственное племя.

— Прекрасно,— сказал Аурелиус.— Спасибо.

В эту ночь они отправились в путь. День, проведенный в ущелье, позволил немного отдохнуть мышцам монаха, и они постепенно становились сильнее от упражнений. Ему стало удобнее ехать на широкой спине гнедой кобылки. Теперь ему уже была знакома равнина под светом убывающей луны, и он мог узнавать и понимать то, что он слышал или видел,— крик совы, складку на поверхности равнины, где мог скрываться ручей.

Девушка ехала на лошади, на которой до этого ехал шаман, а тот пересел на черную кобылку. Они с монахом разговаривали с помощью Такса. Монах рассказывал ему историю сотворения мира.

Он еще раньше обратил внимание на то, что примитивный ум варваров с удовольствием внимал рассказам Старого Завета, а не более сложным учениям о жизни Христа, и гунны не отличались от них в этом.

Шаман внимательно слушал его и задавал странные вопросы. Ему понравилась история о том, как Бог-отец создал Змея одновременно с Садам Познания еще до того, как создал Адама. Аурелиус подозревал, почему шаману это показалось забавным, но ему бы не хотелось думать об этом, и он постарался поскорее забыть свои догадки.

Следующий день они провели на открытой равнине. Монах долго спал, а потом до их отъезда молился вместе с девушкой. Она молилась по-германски, но он уже немного понимал ее молитвы. Когда они закончили молиться, Аурелиус стал молча размышлять о страстях Христовых. Ему было неприятно, что девушка не желала размышлять и заниматься медитацией. Она, правда, сидела рядом с ним, но не сводила глаз с двух гуннов.

Они продолжили путь. Равнина перешла в невысокие холмы, поросшие деревьями и кустарником. Облака время от времени закрывали серп луны. Монах по звездам определил, что они двигаются на юго-запад. Был ветер, и вокруг них потрескивали деревья. Воздух был поразительно душистым.

Ночью собралось еще больше облаков, и перед рассветом начался дождь. Сначала капли были редкими и небольшими. Такс остановился и начал оглядываться, потом они быстрым галопом проскакали через луг и углубились в заросли. Аурелиус согнулся и держался за гриву кобылы обеими руками. Ветви деревьев били его по спине, по лицу и плечам. Он чувствовал, что соскальзывает с седла.

Внезапно все остановилось, и лошади подобрались ближе друг к другу. Такс привел их туда, где склон холма немного прикрывал от ветра, и они разбили там лагерь. Дождь усилился, и вскоре начался настоящий ливень, ветер стал холодным и постоянно менял направление — он дул то в сторону от них, а то — холодными струями дождя хлестал их по лицу. Но Такс успел развести огонь, пока остальные только сняли поклажу со спин своих лошадей.

Они находились среди рощицы деревьев. Такс сделал что-то вроде навеса у огня, используя стволы деревьев в качестве основы. Аурелиус пробрался поближе к огню, где уже сидел шаман, и растянулся, чтобы немного отогреться. Когда появилась девушка, которая отходила по своим делам, Аурелиус подозвал ее к себе.

Ее вымокшие волосы прилипли к щекам, и плащ был насквозь промокшим. Она прижалась к монаху, как щенок, в поисках защиты. Потом осторожно повернула лицо к шаману, сидевшему напротив них. Гунн не сводил с нее взгляда, и у него раздувались ноздри. Он отвел взгляд, и девушка негодуя фыркнула. Она быстро выпалила что-то на своем языке, и Аурелиус решил, что это были ругательства. Шаман смотрел на нее сверху вниз.

И вдруг во взгляде шамана на девушку Аурелиус прочел издевку, но тот сразу уставился на огонь, и его лицо не выражало больше ничего, кроме скуки. Девушка запрятала руки в плащ. Монах тянул руки к огню, чтобы как-то согреться. Наверно, сегодня у них снова будет мясной отвар, и его желудок сжался от голода и необходимости съесть что-то более питательное. Но, несмотря на голод и дождь, у него было хорошее настроение. К костру подошел Такс с поклажей на плечах, и монах поднялся, чтобы помочь ему.

Когда он отошел от девушки, она рванулась вперед, вытащив руки из плаща. В руке у нее был кинжал, и его лезвие золотилось при свете костра. Девушка накинута на шамана. Тот захрипел. Пораженный Аурелиус увидел, как его черные глаза широко раскрылись. Он упал, и девушка проскочи-

да мимо него. Но она не успела вырваться из-под навеса, как Такс схватил ее за волосы.

Он швырнул ее на спину и прижал к земле ногой, обмотав волосы вокруг руки. Такс посмотрел на шамана, и монах тоже взглянул на него. Шаман скорчился у огня. Из-под него текла кровь и шипела, испаряясь на горячей золе.

Аурелиус пополз к нему. Он неуклюже пытался распрямить худое скорченное тело. Но после прикосновения к его коже и по тому, как начали застывать его конечности, монах понял, что шаман — мертв. Аурелиус просто кончиками пальцев ощущал смерть. Он оперся на протянутые вперед руки и стал ждать, может, шаман оживет.

Но монах пришел в себя при мысли о девушке. Он выпрямился и искал ее. Такс ей ничего не сделал — он продолжал ее удерживать за волосы и стоял на коленях у тела шамана.

— Прости,— сказал Аурелиус. В глазах его появились слезы.— Мне так жаль.

Такс покачал головой. Он поднес к лицу скрюченные пальцы и сильно расцарапал щеки прямо поверх ритуальных шрамов. Он не издал ни звука — глаза у него стали пустыми. На щеках выступили бусинки крови. Такс опустил руки на колени и застонал.

Аурелиус обошел костер и снова посадил рядом девушку. Он понимал — как только она попытается сбежать, Такс ее убьет. Если она не отойдет от него, возможно, ему удастся сохранить ей жизнь. Сам он уже ничего не чувствовал, даже усталости. Он крепко держал девушку за руки и слушал дождь, даже не пытаясь молиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ардарик вышел в зал своего нового дворца. За ним следовал Тентиус. Ардарик был удивлен тем, что уже наступили сумерки. Женщины накрывали на стол, и там собралось большинство мужчин, ожидая трапезы. Вкусно пахло соусом, и Ардарик подождал Тентиуса.

От очага к нему подошел монах, загородив королю дорогу.

— Мой господин король,— сказал он.— Сегодня ваши люди захватили в плен моего спутника. Пожалуйста, прикажите им отпустить его.

Ардарик остановился и с любопытством оглядел монаха. Тот был обожжен солнцем, словно только недавно вышел из-под палящих лучей. Ардарика раздражал неотрывный взгляд монаха. Он махнул рукой в направлении столов и что-то пробормотал монаху, стоявшему сложив руки на груди и глядящему прямо в глаза Ардарика.

— Человек, которого вы просите отпустить, — гунн, — сказал ему Ардарик. — А гунны не люди, они — животные. Они не христиане, и я не могу понять, почему монах может считать одного из них своим компаньоном.

Хлопнула дверь, и в зал вошел Дитрик. Он быстро осмотрелся, обратил внимание на римлянина и, увидев Ардарика, пошел к нему. Он взял отца за руку, отвел в сторону.

— Отец, они взяли в плен Такса.

— Такса? — Ардарик был поражен. Дитрик, не отрываясь, смотрел на него, за юношей так же пристально глядел на него монах. — И что я могу сделать?

— Они его изуродовали. Переломали ему ноги, — сказал Дитрик. Ардарик раздраженно сделал шаг вперед и отодвинул сына в сторону. К нему опять подошел монах, и из него полились ручьем жалобы. У Ардарика громко застучало в ушах. Такс никогда не был его другом. Из всего племени хунну у него был друг — каган, и теперь римляне говорят... Он подумал о том, чтобы взять в плен и самого монаха. Но он сразу понял, что не посмеет этого сделать: монах, да к тому же римлянин! Ему стало муторно от подавляемого желания.

— Пошел, — и он жестом отослал монаха прочь. — Вот мой сын, и он позаботится о тебе. Дитрик, заведи его и отнеси к нему так, как он этого заслуживает, — римлянин и монах. Только уведи его отсюда.

Он быстро пошел по залу туда, где расположились посланцы римлян. Все ждали, когда Ардарик подойдет к ним, чтобы начать трапезу.

Монах шел за ним и пытался остановить его.

— Вы должны отпустить этого человека.

Ардарик глянул на него с ненавистью и отбросил его от себя. Дитрик схватил монаха за руку и потащил в другой конец зала. Ардарик подошел к своему месту. Рядом с ним сидел Трайгирт.

Ардарик шепнул ему:

— Ты сказал, что они были одни. Монах был с ними?

— Нет, нет! — отрицал Трайгирт. — Клянусь, что там был только гунн и девушка. Больше там никого не было.

Ардарик выругался. Он со злостью отрезал несколько кусков мяса и положил их в рот. С другого конца стола римлянин улыбнулся ему и кивнул головой. Ардарик не смотрел в глаза Тентиусу и его слугам. Он так раньше радовался посланцам Рима, но сейчас ему вдруг стало не по себе. Он вспомнил, как они предлагали деньги Эдеко, чтобы тот убил Аттилу. Сейчас это казалось далеким прошлым, но происходило всего лишь год назад. Он будет глупцом, если станет доверять римлянам.

Дитрик посадил монаха рядом с собой. Напротив римлян,

дабы все видели, что он с почтением относится к монаху. После того, как они покинули Хунгвар, Дитрик вел себя странно.

Ардарик положил нож и поднялся, и половина сидящих за столом тоже встали. Он махнул рукой, чтобы они снова уселись на свои места, и пошел к двери. Он отвел глаза от Дитрика и монаха, когда проходил мимо них.

После двух дней проливного дождя двор у дворца превратился в море грязи. Сейчас дождь прекратился, и слуги зажгли факелы по обе стороны двери и у ворот. Свет факелов отражался в лужах. Над головой не было ни звездочки, только беспросветная тьма. Ардарик прошел по краю двора, где почву не успели растоптать до жидкой грязи. Но при каждом шаге его ноги скользили по раскисшей земле. Он взял факел у дверей конюшни, откинул болт и вошел внутрь.

Конечно, если бы они поймали и коня гунна, он сразу бы догадался, кого же они поймали. Ардарик подумал, что более умному животному удалось удрать, и захохотал. В темноте в конюшне пахло свежим навозом и мокрой шерстью коней. Ардарик собрался зажечь факел, но в конце конюшни было открыто окно, и в смутном свете он стал пробираться между привязанными лошадьми.

Гунн валялся на соломе. Его руки были привязаны к железному кольцу, закрепленному в стене. Это был Такс. Ардарик со вздохом выпустил воздух из легких. Он пытался напомнить себе, что Такс был всего лишь другом Дитрика. Густая засохшая кровь покрывала ноги Такса и продолжала течь из ран прямо на сено.

Из открытого окна дул сильный ветер. Ардарик неловко наклонился над гунном, чтобы прикрыть окно, и под ногами зашуршало сено. Он глянул вниз и увидел, как Такс смотрит на него. Он резко откинулся назад, но блеск глаз Такса его преследовал.

Ардарик захлопнул окно и пошел к двери. Держа руку на затворе, он прислушался. В конюшне передвигались кони, пережевывая сено, и поэтому он не слышал ни единого звука, который мог бы издавать Такс. Но ему казалось, что он все еще чувствует на себе глаза гунна. Ардарик открыл дверь и вышел из конюшни.

Во дворе были гепиды. Они разбрасывали солому, чтобы можно было пройти по двору. Под их взглядами король заставил себя идти спокойно и небрежно.

— Я — король, — напомнил он себе. — Я их король!

Но ноги его не слушались. Все быстрее и быстрее шел он в тепло и свет зала.

Тентиус ждал его у дверей. Войдя внутрь, Ардарик увидел, что принес с собой незажженный факел, и прислонил его к дверям. Римлянин взял его под руку.

— Расскажи мне, что тебя волнует, господин.

Римлянин движением руки приказал, чтобы им подали пиво. Он подвел Ардарика к огню, и когда девушка принесла им кувшин, он взял его у нее и сам налил королю полную чашу.

— Это все ерунда,— ответил ему Ардарик. Он отпил большой глоток пива и вытер пену с усов.

— Скажи, как мне лучше служить моему господину — Императору.

Весь вечер, пока он дожидался возможности поговорить наедине с римским посланцем, Аурелиус представлял себе бурные с ним объяснения — посланник будет циничным, но монах с помощью Христа выкажет полное презрение ненужной дипломатии.

Он сочинил в уме сложный характер Тентиуса, как у действующего лица в пьесе.

Наконец поздно вечером он нашел Тентиуса одного в углу у очага, с удовольствием пьющего германское пиво. Монах придвинул к нему ближе стул и сел рядом.

— Ну, друг соотечественник,— сказал Тентиус и подвинулся к нему. Аурелиус был поражен его дружелюбием и смутился.

Германцы уже улеглись спать или собирались сделать это и не обращали внимания на двух римлян. Аурелиус оглядел комнату. Деревянные стены вокруг них источали смолу и пахли лесом. Тепло очага смешивалось и охлаждалось сквозняком, тянущим сквозь щели в полу.

— Как вы очутились среди наших друзей варваров? — спросил монаха Тентиус.— И как вам среди них живется?

— Хорошо.

Тентиус почесал нос.

— Да, они — христиане, но из тех, что поддерживают арийскую ересь.

— Я не был среди христиан,— ответил ему монах.— Я провел последние несколько месяцев среди хунну.

— Неужели? — глаза у Тентиуса широко раскрылись.— Это же неспаханная целина. Вам удалось кого-либо обратить в христианство?

— Нет.

Тентиус жестом показал, как он ему сочувствует. Они помолчали. Аурелиус поднял голову и заговорил, пытаясь повлиять на посланца.

— Вы христианин?

— Конечно.

— Тогда как понять ваши функции здесь?

— Что вы хотите сказать?

— Вы же не станете отрицать, что пытаетесь убедить короля гепидов, чтобы он атаковал гуннов?

Тентиус улыбнулся.

— Конечно, я ничего не стану отрицать. Гунны не являются христианами, и они угрожают христианской империи. И с ними необходимо окончательно расправиться. Вы считаете мои действия неправильными?

— Убийство противоречит законам божьим.

Аурелиус подумал, что даже самому себе он кажется высокопарным. Римлянин прикрыл глаза.

— Да. Но философские проблемы можно найти абсолютно во всем. Моя цель состоит в службе императору. Нам следует сломить гуннов, чтобы принести добро Риму, а философию я оставляю людям, которые должны ею заниматься по роду своей деятельности.

Аурелиус набрал воздух в легкие и потом медленно его выдохнул. Он ожидал встретить сопротивление, а нашел полное отсутствие интереса. Тентиус продолжал глотками отпивать пиво, и при каждом глотке он делал гримасу. Аурелиус сказал:

— Вам не нравится пиво, но у них есть вино.

Тентиус отставил чашу.

— Мне было приказано, чтобы я старался хвалить их обычай.

Он снова закрыл глаза. Монах хотел спросить его, почему он должен служить императору, но заранее знал, какие он получит ответы. Он вспомнил о Трубаче, и ему стало очень грустно, и перехватило дыхание. Да и что он мог сказать?! Он покрепче запахнул на себе сутану, чтобы не так сильно дуло, и, подобно Тентиусу, скорчился на кресле, ожидая, когда его поведут спать.

Утром Такса уже не было в конюшне. Веревка у кольца была разрезана, и когда Ардарик послал за монахом, ему сказали, что тот исчез. Никто не видел, как они удрали. Дитрик стоял рядом с Ардариком и не сводил глаз с его лица во время расследования побега. Даже когда Ардарик расспрашивал часовых, стоявших на карауле всю ночь у ворот, Дитрик был абсолютно равнодушен.

Никто из караульных не видел ни монаха, ни гунна, и вообще они ничего не видели. И никто из них не признался, что они оставляли свой пост. Ардарик со злостью отослал их прочь и откинулся в кресле. Оно было украшено, как кресло Великого Кагана в Хунгваре. В зале кипела утренняя активность. Слуги ходили взад и вперед. Женщины сидели за ткацкими станками и болтали, не переставая. Дитрик продолжал наблюдать за отцом.

— Ты очень непочтителен, — сказал ему Ардарик. — Кто тебя научил так смотреть на отца, как паршивый гунн?

— Прости,— Дитрик отвел взгляд.

— Наверно, кто-то из них отходил от ворот. Иначе как мог удрать монах? И вообще как он мог вынести Такса? Он — маленький человек и к тому же слабый... Как ты считаешь, могли он вынести отсюда человека с покалеченными ногами?

— Нет,— ответил Дитрик.— Но он этого и не делал. Это сделал я.

Ардарик выругался и, наклонившись вперед, схватил Дитрика за руку и притянул к себе.

— Что ты сказал? Ты это сделал? Ты его выпустил?

Казалось, он был счастлив, что мог выпустить пар. Он ударил сына по щеке.

— Я донес Такса до реки,— сказал Дитрик. Он вел себя так, будто отец не прикасался к нему.— Монах не мог его тащить. Их лошади оставались там, и поэтому больше я не был им нужен.

Ардарик снова ударил сына. Лицо у него горело от ярости. Рука с силой врезалась в лицо Дитрика, тот повернул голову, чтобы удар был скользящим. Но все равно, ему было очень больно. На щеке осталась яркая горящая метка от руки отца, но казалось, что Дитрик даже не ощутил удара. Он продолжал смотреть в лицо Ардарiku. Тот ударил его в третий раз.

— Ты — дурак и сумасшедший!

Он отпустил сына.

— Убирайся! И подумай о своих грехах, а потом приходи просить у меня прощение!

Дитрик ничего не ответил, продолжая оставаться в комнате. Ардарик сделал вид, что не замечает его, и Дитрик пошел к двери.

Над головой Такса в горящее небо поднимались белые ветки березы. Ноги ужасно болели, боль накатывала волнами. Когда он вспоминал, как они его схватили, у него от ярости текли слезы. Он узнал двоих германцев — друзей Дитрика. Такс зарылся лицом в землю и крепко сжал зубы.

Монах возвращался, Такс чувствовал его шаги. Они передавались сквозь землю у него под щекой. Такс поднял голову. Было забавно видеть монаха, одетого в одежду хунну. На монахе была куртка и рубашка Такса, и мешковатые штаны хунну. В его руках дымился кусок материи, это был обрывок рясы монаха. Он стал на колени и осторожно снял повязку с ног Такса. Он наложил свежую повязку на ноги Такса именно туда, где было больнее всего.

— Тебе нужно было остаться с ними,— сказал ему Такс.

— Не болтай глупости. Кто бы тогда стал ухаживать за тобой?

Такс об этом не думал. Потом он повернулся, чтобы ви-

деть, что делает монах. Тот складывал использованные повязки. Это все были обрывки его рясы. Такс пробормотал:

— Трубач мог бы мне помочь лучше тебя.

— Я знаю, — ответил ему монах. Он провел рукой по своему худому лицу. — Мне бы хотелось, чтобы он был с нами. Я уверен, что он бы лучше знал, как тебя лечить.

— Трубач знал все на свете.

— Он действительно знал очень много.

В то утро, когда они хоронили шамана, Такса и девушку поймали. Но потом девушка куда-то пропала.

— У нас есть вода?

Монах встал и отошел, Такс его теперь не видел. Он приподнялся и понял, что они расположились в тени на возвышении. С двух сторон тут росли березы и ясени. Видимо, они были недалеко от реки. Он лежал на ветках, покрытых остатками рясы монаха. Немного подальше монах сложил переметные сумы и узел, которого Такс раньше не видел. Он принес воду в сушеной тыкве и сел рядом с Таксом. В руке у него был германский хлеб.

— Твой друг дал нам с собой еду.

— Мой друг? — Такс приподнялся с земли.

— Сын короля. Он привез нас сюда.

Такс покачал головой, вода прохладой текла у него по горлу. Он ничего не помнил, кроме того, что у него был жар и ему было страшно плохо в грязной конюшне гепидов, где он валялся, как последний раб.

— Дитрик? Это он нас привез сюда? Где он?

— Наверно, вернулся домой.

— Он еще придет к нам?

— Не думаю. Он сказал, что нам нужно убираться отсюда, как только ты будешь в состоянии двигаться, и что нас могут легко найти, если за нами начнется погоня.

— Он тебе сказал, кто он такой? Он — молодой, так? Моложе меня... Со светлыми волосами и глазами... Он симпатичный, не так ли? Ну, как все германцы.

— Он сказал только, что он твой друг. Он действительно твой друг.

Монах разломил хлеб пополам и дал Таксу один кусок.

— Конечно, это — Дитрик.

Такс положил хлеб на землю и постарался сесть. Монах повернулся к нему, но не попытался его остановить. Такс проверял повязки на ногах — повсюду чувствовалась боль. Он не мог двигать ногами, а когда он попробовал это сделать, то боль пронзила все тело.

— Я смогу ехать верхом. Тебе придется вернуться к Арда-рику — Дитрик о тебе позаботится.

Может, монах уговорит Дитрика поехать с ними, и они с Таксом где-нибудь встретятся, но монах покачал головой:

— Послушай меня, мой друг. Я лучше пойду напрямиком в Ад, чем снова вернусь в это место. Не пытайся со мной спорить. Если ты хочешь ехать, то я постараюсь тебе помочь, но ты должен оставить меня здесь. Я могу справиться, как я делал это и раньше.

Такс ухватил его за руку:

— Тогда было лето. Посмотри на деревья, скоро выпадет снег. Ты не можешь себе представить, какие здесь зимы. Если ты не хочешь ехать к гепидам, поехали со мной.

— Спасибо, я не могу этого сделать.

Такс что-то пробормотал, искоса глядя на монаха. Он откусил кусочек хлеба. Ему так хотелось увидеть Дитрика. Как ужасно, что он был здесь, принес его сюда, а Такс ничего не чувствовал. Он доел хлеб и стряхнул крошки с коленей.

— Делай, как ты знаешь. Вскоре станет темно, и тогда я уеду. Я считаю, что тебе следует ехать со мной. Я тебе дам коня, и ты можешь забрать все, что пожелаешь. Я могу охотиться на равнине, поэтому ты возьмешь еду. Ты видел мою черную лошадку?

— Да, она пасется вместе с кобылками, но меня к себе не подпускает.

Такс кивнул.

— Я так и думал, что она вернется.

Не было смысла сейчас отправляться на реку Недао, там еще никого нет. Он лег на спину и посмотрел на небо сквозь ветви берез и подумал, куда же ему ехать и как он станет охотиться все это время.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Такс! Такс!

Такс придержал лошадку и оглянулся. В переполненном лагере он не обнаружил ни одного знакомого. Собаки рычали у ног лошадки. Та фыркнула и ударила копытами. Такс нагнулся и замахнулся на них луком. Когда же он выпрямился, то увидел, как Монидак пробирается к нему между кибиток, деревянных рам для сушки мяса, костров и сохнувшей одежды.

Бросив лук, Такс раскинул руки и издал клич. Монидак приказал своему коню перепрыгнуть через кучу отбросов и нырнул прямо с седла в объятия Такса. Они свалились с лошадки на завопившего ребенка. Его мать вылетела из кибитки с кнутом и стала хлестать их, не переставая ругаться.

— Монидак! — восклицал Такс, сжимая приятеля в объятиях. Кнут из бычьей шкуры хлестнул по плечам, и кончик его ожег щеку, как горячий уголек.

— Ой, давай отсюда выбираться, Монидак. Монидак!

Прикрывая голову руками, Монидак отбежал от разъяренной мамыши. Такс последовал за ним на коленях. Таким образом, он был менее заметен, и пока женщина размахивала кнутом над головой Монидака, Такс добрался до черной лошадки, крепко ухватился за ее длинную гриву, и та оттащила его подальше от опасности. Монидак хохотал и просил женщину перестать. Позади женщины малыш нашел хорошенький камешек и попытался его проглотить.

— Монидак! — позвал Такс. Он с трудом вскарабкался на лошадку.

Монидак увернулся от последнего удара, показал «фигу» женщине и помчался по лагерю за своим конем. Такс последовал за ним. Когда Монидак подобрал волочащиеся поводья, он обернулся и улыбнулся Таксу.

— Я знал, что ты приедешь. Куда ты дел Трубача? Он с тобой? Где вы остановились?

— Я приехал один. Трубач — мертв.

У Монидака глаза стали круглыми, как у германцев. Улыбка примерзла к его лицу.

— Трубач мертв? Что случилось?

— Все очень сложно. Его убил гот. Где ты остановился?

— Поехали, — Монидак одним махом взлетел на коня. — Еще одно преступление готов.

— Да, они убивают любого хунну, которого могут найти. С тех пор, как я покинул Хунгвар, я видел мертвецов столько же, сколько их было на войне.

С тех пор, как Такс расстался с монахом, он видел еще много свидетельств жестокости готов. Ему пришлось следовать за Монидаком — лагерь буквально кишел народом, а проходы между кибитками были очень узкими, только для одного всадника.

— Да, я это уже слышал. Бряк тоже здесь. На севере мы не видели такого разгула германцев. Мы слышали много разных рассказов. Могу себе представить твою историю.

Они подъехали почти к берегу реки. Такс оставил своих кобылок на равнине, в сутках скачки отсюда. Он думал привести их сюда, когда найдет хорошее место для стоянки, но теперь решил не трогать пока. Здесь не было пространства для лишних лошадей. Каждый клочок берега реки был покрыт палатками, кибитками и навесами хунну.

У Монидака и Бряка не было кибитки, и они сделали навес из ветвей и шкур под тремя растущими деревьями. Бряк был там и пытался разжечь костер с помощью веток и конского навоза. Услышав их, он поднял голову.

Монидак заявил:

— Посмотри, кого я привез...

Бряк вскочил на ноги.

— Такс!

Он рванулся вперед, и Такс соскользнул с лошадки, чтобы обнять его.

— О, наконец нас именно столько, чтобы мы могли похоронить кого угодно, если будет такая необходимость,— сказал Монидак.— Пошли под навес, от ветра.

Такс крепко обнимал Бряка. Он расстался с монахом уже почти месяц назад, и все это время был один. При виде друзей у него сжалось горло, и на глазах показались слезы. Он тяжело опирался на Бряка, потом сказал:

— Помоги мне, я теперь не могу ходить.

Монидак присел у огня и внимательно взглянул на Такса. Тот ухватился за плечи Бряка, чтобы он подтащил его к огню.

— Германцы? — спросил Монидак и потянулся за кувшином.

— Гепиды.

Монидак и Бряк посмотрели друг на друга. Такс вытащил затычку из кувшина.

— У-у-у, вино? Я хочу Белого Брата.

— У нас его нет. Такс, здесь вообще ничего не достанешь,— Бряк хлопнул себя по ляжкам.— У каждого человека есть только самое необходимое. И потом у нас нет ничего, на что мы могли бы выменять.

— Дайте мне мешок,— сказал Такс. Он с трудом вытянул перед собой ноги, и руками положил их одна на другую. Монидак выругался.

— Все не так плохо,— сказал Такс.— Я могу делать все, чем занимаются другие, пока рядом со мной моя лошадка, вы увидите, я могу теперь скакать на ней без уздечки.— Он придвинулся ближе к огню.— Это дело рук Ардарика.

— Это он убил Трубача? А где был Дитрик?

Такс покачал головой.

— Вы помните монаха?

Бряк бросил мешок Такса рядом с ним. Такс достал сушеную тыкву, которую использовали вместо фляжки.

— Вот, я нашел Белого Брата на равнине и сам приготовил чай.

Монидак завопил. Они оба накинулись на Такса и начали в восторге молотить его по плечам. Потом, немного успокоившись, они передали тыкву по кругу. Такс им рассказал, как был убит Трубач и как его самого покалечили.

— Сначала я даже не особенно переживал, но теперь, когда я вспоминаю короля Ардарика, то хочу отомстить и убить его!

— О,— сказал Бряк, облизывая губы.— Это очень хороший чай из Белого Брата!

— Может, нам и удастся его убить,— заметил Монидак.

Такс кивнул головой.

— Нам следует поубивать их всех. Пока я добирался сюда, я видел такие вещи... — он отпил еще несколько глотков. Бряк проверил содержимое его поклажи.

— Еще полные три тыквы и большой мешок сушеных листьев, — объявил Бряк.

— Помолчи, — распорядился Монидак. — Ты только о выпивке и думаешь! Нам следует продумать нашу месть!

— Королю Ардарiku? Не будь дураком. Как могут три обычные хунну отомстить королю?

— Всем германцам, существующим в мире!

Бряк откинулся назад:

— Вот это больше похоже на правду! Передай-ка мне сосуд.

— Кто здесь? — спросил Такс. Он переводил взгляд с одного на другого друга, радуясь при виде знакомых лиц.

— Эллак... Я приехал вместе с ним, поэтому у нас такое хорошее место, — ответил Монидак, потирая руки. — Денгазич и Эрнач тоже стоят лагерем неподалеку. Они теперь союзники. Ты вскоре увидишь Эрнача. Ты не поверишь, что еще мальчик, даже без шрамов мужества. Он так похож на кагана. Здесь также находится Орестес... тот римлянин, который служил кагану. Но, говорят, что ему придется уйти отсюда, он не нравится сыновьям кагана. Многие люди тоже считают, что римлянину нет места на курултае хунну. Здесь находятся Эдеко, Скоттас и Миллисис. Нет только Мегиддо.

Такс что-то проворчал. Когда умер Трубач, не оставив после себя последователя, Мегиддо, колдун в плаще из вороньих перьев, оставался единственным колдуном их племени.

— Кто его убил? Какие теперь здесь есть шаманы?

— Ферга, — ответил Бряк. — И еще, мне кажется, Саллак...

— Мегиддо жив, — добавил Монидак. — Он там, на Озерах, с остальными старейшинами. Их здесь никого нет. Сюда приехали люди, которые стали известными во время правления кагана... Только они, да воины.

Бряк откашлялся и встал.

— Я пойду поискать что-нибудь для нас поесть.

Он ушел, а Такс посмотрел на Монидака.

— Что случилось? Почему здесь нет старейшин и шаманов? Они должны быть здесь. Когда мы станем выбирать нового кагана...

— Они говорят, что кагана больше не будет. Давай поедем, я — голоден.

Он тоже встал и пошел прочь.

Такс забеспокоился. Монидак был братом Эдеко... Может, Эдеко сказал ему что-то. Эдеко иногда выдумывал себе лишние страхи.

Весь день они просидели у костра, ели и пили, обменива-

лись историями о своих приключениях. Такс хотел разыскать своего брата Раза. Но из слов Монидяка он понял, что Раза здесь нет. Он вспомнил, что брату не нравился титул кагана еще до смерти Аттилы.

К заходу солнца они были так пьяны, что не стояли на ногах. Они слышали движение и шум лагеря. Когда село солнце, начал дуть резкий пронизывающий ветер. Люди кругом разводили большие костры, и весь лагерь был освещен и отражался в воде. Огни сияли вдоль берега реки. Шум и хождение не прекращались ни на секунду. Женщины и дети попрятались в кибитки, но мужчины группами переходили от одного костра к другому. Они разговаривали и, не переставая, пили. На большинстве из них были нарисованы знаки кровной мести. Такс приполз к чужому костру, выклянчил два горшочка краски и с помощью друзей раскрасил себе лицо.

Всю ночь хунну подъезжали к их костру, разговаривали и затем снова уезжали. Почти все они были в возрасте Такса, чуть помоложе или постарше. Каждый рассказывал свою историю о жестокости германцев, или, наоборот, как он справлялся с германцами. Спустя некоторое время стало казаться, что все рассказы одинаковы, и Такс, Монидяк и Бряк одинаково выражали возмущение, грусть и желание отомстить. Такс был настолько пьян, что весь лагерь показался ему одним огромным костром, сквозь огонь двигались вперед и назад странные тени. Слова говорящих казались слабым шумом на фоне общих криков. Как в полусне, он видел Эллака, окруженного факелоносцами. Он шел с сопровождающими по лагерю. Ему также показалось, что к ним приходил и разговаривал Эдеко. Когда он уже ничего не различал, Такс отполз под навес, свернулся клубочком и заснул, видя сны о всепоглощающем пламени мести.

— Они расположились впереди,— сказал Ардарик.— На северном берегу реки, вверх и вниз по течению,— он правой рукой махнул в направлении реки. Дитрик сидел на повозке отца, сложив руки на груди. У него сжимались мышцы на спине при мысли о том, что хунну где-то здесь, совсем неподалеку. Он подумал, если Такс жив, то где же он сейчас?

Ардарик кругами ходил вокруг повозки и осматривал своих воинов. Они остановились в излучине реки. Ардарик приказал поставить повозку на небольшом холмике в центре лагеря.

Отец поражал даже Дитрика. Может, из-за римлян или просто ради самого Ардарика каждое племя германцев к востоку от гор прислало ему воинов, и Ардарику удалось объединить их всех в таком месте, где они могли бы обороняться.

Оно находилось в двух днях езды от стоянки гуннов. Дитрик радовался, что наконец уехал посланец римлян.

Ардарик направлялся к сыну, и Дитрик быстро принял равнодушное выражение лица.

— Я могу тебе доверять? — сразу спросил его отец. Он прислонился к повозке.

— В каком смысле?

— Если ты увидишь своего маленького дружка хунну со свинячьим рылом, ты не удерешь с ним?

Дитрик не смог удержаться от улыбки.

— Может быть.

— У-у-у! — Ардарик сильно ударил его в бок. Но они давно перестали выяснять отношения друг с другом, и, помолчав, Ардарик продолжил:

— Возьми с собой воинов и поезжай разведать их лагерь. Я не стану скрывать, что пошлю за тобой и других, так что не лги мне...

Дитрик, не отрываясь, глядел в глаза отца и старался придумать ему в ответ дерзость. Но у отца расширились зрачки, и Дитрик понял, что продолжает испепелять отца взглядом. Он повернулся и пошел прочь. Ему не хватало воздуха, как будто он долго бежал. Напряжение между ним и отцом действовало раздражающе.

Дитрик подошел к группе воинов-гепидов. Они смотрели на него. Дитрик выбрал троих из них, даже не зная их имен.

— Седлайте коней, мы поедem на разведку в лагерь гуннов. Встречаемся у повозки моего отца.

Они быстро разошлись. Дитрик отправился к лошадям, привязанным у реки. Еще до того, как они покинули новый двор отца, он взял к себе в оруженосцы молодого кузена с материнской стороны. Мальчик сидел у реки и о чем-то думал. Дитрик приказал ему оседлать коня, а сам сел на место мальчика и переменил сапоги.

Он никогда прежде не участвовал в войне, и Ардарику не имело смысла отправлять его на «передовую». Он не верил, что отец действительно считал, что сын может предать собственный народ. Иногда ему казалось, что Ардарик так же устал от их ссоры, как он сам.

Он видел, как Ардарик собирал огромное войско, и начинал понимать, почему римляне выбрали именно отца, чтобы уговаривать и лстить ему и давать подкуп, чтобы тот расправился для них с гуннами. Но он злился на то, что Ардарик стал орудием мести и принуждения римлян. Он как-то сказал об этом отцу, и тот столкнул его с коня в реку.

Паж привел его каштанового мерина и держал поводья, пока Дитрик садился на коня.

— Поддай мне плащ с меховым капюшоном, — приказал Дитрик. — Мы пробудем там всю ночь.

— И меч? — спросил мальчик.

— Нет, только плащ. Принеси его к повозке отца, — Дитрик направил коня к месту сбора.

Излучина реки была наполовину заполнена германцами. Ардарик заявил, что когда им понадобится больше площади для стоянки, у них уже будет достаточно воинов для охраны лагеря на открытом месте. Когда Дитрик ехал к повозке отца, ему было видно пространство вдоль реки к югу, там, где располагались хунну. Но они находились очень далеко, и их скрывали обнаженные деревья. Он остановился у повозки, рядом с Ардариком. Тот что-то отмечал углем на одной из своих карт. Ее держали за углы перед ним два человека.

— Ты берешь с собой только троих и оставляешь здесь свой меч? — спросил его отец, не поднимая головы.

Дитрик спешил и привязал поводья к повозке. Он обошел ее и, увидев троих воинов, жестом приказал им приблизиться. Они были обвешаны оружием. Один даже тащил с собой молот.

— Оставьте все это здесь, — приказал им Дитрик. — Мы не сможем быстро двигаться с таким вооружением. Если мы встретим гуннов, нам придется удирать.

— Он любит гуннов, — сказал Ардарик. Он щелкнул пальцами, и люди, державшие карту, подбежали и встали перед Дитриком. Воины, выбранные Дитриком, в изумлении посмотрели на него и быстро попятились назад. Ардарик показал на рисунки и надписи на карте.

— Вот река. Здесь расположен наш лагерь. Ты все здесь понимаешь?

Дитрик совершенно ничего не понимал на карте, но знал, что если он в этом признается, то Ардарик начнет на него орать, поэтому просто кивнул.

— Если вы поедете на юг, то на дальнем берегу, после дня пути, вам встретится дерево, пораженное молнией. Мне сказали о нем первые разведчики. Оно будет через три поворота реки. И за ним расположен лагерь гуннов. Запомни все, что ты увидишь, особенно какой ландшафт перед лагерем и через реку от них. Разведчики сообщили, что река там гораздо шире. Скажешь мне, насколько шире и где расположен ближайший брод. У меня всегда недостаточно информации.

Ардарик стукнул по плечу человека с картой, и тот со своим напарником быстро унесли карту прочь. Ардарик, сверкая глазами, смотрел на Дитрика и его воинов.

— Вы знаете, что с вами сделают хунну, если они вас поймут? Все это, — он показал куском угля на молот. — Никак вам не поможет. Он прав, оставьте здесь. Если через три дня вы не вернетесь, я стану требовать ваших коней.

Он начертил углем крест на груди Дитрика и, что-то приказывая, пошел прочь.

Оруженосец Дитрика принес плащ. Его воины начали о чем-то переговариваться шепотом, потом сложили оружие под повозкой Ардарика. Дитрик привязал плащ к седлу, но потом вспомнил, что это плащ гуннов, который Такс отдал ему. Он в задумчивости провел пальцем по выцветшей вышивке, потом отвязал его от седла.

— Это не то. Принеси мне плащ из повозки отца.

Юноша побежал выполнять его поручение. Дитрик сел на коня. Был уже полдень. Если они отправятся с хорошей скоростью, то будут на месте, когда взойдет луна. Мальчик вернулся с накидкой из овчины. Дитрик прикрепил ее к седлу, развернулся и швырнул дар Такса в костер.

Такс наклонился вперед и тихонько забрал кувшин у Мониняка, но Эдеко все равно заметил его и глянул в его сторону. Такс улыбнулся и кивнул ему. Эдеко резко перевел взгляд на Денгазича. Тот чем-то возмущался, размахивая руками. Такс отпил из кувшина, заткнул его затычкой и поставил себе на колени.

Денгазич сказал:

— Германцы собрались на реке к северу отсюда, и ехать к ним всего лишь полдня. Я туда ездил сам с моим младшим братом Эрначем, чтобы посмотреть, что там происходит. Мы подъехали к их лагерю на расстояние выстрела из лука.

Он поднял руки над головой, и все мужчины закивали. Такс шепнул Монидаку:

— Наверно, он наблюдал за ними из-за реки, не такой уж он храбрец.

Монидак захохотал, и Эдеко грозно взглянул на них. Денгазич продолжал болтать о том, какие гадкие германцы и как он и его маленький братец обхитрили их. Эрнач сидел рядом с Эдеко, за Денгазичем. Он сидел на медвежьей шкуре, и на нем был плащ тоже из медвежьей шкуры. Каган всегда носил такой же плащ. Эрнач обрезал ногти и выглядел моложе своего возраста.

Денгазич заявил:

— Эллак не захотел поехать и посмотреть на германцев. Откуда он знает, где они находятся?

— Ты сам сказал ему об этом,— заметил Бряк, и все вокруг захохотали. Все смеялись громко и раскатисто — никто не боялся Денгазича. Тому тоже пришлось улыбнуться.

Эдеко выпрямился.

— Бряк, убирайся отсюда.

Бряк начал подниматься, но Такс и Монидак опустили ему на плечи руки и не позволили встать. Вокруг них начали кричать:

— Нет, нет! Пусть остается!

Кто-то завопил:

— Он — лучший хунну, чем этот полукровок, гот!

Все начали поддерживать его.

Монидяк не спеша откинулся назад и что-то шепнул на ухо Таксу.

— Ты видишь, как все относятся к Денгазичу. Жаль, что Эрнач такой молодой. Ты понял, как злится Эдеко!

В этот момент Эрнач поднял голову и посмотрел на своего сводного брата, который продолжал выставлять себя круглым дураком.

Такс заметил.

— Он мне напоминает кагана... Ты видишь, та же посадка головы и разворот плеч.

Эдеко поднялся, и Монидяк быстро переменял позу. Денгазич описывал лагерь готов. Конечно, они забрались в излучину реки.

— Вы не удивитесь ничему, когда узнаете, кто ведет эту армию рабов,— продолжал Денгазич.— Конечно, может быть, этому станет поражаться Эллак, который вообще ни о чем таком и не думает. Но только дураки будут поражены, когда узнают, что эту армию возглавляет король Ардарик.

Такс вздрогнул. Монидяк склонился к нему:

— Ардарик!

Такс протянул вперед руки, Монидяк с Бряком поставили его на ноги и на руках вытащили из толпы собравшихся. Когда Такс оглянулся, то увидел, что Эдеко смотрит ему вслед. Денгазич перестал говорить и расхаживал взад и вперед перед собравшимися.

— Мы сможем отомстить,— сказал Монидяк.— За все и вся, даже за Марага.

Такс с трудом припоминал, почему Ардарик виновен в смерти Марага. Это случилось больше года назад. Они добрались до лошадей, стоявших в тени деревьев и сели в седла. Бряк подъехал ближе.

— Что мы станем делать?

Монидяк захохотал.

— Мы покажем Ардарiku, что ему от нас никуда не деться. Помните, как мы украли у него бычка?

Такс сказал.

— Поехали куда-нибудь, чтобы все спланировать. Мы же не отправимся просто на прогулку.

Он сжал ногами брюхо черной лошадки.

— И перестань орать, или ты хочешь, чтобы в нас чем-то запустили?

Они подъехали ближе к реке. Монидяк и Бряк продолжали веселиться и представляли, как они станут мучить Ардарика, если он попадет к ним в руки. Таксу было очень неприятно. Он никак не мог придумать, как ему отомстить Ар-

дарилу и самому остаться в живых. Он плохо представлял, что станет делать, но умирать ему не хотелось, и он злился, потому что от него мало что зависело.

Даже в темноте было легко найти стоянку гуннов. Они не пытались ее спрятать. Дитрик подозревал, что они даже не выставили караульных. На несколько сот метров противоположный берег сверкал огнями. Он со своими людьми ехал в темноте по другому берегу.

Было тихо, и он пытался разглядеть, что происходило в лагере у гуннов. Позади него три воина ругались и строили свои догадки. Наконец Дитрик не выдержал и приказал им замолчать.

— Здесь мы разойдемся,— сказал он.— Вы двое — Эдрик и Ротар — вернетесь к броду и оставайтесь там до завтрашней ночи. Внимательно следите, чтобы на вас не могли неожиданно напасть. И считайте, сколько гуннов переправляются через этот брод. Я... Мы присоединимся к вам завтра после захода солнца. Если нас не будет к полуночи, возвращайтесь без нас. Эдрик, ты будешь главным. Смотрите, чтобы вас не захватили в плен,— он повернулся к третьему воину: — Отто, ты поедешь со мной.

Отто ничего не успел ответить. Дитрик пришпорил своего коня, направляясь на юг, чтобы объехать весь лагерь гуннов. Он слышал, как лошадь Отто следовала за ним в темноте. Дитрик повернул на восток, чтобы добраться до реки подальше от лагеря.

По левую руку от него лагерь светился огнями, пока не настал рассвет и восходящее солнце не приглушило свет костров. В синем свете раннего утра Дитрик остановился под деревом и спешил. Они ехали верхом почти целые сутки, и у него так затекли ноги, что он с трудом мог передвигаться. За спиной он услышал тихий выдох Отто, когда этот крупный мужчина сел на землю.

На равнине иногда попадались деревья, вдали текла река. Дитрик не слышал шума лагеря гуннов — это происходило потому, что ветер затих. Отсюда лагерь просматривался почти насквозь. Он видел, как люди выходили из кибиток, тянулись и позевывали. Он даже узнал одного человека, с которым ездил в Сирмиум.

Его удивляло отсутствие караульных. Дитрик подумал, что гунны уверены — германцы не посмеют на них напасть, и поэтому не стали выставять охрану лагеря. Но они всегда страдали от отсутствия дисциплины. Глядя на лагерь, Дитрик видел, как хаотично располагались там кибитки и какими узкими были проходы между ними. Во многих кибитках были только мужчины.

Их было гораздо меньше, чем в деревне у Хунгвара. Дитрик думал, что их будет в два раза больше — они собрали все племена и кланы. Может, они еще не все здесь собрались? Он улегся животом на землю и стал запоминать ландшафт вокруг лагеря.

— Господин,— шепнул ему Отто.

Дитрик глянул на него. Отто протягивал ему бурдюк.

— Пить желаете?

— Да,— Дитрик перевернулся на спину, сел и протянул руку к бурдюку. Здесь был небольшой заросший спуск, и Дитрик надеялся, что кусты помогут им скрыться. Он попил воды и начал оглядываться вокруг.

— Хорошо. Отведи коней в лес, привяжи их там и возвращайся.

— Мы пока останемся здесь, господин?

— До темноты. Нам следует быть внимательными. У них нет караульных, но они ездят во всех направлениях.

Группа гуннов выехала из лагеря, направляясь вверх по реке. Он попытался сосчитать их.

— Скажите, что я должен делать,— спросил его Отто.

Дитрик вернул ему бурдюк. Ему хотелось знать, что происходит в лагере гуннов. Он много думал и решил, что они не станут больше никого провозглашать каганом. Это было бы оскорблением памяти Аттилы.

— Простите, господин,— напомнил ему Отто.

— Я уже сказал, что тебе нужно делать.

Еще группа гуннов направлялась в лагерь, гоня перед собой полдюжины овец.

— Вы считаете, что мы можем их победить?

— Что? — пораженно спросил Дитрик.— Кого? Гуннов? Я не знаю. Я не могу их пересчитать, но мне кажется, что здесь их собралось не так много. Если мы неожиданно нападём на них, может, тогда нам удастся их разбить. Мой отец...— он поднялся, чтобы лучше рассмотреть лагерь.— Мой отец решит, что мы станем делать. Он хороший полководец, даже каган пользовался его советами.

— Но он не знает их так хорошо, как знаете вы,— возразил Отто.

— Да,— согласился с ним Дитрик.— Но сейчас нам нужно убираться отсюда.

Он видел, как черная лошадка выехала из лагеря на открытый луг. Если ветер переменится и лошадка почует запах германцев, на них обязательно нападут гунны. Он быстро потащил Отто обратно к их лошадям.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Денгазич и Эрнач отказались остаться на курултай Эллага и покинули лагерь, забрав с собой сотню воинов. Когда Монидак узнал об этом, он фыркнул и хлопнул в ладоши.

— Теперь ясно, о чем они думают.

Он сел к огню и начал сердито разгребать палкой горячие угли.

Эти новости привез им Эдеко. Он спешил и вслед за Монидаком подошел к огню. Такс удивленно посмотрел на него. Эдеко похлопывал себя рукой по бедру. Он как всегда хмурился, но сейчас казался сильно расстроенным.

— Что случилось? — спросил Такс.

Эдеко присел на корточки и снял рукавицы, чтобы согреть руки у огня. На шее у него висела золотая цепочка с синими камнями. Такс подумал, может, он получил ее у самого императора.

— Мы можем убраться отсюда, — сказал Эдеко. Но, казалось, что он обращался к Монидаку, а не к Таксу. — Здесь уже ничего не произойдет и остались только самые незначительные люди.

— Ты же важный человек, — возразил ему Монидак.

Эдеко взглянул на Такса.

— Где твой брат Раз?

— Раз не является важным человеком, — ответил ему Такс. Он ближе склонился к огню. Начинало темнеть, и красный отсвет бесчисленных костров освещал небо.

— Ты прав, он не такой важный человек, но в подобные времена он и другие такие же люди весьма важны, в особенности если они не приехали сюда.

Монидак отдал ему тыкву с Белым Братом.

— Давай, пей. Ты должен отведать этот напиток, тогда ты станешь трезвым!

— Они все продолжают вести свои скучные обычные жизни, — сказал Эдеко. Он отхлебнул чай, даже не ощутив его вкуса, и потом удивленно скорчил гримасу.

— Я думал, что это вино.

— Мы слишком бедны, чтобы пить вино, — заметил Монидак.

— Или слишком мудры, — вклинился Бряк.

Эдеко сделал еще глоток.

— Или и то, и другое.

— Ты хочешь сказать, что кагана не будет? — спросил его Такс.

Он и раньше подумывал об этом, но до сих пор никак не мог поверить.

— Никто из них не получил должной поддержки. Вы же многое сами слышали. Они смеются над Денгазичем.

Эдеко неохотно передал кувшин из тыквы Бряку. Тот отпил и облизал губы.

— Ни один из них не достоин занимать это место,— сказал Монидак.— Брат, что нам теперь делать?

Эдеко облокотился на руку.

— Поэтому я приехал к вам, брат.

— А-а-а?

— Никто из вас не женат и не имеет семьи. Поехали со мной, и вы станете сражаться под моим началом, и я вас сделаю очень богатыми людьми.

Такс не знал, что ему отвечать, и облизал губы. Бряк сказал:

— Куда ты отправляешься?

— Может, в Италию или Испанию. Туда, где можно хорошо подрабывать.

— За что мы станем сражаться? — спросил его Такс.

Эдеко пожал плечами.

— Не все ли равно? — он подобрал под себя ноги.— Скажите мне о своем решении. Мне нужно много людей... Может, сотен пять...

Он поднялся и пошел прочь, ведя за собой коня.

Пока он говорил, наступила ночь. В переполненном лагере кругом горели костры, рассыпая янтарные искры. Монидак взял тушки зайцев, которых они поймали утром, достал нож и начал их разделывать. Бряк сидел и смотрел на огонь, положив голову на колени.

— Ну? — спросил Такс.

Монидак поднял вверх плечи. Он вытащил кишки из зайца.

— А что ты еще способен делать? Ты же понимаешь, что мы на самом деле не сможем отомстить Ардариду.

Такс молчал.

— Эдеко позаботится, чтобы мы не голодали, а нам придется выполнять его приказания.

Бряк напомнил:

— Он сказал, что мы разбогатеет.

— Да, станем такими же богатыми, как он сам,— сказал Монидак.

— Я с ним согласен и последую за ним.

Такс взял тыкву и отпил Белого Брата. Ему было неприятно сознавать, что у него нет другого выхода, как только следовать за Эдеко. Казалось, что после смерти кагана исчезли все нормальные и ценные понятия и вещи. Он вспомнил римского монаха, одиноко бродившего по равнине. В первый раз ему стало понятно, почему монах мог предпочесть дикую степь лагерю, полному людей.

Он смотрел, как Монидак разделывает зайца и бросает куски в котел. Он вывернул шкуру, соскреб с нее жир и тоже бросил в котелок.

В темноте за костром слышалось фыркание собак. Такс взглянул туда и увидел пять или более собак, высунувших языки и с жадностью глядящих на внутренности зайца. Монидак резал сердце, чтобы поджарить на огне. Одним движением руки Такс вырвал у него остатки внутренностей и кинул собакам.

— Там еще оставалось много хорошего мяса,— запротестовал Монидак.

Из темноты доносилось грызня и хрипение собак.

Такс сказал ему:

— Ты же знаешь, что с тобой случится, если станешь поедать сердце и печень зайцев.

— Это все болтовня. Волки и рыси всегда их едят и никогда не становятся трусливыми.

Монидак вытащил из огня поджарившееся сердце и стал ждать, когда оно остудится.

— Он сказал — Италия,— бормотал Бряк.— Может, нам все-таки удастся захватить Рим.

— Здесь находятся остготы,— сказал Дитрик, прикрывая рукой глаза от солнца. Он оглядел лагерь. После его отъезда армия стала такой огромной, что уже не умещалась в излучине реки, и люди начали размещаться поодаль, и это было весьма опасно для них. Повсюду, куда ни бросишь взгляд, он видел разговаривающих мужчин. Некоторые из них готовили пищу на кострах. Они стерли с лица земли кустарники и оголили деревья, чтобы жечь костры или строить шалаши и навесы.

Ардарик кивнул:

— Они прибыли вчера, нам нужно отыскать новое место для лагеря. Насколько близко мы сможем приблизиться к гуннам?

— Не стоит этого делать,— ответил ему сын.— Они уже знают, что мы здесь, и как только будут готовы, сразу же нападут на нас.

— Я буду сам принимать решение!

Дитрик присел на корточки и посмотрел на людей, расположившихся на дальнем берегу.

— Тебе следует перевести их сюда. Они выставили караульных?

— Ты считаешь меня дураком?

— Нет,— Дитрик подумал о сражении, и у него напряглись мышцы. Он вдруг почувствовал себя таким ранимым, но собрался с силами и вернулся мыслями к лагерю гуннов.

— Мне показалось, что у них совершенно отсутствует организованность, нет караульных, и еще мне кажется, что они не посылают разведчиков. Целый день я наблюдал за лагерем

с разных точек. Один раз я был так близко, что мог слышать их разговоры — спорили два человека. Я разобрал их речь. Однажды... — он взглянул на Ардарика. — Как-то я видел много людей, собравшихся вместе. Они слушали рассуждения Денгазича. Когда он что-то сказал — я не смог разобрать, что именно — они все захолопали. Абсолютно все.

— Они выражали ему симпатию?

— Нет, они хлопали, чтобы выразить ему свое презрение.

Ардарик был поражен.

— Вот как? Презрение к Денгазичу?

— Или, может, к его словам. Что и есть одно и то же. Во всем лагере примерно тысяча кибиток. Наверно, их должно быть больше, не так ли?

— Кибиток? А-а-а, юрт. Да, но ты, наверно, просчитался.

— Нет, их там меньше тысячи. И это значит, что имеется всего лишь несколько тысяч боеспособных воинов. Пока я сидел в засаде, то видел, как оттуда уезжали некоторые кибитки. Если мы еще подождем, то там вообще не останется гуннов.

Ардарик отряхнул руки.

— Но ты сам сказал, что как только они будут точно знать, где мы находимся, то нападут на нас.

Он залез в кибитку и достал карту, затем поставил ногу на ступицу колеса и разложил ее на колене.

— Если они пока на нас не нападут, то нас станет больше, чем их, и если все, что ты сказал, правильно, то на каждого гунна придется по два германца.

Дитрик промолчал, а Ардарик продолжал разглядывать карту. Дитрик еще раз посмотрел на лагерь. Германцы расхаживали по нему группами. Они были заняты делом — стараясь в правильном порядке расположить свои хижины и навесы. При ярком солнце их светлые волосы и бороды, казалось, отливали красным золотом. Рядом разгружали повозки. Посреди всего этого сверкало кольцо реки.

— Как ты считаешь, они выбрали нового кагана? — спросил Ардарик.

Дитрик покачал головой:

— Не знаю.

Он повернулся к отцу. Тот внимательно смотрел на сына, и Дитрик опустил глаза долу. Отец спросил:

— Ты действительно скучаешь по ним? По твоим друзьям-гуннам?

Дитрик встал и, не отвечая, пошел прочь.

На рассвете гунны узнали, что германцы направляются в их сторону. Слух распространялся от одного костра до другого костра, где еще оставались бодрствующие люди. Они пы-

тались разбудить как можно больше народа. Все никак не могли договориться, кто же станет ими командовать, но всем хотелось первыми напасть на германцев. Некоторые оседлали лошадей и покинули лагерь, как только услышали эти новости. Другие постарались собрать отряды в двадцать или тридцать человек. Большинство воинов вылезли из одеял, надели одежду, начали есть или собирать вещи. Потом отправились будить друзей, чтобы позже покинуть лагерь — германцы, в конце концов, никуда не денутся!

Когда начали распространяться новости, Такс уже бодрствовал. Он разбудил Мониняка и послал его за конями. Передвигаясь на коленках вокруг костра, он поставил греться воду, положил туда мясо и зерно, и начал готовить пищу на углях, оставшихся от вчерашнего костра.

Вокруг него люди беспрестанно ездили во всех направлениях. Копыта лошадей взбивали пыль в воздухе. Она стала плотной, как дым. Три всадника выкликали имя Эллага и ехали вдоль берега реки, кое-где за ними следовали воины, чтобы встать под штандарт Эллага. Но большинство воинов даже не поднимали головы, слыша его имя. Бряк тоже проснулся и начал кулаками растирать глаза. Потом, шатаясь, пошел к костру и шлепнулся возле него.

— А-а-ах, я совершенно не выспался.

— Приближаются германцы,— сказал ему Такс. Он склонился почти к самим углям и начал их сильно раздувать.

— Они — такие храбрецы! Ха!

Бряк перевернулся набок, чтобы достать тыкву с Белым Братом. Она была пуста. Бряк отбросил ее и застонал. Затем он выпрямился и медленно обвел глазами лагерь.

— Где Монинок?

— Здесь,— Такс резал хлеб и показал направление ножом. Монинок шел к ним, перескакивая через кучи отбросов. Он вел лошадей. На спине черной лошади была прикреплена куча сена величиной почти с лошадку. Бряк побежал, чтобы помочь ему.

Они поели сами и покормили лошадей, и пока Бряк мыл котелок, Такс и Монинок наблюдали, как гунны разъезжались из лагеря.

Многие воины на прощание махали руками, распевали песни и перебрасывались шутками. Такс снял свой лук и колчаны со стрелами с подпорок навеса. У них еще оставалось немного ритуальной краски, и когда вернулся Бряк, они уселись кружком и нарисовали друг другу на лицах тотемы и знаки войны.

— У меня плохое предчувствие,— сказал им Монинок.— Все слишком радуются предстоящему сражению.

Такс свистом позвал черную лошадку. Она появилась из-за навеса, и изо рта у нее свисали длинные клочья сена. Такс

начал ее уговаривать, чтобы она опустила голову и дала надеть на себя уздечку. Потом он левой рукой крепко ухватился за гриву, с трудом поднялся на ноги и перевалил седло на спину лошадки.

— Не будь дураком,— сказал он Монидаку.— Ты можешь накликать на нас беду. Вспомни, как мы отправлялись в Италию. У всех было прекрасное настроение.

— Но мы там не одержали победу.

Такс пожал плечами.

— Мы не проиграли там ничего. Разве нас там где-нибудь разбили?

— Да, в Гауле.

Такс изобразил губами пуканье.

— Каган говорил, что это была победа, но нас все равно разбили, и он великолепно это понимал. Эдеко как-то рассказывал мне.

— Что Эдеко может знать о чувствах кагана?

Вернулся Бряк, покачивая вымытым котелком.

— Что мне с ним делать?

— Оставь его здесь,— сказал Монидак. Это был его котелок. Он поднялся и пошел к навесу за конем.

— Мы что, потом вернемся сюда? — спросил Бряк и повернулся к Таксу.

Тот крепко подтянул ремни седла и привязал к нему лук и колчаны со стрелами и туда же приторочил плащ.

— Все, что нам нужно, мы получим от германцев. Он с трудом взобрался на спину лошадки и выпрямился.

— Подожди нас,— сказал ему, возвращаясь и ведя с собой коня, Монидак.

Бряк бросил котелок и побежал за своей лошастью.

Такс положил поводья на спину лошадки и наблюдал, как его друзья седлают коней. У него снова воспалилась рана на правой пятке. Она все никак не заживала — закрывалась на некоторое время, а потом снова начинала гноиться, когда он натруживал ногу или натирал ее. Сейчас боль пульсировала почти во всей ноге. Такс был испуган, и ему так хотелось, чтобы Трубач был жив и смог бы помочь залечить ногу. Хотя он видел, как умирали сотни людей, но никак не мог примириться с мыслью, что Трубач мертв. Ему казалось, что тот где-то скрывается, и сам Такс никак не может дотянуться до него. В первый раз в жизни он боялся предстоящего сражения.

В этот момент раздался крик, и они увидели, как всадник мчится вдоль берега реки, минуя костры.

— Все на помощь... На реке идет сражение, и нас теснят назад! Все на помощь!!

Такс схватил поводья. Черная лошадка задрала вверх голову и начала гарцевать. Монидак одним махом взлетел в седло.

— Подождите меня! — закричал Бряк. Он быстро привязал свою поклажу и побежал под навес за луком.

— Дайте мне копьё! — кричал Такс.

Если они сражаются у реки, то от лука не будет никакой пользы. Он схватил копьё у Бряка.

— Эдеко! — кричал Монидак, и его лошадь прибавила ходу. Следуя за ним, Такс увидел Эдеко в середине лагеря. Он возглавлял отряд в сотню всадников, и с каждым шагом его коня к нему присоединялись десятки других всадников-воинов. Направляясь на запад вдоль берега реки, всадники перекликались друг с другом и, смеясь, били в щиты из воловьей кожи. Такс снял щит с седла и повесил его себе на левое плечо. Бряк ехал рядом с ним и был слишком возбужден — он покраснел и громко хохотал.

Сейчас они скакали посреди отряда всадников. Все кругом кричали. То тут, то там мужчины начинали петь, и их голоса были хриплыми от возбуждения. Деревянное стремя Бряка на каждом шагу ударяло левую ногу Такса. Справа скакал человек, который не переставая монотонно ругался.

Такс глянул вперед. Ему всегда нравилось участвовать в сражениях — его волновало быстрое движение, неожиданность ситуаций, напряжение. Ему стало неприятно от собственной трусости, но страх точил его душу. Вокруг него слышались громкие голоса его друзей, но он не мог промолвить ни слова.

Длинная процессия воинов двигалась вниз по реке. Они не давали лошадям замедлять бег. Солнце сверкало на ясном осеннем небе. Те воины, которые надели плащи, сейчас начали их сбрасывать и привязывать к седлам. Воины стали передавать по цепи бурдюк с водой, Такс сделал большой глоток и передал его Бряку. Он попытался что-либо рассмотреть, но пыль висела в воздухе, как плотный занавес.

Бряк что-то бормотал.

Такс спросил его:

— Что с тобой?

— Почему мы не взяли с собой Белого Брата?

Такс протянул руку назад и достал из сумы последнюю полную тыкву напитка. Бряк с криком радости живо ухватил тыкву. Он вытащил затычку, приложил сосуд к губам и начал жадно пить. Такс смеялся над Бряком, но когда к нему вернулся сосуд, он отпил из него столько же, сколько успел Бряк.

Чай сразу же согрел, и у него полегчало на сердце. Но вскоре опять пересохло в горле, и пыль ела глаза. Страх куда-то пропал, и когда сосуд снова вернулся к нему, он уже пел воинственную песню вместе с Монидаком. Они передавали

напиток друг другу и еще парочке других воинов, пока источник не иссяк. Такс подвесил пустую тыкву к седлу. Они начали набирать скорость, и лошадка поскакала вперед.

Впереди слышались крики, и вокруг все начали повторять:

— Река... Река!

Такс покрепче ухватил копые — было ясно, что лук ему не пригодится. Лошадка начала скакать быстрее. Плечом к плечу кони спускались по небольшому склону, приминая кусты и натываясь на деревья. Пыль стояла столбом. Такс мог различить людей и животных, едущих только рядом с ним. Темная голова Монидяка с красным пером подпрыгивала перед ним. Вдруг из-под ног лошади ушла земля. Такс сильнее сжал ногами ее брюхо, она, оскальзываясь, съехала по крутому спуску и оказалась в холодной воде.

Справа слышалось гудение, как от огромных барабанов. Звенел металл. Эти неожиданные звуки больно отдавались в ушах.

Слева от него кто-то кричал на германском. Стрелы пронзали воду у ног лошади. Такс приостановился и попытался оглядеться. Люди двигались одной плотной группой. Бряк был поодаль от него. Он так же удивленно оглядывался, как и сам Такс. Звуки сражения раздавались с трех сторон. Позади него все больше хунну съезжали по откосу в реку.

— Бряк! — Такс махнул другу и двинулся вперед. Лошадка прижала огрызки ушей к голове и сначала отказывалась двигаться вперед. Такс начал бить ее концом копыя, и та рванулась вперед, но поскользнулась и упала боком прямо в воду. Такс цеплялся свободной рукой за гриву. Течение подхватило лошадку и понесло ее вниз по реке. Лошадка напрягла силы, поплыла и попыталась вскарабкаться на каменистую почву на другом берегу реки. Такс насквозь промок, и когда холодный воздух обволок его, он не смог перевести дыхания и начал сильно дрожать. Он стал подгонять лошадку копыем, чтобы та не останавливалась.

Она скользила и съезжала по каменистому берегу, но продвигалась вперед. Там были деревья и густые заросли кустарника. За голыми колючими ветвями Такс увидел людей. Это были германцы с заплетенными в косы светлыми волосами и крестами на шее. Лошадка напряглась и врезалась в кусты, не уменьшая скорости. Тысячи колючек вонзились в Такса. Германцы развернулись к нему лицом. Такс вонзил копые одному из них в грудь и ударил другого прямо в лицо.

Остальные германцы удрали от него с криками. Белый Брат бушевал у него в крови. У него не было времени, чтобы бояться. Такс мог думать только о том, как ему догнать полдюжины германцев, которые быстро удрали от него. Он пронзил копыем еще парочку и погнал лошадку за следующей

жертвой. Германцы развернулись и помчались к нему навстречу. Они были вооружены мечами и молотами. Их красные губы в обрамлении светлых бород и усов были открыты, как у рыб, вытасненных на песок. Такс не различал отдельных звуков, кроме постоянного грома сражения. Он сам издал вопль и поскакал по берегу в направлении брода. Воины догнали переправлявшихся там германцев, но каким-то образом те смогли поймать в западню хунну. Такс никогда не понимал тактики боя. Перед ним и между ним и рекой, полной барахтающихся тел, стояла плотная стена из спин германцев. Они не сражались, и перед ними не было гуннов. Они опирались на мечи и просто наблюдали. Такс размахнулся копьем и попытался протиснуться между ними. Копье проскользнуло над головами и плечами германцев, и они развернулись лицом к нему. Такс ударил одного из них копьем прямо в глаза. Он был настолько близко к нему, что слышал, как тот завопил от боли. Упавшее тело открыло проход в стене германцев, а в реке закипела кровавая пена. Такс наклонил голову и заставил лошадку протиснуться сквозь живую стену.

Правая нога не переставала сильно болеть. Он вытащил кинжал и ударил германца, который пытался удержать его. Тот отпрянул в сторону, и лошадка прыгнула в реку. Она опустилась на сражающихся воинов, и Такс наклонился над бешено мчащейся коричневой водой. Люди прыгали и кричали под лошадкой, бившей копытами по воде. Такс выпрямился на седле, и что-то сильно ударило его по правой руке. Вода плеснула в лицо, она отдавала кровью.

Под тяжестью Такса лошадка брыкалась и осаживала назад, потом двинулась вперед, стоя на задних ногах, снова рванулась вперед и перешла в галоп. Такса и лошадку окружала вода. Он слышал крики хунну. Лошадка развернулась и встала, как вкопанная.

Они оказались в безопасности посредине отряда хунну.

Хунну не переставали орать и пытались все вместе втиснуться на узкую переправу. На противоположном берегу германцы в строгом порядке нападали на передних хунну. Их было слишком много, чтобы стрелять из лука, а половина хунну не захватила свои копья. Кони сталкивались и падали, круша ноги всадников, зажатые между крупов коней. Они все застряли там, как пробка в тесном горлышке, и не могли пройти вперед, чтобы прорваться через германцев и двинуться подальше от них. Такс не мог понять, почему ему удалось так легко пробиться с другой стороны — германцы стояли монолитной стеной. Он дал знак лошадке и попытался пробиться к краю.

Но сражающиеся всадники подталкивали его вперед. Он даже начал различать впереди лица германцев над плечами и черными волосами хунну, двигавшихся перед ним. Каждое

лицо германца напоминало ему Дитрика, и он подумал, что станет делать, если впереди увидит Дитрика — пробовать пробиться к нему и увести подальше от сражения? Дитрик был его другом и спас его от Ардарика. Лошадка споткнулась и упала на колени, и Такс сместился на ее шею. Какое-то мгновение он непонимающе глядел в темную пену реки. Лошадка, фыркая, снова поднялась на ноги. Такс крепче ухватил копые и перевел дыхание. Он снова начал пробираться к краю людской пробки.

Такс не мог увидеть Бряка и Мониняка, пока не добрался до самого края толпы. Они были впереди него, и толпа невольно подталкивала их к германцам, как это происходило с ним. Они пытались сопротивляться и дико оглядывались вокруг. Такс представил себе стоящих впереди германцев в виде ненасытной утробы, которая ждала их, чтобы проглотить. Он внезапно завопил. К его удивлению, Бряк его услышал и наклонился, чтобы потянуть Мониняка за рукав. Такс начал им махать, и они стали пробиваться к нему.

Такс упрямо направлял лошадку в реку и начал ее колотить, чтобы заставить слушаться себя. Она зашла в глубокую воду, и дальше ей пришлось плыть. Течение закружило животное, и оно попыталось остаться на плаву. Такс держался за лошадку двумя руками.

Он видел, где каменистый берег спускался в воду, и направлял ее именно туда. Лошадка хорошо плыла и выдувала воду из ноздрей. Такс оглянулся назад — Монинок следовал за ним, а затем плыл Бряк. Такс начал смотреть вперед. Лошадка, расставив ноги, стояла на каменистом берегу, но еще не полностью вылезла из реки. Она начала энергично отряхиваться, и брызги летели во все стороны. Такс чуть не слетел с нее. Лошадка фыркнула так, что из ноздрей у нее хлынула вода, и начала быстро двигаться вдоль берега, в направлении германской стороны реки.

На том берегу, куда раньше направлялся Такс, было слишком много народу, и он повернул налево и заставил лошадку подниматься вверх по замерзшей грязи прямо в кусты терновника. Потом он дал немного передохнуть лошадке, и Монинок догнал его. Бряк потерял опору под копытами своей лошади, и ему пришлось проплыть вниз по течению, а потом поскорее догонять друзей.

Перед ними были германцы. Они стояли вверх по течению недалеко от брода, но они уже заметили их. Такс нацелился копьем. До того, как он достиг германцев, он увидел, что некоторые гунны двигались за ним через реку. Он начал вопить — это была смесь радости и военного клича. Впереди лица германцев слились в неясные бледные тени, которые ему было необходимо пронзить копьем, и он направил туда свою лошадку.

Германцы кипели вокруг него, как река. Их головы достигали его плеч — даже спешившиеся, они казались ему великанами. Он колол их копьем и использовал его в качестве дубинки. Прерывистое дыхание царапало глотку. Их руки пытались схватить его, и вокруг свистели мечи. Он почувствовал, как что-то ударило его сзади. Внезапно его окружили гунны, они прорывались к нему и, размахивая руками, оттесняли германцев назад. Те начали колебаться и отходить. Они уже не глядели на Такса своими светлыми глазами. Когда он оглянулся, его окружали лица такие же темные, как и его.

Наверно, человек двадцать пять хунну последовали за ним через реку. Они двигались плотно и пытались пробиться через германцев и присоединиться к другим гуннам, ведущим яростное сражение. Такс следовал за ними немного позади, пока не отдышался. Потом он вывел лошадку вперед перед германцами. Один из них ринулся на него, подняв вверх свой молот. Такс разрезал его руку копьем, вытащил его и всадил в грудь германца. Линия хунну продвинулась вперед. Два германца выступили против Такса. Он убил одного из них, а второй был так сильно ранен, что сразу отполз в гущу германцев. Но их так много оставалось впереди! Ему приходилось наклоняться над головой лошадки, чтобы дотянуться до германцев. У них были длинные щиты, и это помогало им легко отражать его атаки. Их неуклюжие мечи месили воздух у него над головой. Такс кромсал им руки своим копьем, и мечи выпадали из слабых изуродованных рук бойцов.

Такс теперь понял, что он не продвигается вперед, и он не видел гуннов посредине реки. Он вообще с трудом различал реку, потому что ее загромождало от него слишком много германцев. Внезапно их число увеличилось, и ему пришлось отвести лошадку назад.

Развернув лошадку, он опять очутился среди хунну. Теперь сражение шло с трех сторон, и германцы окружали их. Такс увидел Монидяка и махнул ему рукой. Тот подъехал ближе.

— Давай выбираться отсюда.— Такс сильнее сжал копье и направился к реке, прикрывая щитом левый бок.

Монидяк и Бряк ехали с ним рядом, затаптывая копытами листву, сбитую с деревьев. Когда другие гунны увидели их отход, они последовали за ними. Кони других гуннов дышали им в спину, и Таксу и его друзьям пришлось перейти в скачку. Они упорно двигались к реке.

Внезапно перед ними появились германцы и начали их окружать. Такс задохнулся от волнения. Он держал копье под мышкой. Германцы стояли перед ними, как стена золотых деревьев-великанов. Лошадка врезалась в эту стену. Стена прогнулась, но за ней не было видно реки, а только еще ряды германцев. Монидяк вскрикнул и упал в сторону товари-

ща в фонтане крови. У Такса рот был полон его крови. Она попала ему в глаза и ослепила. Последовал страшный вздох, от которого у него чуть не разорвалось горло, и он начал колоть вокруг себя копьем. Где-то перед ним должна была быть река. Он увидел, как фонтанчик крови брызнул из раны на шее черной лошадки, и ее тело задрожало под ним. Впереди, среди тумана лиц германцев, показалось лицо Дитрика. Такс собирался пробиться, чтобы помочь ему, но был слишком далеко от него, и почему-то теперь спасение Дитрика уже не казалось столь важным. Наконец перед ним появилась река. Он сильно ударил лошадку по ребрам, она начала скользить вниз по откосу, и они очутились в безопасности, в холодной воде.

Река была запружена мертвыми телами. Деревья вдоль реки бросали тень на воду, и тела выплывали и снова плыли в тень. Это были тела хунну. И еще больше хунну, еще живых, падали в реку рядом с Таксом. Это были люди, которые двинулись за ним. Бряк был рядом. На его лице глаза горели, как угольки, и в неслышном крике у него был раскрыт рот.

Потом они все поспешили опять вернуться в сражение, но не могли даже выбраться на берег, потому что оба берега были заполнены германцами, которые с двух сторон смотрели на них. Им пришлось продвигаться туда, где было слишком сильное течение, и все, как один, решили не продолжать борьбу и поскорее убираться отсюда. Они развернули коней и постарались добраться до ближайшего к ним берега, на стороне германцев.

Такс видел, как Бряк кинулся на германцев, но его отбросили назад, и под ним обвалился кусок берега. Лошадка Такса вывернулась, чтобы не наступить на его тело. У Такса заболела шея, потому что ему все время приходилось задирать вверх голову, чтобы смотреть на германцев. У него все сливалось перед глазами, и он почти ослеп от пыли и грязи. Каждый раз, когда он делал вдох, у него горело горло. Ему хотелось нанести еще один удар. Лошадка с трудом поднималась вверх по берегу и попыталась протиснуться между германцами, но они, казалось, махали на него руками. Он не видел никакого оружия, только лица — чужая бледная плоть и голубые глаза. Лошадка поскользнулась, и у Такса вылетело из рук копье. Он наклонился вперед и обхватил руками шею животного. Они долго летели вниз, слившись воедино. Когда они упали в реку, на этот раз она не была холодной. Она была горячеей от крови его собственного народа.

Дитрик закончил молитву, перекрестился и поднялся с колен. Он не мог поверить, что Бог даровал ему жизнь. Вокруг него валялись раненые и мертвые люди. Кое-где лежали от-

дельные конечности, куски одежды и сломанное оружие. На сотни метров вдоль реки остались немногие самые крепкие деревья, остальные деревья и кустарник были измолоты в пыль. Он пошел к реке — горло у него было заполнено пылью.

Когда он увидел брод, то в ужасе остановился. Ардарик ехал за ним на белом жеребце. Король, конечно, не принимал участия в сражении. Он оставался на возвышении и руководил сражением с помощью своих впередсмотрящих, расположившихся на деревьях. Он постоянно перемещал войска в зависимости от сложившейся ситуации. Сейчас Ардарик смотрел поверх головы сына на брод.

— Ты был прав. Их здесь только около тысячи, а может, и меньше.

Дитрик ухватился за седло Ардарика, чтобы не упасть. Тела на переправе запрудили реку. Пока он смотрел, река поднялась и начала переливаться над телами. Дальний берег невозможно было рассмотреть из-за тел хунну и их лошадей. На этом берегу трупов было почти столько же, но половина из них были германцы.

— Если бы они сразу напали на нас,— сказал Дитрик,— они смогли бы нас победить!

Ардарик равнодушно пожал плечами. Он начал двигаться по берегу, рассматривая мертвецов.

— Но теперь это уже не имеет значения, разве не так?

— Так.

— Ты хорошо сражался. Дитрик, ты очень храбрый.

Дитрик кивнул головой и последовал за отцом по краю берега. Здесь в воде плавало огромное количество трупов. Невольно он искал среди них Такса.

— Как они сражались,— шептал Ардарик. Дитрик понимал, что отец рассуждает вслух, он понял это по его голосу. Он никогда не видел подобного сражения и не мог представить, как движутся сотни всадников хунну и бросаются на врагов, не обращая внимания ни на свои раны, ни на своих убитых. Он видел, как они пытались прорваться через линию германцев, сражаясь все одновременно, как будто они все бессмертны. Он видел, как это делает Такс, и сейчас он был уверен, что именно Такс находился в гуще сражавшихся.

— Дитрик! — резко воскликнул отец.

Дитрик обернулся. Они подошли к более извилистой части берега. Вода здесь текла медленнее. Внизу лежало много мертвых хунну и их лошадей. Одним из лежавших был Такс. Черная лошадка лежала поверх него, погрузив голову в реку. Рядом лежал мертвый Бряк.

Дитрик двинулся вперед, но отец преградил ему путь. Дитрик увидел, что Такс еще живой.

И Такс увидел его и пошевелился. Видно было, что у него на груди перебиты все кости.

— Помоги мне,— сказал Такс.

Дитрик с трудом его слышал. Он сделал вперед еще шаг, но Ардарик схватил его за руку.

— Не смей!

Такс облизнул губы и начал дрожать. Веки его закрывались.

— Помоги!

Дитрик опять двинулся вперед.

— Нет,— повторил Ардарик.— Он тебя убьет.

Король развернул коня от реки. Одно мгновение Дитрик не мог отвести взгляда от Такса. Но он понимал, что отец был прав и Такс попытается его убить, если он подойдет к нему поближе. Он последовал за отцом на несгибающихся ногах. Уже приближалась ночь, и он пошел в безопасность и покой темноты.

ЗИМА КОРОЛЕЙ

Перевод Л. В. Старцевой

ОТ АВТОРА

В 999 году король Минстера Брайан Бору заманил армию датских захватчиков и ирландских мятежников в теснину Гленмамы и истребил их. Предводителем побежденных ирландцев был Мелмордха, король Лейнстера; Лейнстер и Минстер были вековыми врагами, и датчане напали на Брайана по приглашению Мелмордхи. Сам Мелмордха избежал смерти у Гленмамы, укрывшись на тиссовом дереве, с которого его лично стащил старший сын короля Брайана Мурчад. В соответствии с хрониками, в том, что датчане попали в западню, был виноват Мелмордха.

После этой победы престиж и власть Брайана стали таковы, что он смог провозгласить Королевство всей Ирландии. По традиции Верховный король Ирландии был главой одной из двух ветвей семейства О'Нилл, и в 999 году им был Мелсечлэйн, король Тары. Мелсечлэйн передал Верховный трон Брайану, но остался могущественной и важной фигурой. Быть Верховным королем никогда не означало командовать в Ирландии: в конце концов Брайан мог полагаться только на свой собственный клан Далдж Каус.

Мелмордха оставался королем Лейнстера. В знак примирения между Лейнстером и Минстером король Брайан женился на сестре Мелмордхи Гормфлэйт. Она уже была до того замужем за датским королем Дублина, и ее сын от него Сигтругг Силкберд был теперь королем этого города, и некоторое время Гормфлэйт была женой Мелсечлэйна. Ее брак с Брайаном длился достаточно долго, чтобы возыметь огромную ненависть к нему.

Через несколько лет после того, как Брайан стал Верховным королем — в 1011 году или около того, — Мелмордха доставил ему дань — сосновые деревья для корабельных мачт. По пути из Лейнстера к дому Брайана в Кинкоре Мелмордха помогал нести деревья и потерял пуговицу от своей рубашки. Когда он явился в дом, он понес рубашку Гормфлэйт, чтобы она починила ее. Вместо этого она швырнула ее в огонь и стала упрекать, что он служит королю Минстера.

На это Мелмордха, очевидно, не сказал ничего обидного. Однако на следующий день он натолкнулся на Мурчада, сына короля, игравшего в шахматы, и подсказал ему сделать какой-то ход. Мурчад послушался и проиграл партию.

— Это ты дал тогда совет датчанам, и они потерпели поражение, — сказал Мурчад.

— Я снова дам им совет,— сказал Мелмордха,— и они не будут уже побеждены.

— В таком случае ты снова должен готовить себе тиссовое дерево,— сказал Мурчад.

С этим Мелмордха вылетел из Кинкоры.

В последующей за этим войне король Брайан все пустил на самотек. Он уже был стар, но его энергия и влияние привлекли к нему мужчину в расцвете сил. И Мелсечлэйн помог ему.

За год, или около того, Мелсечлэйн и Брайан разбили мятежников — Мелмордху и его союзников, среди них О'Руэйрк из Брефни — из всей Ирландии. Датчане, которые жили во всех городах побережья, помогали обеим сторонам.

В конце концов Мелмордха запросил помощи у своего племянника — Сигтругга, короля Дублина, и тут ход событий внезапно изменился.

Призыв Мелмордхи о помощи привел на его поддержку не только датчан в Ирландии, но викингов и воинов со всех северных морей — «Чужеземцев из Западного мира», как называл их летописец. Самыми великими среди них были Сигурд, ярл¹ Оркнейский, и Бродир, перебежчик, чьим родным портом был Остров Мэн. Это было уже не восстание, это было вторжение. И на своем пиру на Святки, в нашем 1013 году, ярл Сигурд ясно сказал, что эта экспедиция была предпринята не просто ради грабежа, но с целью захватить и удержать всю Ирландию.

Датчане должны были собраться в Дублине к Пасхе 1014 года. Король Брайан прослышал об этом и призвал всех своих людей собраться вблизи Дублина в Вербное воскресенье.

Это исторический фон данной истории. Сам Мюртах, его семья и наследственная междоусобица являются моим сочинением.

СЕСИЛИЯ ХОЛЛАНД

¹ Титул у скандинавского дворянства. Выше ярла был только король.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мюртах натянул поводья. Один из посланных вперед верховых скакал к нему, размахивая над головой рукой, этот сигнал означал, что в их направлении движется крупное вооруженное войско. Когда он заметил, что Мюртах видит его, всадник указал назад на крутой гребень, лежащий перед ними.

Сирбхолл находился рядом с Мюртахом, он прикрыл глаза, чтобы лучше разглядеть всадника и, указывая на гребень, сказал:

— Давай, по крайней мере, займем этот холм, тогда мы сможем сдержать их, если это окажутся датчане.

Мюртах взглянул назад на своих людей и, по-прежнему оставаясь на месте, ответил.

— Холм за нами ближе.

— Но зачем нам идти назад, если мы можем идти вперед?

— А зачем подниматься, чтобы встретить их?

Сирбхолл нахмурился. Мюртах тронул своего пони и рысью направился к своим солдатам назад.

— Возвращайтесь на гребень этого склона и выстраивайтесь, на случай, если это окажутся датчане.

Его люди поднялись и трусцой направились на возвышенность со своими мешками на плечах. Стадо только-только поднялось на вершину холма, и по сигналу Мюртаха гуртовщики остановили его. Мюртах быстро оглянулся через плечо. Первый верховой был почти рядом с ним, двое других приближались, размахивая руками. Развернув своего пони, Мюртах рысцой затрусил вдоль линии своих людей и вокруг стада.

Верховые уже присоединились к нему, первым Лайэм:

— Их много, все верхом. Они похожи на ирландцев, и они несут символ Верховного короля.

— Мы подождем их здесь. Где мой брат?

— Здесь.— Сирбхолл направил свою высокую лошадь между пони Лайэма и Мюртаха.— Ирландцы, и так близко к стране датчан?

— Пф... Это же не пустыня. Лайэм, направляйся к концу строя и жди моего сигнала.

Когда неизвестные поднялись на длинный холм перед ни-

ми, Мюртах и его люди уже надежно собрались напротив широкой долины. Мюртах, довольный, поздравил себя. Другая группа была больше, чем его собственная, но они не станут атаковать столь решительно изготовившихся к отпору. Он слез с пони и натянул свой лук. За ним Сирбхолл спокойно ждал, держа свой меч на холке лошади. Один из незнакомцев на прекрасном гнедом, с белой мордой пони, легким галопом направился к ним, подняв руку.

Мюртах выбрал одну из своих длинных, с совиным оперением стрел и прижал ее к тетиве.

— Остановись там, — сказал он.

— Я Кир мак Эода, — сказал передовой всадник. — Вы можете разобрать мою эмблему?

— В такой близости от Дублина их никто не разбирает, — сказал Мюртах, опуская конец своего лука на землю. — Подходи.

Кир мак Эода рысью подъехал ближе, продолжая крепко держать поводья своего пони. Он смотрел на Мюртаха и Сирбхолла, который спокойно сидел на своем коне позади Мюртаха, он высоко держал свою крупную голову, взгляд был изучающий. Кир был молодой мужчина, он выглядел озадаченным.

— Я ишу О'Каллинэн, — сказал он с вопросительной интонацией.

— Мы здесь, — сказал Мюртах. — Я Мюртах-лучник. Это мой брат Сирбхолл.

— Сирбхолл-Убийца Датчан, — сказал Кир.

— Да.

Он чопорно поклонился им обоим.

— Во имя Господа, привет от короля. Он слышал, что вы должны прибыть с добычей, и он послал меня и мой отряд позаботиться, чтобы у вас не случился плохой конец.

Мюртах засмеялся. Он опустил свой лук, вложил его в чехол и положил на спину своего пони.

— О, все придем к плохому концу, раньше или позже. Мы встретили датчан, мы только что охотились южнее Дублина, и они пришли к своему плохому концу быстрее, чем ожидали, я думаю. Конечно, ваши послания от короля не сводятся лишь к этому?

Юноша облизал губы, резко повернулся, чтобы взглянуть на восток, и сказал:

— Мы должны уйти отсюда, в случае, если вы оставили кого-нибудь в живых, они могут сказать, в каком направлении вы направились.

Мюртах дал сигнал Лайэму. Его люди вышли из строя, быстро и спокойно разбили скот на гурты и погнали его вперед. Трех лошадей, которых увели от датчан, вели рысцой за поводья. Мюртах следил за всем, пока последний из его людей и

скота не достиг подножья холма. Кир мак Эода ждал. Потом они снялись с места, чтобы встретиться с эскортом Кира.

Сирбхолл скакал рядом с Мюртахом.

— Это, конечно, необычно, что отрезанная от дерева ветвь стала такой же сильной, как сам глава клана.

— Нет, если это клан О'Каллинэн,— Мюртах оглянулся на свою следующую за ним группу.— Их так много только благодаря милости Божьей. Двадцать лет назад...

Он перекрестился. Двадцать лет его клан не покидал своих собственных холмов, и теперь они впервые вышли оттуда, и это навлекло неудовольствие Верховного короля на них. Он должен быть более доволен успехом рейда.

— Скольких датчан вы победили? — спросил Кир.

Сирбхолл потер крыло своего носа.

— Столько, сколько нас, и еще половину столько.

У молодого человека поползли вверх брови.

— Вы похоронили своих мертвых в земле датчан?

Мюртах взглянул на великолепную тунику юноши.

— Мы не потеряли ни единого человека.

— Вы достойны восхваления за свою доблесть. Это хороший рассказ, я уверен.

— Там не было никакой доблести,— быстро сказал Мюртах.— Мы окружили их ночью и перебили, как стадо диких животных. С их стороны было глупостью разбить лагерь на открытом месте, но они думали, что находятся в безопасности.

— Ваш брат скромен,— сказал Кир Сирбхоллу.

Сирбхолл, улыбаясь, немного наклонился вперед:

— Мой брат, как говорит его имя, не воитель. Он стоит на холме со своим луком и говорит нам, что делать, а если кто-нибудь нападает на него, он хладнокровно убивает его стрелой.

— Если бы Кухулэйн делал так, дожил бы до старости,— сказал Мюртах.

— Мой кузен, король...— начал Кир.

Мюртах острым локтем толкнул Сирбхолла под ребро.

— Это объясняет и эскорт, и красивое платье. Я мог бы сразу сказать тебе, что этому есть объяснение.— Он повернулся и улыбнулся Киру.

Кир вспыхнул и зарделся:

— Мой кузен попросил, не сопровождаю ли я вас в Кэтхейрбай-Тара. Он и Мелсечлэйн находятся там и хотят обсудить вещи, касающиеся датчан, и поскольку ваш клан расположен так близко от Датского королевства¹, он счел правильным, чтобы вы присоединились к нему.

¹ Имеется в виду Датское королевство Дублина на территории Ирландии, а не Дании.

— Мелсечлэйн,— сказал Мюртах. Он повернулся, чтобы бросить взгляд на горизонт. Это имя, даже произнесенное собственными устами, немного пугало его. Он так внезапно натянул поводья, что все остальные должны были остановиться, так что образовался клубок брыкающихся лошадей.

— Лайэм,— сказал он,— ты и все остальные могут спокойно отправляться отсюда домой. Нам не потребуется такая масса скота.— Он сделал паузу на мгновение, задумчиво глядя на Сирбхолла, и сказал:

— Они обслужат нас, черт побери, подобно тому, как служат самому королю.— И он улынулся Сирбхоллу.

— О, конечно,— сказал Кир и не закончил слова. Отряд Мюртаха уже двинулся прочь, перейдя на быстрый, размашистый шаг горных жителей. Мюртах подтолкнул слегка своего пони, и, к очевидному изумлению Кира, они все тронулись с места, всадники тоже, как если бы Мюртах, маленький среди них, отпустил за всех поводья.

Глубоким голосом Сирбхолл произнес:

— Мелсечлэйн, королевский кузен, старый союзник клана мак Махон, а клан мак Махон и клан О'Каллинэн доходили в прошлом до столкновений.

Мюртах понимал, что Сирбхолл будет смотреть на него. Он взглянул на красивую тунiku Кира:

— Это убило моего отца, это разорило мой клан, и Мелсечлэйн нисколько не вмешался в это.

— Конечно, мой кузен знает об этой междоусобице,— сказал Кир,— трудно поверить, чтобы Верховный король свел бы вместе кровных врагов.

За двадцать лет до этого Мелсечлэйн был Верховным королем. И он свел их вместе.

— Мой брат не доверяет этому миру,— говорил Сирбхолл.— Он слишком верит в Бога, чтобы ему нравилось обычное обращение с нами. Но когда вы узнаете его, у вас появится расположение к нему.— Он положил ладонь на плечо Мюртаха: — Говори помягче с этим рыцарем, Мюртах.

— Вы должны простить меня, сударь,— сказал Мюртах,— если я резок или груб в моей речи, но я бедный человек и не обладаю вашими преимуществами по рождению.

Он поставил своего пони против лошади Сирбхолла и сказал тихо:

— Помни, кто здесь главный. Я и без того достаточно маленький, чтобы ты обрезал меня.

Сирбхолл выглядел изумленным. Мюртах немного посторонился, зная, что Сирбхолл никогда не остается спокойным.

— А мак Лэйги в Кэтхэйре? — спросил Сирбхолл.

— Думаю, что да,— сказал Кир.

— Ну-ну! Это должно успокоить тебя.

А Киру он сказал:

— Он помешан на арфистах. Любой странник в Ирландии, если у него есть хоть одна струна на арфе и он присвистывает, когда поет, имеет место за нашим столом, и Мюртах рассуждает с ним очень серьезно о поэзии.

Мюртах закрыл глаза на мгновение, примирительно.

— Это сохраняет пальцы, которыми я натягиваю тетиву, настроенными,— сказал он, коснувшись чехла с луком, припороченного у его колена.

Они проехали некоторое расстояние. Наконец Кир сказал:

— Это редкость, видеть в наши дни человека с луком.

Мюртах снова огляделся, обзрев горизонт:

— А как бы вы полагали, мужчина моих размеров должен был бы сражаться с мужчиной, таким большим, как мой брат? Клинок на клинок?

— Это достойный способ,— сказал Кир.

Мюртах взглянул на него: юноша был стройным, не намного выше, чем сам Мюртах, и опрятный в своих дорогих одеждах, словно ювелирное украшение.

— Что ж,— сказал он мягко,— есть такие мужчины, которые могут, но у меня есть более серьезные вещи, которые меня тревожат.

Они ехали дальше. Кир спросил:

— Что?

Мюртах взглянул на него:

— Что что?

Сирбхолл захохотал, качая головой.

Мюртах прокручивал имя Мелсечлэйна в своем уме — самый хитрый король со времен Кончабара. Мелсечлэйн обладал великолепной памятью и мог забыть, если это служило его целям. Теперь этот король Минстера был Верховным королем, и Мюртах думал, что Мелсечлэйн забыл некоторые определенные вещи.

— Кто еще будет в Кэтхэйре?

Кир повернулся к нему:

— Вожди всех великих кланов Мифа...

— Клан мак Махон.

— Да. И некоторые люди из Ольстера. Многие из них уже прибыли туда, когда я выезжал. Дом будет полон.

— Кто из Ольстера? — спросил Сирбхолл, и он вместе с Киром стали обсуждать предводителей. Мюртах взглянул на горизонт. Это была старая игра, и он долго находился вне ее, стыдливо скрываясь в своих холмах: собирание кланов, усаживание предводителей рядом и приманивание по раздельности, так Верховный король ткал из их лояльности свою мантию.

Мне придется ходить среди них, думал он, и улыбаться, и раскланиваться, и разговаривать так вежливо, как Сирбхолл.

А эти мак Махоны могут взять и перерезать его горло и возложить вину на меня. Двадцать лет назад? Может быть, он тоже все забыл. Это не он, это его сын, один из его сыновей. Третий был его Танист¹, я думаю. Старик умер в своей постели, проклиная Бога. Они могли это сказать мне, чтобы успокоить меня.

Сирбхолл слышал эти известия и стонал, что теперь он не должен был бы убивать старика. Даже тогда, прежде чем он стал достаточно большим, чтобы подбирать подол своей туники из пыли, Сирбхоллом. И сбегал, как только его ударили поясом от меча их отца, сбегал, а их мать визжала вслед ему, оставив поля, и стада, и население Мюртаху, бежал с глазами, горящими от взирания на огонь, в то время, когда рассказывались сказки.

Сейчас, сидя на своей тощей, деревенской лошади, Сирбхолл говорил своим размеренным голосом с кузеном Верховного короля — не мальчик, такой отличный от того малыша, который кричал, чтобы он подождал, но в то же время тем же самым настолько, что Мюртах снова и снова хотел улыбаться от удовольствия, что к нему вернулся обратно его собственный брат. Даже несмотря на приставание к нему Сирбхолла вернуться обратно, чтобы осуществить месть.

— Они украли стадо нашего скота и трех наших лучших лошадей, — на ходу говорил Сирбхолл Киру, — и тогда мы направились за ними, чтобы вернуть стадо. Это не были люди Сигтругта, и, как бы то ни было, Сигтругта сейчас нет в Дублине.

Они, конечно, слышали новости о Сирбхолле, даже там, в холмах — в такой близости к Церкви Св. Кевина они видели много странников. Старик Финнлэйт, отец матери Мюртаха, в первую очередь спрашивал каждого проходящего мимо странника, не слышал ли он что о Сирбхолле, но потом устал от этого.

— Он такой же, как все остальные, — вынужден был признать старик, — может быть, он никогда не вернется домой.

Мюртах как раз выходил в дверь, и он обернулся, удивленный. Старик был боец в свои дни, и даже сейчас, стоя, он был выше и тяжелее, чем многие молодые мужчины.

— Он придет домой, — вынужден был ответить Мюртах, — когда мы снова спустимся вниз.

— Ха, — сказал старик, — с тех пор, как они подняли тебя и сделали вождем, они все время подталкивают и подзуживают тебя снова спуститься вниз. Я лучше останусь здесь, здесь, по крайней мере, мы можем видеть, если кто-нибудь приближается, чтобы убить нас. Куда ты идешь?

— Привести скот.

¹ Помощник, оруженосец, телохранитель вождя клана

Старик фыркнул.

— В долине стоит лишь заговорить о сражении, как они упустят скот к морю.

...Сирбхолл сказал:

— Молишься, брат?

Мюртах огляделся вокруг себя.

— Когда погружаешься в молитву, то ничего уже не видишь.

Он начал петь, и все остальные немедленно присоединились к нему. Они пели всю дорогу до Кэтхэйра.

Когда они добрались до крепости, закат уже давно наступил. Громадный частокол проходил в долине на небольшом удалении от Тары Королей среди полей и пастбищ; он был аккуратен и в полном порядке, как все, что делал Мелсечлэйн. Стражники пропустили их через ворота, и служители суетились вокруг них, чтобы принять их лошадей и пони, принести им воду для умывания и полотенца из чистого полотна, чтобы вытереть руки. Киру слуги кланялись и оказывали величайшее почтение. Они учуяли в Мюртахе и Сирбхолле выходцев с гор и не были с ними столь же учтивы.

Темный фронтон дворца возвышался над ними. Внутри него Мюртах мог слышать громкие голоса и звяканье металла, он скрестил руки на груди, и, окруженные служителями, они прошествовали через дверь в туманный свет факелов.

Здесь на Высоком троне сидел Верховный король, а рядом с ним Мелсечлэйн, в окружении дымных факелов. Запах еды был подобен удару. Герольд выкликнул их имена в гул голов. Над столами, идущими вниз от Высокого трона к полу, к ним повернулись грубые люди, словно свиные рыла, чтобы взглянуть, кто это явился, дабы разделить с ними пищу.

Сирбхолл рядом с ним напрягся, и Мюртах сжал его кисть, проследил взглядом, куда он смотрит, и увидел мак Махона. Судя по его одежде, он был предводителем, и он наблюдал за ними, набычив голову.

— Пошли,— сказал Мюртах, и они двинулись вперед. Он двигался быстро, оторвавшись от группы, слуг прежде, чем они могли поспеть за ним, и обратил на себя всеобщее внимание. Он прошел прямо к Высокому трону и поклонился.

Верховный король был старше даже его деда, согбенный под тяжестью лет, весь в морщинах, его длинная борода и волосы были совершенно седыми. Под редкими бледными бровями были блеклые глаза. Рядом с ним Мелсечлэйн с его седой бородой и маленьким улыбающимся ртом казался едва ли не юнцом.

— Мюртах,— сказал Верховный король,— значит, ты сын Эда.

Его голос был ниже, чем помнилось Мюртахе, тональ-

ность грубее. Мелсечлэйн мог сидеть и улыбаться сколько угодно, от этого ему не получить обратно Верховный трон.

— Господин,— сказал Мюртах,— сын Эда из клана О'Каллинэн.

Старик немного поерзал, его локоть неловко свесился.

— Это приятно — снова слышать старинные имена при моем дворе. Я знаю, это твой брат.— Он кивнул на Сирбхолла.

Мюртах оглянулся и убедился, что Сирбхолл следует за ним.

— Сирбхолл — это мой Танист,— сказал Мюртах.

— Я рад, что ты вернулся в свой клан, Убийца Датчан,— сказал Верховный король,— хотя у нас есть для тебя больше работы на побережье.

Сирбхолл сделал неопределенный жест. Уши его горели. Мюртах посмотрел на Мелсечлэйна и увидел, что король Тары не спускает с него своих темных глаз.

— Я помню скорее маленького мальчика,— сказал Мелсечлэйн, его голос был скрипучим от давних воспоминаний и свежеуслышанного, это был неискренний, слащавый голос.— А сейчас я вижу скорее маленького мужчину.

— Ах,— сказал Мюртах,— но ты не изменился.

Он слишком поздно понял, что должен был придумать какой-то ответ, который должен был осадить Мелсечлэйна. Верховный король был занят выбором слушателей, чтобы проводить их на места. Он указал им на почетные места на правой стороне. Мак Махон сидел слева среди своих сторонников. При рассказывании Мюртах поднял взор и увидел, что Мелсечлэйн наблюдает за ним, его маленький рот улыбался, длинные пальцы перебирали бороду. Они уселись.

Их немедленно обслужили; жареная свинина, оленина, говядина, лосось и другая рыба, и вино наливали им в чаши. Кир мак Эода сидел сбоку от Верховного короля и брал кусочки с его тарелки.

Вокруг них, словно дворец поглотил их, низким гулом возобновились разговоры.

Глядя вокруг себя, Мюртах припоминал лица, замечал новые. Он посмотрел на огромный кус мяса на своей тарелке, перекрестил его и поддел своим ножом, чтобы разрезать.

Крупный мужчина рядом с ним тяжело развернулся и сказал:

— Этот вождь, он что, монах?

Сирбхолл напрягся, и Мюртах пхнул его локтем в ребро. Он улыбнулся мужчине:

— Я нахожу его, по крайней мере, таким же хорошим, как рог носорога,— сказал он.— Мясо, которое мы сейчас имеем в Ирландии, можно принимать, только веря в Бога.

— Ты боишься быть отравленным? — зарычал мужчина.

Немедленно половина стола перестала есть и начала прислушиваться.

— Только ядом моего собственного языка,— сказал Мюртах.— Именем Божиим, если Христос смог обратить воду в вино в Кане, такой грешник, как я, может обратить хорошее мясо в плохое в Кэтхэйре.

Мужчина с подозрением смотрел на него — у него было лицо с тяжелой челюстью, словно у вола, Мюртах положил свой нож и перекрестил мясо большого мужчины.

— Фальшивый священник может окрестить, разве не так?

Кто-то где-то засмеялся. Большой мужчина нахмурился:

— Что-то я не пойму, что ты говоришь.

— Тем лучше для меня. Невыслеженного оленя не убить, ты, должно быть, плохой охотник, если только что промелькнувшее под твоим носом ускользает от тебя. А теперь ешь свое мясо. Благословение грешника длится недолго.

Теперь уже хохотали все люди вокруг, а чтобы не оставаться в стороне, к ним присоединились и те, кто ничего слышать не могли. Большой человек рядом с ним откинулся назад и, бормоча что-то, взял кусок своей пищи. Сирбхолл тихо засмеялся ртом, набитым мясом.

Когда говядина была съедена, кто-то принес баранину и снова наполнил чашу Мюртаха вином. Сирбхолл упорно работал над тем, что казалось Мюртаху целой коровой, овцой и настоящими озерами вина. То же делали и все другие. Когда Мюртах, закончив со своей едой, откинулся, они продолжали есть, хотя большинство из них ели еще и до того, как он и Сирбхолл прибыли. Единственный из них, Верховный король, не дотрагивался до своего ужина.

То и дело кто-нибудь вставал и выходил из зала, но потом возвращался и снова принимался за еду, словно выход наружу и возвращение возобновлял голод.

Мюртах отмахнулся от служителя с кувшином вина, увидел его потрясенное лицо и улыбнулся. Он поискал взглядом тот стол, где сидели мак Махон и его люди. Все они ели, их огромные руки лежали удобно на столе. Все они были крупные и сильные, как Сирбхолл, может быть, сказывалась датская кровь, но все они были черноволосыми. Он сидел спокойно, приглядываясь и прислушиваясь, словно просяное зернышко между мельничными жерновами крупных мужчин по обе стороны.

Служители сновали туда и сюда, приносили блюда и кувшины, их каблуки стучали по полу. Вошел арфист, сел у ног Верховного короля и начал играть. Мюртах наострил уши. Через несколько нот он откинулся, оглядывая столы. Это был не мак Лэйг.

Арфист играл некоторые распространенные песни, прилично пел и незаметно удалился. Верховный король сидел

боком в своем кресле, постукивая старческими пальцами по своей искривленной руке. Время от времени он говорил что-то Киру мак Эода. Пиршество начало затухать. Тут и там люди вставали, потягивались, выходили наружу и возвращались, чтобы сесть и поговорить с соседом. Остатки еды исчезали в руках слугителей. Мелсечлэйн окликнул одного из своих друзей из Мифа, и они начали через половину зала громкими голосами обсуждать какие-то детали охоты, на которой оба были. Мюртах рассматривал лицо Мелсечлэйна. Присутствие Верховного короля успокоило его; неожиданно он осознал, что не боится Мелсечлэйна.

Один из людей клана мак Махон поднял взгляд мимо Мюртаха на Сирбхолла и смерил его сузившимися глазами. Сирбхолл поднял свою крупную голову и уставился немигающими глазами на другого мужчину. Через некоторое время, словно по общему сигналу, они отвели глаза в сторону, и Сирбхолл окликнул слугу, чтобы ему принесли еще вина.

Неподалеку мужчина с ольстерским акцентом упомянул Мелмордху, и это имя пробежало по залу. Кто-то засмеялся и закачал головой. Мелсечлэйн нахмурился: он, конечно, всегда ненавидел Мелмордху. Мюртах пожал плечами мысленно. Мелсечлэйн произнес это имя — Мюртах прочитал его по движению губ — и повернул голову, чтобы взглянуть на Мюртаха. Мюртах сделал знак против Дурного глаза и засмеялся в лицо королю Тары.

— Они сказали мне, что ты арфист, — произнес Верховный король. Он говорил над невнятным гулом других разговоров, но от звука его голоса все умолкли. — Я думал, что все гаэлы¹ рассматривают себя либо как поэтов, либо как воинов, но никогда и то, и то одновременно. Мюртах поднялся на ноги.

— Некоторые, не все, господин, как вам хорошо известно. Вот мой брат здесь — он воин, мы позволили это только ему, единственному из сыновей моего отца. А я не поэт, но если это доставит вам удовольствие, я, возможно, смогу немного побренчать.

Старик огляделся по сторонам.

— Я вспомнил, что люди О'Каллинэн обладают ловкими пальцами. Принесите ему арфу.

Сирбхолл схватил рукав Мюртаха, потянул его к себе и прошептал:

— Это работа Мелсечлэйна.

— Пф... Это всего лишь тот маленький щеголь, кузен короля, которому не понравилось, как я глядел на его расшитую золотом тунику.

Мюртах присел на стол и перебросил через края свои но-

¹ Кельты, в данном случае — ирландцы.

ги, потом взял арфу. Он качнул ее на себя, потом обратно, опробовал немного ее равновесие и пробежал пальцами по туго натянутым струнам.

— Ловкие пальцы в обращении с луком,— сказал он. Он сыграл маленькую джигу, глядя, как дрожат струны арфы. Не было причины глядеть куда-нибудь еще: они все наблюдали за ним. Он играл начальные строфы сказания о Качулэйне, прошел по нему немного и внезапно снова перешел на джигу. Потом сделал глубокий вдох, набираясь уверенности.

— Оллум¹ моего отца научил меня этому искусству,— сказал он.— В холмах. Он нуждался в ком-то, чтобы научить, бедняга, потому что он думал, что без этого не сможет умереть.— Он сыграл часть старинной похоронной песни.— Он выбрал меня из-за недостатка более подходящего материала для ученика.

Он перестал играть и снял кольцо со своей правой руки. Сирбхолл протянул руку, чтобы взять его. Мюртах немного поерзал. Все вокруг были спокойны. О, Господи, да, они были спокойны.

— Как вы знаете,— сказал он, снова наигрывая джигу,— все вы, а вы все сообразительные люди, как мало осталось от моего клана. Было еще меньше, когда я впервые стал предводителем, благодаря определенным обстоятельствам, о которых можно не говорить здесь.

Он взглянул на крышу.

— Это умерло и прошло, слава Богу.— Его пальцы на струнах повторили ритм его голоса.

Он обвел взглядом зал, улыбнулся всем им через все еще стиснутые зубы. У него болела спина, где-то глубоко. Он задержал взгляд в конце зала, на короле Тары. Потом снова посмотрел на арфу.

— Песни холмов отличаются от песен долин. Вот одна. Мой отец должен был научить меня песням Мифа, но оллу-ма нет, и мой отец умер двадцать лет назад, как вы все знаете.

Как вы все знаете, арфа пела. Она легко перешла в ту часть песни Дьердр, которая предостерегала сыновей Уснеча от возвращения в Ирландию. Мак Махон сидел неестественно прямо, среди всей своей родни.

— Мы не должны говорить об этом,— сказал Мюртах,— если это беспокоит вас.

Он промурлыкал мелодию про себя немного и снова перешел на джигу.

— Ты поешь? — спросил старый король.

— Нет, господин, я играю на арфе.

Он сыграл самое трудное место из сказов Кучулэйна, что-

¹ Исполнитель песен и баллад под арфу, часто бродячий.

бы доказать это. Его сердце прыгало в груди, словно колесница в песне. На середине он снова перешел на джигу и увидел, что все они дрожат.

— Это было тогда, летней ночью, делом короля, то, что такой смиренный человек, как я, не мог понять.— Арфа весело пела под его пальцами.— Было что-то вроде клятвы. Я слышал — великая, полностью произнесенная клятва, сделанная при лунном свете. Сам я мало что знаю о клятвах, потому что принял только одну.

Джига становилась все быстрее и быстрее, выгнув бровь, он огляделся вокруг:

— Разве никто не хочет танцевать?

Мак Махон смотрел на Верховного короля, стараясь уловить его взгляд, но Верховный король смотрел куда-то в сторону.

— Быть может, и не стоит теперь перетряхивать все это,— сказал Мюртах,— после двадцати лет. Мои братья никогда не слышали об этом, будучи в нежном возрасте. Но, может быть, вы можете напомнить это.

Струны вызвели первые звуки военной песни О'Каллиненнов. Все мужчины, наполнявшие зал, вздрогнули. Песня дрожала, замедлялась, затихала. Мюртах непроизвольно содрогнулся. Он оглянулся и увидел вокруг напряженные, побледневшие лица.

— Никто не пел о том, что в ту ночь ты убил моего отца. Ты дал нам тогда другую музыку. Убийцы и сраженные обнаженные мужчины, и убитые женщины, и убитые дети, и окровавленные ноги, убегающие за холмы, да, напуганные, голодные, замерзшие, но теперь все это прошло, и двадцать лет восстановили Иуд в хорошем обществе в эти дни. Разве это не так, господа?

Он поднял арфу обеими руками и переломил ее через колено. Визгнули струны.

— В конце концов,— сказал он,— Христос умер за наши грехи.

Он швырнул две половинки арфы через весь зал, перепрыгнул обратно через стол и сел рядом с Сирбхоллом. Вся толпа мужчин сидела тихо, в глухом молчании. Мюртах опустил подбородок на грудь и закрыл глаза.

Молчание затянулось, словно никто не был в силах нарушить его, и он почувствовал, как убывает у него ярость. Он поднял голову, для чего ему потребовалось напрячь все мышцы шеи, и сказал:

— Теперь вы можете говорить. Вы имеете разрешение от, пожалуй, маленького человека.

Он взглянул на Мелсечлэйна. Он устал, и он хотел домой, и деланный горький смешок Мелсечлэйна не трогал его. В зале зашевелились. Постепенно стали раздаваться и возрастать голо-

са, и вот уже шум перешел в общий гул. Сирбхолл наклонился, почти коснувшись губами уха Мюртаха, и сказал:

— Ты напугал их. Возможно, они думали, что мы забыли.

— Они никогда так не думали. Они думали, что это должно быть забыто. Вот так с ними обстоит дело.

Сирбхолл пожал плечами и потянулся за своей чашей с вином.

— Я прощу их,— сказал Мюртах,— если и пока они не будут забывать.

— Почему вообще надо их прощать?

— Потому что, кажется, это самый легкий путь.

Он сделал вид, что очень заинтересован какой-то царапиной в столе, касаясь плечом Сирбхолла. Он чувствовал гнев своего брата, как волну жара от человека, охваченного лихорадкой, но Сирбхолл ничего не сказал.

Сирбхолл происходил из этих мест. В этом зале Сирбхолл должен был быть как член клана О'Каллинэн. Мюртах чувствовал, что немного сходит с ума. Это было сумасшествием сделать то, что он сделал, то — с арфой, возможно глупостью. Мелкое проявление гордости. Он сложил вместе кончики пальцев и стал рассматривать их.

Что-то очень тяжелое опустилось на противоположной стороне стола, и Мюртах поднял глаза. Огромный молодой рыжеволосый человек стоял там, неуклюже опираясь одной рукой о стол.

— Что это значит? — спросил он.

Сирбхолл напрягся рядом с Мюртахом, стиснув на столе перед собой кулак. Мюртах сказал:

— Кто ты?

— Кормак мак Догерти, Танист Найла.

— Тогда уходи. Ты не можешь задавать такие вопросы по-мазанному вождю.

Под взглядами множества людей Кормак импульсивно едва не взметнулся, но его никто не поддержал, и даже Сирбхолл откинулся назад, начав что-то говорить соседу справа. Кормак стоял в нелепой позе, наполовину зависнув над столом, кипя от ярости. Мюртах облокотился о стол и уперся подбородком в ладони.

— Проваливай,— сказал он кротко.

Кормак вышел. Над ним никто не смеялся, но многие мужчины улыбались. Мужчина, чье мясо благословил Мюртах, повернулся и задумчиво сказал:

— А как вы переживаете зиму, там, в холмах?

— О, у нас достаточно травы в гленах¹. А ветер такой, что я беспокоюсь о крыше, но, по крайней мере, мой двор не превращается в болото, как некоторые на равнинах.

¹ Узкие горные долины

— Прошлой зимой там бывали такие дни, что мы думали, что потеряли ребенка, или двоих, в грязи.

— У нас много торфа.

— И все же холодно? Я...

На середину зала выбежал герольд и трижды стукнул в пол своим посохом.

— Слушайте, вожди! Слушайте, воины! Говорит Верховный король Ирландии!

Король встал перед Верховным троном и сделал знак Креста.

— С нами Бог! У нас есть вести особого рода, которые требуют обсуждения с вами.

Разговоры сразу прекратились. Старый человек стоял, развернув плечи, словно стряхнул со своей спины груз годов. Он огляделся вокруг, взглянул на каждого из них и сказал:

— У нас есть новости сразу и с Внешних Островов, и из Дублина, что Сигтругг Силкберд¹, сын Гормфлэйт, и ярл Оркнейский сговорились, чтобы привести сюда датскую армию, чтобы оказать помощь Мелмордхе, взбунтовавшемуся королю Лейнстера. Мы узнали обо всем этом от человека, который был там у ярла Сигурда на Святках.

Мюртах наполовину прикрыл глаза, думая о том, что он может сказать Мелмордхе, когда они встретятся в следующий раз.

— Клан О'Каллинэн принадлежит к людям Лейнстера.

Мюртах поднял голову:

— Это какой же король наложил дань на эти холмы? Он никогда не приходил и не требовал с меня налогов.

Верховный король сказал:

— Клан О'Каллинэн были людьми Мифа со времен Великого Потопа. Сейчас нет времени играть словами относительно границ.— Он бросил в сторону Мелсечлэйна острый взгляд, и глаза его при свете факела сверкнули словно драгоценные камни.— К тому, что я уже сказал, можно добавить еще больше. Сигтругг и Гормфлэйт скликали всех мужчин, которых они могли сыскать, со всех сторон островов — на этот раз они намерены прибрать всю Ирландию.

Все в зале, все вожди откинулись, заговорили, взирая на потолок и делая вид, что они умные и размышляющие. Сирбхолл выводил указательным пальцем какие-то узоры по поверхности стола, сдвинув брови. Мюртах снова подумал о Мелмордхе и вздрогнул.

— Если бы вы прислушались к человеку, у которого были нелады с большинством из вас,— сказал Сирбхолл,— вы могли бы подумать об этом давным-давно.

Его голос был таким же сильным и звучным, как у коро-

¹ Сребробородый.

ля, а когда он поднял голову, от этого жеста, казалось, раскололся воздух.

— Раз за разом,— говорил он,— мы, ирландцы, должны были разбивать датчан.— Он кивнул королю почти грубо.— Ты сам, господин, однажды прогнал Сигтругга из Дублина. Мы никогда не закрывали Ирландии для них. Они всегда возвращались и всегда находили приветливый прием.

— Они хорошие торговцы,— сказал кто-то.

— Да,— ответил Сирбхолл,— они хорошие торговцы. Впервые они пришли с мечами и топорами, и мы справедливо прогнали их; теперь они приходят с товарами и деньгами, и мы принимаем их. Они привозят мечи и топоры в своих грузах, и мы пользуемся ими, чтобы сражаться друг с другом.

— Бунтовщики,— сказал, нахмурившись, Верховный король.

— Это определения для ирландских умов,— сказал Мюртах,— датчане менее заботятся о таких вещах.

— Сейчас пора, когда мы должны выкинуть их всех вон,— сказал Сирбхолл,— или принять их всех. И все, словно те камни, которые проглотил волк, увлекут нас в море.

Один из мужчин клана мак Махон вскочил, стукнул кулаком по столу и сказал:

— Бог свидетель, что у меня нет никаких теплых отношений ни с одним сыном Эда О'Каллиэна, но Сирбхолл прав. Здесь и сейчас мы должны обратить щит к морю.

Все мужчины начали вскакивать и опускаться, хлопать в ладоши и кричать, греметь своим оружием, так что Мюртах заткнул уши руками и закрыл глаза. Несколько человек одновременно говорили, но не сказали ничего больше того, что они соглашались с Сирбхоллом и друг с другом. Мюртах опустил свои руки, открыл глаза и увидел Верховного короля, который снова сидел на своем месте и пытливо переводил взор с одного на другого.

— Мюртах,— сказал Мелсечлэйн,— если откинуть определения, что ты скажешь обо всем этом?

Мелсечлэйн обладал самой превосходной памятью во всей Ирландии. Мюртах выждал момент, стараясь взять себя в руки. Шум немного стих. Он сказал:

— Если они придут, мы должны разбить их. Я думаю, вы напрасно тратите вашу энергию, крича здесь.

На это шум удвоился. Верховный король нагнулся на подлокотник своего кресла и сказал, улыбаясь:

— В этом мы не так уж непохожи на датчан, Мюртах.

— Нам нравится человек, который понимает, что он должен встретить врага лицом к лицу, и надевает все свои доспехи, и берет в руки свое оружие, и выходит из своих ворот, и обнаруживает, что там его встречает другой человек в доспехах и со своим оружием в руках.

Верховный король подумал об этом, взглянул снова на зал и сказал:

— Ты создаешь гораздо больше волнения, чем сам это представляешь.

Во всем этом крике и гаме между ними, в их встретившихся глазах, пролегла какая-то тропинка-тишина. Мюртах сказал:

— Если ты хочешь, чтобы я был возмутителем спокойствия, то ты будешь разочарован. Я человек не этого сорта.

Неожиданно старик рассмеялся:

— У тебя плохое чувство драмы для арфиста. Тебе обязательно быть таким банальным?

— Это долг арфиста — показывать образ вещей, господин, а не вздор, который сбивает их с толку и затемняет все. Разве не так?

— Мой оллум мак Лэйн сказал мне однажды, что арфист должен показывать людям, какими они должны быть.— Король повернулся вокруг, чтобы лучше видеть Мюртаха, и глаза его сияли.

— Совершенно верно, господин. Разве я не это сказал?

— Ты сказал, что арфист должен показывать вещи такими, какие они есть.

Мюртах засмеялся:

— А, ладно... Если форма скалы, которую вы видите мысленно, отличается от формы скалы, которую вы видите на берегу, кто скажет, что это не то отличие, которое имеет значение?

Крупный рот расплылся в улыбке:

— Удачно сказано.

Вожди начали вставать, чтобы уйти, и король повернулся, чтобы видеть их.

— У нас есть постели для вас в других зданиях, если захотите.

— Вы извините нас, если мы поедem домой. Это не так уж далеко.

Сирбхолл уже стоял, и Мюртах поднялся. Король сказал:

— Я надеюсь, что ты вскоре наведишь меня в Кинкоре. Это недалеко от Лоха¹, и мы сможем взглянуть на скалы.

— Моя жизнь — это нечто отличное от жизни большинства вождей — у меня очень властная жена, и она заставляет меня работать. Так что как-нибудь.

— Властная? — сказал Сирбхолл.— Од не...

— Пошли, братишка. Мы едем домой.

— Но другие остаются здесь.

— Пусть, а я еду домой. Оставайся, если хочешь, но найди для меня несколько факелов, чтобы я не сбился с дороги.

¹ Лох — залив, озеро (англ.).

— Я пойду с тобой.

Вместе с последней группой они вышли во двор, и Мюртах велел груму подвести к ним его пони и лошадь Сирбхолла. Сирбхолл взял несколько факелов и кувшин с углями. Была ясная, звездная ночь, редкая ночь, теплее, чем обычно. Пока они ждали лошадей, Сирбхолл сказал:

— Что это за песню ты пел — о которой ты сказал, что я не должен был ее знать?

— Это военная песнь твоего отца.

Они сели на лошадей и тронулись, Сирбхолл держал факел. Ночь сомкнулась вокруг них, и факел освещал лишь немного пути перед ними. Пони перешел на шуструю рысцу, Сирбхолл держал свою лошадь так, чтобы находиться ближе к Мюртаху.

— Ты знаешь дорогу? — спросил Сирбхолл.

— Да, — Мюртах взглянул через плечо на Полярную звезду и направился прямо от нее.

— Ты все еще не любишь ездить верхом по ночам?

Мюртах пожал плечами. Теперь они уже пересекали плодородные земли Мифа, пахотные и пастбищные земли.

— Мы не доберемся до холмов до рассвета, — сказал он. Они немного сбились в сторону рощи буковых деревьев.

«Да, я ненавижу ездить верхом по ночам». Вокруг него бормотала, шуршала темнота, задевая его своими пальцами. Свет факела колыхался на земле. Слева от него покореженное дерево почти повторило своим очертанием человеческую фигуру на фоне неба. Он отвел глаза в сторону. Это было дерево. Это было всего только дерево. Он незаметно скосил глаз. Концы ветвей колыхнулись перед ним, и он перекрестился. Он снова взглянул на Полярную звезду и немного подправил их путь.

— Я устал, — сказал Сирбхолл.

— Тогда поспи.

Сирбхолл передал ему факел и свои поводья, сложил руки на груди и задремал. Мюртах навернул повод на свою кисть. Неожиданно он вдруг ощутил какую-то вину за этот номер с арфой; если они хотели оставить все, как есть, подумал он, так и ему следовало сделать это. Если не считать того, что он должен был покончить со всем этим.

Мюртах что-то почувствовал за спиной.

Он удержался от порыва взглянуть через плечо, наострил уши. Он ничего не слышал. Вокруг была тишина. Легкий туман, поднимавшийся от земли, поглощал даже звуки копыт его собственного пони. Горизонт впереди колыхался низким кустарником, и деревья гнулись против ветра. Сзади него сквозь туман что-то отчетливо хрустнуло, это был острый хрустящий звук.

— Сирбхолл.

— Что?

— Послушай,— он отпустил повод со своей кисти.

Они проехали еще немного и описали факелом круг вокруг себя. Неожиданно Сирбхолл натянул поводья.

Мюртах остановился немного впереди него и прислушался, глядя прямо перед собой. Он подумал, что снова услышал что-то. Туман закрывал линию кустов перед ними.

Сирбхолл подтрусил к нему.

— Дай мне факел и кувшин с углями.

Мюртах передал ему все.

— Отодвинься немного и стой спокойно.

Он развернул пони и пустил его на быструю рысь. Сирбхолл был не виден в свете факела. Туман лежал лишь на высоте колена человека от земли, в конце долины он видел колыхающийся край Западного Леса, отчетливый и черный. Пони быстро бежал, его голова качалась из стороны в сторону, отбрасывая тени в свете факела.

Близко от него послышался звук копыт — это должен был быть Сирбхолл. Сквозь громкие звуки копыт его лошади он услышал и другие копыта — от трех или четырех коней. Он натянул поводья и развернул пони. Сирбхолл подскакал к нему.

— Трое? — спросил Мюртах.

— Да.— Звук копыт за ними стих.— По крайней мере, это люди.

Мюртах не мог разглядеть, улыбается ли он.

— Впереди крутой подъем. Мы обойдем его, дадим им подняться и спуститься и зайдем над ними сверху.

Туман поднялся выше. Мюртах тронулся с места, держа пони на медленном шагу. Неясная линия подъема на холм появилась перед ними, медленно поднимаясь над лугом. Сирбхолл был беспокоен, он вертелся, держа руку на рукоятке меча. Мюртах подъехал к подножью склона. Он слышал, как за ними подъезжают лошади, теперь уже настигая.

Они достигли дальней стороны холма, и Мюртах развернул пони на склон. Пони напрягся, стараясь удержать равновесие, фыркал на каждом шагу, за ним скользила и карабкалась лошадь Сирбхолла. На середине подъема на холм Мюртах спрыгнул, натянул свой лук и окликнул:

— Кто там?

Три всадника, внизу под ними, пришли в замешательство. Они прекратили движение, потоптались немного и медленно начали сходить с того пути, по которому двигались. Мюртах быстро поискал Сирбхолла, но не увидел его и крикнул:

— Стойте там, где находитесь, чтобы я мог видеть вас!

Один из всадников внизу попытался атаковать его, но склон был слишком крутым, и его лошадь не смогла взять его. Мюртах выстрелил в лошадь.

— Ради Бога! — слышался голос Кира мак Эоды. — Почему ты стреляешь в нас? Мы приехали только для того, чтобы спросить тебя кое о чем.

— Кто еще?

— Кормак мак Догерти и Шейн мак Махон.

— И король проявил такую заботу о нас, что посадил напротив клана мак Махон, а потом послал одного из них за нами, чтобы передать нам какое-то небольшое сообщение?

Он искал Сирбхолла в тумане.

— Это — приглашение на крестины?

— Король послал нас, чтобы узнать, почему вы уехали так рано?

— Поезжайте и скажите ему, что из-за того, что один из вас сказал мне нечто, заставившее меня задуматься, а лучше всего мне думается в моем собственном доме, с моей женой, которая слушает, как я разговариваю сам с собой.

Он медленно продвигался сквозь туман на голос Кира. Его кожу покалывало. Трава была скользкой от тумана.

— Нет никаких причин... — начал было Кир.

Слева от Мюртаха что-то с чем-то столкнулось, и голос Сирбхолла воскликнул:

— Кир мак Эода, кого из твоих друзей я тут поймал?

— О, Господи, — сказал Кир.

— Я в этом сомневаюсь¹, — сказал Мюртах. — Сирбхолл?

— Кир находится там, где ты его и слышишь, второй находится за ним, а третьего поймал я.

— Ты не убил его, нет? — вскричал Кир.

Мюртах быстро спустился к подножию холма, высмотрел очертания двух фигур и приложил стрелу к тетиве.

— Нет, — сказал Сирбхолл, отвечая Киру.

— Не двигайтесь, — сказал Мюртах. — Сирбхолл, пойд и заberi их лошадей.

— Может быть, мне убить его, — задумчиво сказал Сирбхолл.

— Заberi лошадей, братец. У нас нет времени.

Сирбхолл тронулся. Мюртах, глядя на двух человек внизу, под собой, вернулся туда, где поджидал его пони, и забрался на его широкую спину. Сирбхолл и две лошади уже отъехали от Кира и его спутников.

— Эй, кузен короля, — позвал Мюртах. — Если кто-нибудь спросит тебя о ваших прекрасных лошадях, пошли его ко мне, и я верну их тебе с ним. Да пребудет с вами Бог, судари.

Он поскакал галопом, чтобы встретить Сирбхолла, и они быстро ускакали прочь. Когда они отъехали достаточно далеко от холма, они снова перешли на мелкую рысь.

¹ По-английски фраза звучит так, словно Кир говорит, что Сирбхолл поймал Господа, в чем, естественно, с иронией усомнился Мюртах.

— Итак,— сказал Мюртах,— мы стали богаче на две лошади. Это хорошие лошади, не пони.

— Он пошлет за ними.

— Он не осмелится сказать королю, что преследовал нас. Три человека, и без вождя между ними — к чему идет Ирландия? — Он зажег свежий факел.— А теперь едем домой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Они пересекли край датчан перед самым рассветом и вступили в холмы. Пони Мюртаха и лошадь Сирбхолла устали, и они пересели на двух новых. В полдень они остановились и отдохнули, поели хлеб и сушеное мясо, которое Мюртах имел в своих сумках, а во второй половине дня уже были под Церковью Св. Кевина в Долине Двух Озер. Они свернули на запад и поехали по холмистой возвышенности, где монахи копали торф. Через некоторое время они протрусили мимо первой пирамиды из камней, которая отмечала край местности их клана, и свернули вниз по склону к долине, где находился оплот клана О'Каллинэн.

Весь скот находился в верхней части длинной долины, ниже отвесной скалы и водопада, и там, где они проезжали, лишь несколько овец пощипывали траву. После того, как они пересекли реку, они увидели частокол. Криками и размахиванием рук они вызвали часового, он наконец заметил их. Мюртах посмотрел через ограду на водопад, словно пелена снега разделяла две бурых гряды холмов. Он полюбил это место, как только впервые увидел его.

— Там Од,— сказал Сирбхолл.

Два человека поджидали их возле открытых ворот частокола. Мюртах подтолкнул свою лошадь.

— Я все еще не понимаю, почему ты думаешь, что она властная,— сказал Сирбхолл.

— О, это была шутка. Не говори ей об этом.

За воротами они слезли с лошадей, человек подошел, чтобы принять поводья. Од вышла вперед, улыбаясь, ее юбка билась на ветру вокруг ее лодыжек.

— А ты вернулся домой богаче, чем кто-нибудь мог подумать,— сказала она.— И, естественно, вовремя, чтобы сесть ужинать вместе с нами. Привет, Сирбхолл.

— Папа!

Четыре маленькие существа выскочили к воротам, сверкнули ясными глазками и накинулись на него.

— Освободите меня,— засмеялся Мюртах.— Од...

Четверо детишек визжали, наскakивая на него. Они повисли на его руках, раскачивались на них, карабкались на него, словно на дерево, и тузили его как сумасшедшие. И хо-

хотали. Од взяла Сирбхолла за руку и повела его во двор, а Мюртах, убедившись, что все его дети повисли прочно, последовал за ним, держа в охапке малышню.

На просторном дворе большинство людей вышло, чтобы приветствовать их дома, и все кричали и махали им. Эгон, старший сын Мюртаха, начал петь боевую песню, отбивая ритм на плечах Мюртаха.

— Ты не слишком ли уже вырос для этого? — поддразнил его Мюртах и прошел в дверь своего дома.

— Нет еще, — сказал Эгон.

Мюртах остановился посреди комнаты и стряхнул их. Од подавала Сирбхоллу чашу с каким-то питьем.

— Что за ужин? — спросил он.

— Если это вареное мясо, то я вернусь обратно в Тару, — сказал Мюртах. Эгон был снят с него последним и теперь вел себя почти как взрослый мальчик, но Эйр висла на его руке и кричала:

— Папа, ну посмотри же на меня, ну посмотри!

Он посмотрел на нее сверху.

— Ну, ты ничем не отличаешься от того, что я оставил.

Все они зашлись от хохота. Эгон и Нил потащили его к скамье и заставили сесть, а двое самых маленьких забрались к нему на колени. Он держал Эйр прямо перед собой одной рукой и спросил через ее голову:

— Ничего не произошло, пока меня не было?

— Ничего особенного, — Од наливала ему аскуибх¹ в чашу. Ее большие глаза пытливо вглядывались в него. — А где ты взял этих двух лошадей?

— Мы выменяли их, — Конэлл, самый маленький, начал подпрыгивать на колене Мюртаха. — Одну мертвую лошадь на две, и эти две хорошие, а та мертвая даже не была наша... Конэлл, сиди спокойно.

Од поставила чашу перед Мюртахом и привычным движением сняла ребенка.

— И никто не убит. И все женщины превозносили твое имя.

— Я клянусь, — сказал Сирбхолл, — это была самая скучная поездка, в какой я когда-либо участвовал.

При звуке его голоса все дети перестали возиться и сгруппировались за спиной Мюртаха. Од отошла с Конэллом, цепляющимся обеими руками за ее юбки. Мюртах отпил почти половину аскуибха одним глотком и опустил чашу.

Эгон спросил:

— Папа, ты принес мне меч?

— Принес тебе меч? Что ты имеешь в виду, когда спрашиваешь, принес ли я меч?

¹ Аскуибх — ирландский напиток коньяк с добавлением пряностей.

У Эгона появилось на лице выражение отчаяния:

— Ты обещал, что принесешь мне меч.

— Да, я обещал? — он взглянул на Од.

— Было такое упоминание, — она взяла чашу Сирбхолла и снова наполнила ее. Две ее служанки вошли и стали накрывать стол к ужину.

— Я забыл, — сказал Мюртах Эгону. — У тебя есть твой деревянный меч, играй им.

— О, папа, ты забыл?

— Извини. В любом случае, ты еще недостаточно вырос для этого.

— Господи, — сказал Сирбхолл. — Ты будешь держать этого мальчика в длинной рубашечке всю его оставшуюся жизнь. Ему столько же лет, сколько было мне, когда я получил свой первый меч. Он даже старше и больше.

— Отец...

— Нет, иди во двор.

— Папа, пожалуйста.

— Я сказал, иди.

Эгон пробормотал что-то, повернулся и зашагал через дверь. Нил и Эйр последовали за ним, укоризненно оглядываясь на Мюртаха.

— Не вмешивайся в мои отношения с детьми, — сказал Мюртах Сирбхоллу.

— Ты обещал, — сказала Од. — Разве не так?

— Нет. Я не пом...

— У меня есть старый меч, какой мог бы иметь мальчик, — сказал Сирбхолл.

— Он тогда поотрубает за неделю головы всем пони.

— Ш-ш... — сказала Од. — Финнлэйт заснул. А пока вот вареная баранина.

— Дай ему еще чего-нибудь выпить, — сказал Сирбхолл, — он все еще не отойдет после всего этого в Таре.

— Что же вас там так задело? — спросила она. Она присела, приглядывая искоса за обслуживающей их женщиной.

— Верховному королю пришла в голову мысль, как покончить со всем светом.

— Да? А женщины там присутствовали, или это было только для одних мужчин?

Сирбхолл спросил:

— Сколько лет Эгону?

Од выглядела удивленной:

— Он родился в зиму после того, как мы пришли сюда жить.

Мюртах напрягся, зная, что Сирбхолл намерен сказать, и Сирбхолл сказал:

— Ему столько же лет, сколько было тебе, когда тебя провозгласили вождем. Он...

— Перестань совать свои пальцы в жизнь моих детей. Слава Богу, ему только восемь, или еще не исполнилось восемь? Намного моложе тебя. И ты ближе к нему, чем ко мне. Ты...

— Ты разбудишь Финнлэйта,— сказала Од.— Сирбхолл, выйди и позови сюда людей, ладно?

Сирбхолл поднялся, и Од встала между ним и Мюртахом, она наклонилась к Мюртаху, чтобы взять его чашу, и стояла так, пока Сирбхолл не вышел наружу.

Мюртах сказал ей:

— Сколько раз я говорил тебе, чтобы...

— Много раз. Не злись, ты выглядишь таким смешным, когда злишься. Я-то думала, что ты научился улыбаться в ответ на его выпады теперь.

— Гав, гав, гав!

— Перестань вести себя, как ребенок. Между прочим, старик болен.

— Он выходит со своего чердака?

Она покачала головой.

— Я вынуждена кормить его там. Ты ему не отнесешь? Я едва не упала в последний раз.

— Что отнести ему?

— Немного хлеба и похлебки. Вот...— Она подошла к очагу и налила похлебки из котла. Мюртах последовал за ней. Ее волосы золотыми кольцами красиво падали на ее спину, он нежно коснулся их.

— Извини меня.

— Ты устал. Ты не можешь выспаться как следует верхом на лошади. Держи.

Он взял у нее чашу, покрытую салфеткой, и вышел наружу. Последний свет угасал во дворе. Эгон и Нил пробежали мимо него на зов матери. Мюртах с чашей в руках поднялся по расшатанным ступенькам на чердак.

Старик лежал перед ним на большой кровати, в ногах его свернулся дирхаунд¹. Он приподнялся на локтях и сказал:

— Нет, это не Од.

— Это я, дедушка.

— А! Когда ты вернулся? Мне никто уже ничего не говорит. Лайэм говорил, что ты загнал датчан, словно оленей.— Он понюхал похлебку.

— Да. Я не тот человек, который вынимает меч из ножен, а потом произносит длинную речь. Мне сказали, что ты не вставал из кровати эти дни.

— Я понял, когда Сирбхолл вернулся, что мне лучше не показываться. Что-то в нем есть, что мне не нравится.

— Он честный человек и порой бывает очень сообрази-

¹ Шотландская борзая

тельным. Он говорил перед Верховным королем, и если то, что он говорил, и не было новым, то, по крайней мере, слова он употреблял правильно. И он не боится того, чего я, во всяком случае, остерегаюсь.

— Он слишком самоуверен.

Мюртах нахмурился.

— У него голова Эда на плечах. Ты просто представляй, что он Эд.

Старик сел поудобнее и подул на похлебку, чтобы остудить ее.

— Только держи его подальше от клана мак Махонов. Война будет?

— Может быть. Ты знаешь, как они говорят. Все их решения уходят в слова, словно дым.

— Мюртах,— со двора внизу послышался голос Од.

— Пришли навверх Эгона,— сказал старик.— Он здесь спит лучше, чем Нил. Нил брыкается. А Конэлл еще хуже.

— Пришло. Открыть ставни на окне?

— Нет. Свет мне мешает.

— Мюртах!

— Я иду! — крикнул он. И уже тише сказал Финнлэйту: — Спокойной ночи, мы поговорим с тобой завтра.

Он спустился вниз по лестнице во двор. Она стояла возле двери в дом, так что свет вырисовывал ее. Он медленно пересек двор, поднял камень и швырнул его через изгородь час-токола. Она улыбнулась ему и пошла перед ним в дом, где за столом уже собрались его люди. Он закрыл дверь за собой.

После того, как они поели, Од уложила Конэлла, Эйр и Нила в постель в меньшей из двух спален, вынесла младенца и накормила его, сидя у очага. Люди Мюртаха, переговариваясь между собой, встали, чтобы отправиться в маленькие спальные домики. Сирбхолл чистил свою одежду.

— Что ты думаешь о Финнлэйте? — спросила Од.

Эгон пришел и, зайдя за спинку стула Мюртаха, обнял его сзади за шею. Мюртах сказал:

— Он очень стар, я полагаю. У него холодные руки.

— Так уж бывает с этими стариками,— сказал Сирбхолл.— Что мы будем делать в связи с войной?

— Войной? — Од и Эгон произнесли одновременно.

— Верховный король стар, Мелсечлэйн стар, и Гормфлэйт, которая, как я подозреваю, высидела этот заговор, как пеликан яйцо, тоже стара. Я поверю в это, лишь когда они пришлют мне одежду, испачканную кровью.

— Это та война, на которую я смогу пойти? — спросил Эгон.

— Если будет война, твой дядя и я пойдем, и все мужчи-

ны, которых мы сможем собрать, а кто-то должен будет оставаться здесь...

— И позаботиться о маме, — сказал Эгон, — и загонять коров, я понимаю.

Мюртах взглянул на него — его голова лежала на плече Мюртаха.

— Правильно. Отправляйся в постель.

— Я буду спать с Финнлэйтом?

— Да.

— Хорошо. Он рассказывает мне всякие истории.

— Только не утомляй его этими своими расспросами, ты питаешься одними историями, а мясо ешь только как закуску.

— Спокойной ночи, — сказал Эгон.

Од встала, перекрестила Эгона и поцеловала его.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи, дядя, — он повернулся и выбежал в дверь.

— Они что, никогда не ходят? — спросил Сирбхолл.

Мюртах подбросил кусок торфа в огонь.

— Как далеко ты отошел от всего. Когда ты был в возрасте Конэлла, ты бегал везде, но когда ты пытался ходить, то падал лицом вниз. Ты помнишь это? Ты любил повисать на моем ремне, чтобы я таскал тебя.

— Правда? — вспыхнув, спросил Сирбхолл.

Од сказала:

— Я помню, как однажды Мюртах захотел поиграть с тобой, Сирбхолл, вместо того чтобы слушать наставления старших, и Финнлэйт пригрозил побить его за это.

— Хватит об этом, — быстро сказал Мюртах, — это все минуло.

— Так что там об этой войне? — спросила Од.

— О, это все Мелмордха опять. Он посылает за...

— Я думала, они все уладили.

— Уладили? Лейнстер и Минстер вместе? — Сирбхолл рассмеялся.

— А что на этот раз?

— О, да то же самое. Вы помните, как они прокочевали здесь прошлым летом, клан О'Руэйрк и другие.

Од взглянула на Сирбхолла.

— Все то лето напролет он приводил мне заблудившихся, чтобы подкормить. Он ничего мне не говорил. В чем тут было дело с самого начала?

— Это очень запутано, — сказал Сирбхолл, — и не женское дело. — Он посмотрел на Мюртаха. — Ты помогал им тогда, мятежникам?

— У меня есть друзья, если они, едва дыша, добираются до моей двери, я кормлю их и даю возможность отдохнуть.

— Ты никогда не говорил мне.

— Только что сказал. Они проходили через Гэп, и некоторые из них знали, что я здесь, ну, они и приходили — не многие, Верховный король и Мелсечлэйн разбили их в пух и прах. Мелсечлэйн знал что-то об этом. Ты помнишь взгляд, который он мне бросил в зале.

— Ты не был таким осторожным, как я думал, все это время здесь.

— Я сохраняю друзей.

— Хватит спорить, — сказала Од. — Расскажите мне все с самого начала. Я женщина, и я любопытна.

Мюртах пожал плечами.

— Когда Мелмордха был вначале королем Лейнстера, он взбунтовался и послал датчанам приглашение прийти и помочь ему, датчанам Дублина, не другим. Они сражались с Верховным королем у Гленмамы. Некоторые говорят, что это из-за плохих советов Мелмордхи датчане и лейнстеровцы проиграли это сражение. Ну, они уладили это дело между собой, Верховный король и Мелмордха, и Верховный король женился на Гормфлэйт, потому что она была единственной незамужней сестрой Мелмордхи.

— Она однажды была женой Мелсечлэйна, — сказал Сирбхолл.

— Может быть, ей нравилось прикосновение королевских рук. Мелмордха поехал в Кинкору — не так давно — навестить Верховного короля. Верховный король был готов отставить в сторону Гормфлэйт и мог сказать ей об этом... Как бы то ни было, Мелмордха натолкнулся на сына короля, игравшего в шахматы, и подсказал ему сделать определенный ход. Сын короля сделал это и из-за этого проиграл партию. Он и Мелмордха обменялись резкими словесными выпадами. Мелмордха покинул Кинкору, не сказав и слова Верховному королю, и поскакал прямо к Кафаир-ни-Ри, и прежде, чем Верховный король мог сделать что-либо, кроме как крикнуть что-либо ему вслед, меч был сорван со стены, и Мелмордха носился по побережью, созывая своих воинов.

— Это не женское дело, — сказала Од. — Женщины не настолько глупы.

— Мелмордха хороший человек, и он справедлив, но ему не нравится, что его называют дураком такие типы, как сын короля.

— И я бы тоже, — сказал Сирбхолл. — Он и я не друзья.

— Я кое-что слышал о нем, и я бы не стал говорить ему, как надо играть в шахматы. Гормфлэйт была замужем за двумя Верховными королями и королем Дублина, и, может, теперь она думает, что было бы хорошо поставить другого короля. Она близка к этому. А Сигтрутт станет кормом собакам.

Од пожала плечами. Младенец, приткнувшись головой к ее груди, давно уже спал. Она осторожно подняла его, просунула плечо в корсаж лифа и пошла укладывать ребенка в колыбель. Мюртах закрыл глаза, слишком усталый, чтобы последовать за ней и взобраться на кровать.

— Ты назвал Эда,— сказал Сирбхолл.

— Да.

— Но ты же...

— Я устал. Я не хочу говорить об этом. Ты по-своему хороший человек, Сирбхолл, но ты должен научиться думать о том, что говоришь. А теперь позволь мне пойти в постель. Я устал...

— Я тебя задерживаю?

Мюртах улыбнулся.

— Спокойной ночи,— сказал он и встал.

В свете огня из очага лицо Мюртаха выглядело много моложе.

— Спокойной ночи, Мюртах.

Утром вместе с Эгоном и Сирбхоллом он скакал к следующему глену, куда хотел перегнать на остаток зимы большую часть своего скота. Мюртах дал Эгону старую крестьянскую лошадь с целью, чтобы тот таким образом забыл о мече.

Всю дорогу туда Сирбхолл хранил молчание, но когда они проезжали уже долиной и Мюртах послал Эгона вперед сказать гуртовщикам об их прибытии, Сирбхолл сказал:

— Я не помню земель, которыми мы владели до Бегства, они похожи на эти?

Мюртах пожал плечами:

— Ты помнишь земли, на которых нам устроили ловушку кузен короля и другие?

Сирбхолл задумался:

— Она похожа на все земли в Мифе, никакой разницы.

— Это была земля, которой мы владели до Бегства.

У Сирбхолла раскрылся рот:

— Это была она?

— А ты ожидал, когда мы ехали по ней, что земля раскроет свои почвенные губы и крикнет: «Сирбхолл, Сирбхолл, вот она я»?

— Нет, но...

— А как, ты представляешь, я мог знать, что там есть этот холм? Потому что мы привыкли играть на нем.

— У тебя ничего не шелохнулось, когда снова увидел его?

— Да. Я был рад найти место, где мы могли иметь некоторое преимущество.

— Кто ею владеет теперь?

— Я не знаю.

— Я думал, наши старые земли имеют границу с землями клана мак Махонов.

— О, Господи, ты же знаешь, как это бывает. Однажды клан заявляет, что он владеет всей землей между этой точкой и этой, а в следующий раз заявят, что они ничего не хотят иметь с этими границами, их границы лежат севернее.

— Ты никогда не хотел бы вернуться?

— Долгие годы после того, как мы пришли сюда, никто не говорил ни о чем другом, как вернуться обратно вниз, но если сегодня я спрошу всех, хотят ли они назад, все они запричитают и закричат, чтобы остаться здесь.

Сирбхолл ехал спокойно, пока они не проехали мимо края древнего оползня. Он, Сирбхолл, играл здесь, когда был маленьким, тут до Мюртаха дошло, что его брат осторожно не хотел признать, как знакомо ему все на этих холмах.

Наконец Сирбхолл сказал:

— Я думаю, ты стараешься быть именно тем... именно тем... Я хочу сказать, что ты стараешься делать прямо противоположное тому, что все ожидают от тебя.

Они поднимались к лагерю гуртовщиков, куда была отогнана первая часть скота. Мюртах ответил только:

— Я есть тот, кто я есть.

— Вот именно, что нет,— сказал Сирбхолл и поскакал вперед, в середину гуртовщиков.

Мюртах остановил своего пони и, изумленный, смотрел вслед Сирбхоллу. Через мгновение пони снова двинулся вперед, немного дергаясь, и доставил его в лагерь. Эгон подскочил и потянул Мюртаха за руку, но Мюртах только отмахнулся от него.

— Папа,— сказал Эгон,— в чем дело?

— Ни в чем,— он соскользнул на землю.

Лайэм находился здесь и поспешил к Мюртаха. Этим утром он объехал весь глен и сообщил, что зимние дожди пропитали его нижнюю часть, так что она стала болотистой.

— Но она не размыта или затоплена? — спросил Мюртах.

— Нет, но она очень мягкая.

— Я позже взгляну на нее.

Он вышел из лагеря, прошелся немного, осмотрел траву и стоял так, глядя вниз, в долину, в сторону низинного конца. Летом здесь бывало сухо, слишком сухо для хорошей пастбы. Холмы здесь обрывались прямо в ущелье, туман, словно крыша, скрывал высокие пики.

Корова, щиплющая траву неподалеку, имела расколотое копыто, и он подозвал одного из пастухов и велел ему наблюдать, чтобы та не осталась хромой. Он и пастух, молодой паренек, пошли обратно в лагерь. Сирбхолл разговаривал с другими пастухами о войне. У него было выражение лица, появившееся у него, когда он имел дело с людьми, которых

недостаточно знал, он улыбался, наклонив свою большую голову.

— Король Лейнстера позвал Сигурда Оркнейского,— сказал он,— это великий мореплаватель.

— И половину исландцев, возможно,— сказал Мюртах. Он взял чашу и плеснул немного свежего молока из кувшина.— Сколько времени здесь находятся эти коровы?

— С Рождества,— ответил самый пожилой пастух.

— Хорошее молоко для сыра.

— Он не думает, что может быть война,— сказал другим Сирбхолл.

— Я никогда не говорил этого. Я только сказал, что нет необходимости сражаться с датчанами, пока они не заявятся, только и всего.

— Но если появится хоть один, мы выступим,— сказал Лайэм.

— Только одному Богу известно, почему такие, как ты, не ушли с фениями. Пойди спроси колдунью, она скажет тебе.— А Сирбхоллу он сказал: — До нее только день езды на юго-запад, и она расскажет тебе все, что ты хочешь знать.

Четверо пастухов рассмеялись.

— Скорее,— сказал старший из пастухов,— она скажет тебе, что твои руки покроются бородавками, а глаза окосеют, если ты не принесешь ей еды.

— Сколько из них принесут телят весной? — спросил Мюртах, глядя на рассеявшийся скот.

— Шесть,— сказал старший пастух.

Мюртах постарался запомнить это, зная, что забудет.

— Когда я снова спрошу тебя, сделай вид, что ты раньше мне этого не говорил. Эгон, останься здесь сейчас. Съезди в болотистую часть, а когда вернешься домой, скажешь мне, что думаешь, надо ли нам там сделать плетень.

— Мы...— начал Лайэм, но Мюртах кивком остановил его.

— И будь дома до темноты.

— Я говорил Эйр...— сказал Эгон.

— Эйр будет завтра на месте, и то, что ты хотел сказать ей, ты ей скажешь.

— Ладно. Только проверь, чтобы кто-нибудь поднял Блэйз в лофт¹ к Финнлэйту.

— Прослежу.

Эгон ушел вместе с Лайэмом. Мюртах и Сирбхолл сели верхом и тронулись обратно в родной глен.

— С тех самых пор, как ты вернулся,— сказал Мюртах,— все молодые люди определенно склоняются налево.

— Что?

¹ Чердак, приспособленный под жилье.

— Как если бы они носили мечи.

— Что ж,— сказал Сирбхолл,— в конце концов каждый должен выбрать, будет ли он мужчиной или просто коровьим пастухом у поля, которое нужно вспахать, и со стадом свиней у порога.

— Сейчас ты обнаруживаешь, как мало знаешь о сельском хозяйстве. У нас есть загон для свиней. Мы зажиточные люди.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Но ведь так легко ошибиться. Ты хочешь пойти на реку и проверить, как ловится рыба, или это сделаю я?

— Почему кто-то...

— Потому что кто-то должен это сделать. Я не могу делать все. Как-никак, ты мой Танист, и если сегодня вечером я вдруг подавлюсь рыбьей костью, а при том, как готовит Од, это вполне возможно, и они положат меня на холодную солому и будут произносить молитвы надо мной, братец, я в самом деле полагаю, что тебе будет легче быть вождем, если ты знаешь, где, например, можно найти свиней.

— Я знаю, где найти свиней,— прорычал Сирбхолл.

— Отправляйся к реке и проезжай в сторону от водопада, пока не найдешь человека с сетями.

Сирбхолл развернул свою лошадь и ускакал. Мюртах засмеялся ему вслед и поскакал вниз к частоколу.

— Мюртах!

— Угу...

— Мюртах, проснись. Уже далеко за полдень, и ты говорил, что хочешь, чтобы тебя разбудили.— Она трясла его. Он перевернулся и зарылся головой в одеяла.

— Я сплю...

— Ты говорил, что хочешь, чтобы тебя разбудили.— Она сдернула одеяла с него. Он вцепился в них, и она хлопнула его по голым ногам.— Ты сказал, что должен что-то сделать.

— Скажи кому-нибудь, чтобы он сделал это.

— Хм...— Она схватила его руку и стала выкручивать ее.— О, Мать Божья, ты прямо как мешок с дерьмом.

— Хорошо, хорошо, хорошо,— он свесил ноги на пол и встал.— Пони. Я встал. Где Сирбхолл?

— Я не видела его с утра. Что ты сделал с моим сыном?

— Я оставил его с пастухами. Он вернется к ужину.

Он надел через голову свою тунику и застегнул ремень на талии. Од пошла взглянуть на младенца. Он прошествовал из помещения, надел свои башмаки и вышел за дверь.

Похоже, что снаружи шел дождь, но он подумал, что в это время года всегда похоже на дождь. Его пони спокойно стоял в стойле. Это напомнило ему о гнедой кобылке, находящейся

сейчас в Брефни, и он понял, что самое время послать за ней. Он взнуздал пони и вывел его наружу.

Большинство их пони находились на пастбище за рекой, и каждые несколько дней их надо было отгонять от деревьев к травам. Он ехал верхом, выглядывая по пути Сирбхолла, но того нигде не было видно. Он нашел пони, деловито обгрызающих верхушки молодых деревьев, совсем недалеко от их пастбища.

— Глупые-преглупые животные, почему вы не остаетесь там, где вам положено быть? — Пони-жеребец, поменьше, чем его вороной, ткнулся к нему, и Мюртах свистнул и замахал руками. Жеребец отскочил в сторону и помчался галопом вокруг кобылиц.

Пони вскинули головы. Жеребец непрестанно с храпом, рысью носился туда-сюда. Мюртах проехал мимо него, выше по склону, и устремился прямо вниз. Весь табун бешеным аллюром поскакал в низину. Жеребец понесся в ту же сторону, покусывая крестцы и подгоняя замешкавшихся кобылиц. Мюртах замедлил бег, позволил табуну умчаться вперед и стал ждать.

С уже использованных земель послышалось ржание, и шесть или семь молодых жеребчиков, удерживаемых в отдалении от табуна жеребцом взрослым, устремились за табуном вниз. Мюртах последовал за ними. Пони скакали по пересеченной земле, перепрыгивали через камни и кусты. Когда Мюртах трусцой выехал на пастбище, табун уже сбился неподалеку от реки, и жеребец с вызовом ржал на жеребчиков, перемещающихся неподалеку.

Мюртах проехал вдоль плетня, пока не добрался до места, где животные свалили плетень, щипая через него хорошую, сочную траву, которая всегда перегибалась через изгородь, и чтобы съесть немногие былинки, растущие среди камней и деревьев. Он слез на землю и прошел к деревьям, чтобы найти ветку, достаточно длинную, чтобы починить плетень.

Когда он нашел такую и понес ее обратно, там стоял Сирбхолл. Мюртах спросил.

— Как идет рыбная ловля?

— Хорошо, так они мне сказали.

Мюртах приладил один конец ветви к плетню и начал переплетать ветки.

— Я устал. А ты?

— Не очень.

— Подожди, пока доживешь до моих лет.

— Ты опасаясь клана мак Махонов?

— Мак Махонов? Нет.

— Тогда кого же?

— Многих, многих. Господа и дьявола. Мелсечлэйна...

— Почему Мелсечлэйна?

Сирбхолл стоял, уперев руки в бока, его массивные плечи были слегка развернуты влево. Мюртах пожал плечами:

— Он сильнее, чем я.

— Это не причина, чтобы бояться кого-то.

— Да? А мне лично казалось, что этого достаточно.

— Так это Мелсечлэйн? Это из-за него ты не хочешь спуститься вниз и отнять у них все обратно, а вместо этого только отпускаешь шпильки, играя на арфе, словно какой-то жалкий слуга, черт побери?

— Оставь меня в покое, Сирбхолл, я устал.

Сирбхолл положил одну руку ему на плечо, чтобы повернуть, и Мюртах отбросил его руку.

— Оставь меня в покое!

Сирбхолл спокойно поднял кулак и ударил Мюртаха в лицо. Мюртах отлетел назад, упал на плечи, немного застрев, он перекатился на ноги и начал готовиться к схватке. Внезапно он пришел в себя. Он выпрямился, тяжело дыша, — челюсть и спина у него болели. Он весь дрожал, словно в ознобе, и ему было трудно стоять так, не двигаясь.

— Ты всегда будешь таким глупым?

— Я сильнее, чем ты, — сказал Сирбхолл и снова занес свой кулак.

— Да, ты сильнее, чем я. Ты пойдешь сейчас туда обратно и соберешь весь клан, и скажешь им, что ты сильнее меня, и если они отставят меня в сторону, то ты станешь вождем и поведешь их обратно вниз за сладостной местью, с огнем в твоих руках и в сердце.

Он выплюнул кровь изо рта.

— Уходи!

— Ты знаешь, я...

— Я сказал — уходи.

Сирбхолл в неуверенности замешкался. Мюртах наклонился за веткой и вплеп ее в новую изгородь. Его рот наполнился кровью, и он снова сплюнул ее. Когда он оглянулся, Сирбхолла уже не было.

Он сел перед плетнем и опустил лицо в ладони. Если бы он был больше, если бы он имел с собой свой лук — возможно, это была Божья милость: быть меньше и неспособным причинить боль кому-либо. Он подумал об этом, но удушье вернулось в его грудь и в его горло, и он ударил по земле кулаком.

Рядом застучали копыта, и три молодые кобылки одна за другой промчались мимо него, с ржанием и лягая друг друга. Жеребец, наострив уши, наблюдал за ними. Одна из кобылок лягнула другую, и они все развернулись и помчались обратно к табуну.

Пони всегда дрались. Они подталкивали друг друга, чтобы подраться — два маленьких гнедых могли тереться друг о

друга, пока одна не поворачивалась и не щипала другую. Тогда они начинали ржать и бить друг друга передними ногами, пока не уставали. Утомившись, они опять терлись друг о друга, пока одна не кусала другую...

Сирбхолл был, как пони. Мюртах пожевал палец. Месть. Сирбхолл-Пони. «Я хочу, чтобы он не выбрал меня, чтобы награждать ударами своей любви».

Его вороной пони стоял приткнувшись к плетню, поводья свисали. Жеребец подкрался ближе, стараясь подойти к вороному так, чтобы Мюртах не заметил. Мюртах встал и направился к нему.

«Если бы она не разбудила меня так, я был бы в лучшем настроении». Обвинить во всем Од — таково уж было ее предназначение. Он сел на пони и направился к дому.

Сирбхолл ничего не сказал о том, что ударил Мюртаха, а на скуле Мюртаха была лишь легкая ссадина. Од даже не спросила об этом. За ужином они были вежливы, и Мюртах рано отправился спать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Через несколько дней, когда он проснулся утром, шел дождь. Он надел свою тунику и башмаки и вышел во двор; по тому, как шел дождь, и по направлению ветра он понял, что дождить будет целыми днями. Он вернулся обратно в дом.

Од уже встала и разжигала очаг.

— На что там похоже?

— На Потоп.

— Ну и ладно. Тогда я займусь ткачеством.

Стали тянуться мужчины к завтраку, сначала они должны были позаботиться о лошадях в конюшне. Один заполнил ящик кусками торфа, и Мюртах снова вышел наружу, чтобы посмотреть, сколько его осталось в кладовой. Когда он вернулся, трое младших детей уже прыгали по помещению, одетые наполовину. Эйр подскочила и повисла на Мюртахе.

— Идет дождь, — сказала она, — мы можем послушать сегодня сказки?

Он поднял ее и перебросил на плечо. Она залилась смехом.

— Мы имеем все сказки, какие вы только захотите. Чьи вы хотите — мои, или вашего дяди, или Финнлэйта?

— Твои, папа.

— Но вы никогда не слышали рассказы вашего дяди.

Нил и Конэлл сидели на полу, Нил пытался надеть на Конэлла башмачки, но Конэлл постоянно отбрасывал их. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался свежий ветер и вошел Сирбхолл.

— Через двор вплавь,— сказал он, сразу кинувшись к огню.— Чему еще я должен научиться сегодня, Мюртах?

— Есть завтрак.

Од сказала:

— Если ты соизволишь присесть, пока хлеб остынет,— она взяла Конэлла за кисти одной рукой и подняла его на лавку.— Нил, завяжи все свои ленточки.

— Ты нам расскажешь сегодня сказки, дядя? — спросил Нил Сирбхолла.

— Если ты хочешь.

Мюртах нарезал хлеб и мясо.

— Похоже, дождь зарядил навсегда.

Он шлепнул Эйр, когда она схватила кусок хлеба:

— Не раньше, чем мы воздадим Благодарение.

Флэнн, Лайэм и Дайермюд, стражи дома, ввалились в дверь. За ними последовали ветер и дождь, и на полу тут же образовалась лужа, и Од вскочила, чтобы закрыть дверь. Раньше, чем она успела это сделать, внутрь проскочил Эгон.

— Финнлэйт спускается вниз,— сказал он.— Он говорит, что теперь ему лучше.— Он растолкал себе местечко между Лайэмом и Флэнном.— Сегодня мы будем рассказывать сказки.

— Будем ждать Финнлэйта? — тихо спросила Од. Все остальные уже были здесь.

— Я схожу за ним. Сирбхолл, прочитай молитву.— Мюртах встал, обернулся в плащ и выскользнул за дверь.

Старик уже пересекал двор, шлепая по лужам. День был серый, и в своем плаще Финнлэйт казался всего лишь еще одной серой фигурой. Мюртах подошел к нему и взял под руку.

— Что это заставило тебя выйти?

— Я чувствую себя много лучше,— ответил старик.

— Давай идем внутрь.

Дверь вырвалась из рук Финнлэйта, когда он открыл ее, и вслед за ними ворвался дождь. Мюртах закрыл дверь на щеколду. Все другие уже ели. Эйр высвободила место возле себя на скамье и позвала Финнлэйта сесть рядом с ней.

— Сегодня у нас всех будет день рассказов,— настоятельно сказала она.

Финнлэйт медленно сел. Он потрепал девочку по волосам:

— Столько времени прошло, Эйр, как я не видел тебя. Что ты подделывала все это время?

Мюртах перекрестил свою тарелку и начал есть.

— Дралась,— сказал он.— Она дерется со всеми ними, а когда они колотят ее, зовет на помощь Эгона.

— Да? — старик посмотрел на Эгона.— Уже защищаешь женщин? У тебя будет хватать этого занятия, когда ты женишься.

Эгон засмеялся. Од потянулась к нему и отбросила его длинные белокурые волосы за плечи.

— Смотри, чтобы волосы не попали тебе в тарелку,— сказала она.

Наконец все они закончили с едой, и Од попросила Эйр помочь ей, и другие женщины стали собирать тарелки и очищать стол. В комнату вошли борзые и съели объедки, повилявая длинными хвостами. Финнлэйт наклонился к столу и сказал:

— А теперь, Сирбхолл, мы хотим услышать немного больше о том, как ты заслужил себе такое прозвище.

— Я не мастер рассказывать,— сказал Сирбхолл.

— Мюртах говорит, что ты прекрасно говорил перед королями.

Сирбхолл рассмеялся:

— Вы там не были и не слышали, как Мюртах играл на арфе, они сидели, словно замороженные.

— Это был фокус,— сказал Мюртах.

Конэлл сполз с лавки и пошел неуверенно к борзым. Он обхватил руками шею одной собаки, и борзая лизнула Конэлла в лицо. Конэлл так и шлепнулся среди собак.

Мюртах сказал:

— Может быть, мы наденем на него ошейник и будем брать его на преследование оленей.

— Когда я как-то был в Мюнстере,— сказал Сирбхолл,— мы дрались против датчан в Лимерике. Это было в то лето, после той зимы, когда шло много дождей.

— В Лимерике или здесь? — спросил Финнлэйт.— Тут была зима, когда снега было до крыши сарая. В Лимерике всегда теплее, чем здесь.

— Может быть, тогда.

— Вторая зима после того, как ты ушел отсюда,— сказал Мюртах. Он намазал маслом большой кусок хлеба и дал его Эйр.

— Кто был тогда вождем? — спросил Финнлэйт.— Моллоу?

— Донован из Хай Кэрбэри. Он и Моллоу были друзьями некоторое время после того, как их отцы убили короля Мюнстера, Магона, который был братом Верховного короля. Но к тому времени, когда мы пошли воевать с датчанами у Лимерика, они уже не были больше друзьями.

Эгон поставил локти на стол и опустил подбородок на кисти рук, уставившись на Сирбхолла. Мюртах подумал, что он похож на Эда, отца его и Сирбхолла.

— Король Брайан, когда он был только королем Мюнстера, отобрал Лимерик у датчан. Прежде чем он его им вернул, они пытались несколько раз взять его силой, и на этот раз — была их самая отчаянная попытка. В Лимерике находилась

группа датских торговцев, как обычно, они поднялись и направились со всем, что имели, в крепостную башню и послали за помощью в Лэксфорд и Уотерфорд.

Од принесла чаши и сосуд с аскуибхом и поставила их на середину стола.

— Итак, вождь Донован повел нас всех отсюда, и мы пошли к Лимерику. Пройти внутрь ворот вовсе не было проблемой — каждый вооруженный мужчина бывал в крепости. Но они стреляли в нас и сбрасывали камни из высоких окон, так что мы не могли открыть двери, чтобы ворваться внутрь.

— Они были на уровне земли? — спросил Мюртах. — Двери.

— Да. Не так, как в башнях ирландских монахов.

— О!

— Мы уселись снаружи и стали ждать. Ночью мы развели костры и приготовили себе пищу, а днем мы сидели тихо и пили и рассказывали всякие истории, ожидая, когда они выйдут.

Так прошло много дней, и вот уже было лето, жаркое и сухое. Внутри башни должно было быть даже еще хуже, потому что башня была сделана из камня. Через довольно длительное время один из датчан вылез на нас через маленькую дыру в стене вокруг подножья башни.

Это был человек маленького роста — даже меньше, чем Мюртах, и не такой широкий в плечах. Он был незаконнорожденным сыном одного высокопоставленного человека с Южных Островов или, возможно, Мэна, и он терпел неудачу во всем, что делал. Звали его Фригги.

Он сказал нам, что проведет нас через отверстие в стене, которое никто из нас не мог обнаружить, если мы отдадим ему все товары и суда в гавани. Донован сказал ему, что он может иметь все, что захочет, после чего Фригги указал нам, как проникнуть в башню, и в ту же ночь он это сделал.

— Где была эта дыра?

— Она была укрыта в углу стены. Один большой камень там выпал, но виноградные лозы и сорняки там разрослись так высоко, что вы не могли видеть, что камня нет на месте. Он — Фригги — сказал, что никто из людей внутри не знал об этом.

Так что мы все проползли глухой ночью внутрь и проникли в башню. Я первым поднялся по лестнице — у меня было предчувствие того, что должно произойти, — и сломал дверь наверху лестницы, и мы все обрушились на них, спящих посреди башни. Они вскочили и схватились за свои мечи и обрузовали круг, но когда они увидели, как много нас было там, они бросили оружие.

— Датчане? — изумленно спросил Финнлэйт.

— Это были торговцы. Я убил только одного, но Донован

слышал, как я выломал дверь, и дал мне в подарок браслет — он в том моем пакете, который ты видела, Од, что же касается Фригги...

Он сделал небольшую паузу, чтобы налить себе аскуибх. Эгон облизал губы, посмотрел вокруг и наконец стукнул кулаками о стол.

— Так что с Фригги, дядя?

— О, когда мы выгнали всех датчан, вождь Донован взял Фригги, связал его, бросил в гавань и сказал ему, чтобы проглотил все, что он хочет. Как видишь, предателей презирают обе стороны.

Все рассмеялись и откинулись. Это был хороший рассказ, и Мюртах некоторое время наслаждался им. Финнлэйт сказал:

— Это напомнило мне другую историю.

И он рассказал ее. Она касалась человека, который поймал эльфа, и эльф обманул этого человека таким же почти образом. Этот человек попросил эльфа дать ему вечную жизнь, что эльф и сделал, после чего удалился. Но этот человек не попросил вечную молодость, и он делался все старше и старше, никогда не умирая, пока он страстно не возжелал умереть.

— И теперь,— сказал Финнлэйт,— этот человек бродит по всему свету, ищет пещеру, в которой, говорят, таится Смерть, и никогда не находит ее. Как видите, всему есть соответствующий конец, а если что-то не кончается, то становится невыносимым. И это должны знать все рассказчики историй.

Больше никто ничего не сказал, все встали, перешли к очагу и уселись вокруг него. Одна из женщин сбивала масло, горько жалуясь, что оно плохо сбивается. Мюртах достал из ящичка справа от очага кусок дерева и нож, уселся и стал вырезать куклу для Эйр.

— А вот история без окончания,— сказал он,— и вам не потребуется принести мне мою арфу. Даже эти маленькие дети знают об Исландии, куда давным-давно некоторые ирландцы уплыли, чтобы бежать от датчан и норвежцев, но теперь чужеземцы покорили всю ее тоже. Теперь рассказывают, что за Исландией те ирландцы, что уплыли, нашли другую страну, которую они назвали Великой Ирландией, а датчане Ирландской Миклой. Иногда, я слышал, они называют ее Землей Белого Человека, потому что там теперь монахи. Я слышал все это от датчан, так что, может быть, это правда.

Он снял длинную стружку, поставил деревяшку на пол и сказал:

— Теперь они утверждают, что за Великой Ирландией есть еще другая страна. Они никогда не говорили мне, как называют ее, но не так давно тут проходил валлиец-арфист, кото-

рый рассказывал, что это должен быть остров, на котором лежит в ожидании Артур¹. Я никак не мог выяснить, были ли там ирландцы, но, кажется, датчане всегда направляются только туда, где есть ирландцы, так что, возможно, они там есть.

— Ирландцев нет в Дании,— сказал Сирбхолл.

— Есть. Они там рабы.

Он потянулся за чашей с аскуибхом.

— Святой Брендэн, вы знаете, плыл на запад много раз по пятьдесят дней и открыл Землю Молодых Людей, а перед ним там побывал ирландец. Я думаю, там, на западе, в океане полно островов, маленьких золотых островов под солнцем, где спят все герои и где все ирландцы найдут другого ирландца, который побывал там раньше. На западе они всегда говорят об островах Тир-на-ног или Ирландской Микле. Люди из Нормандии или Бискайи ничего об этом не знают, так они говорили. Вот и все, нет никакой истории и нет никакого конца.

— Конец может быть в том, что негодяй всегда найдет место, куда бежать,— сказал Сирбхолл.

— Нет, такого не может быть. Не зря говорится, что негодяй никогда не находит места, где бы остановиться, для негодяя вся земля, словно горящие уголья.

Он снова взялся за кусок дерева и стал вырезать ноги. Конэлл выбрался из груды спящих борзых и забрался под юбки Од, так что наружу торчала только его голова.

— Я иногда размышляю над этим,— сказала Од. Она подняла кусок полотна, над которым работала, и уставилась над своими коленями на Конэлла.

— Расскажи мне историю Ойсина,— сказал Эгон.

— Ты слышал ее тысячу раз.

— Она мне нравится, расскажи,— настаивал Эгон.

— В истории Ойсина тоже есть острова,— сказал Мюртах.

— Где ты слышал об этих островах? — спросил Сирбхолл. — Ты говорил, от датчан.

— Финнлэйт знает. Был тот человек, который приполз к нашим кострам, весь израненный,— почти сразу после Бегства — мы внесли его внутрь, надо быть нечеловеком, чтобы отказать в этом даже датчанину, если он ранен. Он рассказал мне кое-что. Я узнал что-то от датчанина-изгнанника, который брел из Дублина в Уэксфорд, опережая на два шага свою репутацию, все были против него. А еще больше от валлийца-арфиста, как я уже говорил вам.

— Я помню его,— сказал Финнлэйт,— этого раненого датчанина, Хэлфдэн было его имя.

¹ Имеется в виду легендарный король бриттов Артур, главный герой сказаний о «рыцарях Круглого стола».

— О, да! — сказала Од, — тот, у которого было такое сильное кровотечение, что он испачкал мои одеяла.

— Это были одеяла моей матери, это было до того, как ты и я поженились.

— Теперь это мои одеяла, и на них до сих пор заметны пятна крови.

— Мы храним здесь одеяла подолгу, — сказал Мюртах Сирбхоллу. — Нил, принеси мне мою арфу. Датчанин научил меня также датскому языку.

— Я не знал, что ты говоришь на нем.

— Не очень хорошо. А ты?

— О, совсем чуть-чуть.

Мюртах играл на арфе, пока Финнлэйт рассказывал историю Ойсина. Дождь в тот день шел непрерывно и весь последующий тоже, и все они рассказывали истории. Мюртах закончил куклу и теперь работал над вазой, которую обещал сделать для Од. Время от времени он рассказывал какую-нибудь сказку или отрывок из саги Кухулэйн.

Большинство историй рассказывал Финнлэйт. Никогда Мюртах не слышал, чтобы он говорил так много. Наклонившись вперед, протянув руки к огню, он выкладывал все истории, которые когда-либо слышал в своем собственном детстве, — о злых духах, эльфах и феях, об Ос Сайд и Туха да Дэнээн, о том, как Нера нашла диадему Дагды, как Энкус вытаскивал живых лягушек из своих ушей, он заставлял Мюртаха играть Кэтл-Роуд Кулэй, так что он, Финнлэйт, тоже мог рассказывать эту историю. Дети как замороженные смотрели на него, раскрыв рты, зримо видя то, что он рассказывал и хотел, чтобы они видели. Наконец, на третий день, он откинулся и сказал:

— Это все.

— Лучшее всего ты рассказал историю о Сайд, — сказал Нил, — ты, должно быть, знаешь все истории, какие когда-либо кто-нибудь слышал.

— Я уже старый, — сказал Финнлэйт, — или, скажем даже, я очень стар, а старые люди знают куда больше историй, чем такие подростки, как Мюртах.

— Отец не подросток, — сказал Нил.

— О, может быть, по возрасту и нет, но он самый маленький мужчина, какого я когда-либо видел в наших семьях.

— Господи, — сказал Мюртах, — тебя послушать, так можно подумать, что я ниже этой скамейки.

— Ты слишком долго просидел на чердаке, — сказал Сирбхолл, — где не с кем было поговорить... Что это?

Мюртах встал:

— Кто-то стучит в ворота — я думал, что это ветер. — Он снял со стены свой лук. Сирбхолл вскочил, и они вместе вышли наружу.

— Возможно, это кто-то с нижней части долины,— сказал Мюртах. Часть клана имела там заграждение.

Флэнн и Мохон уже подошли к воротам, они крикнули:

— Тут несколько странников, они хотят войти, один из них оллум.

Сирбхолл засмеялся. Мюртах махнул рукой и крикнул:

— Пусть заходят.

Он спрятал свой лук под плащ, чтобы дождь не намочил его.

Трое мужчин на мокрых лошадях въехали в ворота. Флэнн и Мохон повели лошадей к сараю, а эти трое пошли по грязи к Мюртаку. Сирбхолл направился открыть дверь. Мюртах сказал:

— Добро пожаловать, заходите, и вы уже не чужаки. Чтоб я пропал, если это не Энгус О'Лочэйн.

— Ах,— сказал Энгус,— я надеялся поймать тебя вне дома, чтобы ты принял меня, как чужака, и укрыл на некоторое время.

Они обменялись рукопожатиями и вошли внутрь. Прежде чем закрыть дверь, Мюртах взглянул на небо:

— В тучах появились разрывы. Может быть, дождь скоро прекратится.

— Или будет лить последующую неделю, или две,— сказал Энгус.— Найти тебя — это все равно, что поймать черную лошадь ночью в закрытом сарае.

Оллум высвобождался из необъятного плаща, с которого на всех брызгала грязная вода. Од достала для него сухую тунуку и еще одну для Энгуса. Третий мужчина, слуга, ушел со стражами дома, которые пили и переговаривались в дальнем углу помещения.

— Ты искал меня? — сказал Мюртах.— Мы были друзьями, когда были детьми, и, мне кажется, я видел тебя на сборище у короля в Кэтхэйре. Но я никак не думал, что ты будешь меня так упорно искать. Или за этим стоит корона?

— О, и это тоже.

— Не начинай разговоры, пока человек не отогреется,— сказала Од,— вернее, оба. Садись сюда, Энгус.

— Ага,— сказал Энгус и взял аскуибх, который она дала ему.— Разумная женщина — это благодеяние для каждого мужчины.

— Ты знаешь Од. Она дочь Доннэчи. А разные постреляты и эльфы на полу — включая эту странного вида борзую между ними — принадлежат мне. И Финнлэйта ты тоже знаешь — отца моей матери. И Сирбхолла тоже знаешь, без сомнения.

— Убийца Датчан. Вблизи ты выглядишь моложе, я думал, ты немного постарше.

Сирбхолл и Энгус обменялись рукопожатиями.

— Иногда я хотел бы быть старше,— сказал Сирбхолл.

— Не стоит, будь, каким ты есть.

— Сирбхолл, Убийца Датчан? — сказал оллум.— Я слушал песни про тебя.

— Не пой их,— сказал Сирбхолл,— это приносит несчастье, или оллум так меня ненавидит?

Оллум улыбнулся — у него был длинный, тонкий рот, и улыбка растягивала его углы и делала рот еще тоньше.

— Это хорошие песни. Меня зовут Пэйдриг, я из Коннэута — я обучался с О'Хэртигэном.

— Да? — сказал Мюртах.— Я бы не думал, что он хороший наставник, настолько он ранимый.

Пэйдриг кивнул:

— Это верно.

Од дала ему чашку горячего питья, и он подлил себе еще.

— Но слушать его было наслаждение — ангелы никогда не играли так хорошо. Очень ранимый, да. Он играл как бы своими мыслями, словно они, его мысли, обладали руками. Вы никогда не слышали его?

— Нет. Но я разговаривал с людьми, которые слышали его.

— Это необычный способ, чтобы судить о человеке.

Мюртах пожал плечами.

— Возможно. И это самая плохая манера обсуждать чьего-то учителя, это равно тому, что складывать песни о еще живущем человеке. Я никогда не слышал О'Флэйна, и я не оллум, но я могу сыграть изрядный кусок в его стиле.— Он повернулся к Энгусу: — Теперь будь внимателен — вилка опускается в котелок. Кто послал тебя ко мне?

Энгус снова улыбнулся:

— Верховный король.

— Да? А я думал, Мелсечлэйн.

— Нет. Верховный король хочет знать, что ты имел в виду той игрой на арфе в Кэтхэйре.

— Я имел в виду именно то, что я сказал. Почему он думает, что я на что-то намекал?

Энгус посмотрел на всех остальных. Мюртах наклонился вперед.

— Они могут слышать. То, что я делаю, может затруднить или облегчить их жизнь, поэтому они должны знать это.

— Он думает, что ты имел в виду, чтобы всех их подвесить на крючьях, словно мясные туши — своего рода вергельд¹.

Мюртах рассмеялся:

¹ Цена, устанавливаемая англо-саксонскими и германскими законами за жизнь человека в соответствии с его рангом и выплачиваемая клану или хозяину убитого человека.

— Нет. Там был...— он протянул ладонь и задумчиво пошевелил ею,— привкус того, что человек вроде меня мог бы воткнуть горячие иглы во многих великих и пристойных людей. Но они могли бы припомнить, кто вложил эти иглы в мои руки. Что я должен был бы делать с вергельдом? Я имел в виду покончить с этим, и я сделал это. Покончил с междоусобицей. Мне нравятся добрые вердикты. Это во мне сказывается сказочник.

Он взглянул на Финнлэйта и сказал Энгусу:

— Присаживайся.

Энгус обошел вокруг стола и сел. Его взгляд остановился на оллуме. Мюртах немного подвинул скамью и опустился на нее.

— Ты понимаешь,— сказал Энгус,— почему он послал меня. Мой клан единственный из всех, кроме ольстерцев, конечно, который не был тогда вовлечен. И мы провели ту зиму вместе в доме Мары. Я рад услышать, что ты имеешь в виду.

— Я сказал то, что имел в виду.

— Так мы все и подумали, но кое-кто...

— Мелсчлэйн.

— Не он. Кое-кто сказал, что в этом была слишком глубокая затаенная злоба...

— Затаенная злоба. О, Господи, ужель они думают, что я должен смазывать их всех медом? Они убили моего отца, они вырезали весь мой клан, весь, кроме трех или четырех семей. Ты возвращайся назад и скажи им, что я ненавижу их всех, но с этим покончено.

— Пока,— сказал Сирбхолл.

— Для блага всех,— Мюртах пристально посмотрел на Сирбхолла.— Существуют люди, которые... которые, я сомневаюсь, что мой брат их понимает. Я не думаю, что он вообще понимает все это.

Сирбхолл вскочил. Финнлэйт поймал его за пояс и сильным осадил. Дождь проник через соломенную крышу и омыл их головы, от порыва ветра хлопнула дверь, какое-то мгновение все молчали.

— Мой брат молод,— сказал Мюртах,— он еще не знает, что есть разница в выборе между теми трудностями, которые испытывает человек, когда вступает во что-то и когда выбирается из этого.

Энгус перевел взгляд с него на Сирбхолла.

— А кто его осознает? Для нас — тех людей, ради которых я здесь, и меня — нет выбора. Выбор — это слово королей, даже если они находят трудным сказать его.

— Люди, которых ты ищешь здесь, это некий Кир мак Эода, и Кормак мак Догерти, и Шейн мак Махон?

— Меня послал Верховный король. Ладно, кто бы там ни

послал меня, они — мы ждем кое-чего от тебя. Какой будет выбор?

— Пусть они ожидают. Это даст определенный привкус их скучным дням.

— Тут нет выбора,— сказал Сирбхолл.— Как говорит Энгус, это дело чести.

— Энгус никогда не говорил этого. Если в чем-то нет выбора, то какая же честь? Ты не только молод, но и глуп, если не видишь, что зреет в его уме,— Мюртах посмотрел на Энгуса.

— Я не обижусь на это,— тихо сказал Энгус.

— Он был твоим отцом,— тихо сказал Сирбхолл.

— Как великодушно с твоей стороны,— сказал Мюртах Энгусу. Он повернулся, подставив свое плечо Энгусу, и устоялся на своего брата.— Я спорю с тобой, объясняю тебе. Я взял клятву, когда стал вождем О'Каллинэн, что, пока я буду главой, я не стану мстить сам.

— Финнлэйт сказал тебе, чтобы ты принял ее. Ты не должен был принимать ее — эту ничтожную, позорную клятву...

— Он говорил мне, что он должен сделать,— сказал Финнлэйт.— И я сказал ему, что думаю, что он прав. Кто я такой, чтобы давать советы вождям? Или ты, коль на то пошло?

Мюртах смягчил свой тон.

— Тут есть существенный момент, Сирбхолл. Я твой вождь. Перед Богом я отвечаю за тебя. Волк или дикий вепрь, когда враги окружают его со всех сторон, вправе ожидать, что его родственники и подчиненные поддержат его.

Его голос тут поднялся до крика, и он оборвал себя, успокаиваясь. Сирбхолл, освещаемый огнем из очага над его плечом, сейчас был больше похож на Эда, чем Мюртах когда-либо видел — особенно он запомнил эту посадку крупной головы.

— Ты слышал уже это, слышал и слышал,— сказал он, успокоившись,— и нет никакой надобности услышать это опять. Тебе, может быть, не нравится это, но, я говорю, ты должен принять это. Никакой мести не будет.

Лицо Сирбхолла было замкнуто перед ним. Слова исходили от его головы, от его плеч. Мюртах положил руку на свое лицо. Ревущий хохот Эда эхом отдавался в его голове. «Полу-Эд, вот кто ты»,— снова и снова говорил он Мюртаху. «Маленькая половинка меня,— Эд прижал его к своей груди так, что у того все хрустнуло, и поднял вместе со стулом своей искалеченной рукой: — Мой сын». Мюртах взглянул на побледневшего Эгона, сидящего возле своей матери.

— Ты его помнишь, Сирбхолл? Вообще?

— Я знаю, что он был мой отец.

— Если бы он был мой отец...— начал Энгус, и Мюртах обернулся к нему и заставил замолчать взглядом.

— Ты его помнишь,— сказал Сирбхолл,— и в тебе нет возмущения?

— Заткнись,— сказал Эгон. Его звонкий голос перекрыл все остальные голоса. Он вскочил и в упор глядел на Сирбхолла: — Заткнись. Заткнись. Заткнись.

Мюртах перегнулся через стол и силой заставил Эгона сесть. Полулежа на столе, какое-то мгновение он смотрел в лицо Эгону. Наконец, он скользнул назад и сел.

— Будем снова возвращаться к этому? — сказал он. Он посмотрел на Энгуса, сидящего на своем месте, потом его глаза переместились на оллума за ним, с его длинными руками, лежащими на коленях.— Да. И вот компания, чтобы распространить это на всю Ирландию. Что именно, Сирбхолл, ты хотел бы, чтобы я сделал?

— Что? Убить их.

— Да? Убить их всех? Половина людей из тех, кто там был, сейчас мертвы, вторая половина — старики. Я должен идти между ними, задирать их длинные, седые бороды и одному за другим перерезать горла?

— Ты все переворачиваешь.

— Подумай об этом. Сколько еще мы должны вести междоусобицу с мак Махонами? Шесть поколений? Восемь? И кто вспомнит, из-за чего? Из-за украденной коровы, отказавшей женщины, тени, упавшей на очаг, пыли, занесенной на порог. Сколько людей мы убили? Столько же, сколько они. И ты хочешь снова начать все это?

— Вы были Бреон в утробе,— вскричал Сирбхолл и поднялся,— я не желаю слышать всего этого. Господи, ты заставил всех нас, стоя на коленях, молиться за долгое здоровье клана мак Махон!

Мюртах перекрестился.

— Господи, смилуйся над ним.

Сирбхолл отправился за своим плащом. Од сказала:

— Куда ты?

— Прочь отсюда.

Мюртах не сказал ничего. Сирбхолл промчался мимо, рывком отворил дверь и ринулся в грязь двора. Мюртах неторопливо поднялся и направился к двери, чтобы закрыть ее. Он притворил ее до щели и увидел Сирбхолла, размахисто шагающего к конюшне.

— Он заслужил свою репутацию не хорошо подвешенным языком,— сказал Энгус.

Мюртах подошел к вешалке, на которой висели плащи.

— Энгус,— сказал он,— хорошо подвешенный язык может стоить тебе твоего. Оллум, ты можешь чувствовать себя здесь как дома, пока я приведу все в порядок.

— Ты скоро вернешься? — спросила Од.

— Да,— сказал Мюртах, вышел из двери и захлопнул ее.

Сирбхолл как раз выезжал из ворот. Мюртах прошел в конюшню, полную запахов испарений от дождя и конского помета, и направился к своему вороному пони. Трусой он выехал из ворот и увидел Сирбхолла на большой гнедой лошади, пронесившегося галопом через глен по направлению к ближайшему склону. Мюртах пустил пони рысцой за ним.

Лошадь шла быстрее, чем пони, и галоп давал ей преимущество, но под частым дождем, идя по грязи, лошадь быстро устала. Когда они перебрались через холм и оказались на краю болота, Сирбхолл отклонился в сторону леса, и ровный бег пони стал сокращать расстояние между ними. Когда они почти въехали в лес, Сирбхолл остановился и позволил Мюртаху нагнать его.

— Чего ты хочешь?

— Видеть в тебе твоего отца.

Сирбхолл тронулся с места, и Мюртах последовал за ним. Они въехали в лес. Дождь лил с листа на лист, все качалось под ветром, и деревья гудели, словно пчелы. Мюртах кивнул в сторону севера и сказал:

— Там старый бурелом, мы можем разжечь костер.

Сирбхолл молча повернул и поехал в том направлении. Они спешили под буреломом, и Мюртах собрал из глубины сухие ветки и хворост, разгреб убежище под сгнившим деревом. Разложив костер, он высек искры огнивом.

— Когда дожди закончатся, мы увидим, что олени на пастбищах смешались со скотом,— сказал он,— так всегда бывает после дождей.

Сирбхолл грыз ноготь большого пальца, уставившись на крохотный костерок. Внезапно он повернул голову, встретившись глазами с Мюртахом:

— Что ты там имел в виду?

— Когда?

— Когда ты схватил меня. Ты сказал что-то странное.

— Только, что ты похож на Эда.

— Я не понимаю тебя.

— Он был такой же большой и с такими же соломенными волосами, как ты.

— Ладно. Неужто это так невыносимо? Я больше не понимаю тебя, в основном.

Сирбхолл догрыз свой ноготь уже до мяса. Мюртах, положив руки на колени, пристально разглядывал его. Наконец Сирбхолл закончил жевать свой палец и подбросил в костер длинную хворостину.

— Помнишь, ты рассказывал мне о нем? Когда я был маленьким, я всегда считал, что по-настоящему знаю его.

— В этом что-то есть. Я могу припомнить вещи, которые произошли до моего рождения, потому что Финнлэйт рассказывал мне о них.

— Он действительно выглядел как я?

— Ну, он не был таким мрачным, как ты, но, я полагаю, это потому, что он был старше. Во всяком случае он слишком доверял своим мыслям.— Сирбхолл ничего не ответил, и Мюртах продолжил: — Ты знаешь, мы не могли убить их всех. А ты бы хотел этого? Это только собака сжимает свои зубы на горле человека, и человек задыхается до смерти.

— Все говорят, что это должно было быть сделано.

— А что ты думаешь?

— Я? Думаю? Ты сказал, что Эд и я не можем думать.

— Это не то, что я сказал.

— То же самое.

— Никто не собирается называть тебя ублюдком.

— Но они так назовут тебя.

— О, определенно, но сначала они должны будут прочистить свои глотки. Послушай меня. Ты — известный человек. И то, что ты говоришь, имеет вес на их советах. Но ты молод. Я не имею в виду... ты мой брат. Я не хочу ничего раскаленного или холодного между нами.

Сирбхолл пробормотал что-то. Он взял руками свою голову и стал пальцами растирать щеки.

— Любовь от Бога. Думаешь, что я ненавижу тебя?

— Конечно, нет.

Руки Сирбхолла упали на колени.

— Они все говорят, что это должно быть сделано.

— Да. И люди, которые кричат это громче всех, это те самые люди, которые убили Эда и еще несколько сот человек из нашего клана — они несут кару за это. Они будут счастливы, если мы попытаемся сделать это по отношению к ним, это смеет кровь с их рук. Сирбхолл нахмурился, размышляя, и наконец покачал головой:

— Я не понимаю.

— Я понимаю.

— Эд...

— Эд бы уже сделал это. Но я не Эд. И ты тоже. Пусть все останется, как есть.

— Это прощение?

— Это то, что я чувствую относительно этого.

— Тогда ты не будешь сражаться с датчанами.

Мюртах взглянул на бурое подгнившее дерево.

— А кто теперь Брёбн? Я буду сражаться с датчанами. Я убью того человека, который переступит мой порог, если смогу.

— В чем же разница?

— Зачем надо идти охотиться за кем-то, чтобы убить? Только и всего. Я буду спокойно сидеть дома и играть на своей арфе, а если заявятся датчане, я выпущу в них столько стрел, что их собственные жены не найдут в их одежде место,

куда бы можно было воткнуть иголку. Я кроток, как лань, мой язык сладок, как мед, но я защищу то, что мое.

— Я не вижу разницы.

— А я вижу. И я хочу, чтобы ты слушался меня.

— Я в растерянности,— он покачал головой.— У меня все мозги набекрень.

— Это обычное дело с молодыми людьми. Особенно с теми молодыми, кто уже герои.— Мюртах постучал пальцами по колену.— Я все размышляю, почему пришел Энгус.

— Почему? Он сказал, что его послал Верховный король.

— Верховный король — человек из Дэл Кэйса. Энгус из Мифа. Брайан его едва знает, не настолько, чтобы посылать с поручением такого рода. Доверить ему мысли Верховного короля, когда его собственные поменялись от случайного замечания в пути и изменились от последующего, что он услышал?

— Тогда кто еще?

— Кир, Кормак, Дермот мак Махон — соображения те же самые. А теперь давай возвращаться. Я замерз.

Когда они въехали во двор, дождь прекратился. Флэнн вышел из дома, чтобы принять лошадей. Через открытую дверь они могли слышать глубокий голос поющего оллума, Мюртах поднял голову и прислушался.

— В нем есть что-то от о Хэртигэна,— сказал он.

— Только бы он ничего не пел обо мне.

— Этого нет. Давай войдем.

Они вошли в дом. Од взглянула на них и улыбнулась, и Финнлэйт со вздохом откинулся. Только Энгус выглядел задумавшимся. Оллум закончил песню.

— Мы исполним песнь Дьердра,— сказал Мюртах,— если ты ее вообще знаешь. Там есть части, которые я не очень хорошо помню. Эгон, принеси мне арфу.

На рассвете следующего дня Энгус, его оллум и его слуга уехали. Мюртах взял топор и клин и пошел за конюшню на рубить дров. Это было сразу после рассвета, по небу плыли низкие облака, в голубом небе разносились громкие и чистые крики птиц, и каждый звенел по-своему. Мюртах вытащил несколько поленьев и начал колоть их.

Появился Сирбхолл, уже после того, как солнце уже изрядно взошло, и вывел свою новую лошадь. Он привязал ее к коновязи и пошел обратно за щеткой и скребницей.

— Холодно,— сказал он, выходя, и начал чистить шерсть лошади.

Мюртах выпрямился, спина у него затекла и ныла.

— Не так уж холодно, как могло быть. Очень влажно, и от этого знобит.

Он взял топор за топорщице, установил полено и начал колоть. Отлетевшая щепка ударила о лошадь.

— Тпру! — сказал Сирбхолл. — Тпру! Нам мясо нужно? А то я надумал отправиться поохотиться.

— Пастухи принесут оленя или двух, так что нет смысла. Но если тебе здесь так уж нейдет, то есть поручение, которое ты можешь выполнить для меня, это отправиться в Коннэут.

Из дома к ним выбежали Нил и Конэлл. Мюртах разогнулся, чтобы видеть их. Конэлл шлепнулся оземь, потом поднялся из грязи и снова побежал вслед за Нилом. Нил остановился возле Мюртаха:

— Мама говорит...

— Раз уж ты здесь, то можешь собрать щепки, — Мюртах нагнулся и стал вытирать грязь с рубашки Конэлла. — Так что она говорит?

— Что ты должен пойти и взглянуть на Финнлэйта, он снова заболел. — Нил начал собирать щепки, сделав мешочек из своей туники.

— Он стар — сколько людей доживает до того, что видят своих правнуков? — сказал Сирбхолл.

Мюртах отогнал Конэлла подальше от конских копыт.

— Ты отправишься для меня в Коннэут?

— Да. Когда?

— Подожди, пока я не повидею Финнлэйта.

Мюртах отправился к дому и взобрался на лофт. Финнлэйт лежал в своей постели, и Од сидела возле него. Она подняла глаза.

— Это из-за дождя, — сказала она. — У него жар.

Мюртах положил ладонь на лоб старика — горячий и сухой, как и прерывистое дыхание. Финнлэйт легонько шевельнулся, и Мюртах чуть отстранился от него.

— Я пошлю за монахом.

— Ты думаешь...

— Похоже на то. Ты останешься здесь с ним?

— Да.

— Или Эгон. Кто-нибудь.

Она отвернула лицо.

— Да.

Он выждал момент, надеясь, что Финнлэйту, может, станет лучше, и, наконец, спустился во двор. Сирбхолл уже оседлал лошадь и разъезжал на ней по двору, медленно, посадив Конэлла на холке перед собой, и Нила, держащегося за него сзади. Конэлл вопил во всю силу своих легких, и лошадь пугалась.

— Как он? — спросил Сирбхолл.

Мюртах стоял возле лошади, рассеянно глядя ее по гриве.

— Может быть, милостью Божьей, ему станет лучше.

Конэлл потянулся к Мюртаху, и Мюртах снял его с лошади, задержав на сгибе руки. Нил спросил:

— Финнлэйт умер?

— Нет.

— Он старый человек, — сказал Сирбхолл.

— Не говори мне этого. Ты тоже будешь старым. Я очень привык к нему, и такой слабоумный человек, как я, любил пользоваться его советами. Вождь О'Руэйрк будет в Брефни, это немного дальше Аппер Лох¹. Спросишь там любого. Пирамидки обозначают путь через Гэп². Если будет туман, пережди в любом случае. Расскажи вождю О'Руэйрк об Энгусе, и что Верховный король втягивает меня в это. Особенно то, что сказал Энгус. Пусть он расскажет Мелморгхе.

— Мелморгха? Мы будем драться с ним.

— Значит, будем. Мелморгха сообразительный человек, который способен держать в голове одновременно больше одной идеи.

Нил соскользнул с лошади и повис на Мюртахе, глядя, как он треплет конскую гриву. Мюртах сказал:

— В Брефни находится моя гнедая кобыла, приведи ее обратно. Это будет хороший предлог, почему ты там находишься.

— Разве это не далеко, — спросил Нил, — посылать кобылу для размножения?

Сирбхолл слез с лошади и пошел в дом за своим снаряжением. Мюртах потрепал волосы Нила.

— Наша лошадиная порода низкорослая, и клан О'Руэйрк может использовать лошадей этой породы в невысоких холмах, если останутся там долго.

— Глава О'Руэйрк наш друг?

— Это зависит от того, кому ты говоришь об этом. Я не хотел бы, чтобы ты помчался к Верховному королю с криком, что вождь О'Руэйрк мой друг.

— Почему?

— Ты поймешь кое-что, когда вырастешь.

Сирбхолл вышел с сумкой, перебросил ее через холку лошади и сел верхом. Мюртах чуть отступил в сторону.

— Внимательно следи за дорогой через Гэп и соблюдай осторожность весь путь. Мир Короля — это мир короля, но мне не хотелось бы увидеть войну короля за все это.

Сирбхолл ухмыльнулся:

— Я буду держаться поодаль от болота, я буду остерегаться воров, я буду красться на закате и держаться подалеже от женщин в доспехах.

Он тронулся с места, распахнул створку ворот и захлопнул ее за собой.

¹ Верхнее Озеро или Залив.

² Горный проход, ущелье.

— Нил, пойди и разыщи Лайэма. Он должен быть где-то возле табуна пони. Скажи ему, чтобы он скакал в церковь Святого Кевина и спросил там, пришлют ли они сюда монаха.

Финнлэйт не поднялся. Од могла кормить его только понемножку, держа его голову на своих коленях и вводя ложку с похлебкой ему между губ. Иногда он лежал спокойно, иногда метался, крича и молотя кровать кулаками, но жар держался постоянно. Его кожа начала шелушиться, волосы стали тусклыми и сухими. Од молилась сама и заставляла молиться Эйр и мальчиков. Малыша она оставила у женщин в одном из других домов.

Монах явился после полудня, рослый мужчина, загорелый дочерна; Лайэм сказал, что он так быстро шел пешком, что даже пони еле поспевал за ним.

— Благослови тебя Господь,— сказал монах Мюртаху.— Аббат просил меня поблагодарить тебя за овцу, которую ты прислал нам.

— Он уже поблагодарил меня, когда я приезжал на Рождество.

Монах улыбнулся:

— А ты с подозрительностью относишься к благодарностям? Они все благодарны, и я тоже за них.

— Ты не из монастырской школы?

— Я брожу. Мой дом, если он есть вообще, Кленмакнойс.

Он взобрался по лестнице, уверенно ступая по ступенькам большими ногами, и принялся. Возле постели сидели трое ребят, и Мюртах отослал их вниз. Од отступила в угол.

— Да пребудет Господь с вами,— сказал монах. Он сел и положил крупную ладонь на щеку Финнлэйта.— Давно он в таком состоянии?

— Третье утро,— сказала Од.— Во время дождя он был бодр, но до этого болел.

Финнлэйт выглядел поразительно изменившимся по сравнению с тем, каким он был еще за день до того. Монах посидел некоторое время, разглядывая его, и Мюртах понял по его позе, что он размышлял.

— Это твой отец?

— Мой дед.

— Он приходил в себя?

— Нет,— сказала Од,— он бредит время от времени.

— Принеси немного воды.

Она принесла ведро из угла, монах опустил в него ладонь, зачерпнул горсть, перекрестил воду и, бормоча что-то, смочил Финнлэйту лоб, губы и грудь. Внизу, у подножья лестницы, одна из собак заскулила.

— Мне позвать детей наверх? — спросила Од.

Монах улыбнулся, ничего не ответил, перекрестился и, не

спуская глаз с лица Финнлэйта, тихо сидел, губы его беззвучно шевелились.

Воздух в лофте казался душным и сырым. Мюртах отошел в угол лофта и сделал отверстие в соломенной крыше, стараясь, чтобы Од не заметила этого. Но она увидела.

Он снова вышел во двор. Закончил колоть дрова. Конэлл и Эйр пришли и попросили разрешить спор между ними.

— Это кукла Эйр,— сказал Мюртах Конэллу.

— Он оторвал ей ногу, папа.

Она держала в руках туловище куклы и ее ногу, пытаясь вернуть ногу на место, а потом, пожав плечами, протянула Мюртаху обе части. Он взял куклу и присел на колоду. Ноги и руки куклы были прикреплены к ее корпусу соломой, солома была порвана, конец был засунут обратно в пустое место в туловище, где были связаны на щепке все соломины. Он вытащил щепку наружу и снова привязал ногу.

— Все в порядке.

Эйр взяла куклу за спинку и задумчиво постучала по ней, потом подергала ногу.

— Скажи Конэллу, чтобы он не трогал ее.

— Я уже сказал ему.

Мюртах сурово посмотрел на Конэлла, и Конэлл грозно нахмурился. Эйр ушла, на ходу разговаривая с куклой. Мюртах подхватил Конэлла, усадил на плечо и понес в дом.

Од, сложив руки на коленях, сидела возле очага, глядя на пламя. Все остальные, дети, мужчины и женщины, ушли, и в нарастающих сумерках Од казалась постаревшей, а ее спина даже более согнувшейся, чем у пожилой женщины.

— Ты думаешь, что он умирает,— сказала она,— я видела, как ты сделал дыру в соломенной крыше.

— Что говорит монах?

— Он положил его на пол.

Мюртах пожал плечами. Конэлл снова выскочил наружу, и Мюртах сидел возле огня, протянув к нему ноги.

— Ты не принесешь мне чего-нибудь выпить?

Она молча встала и принесла ему маленькую кружечку аскуибха с горячей водой. Когда она снова опустилась рядом с очагом, он сказал:

— Ты принимаешь это слишком близко к сердцу. Он не хотел бы этого.

— Ах,— она откинула назад длинную прядь волос,— это все от того, что я просто устала.

— Устала? Отчего?

— И ты спрашиваешь меня об этом? Ты и Сирбхолл на-скакиваете друг на друга, и Эгон от этого сам не свой, и этот вкрадчивый Энгус...— Ее руки нетерпеливо подергивались.— От всего этого.

Он сделал глоток аскуибха.

— Если ты так устала, пойди поспи.

— Я сказала тебе, отчего я устала, и тут сон не поможет. Перестань воевать с Сирбхоллом.

В дверь вошла женщина, неся малыша.

— Я подумала, что ты захочешь вернуть его, пока не наступит темнота, Од. Он самый спокойный, самый прелестный ребенок, какого я когда-либо видела.

Мюртах на мгновение улыбнулся. Од взяла младенца и немного побаюкала его. Женщина склонилась над ним и тихонько стала напевать что-то. Это напело Мюртаху, как Эд возился с младенцами. Эд любил детей, всех детей.

Финнлэйт — Мюртах это тоже вспомнил — когда был более молодым мужчиной, на младенцев внимания не обращал. Он, и его сестра, когда еще была жива, и Од, которая была только одной из детворы, и все остальные, шумно играли с Эдом во дворе, но Финнлэйт только отмахивался от них, когда они пытались заговорить с ним, отгонял их, иногда даже шлепал. Эд и Финнлэйт были почти одного роста, но в памяти Мюртаха лицо Эда навсегда запечатлелось на одном уровне с его лицом, а лицо молодого Финнлэйта так высоко от него, что он должен был откидывать голову назад, чтобы увидеть его.

— Дети будут скучать по нему,— сказала Од, когда женщина ушла.

— Я не могу припомнить, когда бы он не жил в нашем доме, здесь или в долине.

— Ты помнишь, как он играл с нами, когда мы были детьми?

— Играл с нами? Нет, это был Эд. Финнлэйт никогда не играл.

— Уверена, что играл.

Но она не была уверена. Он смотрел на нее некоторое время, изучая ее лицо, заставляя себя узнать его, глядя на ее лицо так, словно никогда не видел его раньше.

— Знаешь,— сказал он,— я ведь мог получить в жены кого-нибудь много хуже.

— Ох,— сказала она,— сделав нетерпеливый жест, но улыбаясь,— а ты помнишь, как ты растрепывал мои волосы, но заставлял меня думать, что это Мэйр?

Вошли несколько женщин и начали готовить ужин. Только Мюртах и Од сидели по-прежнему и улыбались, глядя друг на друга, а вокруг них суетились и болтали женщины. Наконец он встал и вышел наружу, чтобы подняться в лофт и посмотреть, как там Финнлэйт.

На следующий день он и другие мужчины перегоняли скот на зимнее пастбище, медленно направляя его через холмы и через засушливую нагорную часть следующего глена.

Эгона он послал проверить овец на дальнем участке их домашнего глена. Когда все они далеко за полдень вернулись обратно — половина мужчин отправилась к другому частоколу, — Эгон вышел навстречу им из ворот. Мюртах понял по выражению его лица, что Финнлэйт умер.

Он слез с пони и передал поводья Лайэму, и Эгон подошел к нему.

— Финнлэйт мертв, — сказал мальчик.

— Да, я знаю.

— Монах хочет поговорить с тобой.

— Где он?

— В доме.

Монах сидел за столом, Эйр на его коленях, причесывая волосы своей куклы. Когда он увидел Мюртаха, он пересадил маленькую девочку на скамью рядом с собой, погладил ее по голове и поднялся, потом вместе с Мюртахом отошел в угол.

— Прими мои соболезнования, — сказал монах.

— Спасибо. — Он едва не спросил: «Почему?» Он никак не мог смириться с мыслью, что Финнлэйт мертв; слова пугались в его голове, ускользали и снова возвращались. Темные глаза монаха выражали понимание этого.

— Он пришел в полное сознание, сразу перед тем, как умереть. Он спросил тебя, и я сказал ему, что ты вышел. Он сказал, что это хорошо. — Монах слабо улыбнулся. — Теперь, сказал он, ты должен держать Сирбхолла подальше от клана мак Махон и ты должен держать клятву во что бы то ни стало.

— Из-за этого мы спрятались в угол? Извини меня.

— Нет. Он беспокоился о чем-то, а я не люблю оставлять человека в беспокойстве, когда он умирает, поэтому я сказал, что спрошу тебя, смогу ли я что-нибудь сделать для тебя. Похоже, он полагал, что ты нуждаешься в поддержке против твоего брата.

Укол гнева коснулся Мюртаха, и он почувствовал себя виноватым из-за этого.

— Нет, я так не думаю, мы все уладили, мой брат и я.

— Я упомянул об этом только потому, что он просил меня.

— Да.

— Порой...

Монах прервал фразу и, нахмурившись, смотрел на стену. Его короткий нос сморщился.

— Порой я думаю, что умирающие люди улавливают суть вещей. Он был обеспокоен, и я не думаю, что он беспокоился об обычных семейных неурядицах.

— Это не обычные.

— Я знаю историю этого. — Глаза монаха обратились к нему. — Если тебе когда-нибудь потребуются уши, чтобы вло-

жить в них свои слова, то мои так же хороши для этого, как глухая стена.

Мюртах пожал плечами:

— Я думаю, что теперь уже все улажено.

— Хорошо.

Он вернулся обратно к Эйр с ее куклой. Мюртах глядел ему вслед. Спустя некоторое время подошла Од и заставила его сесть на скамью, и когда делала это, то слегка встряхнула его. И эта встряска, и то, что сказал ему монах, вынудили его осознать, что Финнлэйт мертв не в том смысле, какой заключался в словах Эгона.

Они съели ужин, и Од разложила одеяла на полу возле очага. Четверо мужчин, Мюртах и Эгон поднялись в лофт и перенесли тело Финнлэйта вниз и положили на одеяло. Люди из других ограждений вошли в дом; Од посылала туда двух мужчин сказать им, что Финнлэйт мертв, почти перед тем, как монах спустился по лестнице вниз сообщить ей об этом. Тут же женщины обмыли Финнлэйта, причесали и облачили в его лучшую рубашку.

Мюртах сидел рядом с Эгоном возле огня, ему очень хотелось, чтобы Сирбхолл пришел домой. Когда Финнлэйт был аккуратно уложен, все, разбившись на группы, начали выпивать и разговаривать. В лофте нельзя было спать в течение трех дней, и Од уложила младших детей в постель в своей с Мюртахом комнате; Эгон и монах должны были спать в соседней. Мюртах дал Эгону выпить большую чашку аскуибха, мальчик сразу размяк и безропотно отправился в постель.

Как только он смог незаметно уйти, Мюртах оставил дом и вышел, направляясь в сторону конюшни. Было глупо верить, что Финнлэйт предвидел что-то, потому что так решил монах, который мог понять его неправильно. Умиравшие люди часто остро воспринимают мелочи, а Финнлэйт находился в лихорадке.

Стоя возле конюшни, он внезапно ощутил себя сдавленным, словно невидимое движение роилось вокруг него. Он напрягся, но это состояние продолжалось. Воздух был до того густой, что почти толкал его. Словно кто-то хлопал его по плечу, бил локтем под ребра, толкал его. У него свело желудок. Он закрыл глаза в страхе увидеть что-то и сделал шаг в сторону дома. Потом сделал еще один шаг. Чувство сдавленности обуревало его мозг, отключило все его возражения. Что-то словно смеялось над ним. Он внезапно открыл глаза, но не увидел ничего, кроме странной светящейся темноты. Когда он взглянул на небо, то увидел луну, взиравшую на него, словно одинокое злорадное око.

Он сделал еще три шага в направлении к дому, взглянул на небо в северной стороне и увидел там, сразу за холмом, слабые отблески будто пляшущих сполохов. Они исчезали,

снова ярко сверкали и снова исчезали. Он бросился к дому и едва удержался, чтобы не хлопнуть дверью.

Все уже были в кроватях. Гости из других ограждений лежали на полу вокруг очага. В тот момент, когда на свету он ничего не видел, ему казалось, что он провел в темноте полночи и что ощущение толпы и огней будет держать его в таком состоянии вторую половину ночи. Но тут вышла Од и кивнула ему, она еще не раздевалась. Он вообразил их всех, разговаривающих и выпивающих, веселых, разгоряченных, когда он бывал охвачен хозяйскими заботами, принимая рождественских гостей в своем собственном доме, но это было не так. Од должна была сама подойти к нему.

— Все заснули,— сказала она, закрывая за ним дверь.

Он присел на кровать, расшнуровал обувь и тихо положил вниз, чтобы трое детей, спящих в кровати, не проснулись. Од повесила свои одежды на вешалку, она скользнула в постель из простой соломы. Он мог слышать, как она бормочет свои молитвы.

Когда он поднял руки, чтобы снять свою тунуку, его мышцы отозвались болью. Он кинул тунуку вниз и улегся возле Од.

— Спокойной ночи,— прошептал он и начал читать молитву.

— Мама.

— Спи, Эйр,— сказал Мюртах. Им пятерым было тесно в кровати.

— Нил лягает меня.

Мюртах погрузил голову в матрас. Од сказала:

— Засыпай, и он перестанет.

Солома заскрипела и зашуршала. Эйр перелезла через Од и улеглась между ней и Мюртахом. «Это не иначе, как воля Божья, что мы всегда имели больше, чем одного»,— подумал он. До него дошло, что теперь он самый старший мужчина в его семье. Он закрыл глаза. Вокруг слышалось дружное дыхание спящих. Вся комната была заполнена звуками. Когда Мюртах уверился, что Од заснула, он встал, снял плащ с вешалки и вышел в большую комнату, чтобы лечь там спать на полу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На следующее утро они перенесли Финнлэйта в его саване на площадку для захоронения. Саван был из полотна — Од сама соткала его. Положенный на деревянные козлы, Финнлэйт дождался под небом, пока Мюртах копал ему могилу, пока люди проходили мимо, глядели на него и молились. Небо было синим, а воздух холодным.

Эгон вышел из дома и сел рядом, наблюдая, как Мюртах копает могилу. Земля промерзла и стала твердой неглубоко под травой. Тут Мюртах использовал топор, остерегаясь камней, чтобы прорубить могилу. Эгон сидел, скрестив ноги, немного в стороне и рассеянно глядел, ничего не видя. Мюртах выпрямился, отряхнул руки и взглянул вниз на яму, которую сделал. Для зимней могилы она была достаточно глубока.

— Папа!

— Угу,— он спрыгнул в могилу и стал выравнивать ее лопатой.

— Я тоже умру, да?

— Мы все умрем, Эгон.

Мальчик ничего не сказал. Мюртах закончил могилу и вылез из нее. Две самые старые женщины молились возле тела Финнлэйта. Мюртах собрал свои инструменты, взял их в одну руку и нагнулся, чтобы поднять Эгона. Эгон вскочил, схватил Мюртаха руками и прижался лицом к его плечу. Мюртах взлохматил его волосы. Обнимая Эгона рукой, он пошел прочь, полуведя, полутаща мальчика рядом с собой. Они прошли мимо молящихся женщин, и женщины начали причитать.

Сирбхолл вернулся ранним утром, в тумане таком густом, словно дым лесного пожара с ним прибыл еще один человек на большом жеребце. Мюртах, услышав оклик часового, вышел и стал ожидать возле дверей. Два всадника, с гневом кобылой на поводу, въехали во двор. Капюшон Сирбхолла был откинут на спину, но незнакомец был укрыт капюшоном, словно колдун. Мюртах подошел к ним.

— Я доставил к тебе гостя,— сказал Сирбхолл.— Вождь О'Руэйрк имеет несколько сообщений для тебя. Как Финнлэйт?

— Мы похоронили его три дня назад,— Мюртах бросил взгляд на человека в капюшоне. Он мог видеть только слабый блеск глаз, но взглянув на длинные пальцы, он узнал его: — Почему ты молчишь, Мелмордха? Ты второй необычный посетитель, который появился у меня после Кэтхэйр.

Мелмордха засмеялся. Откинув назад свой капюшон, он сказал:

— Твои глаза нечеловечески проницательны. Я был в клане О'Руэйрк, и когда явился твой брат, решил поехать вместе с ним.

— Ты направляешься в Лейнстер?

— Туда, что мне осталось от Лейнстера.

— Тебе не стоило бы особенно задерживаться, тем более со мной. Сирбхолл, укрой лошадей, холодно.

Мюртах принял поводья от Мелмордхи. Сирбхолл спрыг-

нул на землю и повел лошадей в сторону. Мюртах, не сводя глаз с гнедой кобылы, направился к двери.

— Ты настолько не чувствуешь себя в безопасности? — сказал Мелморгдх.

— Пф-ф... Люди короля выются вокруг меня, словно мухи над глазами дохлой коровы. Можно подумать, что я команду тысячью людьми и у всех у них такие же сильные руки, как у моего брата.

— Я слышал, что они своими глазами убедились, что ты готовишь заговор, тогда, в Кэтхэйре.

— Это не я ответственен за это, это они так решили. — Он взглянул на лошадь Мелморгдхи, которую Сирбхолл брал под узцы. — Ты выглядишь на ней хорошо, О'Руэйрк, должно быть, кусает себе локти.

— Он предложил мне за нее десять коров, пять жеребцов и двух жеребых кобыл — одна из них, я думаю, была твоя. Это хорошая лошадь, но уж очень влияет на настроение своего хозяина.

— А! У меня есть вороной пони, который я могу продать ему, если ты добавишь лужок, на котором можно выпасывать его. Говорят, что производительница у О'Руэйрка рыжая кобыла и что он предпочитает иметь хорошую лошадь, чем попасть в рай после смерти.

— Честно говоря, сейчас я бы взял твоего вороного пони для моей сестры.

— Гормфлэйт?

— А какая из моих сестер доставляет мне заботы, кроме Гормфлэйт?

— Од мне не позволит. Я хочу сказать, пригласи ее принять участие в этой торговле. Заходи в дом.

Они вошли. Од и дети уже встали, и Конэлл полз к борзым. Не заметив его, Мюртах едва не споткнулся и не упал на него.

— Од, убери этого детеныша.

Од подхватила Конэлла, свистнула собакам и собрала их всех возле очага. Эйр и Нил сидели на скамье, разглядывая Мелморгдху, а Од кидала на него взгляды искоса.

— Эгон, — сказал Мюртах, — уведи своих братьев и сестру и поиграй с ними во дворе. Или займитесь своей домашней работой. Это будет лучше.

Минуя хоровод детишек, вошел и сел Сирбхолл.

— Это была трудная поездка.

— Особенно ночью, — сказал Мюртах. Вошла Од, держа в руках тарелку с мясом на завтрак.

— Ты хочешь, чтобы я ушла? — тихо спросила она.

— Пожалуй, ты должна покормить детей.

Она что-то пробормотала. Едва не швырнув тарелку на стол, Од пересекла комнату, дверь спальни захлопнулась за

ней. Мелмордха и Сирбхолл взяли мясо с тарелки, отрезали по куску хлеба. Мюртах встал.

— Вы вытащили меня из постели, ночные наездники, я должен надеть башмаки. Сирбхолл, достань вина для — для него. И скажи Эгону, что они все могут поесть в доме Брендэна.

Он вернулся в спальню; дверь была не совсем закрыта. Сидя на кровати, он надел свои башмаки и зашнуровал их. Од с младенцем у груди игнорировала его. Уже выходя, он обернулся у двери и сказал:

— Когда угомонишься, сообщи мне об этом.

Она сверкнула глазами. Он захлопнул дверь и вернулся обратно к столу.

— Ты сказал, что твой дедушка умер? — спросил Мелмордха.

Мюртах кивнул:

— Он очень ослаб, я полагаю. Он не был настолько крепок, чтобы я мог надеяться, что он в любом случае переживет эту зиму.

— Я очень сожалею. Мне бы хотелось поговорить с ним.

— Ты из-за этого и приехал? Для серьезного разговора?

Сирбхолл, прихлебывая вино, пристально смотрел на них.

— Ладно, — сказал Мелмордха. Он откинулся на спинку, положив на стол свои длинные темные руки. — Я слышал кое-что о том, что ты сделал в Кэтхэйр-бай-Таре. Я бы должен был быть с тобой, если бы ты пошел.

— Не с датчанами, — сказал Сирбхолл.

Мелмордха не обратил на него внимания. Глядя на Мюртаха, он сказал:

— Ты уже располагаешь всеми аргументами для этого.

— Мюртах...

— Сирбхолл, успокойся. — Он взглянул на Мелмордху. — Я не могу. Ты тоже знаешь все аргументы по этому поводу.

— Я не знал, когда они, Сигтругг и Гормфлэйт, говорили со мной, что они имели в виду представить ярлу Оркнею. Клянусь в этом.

— Мелмордха, ты всегда смущаешься, как любой другой человек. Ты просто невезучий, только и всего.

Выразительный рот Мелмордхи выгнулся в улыбке, его глаза перебежали на Сирбхолла и снова на Мюртаха.

— Ты должен признать, — сказал он кротко, — что я, по крайней мере, дал ирландский совет датчанам.

Мюртах засмеялся:

— И ты плохо играешь в шахматы. Об этих двух случаях с тобой в Ирландии знает каждый.

— Что ты им должен, что ты не хочешь идти со мной? Верность?

— Я не должен им ничего. Не думай, что я настолько кро-ток, что я не думал о том, как содрать с них шкуру за это.

— Я знаю. Мы говорили об этом однажды, помнишь? Тогда я подумал, что ты благоразумен и выдержан, но теперь... Как думает человек с мечом в руке.— Мелмордха улыбнулся.— Я был удивлен, что они держали совет в Таре. Мелсечлэйн явно в это дело залез по уши.

— Нет. Не заблуждайся. Это не имеет никакого отношения к Мелсечлэйну. Он там из-за иностранцев, которые придут, чтобы помочь тебе, и если бы это не касалось ярла Оркнея и остальных, он был бы где-нибудь еще. Он намерен помогать Верховному королю не больше, чем я, и это раздражает его.

— У меня другое впечатление.

— Что ж, я это вижу так, и у меня нет руки с мечом, которая бы думала о чем-то.

— Это так. Это так,— Мелмордха скривил рот.— Или это рука с тетивой такая благоразумная?

— Еще разумнее. Тетиву натягивают только два пальца, а остальные остаются целиком для того, чтобы думать.

Мелмордха засмеялся.

— Если бы Мелсечлэйн играл в этом главную роль, то даже если бы ты привел всю Данию и Норвегию сюда на нас, я бы пальцем не шелохнул, чтобы помочь ему. Я сделаю то, что сделал в последней войне, ты знаешь, позаботился бы о стадах своих и...

— Пустил нас к себе,— грубо сказал Мелмордха,— накормил нас и выбросил своих детей из кроватей, чтобы мы могли спать.

У Сирбхолла дернулась голова.

— Но это был Верховный король, и он побеспокоился, чтобы найти меня и позвать на этот совет,— Мюртах выбросил свои ладони на стол.— Ты понимаешь, что это такое.

— Да,— длинное темное лицо Мелмордхи помрачнело.— Ты до сих пор все еще не понимаешь. Они не хотят оставить тебя одного в стороне. Мелсечлэйн может это позволить. Но мелкие кланы, мак Махон и другие, они не хотят того, что ты пытаешься сделать. Господи, ты представил их как преступников!

— Они признают это или будут задавлены до смерти. Одно из двух.

Сирбхолл отрезал кусок мяса и сунул его в рот. Мюртах взглянул на него.

— Что они могут сделать против меня? Снова устроить нам резню? Нет, для этого им потребуется король, как это они сделали в последний раз. Мелсечлэйн воздержится от этого. Я не беспокою Мелсечлэйна.

— Беспокоишь.

— Нет.

— Не знаю, не знаю.

— Если ты поразмыслишь об этом, то увидишь, что я прав.

Мелмордха посмотрел на свое вино, потом перевел взгляд на сидящего напротив Сирбхолла и долго смотрел на него.

— Он сохраняет молчание,— сказал Мюртах.— Мы все это выяснили некоторое время назад.

— Он говорил мне.

Мюртах взглянул на Сирбхолла, который отказывался глядеть куда-либо, кроме своего кубка с вином.

— Ого,— сказал Мюртах.— Сейчас я это вижу.

Мелмордха ничего не сказал, только улыбнулся.

— Ладно, я предоставлю тебе в полное распоряжение свою лучшую спальню, и мы можем разговаривать всю ночь, но ради блага нас обоих, я думаю, ты должен выспаться и уехать.

— Ты так нервничаешь.

— Я не могу держать моих домочадцев все время за дверью. А они знают, что ты имеешь привычку разъезжать по округе? Я имею в виду королей. Если нет, то, я думаю, лучше им и не знать.

— Да.— Мелмордха встал.— Я устал.

Мюртах поднялся.

— Я полагаю, что это так же для моего блага, как и для твоего. Но это все же необычно для тебя — странствовать так.

— Я должен знать, что происходит.

— И ты не мог для этого кого-нибудь послать?

— Король Лейнстера должен выполнять работу короля Лейнстера.

Мюртах внимательно посмотрел на него и улыбнулся:

— Если когда-нибудь наступит день, когда тебе придется бежать и Лейнстер закроется для тебя, приходи сюда.

Они вошли в пустую спальную комнату, и Мюртах затворил дверь.

Лампа в комнате светила тускло, и Мюртах едва мог разглядеть лицо Мелмордхи.

— Ради твоего блага я бы никогда не приехал сюда, если бы все не складывалось так плохо,— сказал Мелмордха,— и я приехал к тебе, потому что ты никогда не был моей жертвой. Но если времена так сложатся, что тебе придется бежать, Мюртах, приходи ко мне.

Мюртах улыбнулся:

— Ты слишком много думаешь обо всем этом, чем следовало бы. Выпись хорошенько. Если тебе что-нибудь потребуется, позови меня.

Он вышел. Сирбхолл поджидал его и, когда он достиг входной двери, прошепел:

— Почему ты вообще слушаешь его?

— Мы были друзьями еще до того, как ты родился. И если я захотел выслушать его, когда он вне себя от мысли, что потерпит поражение, то это мне решать.

— Ты думаешь, он...

— О, мне кажется, он предпочтет быть побитым нами, чем датчанами. Если он и датчане побьют королей, то датчане повернут на него, и он понимает это.

— Тогда почему он в союзе с ними?

— Ты слышал его. Сигтругг его племянник, и Сигтругг король Дублина, если не ирландский король, то, по крайней мере, король в Ирландии. Он сказал, что не знал, что они позвали ярла Оркнея и других.

— А как ты думаешь, кого других они приведут?

Мюртах стоял под ранним солнечным светом. Туман рассеивался.

— Все мечи и топоры Южных Островов. Каждый корабль на побережье Ирландии и Англии, каждого исландца, которому надоело быть фермером, каждого...

— У тебя так звучит, словно весь мир.

— У ярла Оркнея великое имя.

Эгон улыбался перед ними, ожидая, когда Мюртах закончит.

— Папа, мы сможем пускать стрелы сегодня?

— Амбар очищен?

— Да, отец.

— И лошади вычищены, и весь мусор из дома выметен, и ты вынес всю листву к стене за амбаром?

— Все, все... кроме листьев.

— Хорошо. Мы немного постреляем.

— Я пойду и взгляну на могилу Финнлэйта,— сказал Сирбхолл.

— Как ты сходишь, там нападала листва...

— Я займусь этим,— Сирбхолл улыбнулся и зашагал.

— А кто был тот другой человек, папа?

— Я мог бы сказать тебе, что это торговец лошадьми, который приехал из Коннэута с твоим дядей.— Мюртах направился в дом за их луками.

— Но это не так,— сказал Эгон.

— А как ты узнал?

Они вышли из ворот и двинулись вокруг задов частокола в сторону водопада. Эгон сказал:

— Я помню его. Он был здесь прошлым летом.

— Я думаю, для тебя будет лучше, если ты не будешь знать, кто он.

— Ах, папа.

На поле под скалой было мало травы и мало солнечного света. Мюртах соорудил мишень кинжалом на буковом дере-

ве, он это сделал еще тогда, когда они впервые пришли на этот глен, с той поры мишень потемнела, покрылась рубцами, а потому хорошо выделялась на створе дерева. Через некоторое время он повесил здесь старый деревянный щит, обрамленный железом по краю и закрепленный на нижней ветви. Сейчас он подергал его, чтобы проверить, держит ли его еще проволока.

Эгону скоро надоело стрелять в дерево, и они начали стрелять в щит, который качался, когда в него попадала стрела, и они должны были ждать, когда он повернется к ним широкой поверхностью, и стрелять быстро, пока он не откачнется в сторону. Эгон мог утыкать стрелами дерево, но никак не мог поразить мишень.

— Сделай это, отец, дай мне посмотреть.

Мюртах натянул свой лук.

— Это сноровка, и нет никакой пользы от попадания в щит.— Он выпустил стрелу.— Напомни мне наделать побольше стрел до конца зимы. У нас еще остались совиные перья?

— Немного.

— Нет ничего, что я любил бы больше, чем охоту на сов в конце зимы.

Он поднял лук и выстрелил. Щит бешено завертелся.

— Ох,— сказал Эгон.— Ты попал! — Его голос звучал разочарованно.

— Ты просто должен прикинуть, сколько времени стрела летит туда, только и всего. Это хорошая хитрость, выстрелить во что-то, что еще не появилось.

— Ты так поступаешь с оленем.

— Не совсем таким способом.— Он снова выстрелил, щит подскочил и завертелся.— Ты зря потратишь стрелы, если попытаешься убить бегущего оленя. Гораздо проще подобраться к нему поближе, когда он спокойно стоит или пасется.

Он снова выстрелил, и щит закачался туда-сюда.

Эгон бросил наземь свой лук.

— Я никогда не смогу так.

— Подними лук. Ты сможешь.

— Не смогу.

Мюртах легонько ударил его по плечу.

— Так ты кто: Эйр или Эгон?

Он пошел за своими стрелами. Эгон поплелся за ним, волоча за собой свой лук.

Когда они подошли достаточно близко, чтобы видеть щит отчетливо, Мюртах остановился и присвистнул сквозь зубы:

— Ты видишь? Быть слишком ловким тоже может привести к своему наказанию.— Одна из стрел вонзилась в другую стрелу и расщепила ее.— Во всей поверхности щита она не нашла другого места, куда воткнуться.

Он вытащил стрелы, разломал поврежденную и попытался высвободить перья.

— Отец, а дядя стреляет из лука?

— Дядя деревенский человек.

— Но это не так.

— Он мечник.

— А что лучше?

— Понимаешь, с луком нечего делать в рукопашном бою, но человек с мечом может сколько угодно размахивать им за пятьдесят шагов, но никого не поразит.

Он убрал стрелы в колчан.

— Меч это для схватки. Помнишь Халфдэна — датчанина, который приходил и рассказывал нам всякие истории? Он мог привести тебе больше названий для меча, чем у тебя есть в голове для любого другого предмета. Эти датчане прямо-таки женаты на своих мечах.

Мальчик присел и поднял одну из своих стрел. Наконечник сделал царапину по краю щита.

— Видишь? Я все-таки попал!

— Ты хороший стрелок. И станешь еще лучше.

Они вернулись на прежнее место, и Эгон выпустил еще несколько стрел. Мюртах расстелил на земле свой плащ и опустил на него. Эгон стрелял, будучи мрачным, но он уже научился не злиться на свой лук. Такая ошибка была у Эда, когда он делал что-то неудачно, он злился на это.

Эгон издал вопль, от которого Мюртах едва не подпрыгнул с земли.

— Я поразил его, отец! Взгляни! Видишь? Я поразил его!

— Пойдем, посмотрим.

Они побежали к дереву. Щит все еще раскачивался, когда они подошли к нему, и одна из стрел Эгона, окрашенная в красный цвет, воткнулась в край возле железной обивки.

— Она попала не в центр,— захныкал Эгон.

— Пф-ф... Она попала сюда, это самое важное. Со временем, позднее, ты сможешь расстраиваться, когда будешь попадать не в центр.

— Я буду стрелять, пока не попаду в центр.

— Нет, не будешь. Мы возвращаемся. Завтра ты будешь стрелять лучше, чем если продолжишь сейчас.

— Тогда ладно.

Они вернулись, чтобы подобрать плащ и колчан Мюртаха. Эгон сказал:

— Отец, а как выглядело Бегство?

— Бегство?

— Ты никогда не рассказывал мне. Я знаю, что они убили нас всех. Но как это было?

— Нет ничего интересного — слушать это.

— О, папа, расскажи мне. Сколько лет тебе тогда было?

— Примерно столько, сколько тебе.
— И мама была при этом?
— Да.
— Отец, ну, пожалуйста!
— «Отец!» Попроси об этом свою мать.
— Она ни за что не захочет рассказать мне об этом.
— Это хорошо. Я всегда понимал, что женился на ней по многим соображениям. Спроси своего дядю.

— Но дядя был всего лишь младенцем.
— Он расскажет тебе, если ты попросишь. Ну, хватит, Эгон. Ты уже вырос так, что достигаешь моего плеча, а ведешь себя, как Конэлл, когда он хочет чего-то. Я...

Он замер. Они уже были почти возле ворот частокола, и через них он увидел группу всадников перед его передней дверью, и он их сразу узнал.

— Эгон, хватай пони на лугу и скачи за пастухами.

Эгон взглянул за частокол, повернулся и побежал.

Мюртах глубоко вздохнул и прошел в ворота. Вождь мак Махона свесился со своей лошади, разговаривая с Од. Она стояла в дверном проеме, прижав руки к своей юбке, и когда вождь мак Махона перестал говорить своим гнусавым, самодовольным голосом, она сказала:

— Их здесь нет. Если ты намерен воевать с женщинами и малыми ребятишками, мы можем дать тебе пристанище.

Ее голос звучал ровно. Мюртах натянул свой лук и приложил стрелу. Его руки взмокли. Он вступил в ворота и приклонился спиной к изгороди.

— Здесь есть и мужчина,— сказал он.— Если ты хочешь, чтобы их было больше, Дермот, мы можем позвать их, но, я думаю, ты сочтешь, что меня одного достаточно для вашей группы. Или зима так сурова на севере, что ты спустился вниз и поднял пыль на моем дворе?

Всадники завертелись на месте, уязвленные тем, что не заметили, как он появился. Дермот мак Махон двинул свою лошадь вперед.

— Значит, вот он ты, змеиный язык.

Колени Мюртаха дрожали.

— Я здесь, бараньи мозги. Нет, не придвигайся ближе. Мне нравится видеть тебя отсюда. Ого, тут и кузен короля тоже, проделал весь этот путь, чтобы полубезничать с моей женщиной.

Кир мак Эода вспыхнул. Мюртах обвел взором всю территорию, высматривая Сирбхолла, и, не увидев его, снова повернулся к Дермоту.

— А теперь, будь любезен, обманчивый друг, можешь что-то провякать.

— Разве человек не может...

— Не ты.

— Опusti этот лук,— сказал Кир мак Эода.— Возьми меч и нападай на нас, как настоящий мужчина, каким ты не являешься.

— Если на тебя в темноте нападёт свора собак, ты что, отбросишь свой лук и будешь грызться с ними зубы на зубы?

— Где твой брат? — спросил Дермот.— Я слышал, у него есть какое-то недовольство против нас?

— Да? — Мюртах прислонился к ограде.— Ты стремишься, чтобы твои кишки были выпущены на землю?

— Мелмордха,— прозвучал другой голос. Это был рыжеволосый Кормак мак Догерти, молочный брат Дермота мак Махона.— Мы слышали, он встретил твоего брата в Коннэуте. Мы охотимся за ним.

— О-хо-хо, вы снова выехали за пределы границ. Если бы глава клана О'Руэйрк нашел вас на своих землях, он бы уделил вам куда меньше времени, чем я. Мелмордхи здесь нет. Убирайтесь.

— Но он был здесь.

— Да. Он был здесь. Убирайтесь. У вас у всех превосходные уши — или мне нужно проделать еще слуховые отверстия в ваших головах?

— Какие-то голоса потревожили меня,— сказал Сирбхолл.

Мюртах издал вздох облегчения. Из окна чердака вылез Сирбхолл и сел на подоконник болтая ногами. Его меч лежал на коленях.

— Они разбудили меня и оторвали от хорошего сна.

Клинок его меча сверкнул на солнце. Мюртах опустил свой лук. Его пальцы так сжимали лук и конец стрелы, что им стало больно, но он почувствовал это только сейчас.

— Ладно,— сказал он спокойно,— уезжайте. Мы занятые люди, и наша зима не такая суровая, как ваша. И поберегите весь этот задор до той поры, когда заявятся датчане.

Дермот взглянул на Кормака, и что-то мелькнуло между ними. Дермот развернулся и медленно выехал из ворот. Остальные последовали за ним. Дермот уехал, ничего не сказав, Кир мак Эода начал было говорить что-то, но сжал губы и проскакал в ворота.

Кормак послал свою лошадь чуть стороной, чтобы остановиться возле Мюртаха; оглянувшись назад, на Сирбхолла, он сказал:

— Тебе повезло второй раз, кролик. Как насчет третьего? — Он сплюнул в ноги Мюртаху.— Научись снова убегать, кролик.

Понукая коня, он ускакал за остальными.

Сирбхолл исчез, он снова появился в лофте, опуская вниз лестницу. Мюртах закрыл глаза, чувствуя, как у него подступает в животе. Подошел Сирбхолл, размахивая руками и ухмыляясь.

— Если это все, на что они способны, имея перед собой только нас двоих, то мы доживем до старости. Что Кормак сказал тебе?

— Достаточно.

— Я должен был забраться через заднее окно дома, взять свой меч и незаметно подняться по лестнице наверх. Я подумал, что из лофта смогу увидеть больше.

— Но ты не мог использовать свой меч в лофте.

— Я намеревался прыгнуть вниз на голову мак Махона. Что ты имеешь в виду, говоря, что он сказал достаточно?

— Они не хотят, чтобы мы были живыми.

В дверях за Од появился Мелмордха, его темное лицо возвышалось над ее черными волосами и светлыми, сверкающими глазами. Од позвала:

— Зайдите в дом, вы оба.

Мелмордха сказал:

— Я пойду. Спасибо, Мюртах.

Мюртах пожал плечами.

— Легче обсудить все, когда их здесь нет. Ты не можешь уйти. Они где-то поблизости.

— Где Эгон? — спросила Од.

— Я послал его за пастухами.

— Сколько их там? — спросил Мелмордха.

— Десять или двенадцать, — сказал Сирбхолл.

Мюртах прикусил губу. Его голову разрывали самые противоположные идеи.

— Они будут там, поджидая.

Он сел. Вошли Нил и Эйр. Нил тащил Конэлла на спине.

— Папа, — спросил он. — Кто это были?

— Сыновья убийц вашего деда.

Лица детей стали такими же бледными, как у Од. Сирбхолл подался вперед.

— Мюртах...

— А почему нет? Ты вынудил меня сказать это, взять кость указательного пальца старого Эда и указать ею — вот, смотрите на них теперь. Они были здесь, и они не оставят меня в покое.

Мелмордха сказал тихо:

— Он расстроен.

— Расстроен? Я напуган, вот что со мной. Дайте мне подумать, вы все...

— Отец...

— Я сказал, дайте мне подумать!

Од собрала детей и повела их к двери.

— Мама, — сказал Нил, — он кричал на меня.

— Идем.

— Я выйду на дорогу в Кинкору, — сказал Мюртах. — Я собираюсь найти короля.

— Чего хорошего он может...— сказал Сирбхолл.

— Я не знаю. Что-нибудь.

Мелмордха вздохнул:

— Ты, конечно, не можешь терять шанс. Но ты должен лучше защитить себя от всего возможного.

— Как? Скажи мне, король Лейнстера.

Мелмордха открыл рот, подумал, пожал плечами, закрыл рот и посмотрел в сторону.

Сирбхолл сказал:

— Теперь мне все стало ясно.

— Жизнь с ним должна была научить тебя,— сказал Мелмордха,— если есть кружной путь с препятствиями и дорога на равнину, то Мюртах выберет тернистый путь.

— Так и есть. Я отправляюсь к королю,— Мюртах снова встал.

— Я поеду с тобой,— сказал Сирбхолл.

— И Эгон,— Мюртах показал его, надув и оттопырив пальцами щеки.— Кто сегодня дежурит на страже?

— Один из дома Брендэна. Он отошел попить воды.

— Значит, они выбрали место, откуда легко могли наблюдать за воротами и видеть, что часовой отошел. Когда мы отправимся, пошли Лайэма проследить, сколько из них последуют за нами — а они последуют, я уверен в этом. Если никого не останется, Мелмордха сможет выскочить отсюда.

Дверь открылась, и вошел Эгон, в левой руке он держал лук со спущенной тетивой.

— Я вернулся, отец.

— Где пастухи?

— Между этим частоколом и частоколом Фойна. В случае...

Он огляделся, неожиданно смутился и сказал тихо:

— В случае чего они там смогут действовать лучше. Мак Махон разбил лагерь внизу, у реки. Он не сможет атаковать оба... Я имею в виду...

— Умная голова,— сказал Мелмордха.

— Да,— Мюртах прошел мимо Эгона к двери.— Идем со мною. Я должен кое-что сказать тебе.

Они пошли в сторону конюшни, где в бочках выдерживались заготовки для стрел. Мюртах постоял некоторое время, наблюдая краем глаза за Эгоном. Ему хотелось обнять Эгона, тесно прижать его, защитить. Наконец он сказал:

— Я отправляюсь в Кинкору в Мюнстере с твоим дядей, и ты можешь поехать с нами, если хочешь.

— В Кинкору?

— Да. Сначала я хочу надеть стрел, так что не спеши упаковывать свой выходной плащ.

— Почему не направиться к Мелсечлэйну? — спросил Сирбхолл.— Он ближе, и он может...

— Ты сошел с ума. Если он предоставит нам свою защиту, то это будет не просто.

— А как это было просто назвать тебя трусом перед...

Эгон взвился:

— Он не трус!

— Я сказал, что был напуган,— сказал Мюртах.— Так и есть.

Он взял из ближайшей бочки заготовку для стрелы, оглядел ее и стал обстругивать кинжалом.

Эгон сел, весь кипя. Сирбхолл улыбнулся ему:

— Это было разумно, оставить людей на склоне холма.

Эгон проигнорировал его слова, он был неумолим.

— Ты не трус.

— Может быть, нет. Но я легко пугаюсь. Я наполовину женщина — моя мать была ею полностью. Давайте делать стрелы. Позднее они могут нам пригодиться.

Мелмордха и Сирбхолл спали в одной спальняной комнате, Мюртах, младенец и Од — в другой, четверо старших детей в лофте. Мюртах лежал на кровати, наблюдая, как Од нянчит младенца, она сказала:

— Вот ты поедешь к королю, и что потом?

Она перевернула маленького мальчика и стала одевать, продев в рубашку толстенькие сильные ручонки. Наконец, когда он не ответил, она взглянула на него:

— Ну?

— Я попрошу у него защиты.

— А если он не предоставит ее тебе, то что... произойдет?

— Я не знаю.

— Да? Странно, что я знаю.

— Ты знаешь. С твоим даром предвидения ты могла бы научиться ремеслу колдуны.

— Я могу. Когда мужчины уезжают, для этого достаточно совсем немного.

— А что ты думаешь произойдет?

— Как я могу знать? Я всего лишь невежественная женщина, годная лишь на то, чтобы приносить тебе детей, чтобы было перед кем пыжиться и кормить тебя, чтобы придать тебе силу для того, чтобы пыжиться перед ними.

— Я сожалею, что накричал на них.

Она слабо улыбнулась:

— Они понимают это.

— Положи его в колыбель.

— Сделай это ты.

Он взял у нее младенца, пошептал ему, чтобы успокоить, и перенес в колыбель, стоящую возле стены. Младенец кудахтнул и вздохнул, когда он уложил его.

— А теперь засыпай.

Она была уже в постели, когда он вернулся.

— Мюртах, что ты будешь делать, если... если они...

Лежа на боку, он положил руку ей на плечо.

— Подожди,— сказала она,— ответь на мой вопрос.

Он обнял ее и сильнее прижал к себе. Она закрыла глаза.

— Никакая другая женщина в Ирландии не имеет такого мужчину, как ты. Что я должна сделать для удобства, что превратило бы тебя в такого, как все остальные?

— Перестань разговаривать, и ты получишь еще одного младенца для удобства.

— О, да,— сказала она и так выгнула свою спину, чтобы он мог дотянуться до ее рубашки.— Это именно то, в чем я нуждаюсь.

Мюртах проснулся ранним утром и подумал: а что, если они убьют Эгона?

«Если я говорю это, этого не произойдет. Если я думаю об этом, этого не произойдет».

Он начал молиться, просить Бога защитить Эгона, но его переполнило чувство, которое всегда находило на него, когда он начинал торговаться с Богом. Он тихо лежал, размышляя о Боге, он всегда воображал Его как один из самых великих и всеобъемлющих идеалов, который монахи засадили в клетку из букв в своих книгах, идеал, но живой во всех своих частях.

Бог где-то здесь и везде. Он закрыл глаза. Если бы он искал достаточно долго, неотрывно следил за ходом вещей, он бы нашел в этом цель, ясные и подлинные причины.

Когда он был юным, до Бегства, перед домом его отца стояло большое буковое дерево. Летними вечерами, когда на деревьях пели птицы и надвигался сумеречный свет, он, его сестра и другие дети любили спать под этим буковым деревом. Он лежал тихо, вспоминая это; какое удовольствие спать под буковым деревом и не думать о том, что должно произойти в дальнейшем.

Но буковое дерево было разрушено, сожжено и умерщвлено, оно словно факел раскачивалось над горящими домами, горящими мужчинами и женщинами.

— Од.

Она подняла голову.

— Еще едва светает. Ты уже собираешься?

— Нет.

— Ты захочешь взять с собой какую-то еду.

— Думаю, что да.

Младенец, заслышав ее голос, зашевелился в колыбели. Она повернула к нему голову, и солома закрипела.

— Взять его?

— Хорошо.

Первые лучи проникали через узкое окно. Она склонилась над колыбелью, подобрала младенца с одеялом, вернулась в кровать и положила его. Ребенок захныкал.

— Иногда,— сказала она,— когда вокруг никого нет, я кладу его на один конец кровати, сажусь сама на другой конец, и он перекачивается ко мне.

Младенец перевернулся на живот и пополз к Мюртаху. Он запутался в своей рубашонке, попытался высвободиться и захныкал. Од засуетилась над ним. Она высвободила его ручки и ножки из узла и, положив свою голову рядом с его головкой, зашептала ему. Младенец, прислушиваясь, приподнял голову.

— Ну разве ты не очаровательное маленькое существо? Ну, конечно же, да. Конечно же, да.

Ребенок в восторге курлыкал. Мюртах вздохнул. В нарастающем молочном свете он смотрел, как Од играла с младенцем, пошлепывала его, тискала его, пока он не начинал повизгивать, целовала его. Со светом их два лица становились яснее и отчетливее.

— Мюртах! — произнес Сирбхолл из-за двери.

— Выхожу.

Од подняла глаза, и ее лицо словно закрылось дверью, спрятавшей удовольствие, которым оно сияло. Она поспешно встала с кровати, оделась, как и он, положила младенца в колыбель и последовала за Мюртахом в переднюю комнату, где присоединилась к другим женщинам, готовившим завтрак.

Когда мужчины были готовы к отъезду, она дала каждому из них сверток с хлебом, сыром и маленький кувшин аскуибха. Эгон поехал на черном пони, Мюртах взял гнедую кобылу, самую быструю из его лошадей. Сейчас, жеребая, она должна была быть еще более быстрой. Сирбхолл ехал на своей обычной лошади, той, что он отобрал у Кира мак Эоды. Од не стояла в дверях, когда они выехали.

Люди мак Махона и он сам сразу сообразили, что они собрались далеко. Мюртах сменил шаг на легкую рысь, чтобы так пройти свои земли, и группа последовала за ним, не делая попытки приблизиться. Они проехали по склону холма, мимо дерева-мишени и направились к белому шраму водопада на высоком краю глена.

Люди мак Махона, непривычные к верховой езде в горах, начали растягиваться в длинную, прореженную цепочку. Мюртах надеялся, что они попытаются найти короткий путь через болота, в то время как он, Сирбхолл и Эгон будут ехать от керна к керну¹, но те этого не сделали. На вершине Гэпа,

¹ Пирамида из камней, служащая межевым или иным знаком

когда Мюртах оглянулся, он увидел, как они упрямо следуют за ними по пятам.

— Куда? — спросил Сирбхолл.

— Прямо на запад. Мы следуем на юг Слэйб Блум.

В полдень они устроили отдых, поели сыра и двинулись дальше. Спустя некоторое время Мюртах сказал:

— Мне бы следовало послать Нила с тобой в Брефни.

— Почему?

— Мне всегда хотелось иметь Граву О'Руэйрка его воспитателем, я не мог позволить ему поехать одному.

— Вот когда вернемся обратно.

— А Конэлла тоже хотел послать — в церковь.

Сирбхолл сжал его плечо и встряхнул:

— Когда мы вернемся обратно.

Они поехали дальше. Ближе к закату Мюртах послал Эгона вперед подыскать подходящее место, где бы они могли провести ночь.

Они уже почти выбрались из холмов и были на краю долины. Мюртах обернулся, чтобы взглянуть назад:

— Растеряны. Теперь Мелмордха в безопасности.

— Я хотел спросить тебя: это делается для его спасения или нашего?

— И его, и нашего, я эгоистичен. Ты знаешь притчу о человеке, который без опасности пас своих коз между двумя стаями волков?

— Это все старые сказки. Я еще удивляюсь, что ты не захватил свою арфу. Эти две стаи не являются врагами.

— Ими не были и те волки, которых я упомянул. А вот и Эгон.

Эгон подскакал к ним.

— Там впереди подъем, на его вершине растут несколько деревьев, но на склоне ничего нет.

— Там есть вода? — спросил Сирбхолл.

— У подножия. Едем.

Они быстро поехали к холму, наполнили свои бурдюки из ручья у подножия и стреножили лошадей на траве южного склона. После того как они поели, Эгон и Сирбхолл улеглись спать, а Мюртах залез на дерево, чтобы наблюдать оттуда, взвзв с собой свой лук.

Стояла полная луна — он не мог припомнить, была ли она уже полной в ночь накануне или еще прибыла. Вождь мак Махон и его люди, мак Эода и мак Догерти, они были молочными братьями, все они разбили лагерь на следующем склоне, недостижимом для выстрела из лука.

Он скучал по дыханию Од рядом с ним. Он размышлял, хорошо ли она спит в его отсутствие. Он редко отсутствовал. Если он так сильно привязался к ней, то она могла так же

привязаться к нему. Но при ней были все дети, чтобы разделить ее общество.

Ветер шумел в голых ветвях деревьев, сталкивал их друг с другом, и он дрожал. Не от холода. Он отказывался думать об этом — об Од и своих детях, думать о... — он хотел отчаянно отбросить это. Эта резня, этот ропот, эта толкотня, все эти люди — кричащие, стонущие, окровавленные. Эд, возвышающийся над всеми, окровавленный и обнаженный, с одной рукой, обрубленной наполовину — нет... Думать об... Как они кричали и как они молчали, толпясь вокруг Эда в поисках тепла его живого тела, трогая его, пытаясь привлечь его внимание, сказать ему что-то. Он боялся встретиться с ними взглядом. Он знал, это их глаза полны горя, настоящего требования понять и желания что-то сказать ему...

— Отец?

Мюртах весь сжался.

— Что?

— Я не могу заснуть.

— Ладно, тогда залезай сюда.

Эгон взобрался на дерево и уселся на сплетение веток у ног Мюртаха.

— Что ты делаешь?

— Читаю молитвы. — Он перекрестил себя от Божьего гнева. — Твой дядя помешал бы мне.

— Ты взял с собой арфу?

— Нет. Зачем?

— Дядя спрашивал меня, я не знаю. Расскажи мне историю.

— О, Господи...

— Ойсин. Расскажи мне об Ойсине.

Любимая история Финнлэйта. Мюртах снова перекрестился. Финнлэйт будет жить в этом связывающем их сейчас мальчике, пока не умрет следующий — огромный старый человек, пытающийся сказать нечто, что он должен был сказать монаху.

— Я не могу. У меня нет моей арфы. Я расскажу тебе детскую сказку об убийстве дракона Ворфрата.

Это было сборище сказок, объединенных в одно целое, иногда не очень удачно, и Мюртах фантазировал над нестыкующимися местами, сглаживая их в пересказе. Когда он закончил, то сказал:

— Я должен разбудить твоего дядю, чтобы он продолжил наблюдение. Я устал.

— Мне можно остаться здесь?

— Нет. Завтра ты будешь смертельно усталым, если останешься.

Они слезли с дерева и разбудили Сирбхолла, который

вскочил так быстро и таким свежим, словно он вовсе не спал, а только лежал с закрытыми глазами. Мюртах устроился возле тлеющего костра и растянулся на одеялах. С Эгоном и костром он чувствовал себя в безопасности — от них. Он заснул.

Весь следующий день предводитель мак Махона и его банда были на виду за ними. День начался хороший, яркий и со свежим ветерком, но после того как они остановились поесть и дать отдых лошадям в полдень, с юго-запада небо стали заволакивать густые тучи. Весь день после полудня тучи наползали и наползали. Мюртах ускорил ход с шага до галопа. Когда опустилась темнота, с нею пошел и первый дождь — тяжелые, крупные капли. Под копытами лошадей почва сразу превратилась в грязь.

— Мы собираемся остановиться? — сказал Сирбхолл, когда Мюртах опустил поводья, чтобы передохнуть.

— Нет, — он смотрел через струи дождя, выглядывая предводителя мак Махона.

— Как далеко мы от Кинкоры?

— Не знаю. Я никогда не был там.

— Эта равнина может превратиться в болото.

— Я знаю. Высматривай керны.

Он подал кобылу вперед, Эгон устал, его пони выдохся, но они плелись рядом с гнедой кобылой. Дождь немного ослаб, и ветер сменил направление, дуя то в одну, то в другую сторону. Мюртах упорно держал на запад, хотя гнедая кобыла начала попытаться на ровном месте. Они ехали через небольшую, узкую долину, окаймленную и прорезываемую деревьями.

— Мы должны сделать стоянку, — сказал Сирбхолл, — парень почти выдохся.

— Оставь меня, — сказал Эгон. Он с трудом держался рядом с ними. Голова пони поникла, вода стекала с его ушей и гривы. — Я в порядке.

— Нет.

Они проехали еще немного, только до дальнего склона на выходе из долины.

Ветер бешено задувал по равнине, бросая струи дождя им в лицо. Деревья гнулись и колыхались вокруг них. Лошади карабкались по длинному подъему, и когда они поднялись на вершину и взглянули вниз, на реку, то сразу за ней увидели огни.

— Господи, — сказал Сирбхолл, — проехав всю Ирландию, мы не достигли бы его так точно.

— Я сомневаюсь, что мы достигли.

Они спустились к реке и обнаружили, что огни были всего лишь рыбацкими очагами в приземистых лачугах на дальнем берегу, река разлилась по заболоченной низине вдоль него, и камыши пели словно арфы на ветру.

— У кого есть веревка? — спросил Мюртах.

Сирбхолл достал свою из котомки и кинул ему. Они связались все вместе, Мюртах посредине, Сирбхолл, чья лошадь была самая большая и самая сильная, первым двинулся против течения. Какое-то время он не мог заставить свою лошадь войти в воду. Большая лошадь упрячилась, упиралась задними ногами и хрипела. Сирбхолл снова заставил ее направиться в реку, и лошадь метнулась вбок, затянув Сирбхолла веревкой.

Мюртах стянул с себя свой ремень и ударил сбоку большую лошадь. Лошадь фыркнула, заржала, взбрыкнула и кинулась вперед. Мюртах крикнул Эгону, чтобы тот поостерегся. Его кобыла последовала за большой лошадейю.

Все трое на одной линии они рысью преодолевали болотистую почву — Мюртах мог чувствовать, как земля хлюпала под копытами кобылы. Неожиданно дно исчезло. Кобыла погрузилась почти целиком. Веревка вокруг туловища Мюртаха дернулась в обоих направлениях. Он взглянул в сторону Эгона — на пони не было всадника.

Мюртах схватился за свой кинжал, чтобы отрубить себя от Сирбхолла, так, чтобы он смог кинуться за Эгоном, но прежде чем он смог найти ослабившуюся веревку, он увидел голову, торчащую прямо возле плеча пони. Вглядевшись пристальнее, он теперь видел, что руки Эгона вцепились в длинную черную гриву, и пони мог плыть спокойно.

Течение подхватило гнедую кобылу и завертело. Мюртах повис на веревке, стянувшей его с седла, хлебнув полный рот грязной воды. Стал погружаться... Сирбхолл подтянул его, и он перекинулся, весь дрожа, через спину лошади. Он не видел противоположного берега, все, что он мог видеть, это была река, время от времени белые гребешки волн перекатывались по бурлящей воде.

Кобыла, похоже, стала спотыкаться под ним. Он перевел дыхание. Кобыла зашаталась и неуверенно ступила задними ногами, ее копыта задели твердую почву, и она кинулась вверх на мелкое место. Эгон наполовину сполз со спины пони. Лошадь Сирбхолла выбивалась наверх рядом с ним, хрипя и топая ногами. Они преодолели отмель, заросшую камышом, и выбрались на высокое место.

— Эгон?

— Со мной все в порядке.— Его голос звучал увереннее, чем раньше.

— Поехали.

Они доехали до рыбацких хижин. Мюртах оглянулся на ре-

ку: она казалась шире, чем тогда, когда они начали переправляться через нее. Барашки волн выглядели белыми чайками.

Сирбхолл соскользнул со своей лошади и забарабанил в ближайшую дверь. Дверь со скрипом отворилась, и хриплый голос спросил:

— Кто там?

— Странники — глава клана О'Каллинэн из глена Гэп. Позвольте нам войти, мы замерзаем.

Мюртах, тупо сидевший на кобыле, взглянул на Эгона и увидел, что тот весь дрожит. Он подтолкнул вперед кобылу и обнял Эгона за плечи.

— Тогда входите,— сказал рыбак,— ах, тут и мальчик. Значит, вы переправлялись через реку вместе с мальчиком?

Мюртах и Эгон враз слезли с лошадей. Эгон сказал:

— Я-я п-поз-за-бочусь о л-лошадях.— Его зубы стучали.

— Я это сделаю,— сказал Сирбхолл.— Там есть пустой сарай сзади. Вы заходите.— Над головой Эгона он подмигнул Мюртаху и взял поводья. Мюртах легонько подтолкнул Эгона к двери.

— Это плохая ночь для дальней дороги,— сказал он, отступив в сторону.— Хуже только все еще находится в реке.

Они вошли и встали перед огнем. Мюртах сказал рыбаку, кто он такой, и рыбак спросил:

— Глен у Гэпа — где это находится?

Он взял одеяло из груды возле стены:

— Заверните мальчика в него.

Мюртах помог Эгону снять промокшую одежду и накинуд на него одеяло.

— За холмами юго-западнее Дублина.

— Да?

Мюртах растирал Эгона до тех пор, пока кожа мальчика не стала ярко-красной, тут он сам стал дрожать. Он обернул одеялом плечи Эгона и опустилс возле очага.

— Кто-нибудь сейчас может переправиться через реку?

Рыбак присел на корточки — в хижине не было никакой мебели, и дым от огня растекался, словно туман, всего на несколько футов от пола.

— Вы сумасшедшие,— сказал рыбак.— Я бы сказал, что никто не сможет переправиться через реку сейчас, как вы это сделали.

Вошел Сирбхолл. Он пригнулся от дыма. Только он один из них троих не дрожал и не посинел от холода.

— Они не переправятся в эту ночь,— сказал он.

Рыбак поднял перед собой ладони:

— Ближайший брод это возле Кингс-Рат — но кто гонитс за главой клана через всю Ирландию?

Сирбхолл достал один из кувшинчиков с аскуибхом из своей одежды. Мюртах пожал плечами:

— Другой глава клана.

Он посмотрел, как Эгон сделал глоток аскуибха. Эгон едва держал глаза открытыми. Постепенно он опустился на пол, свернулся там в комок и заснул.

— Иногда... — начал рыбак. Он раскочегарил очаг. Горящий торф сумрачно засветился, — нарочные перебираются через реку, даже в рыбацких лодках. Отовсюду приходят.

— Надвигается война, — сказал Сирбхолл.

— Да? А разве бывает, что где-нибудь нет войны? — рыбак снова сделал этот жест — поднял перед собой ладони.

— Он бы никогда не был королем. Что в его крови от О'Нила из Девяти Заложников? Ничего. Кланы хотят своего собственного, они хотят из О'Нила, а не пришлого принца из Дэл Кэйс в Верховные короли.

Мюртах взял кувшинчик и передал его рыбаку, который сделал большой глоток.

— Он сейчас какое-то время уже король. Сделал уже что-то хорошее, сделал что-то плохое — чего король желает больше или меньше?

Рыбак пожал плечами.

— Разве твой клан выберет другого человека и провозгласит его вождем, пока ты жив? Верховным Королем Ирландии является глава клана О'Нил из Тары. Нет. Этот...

Мюртах медленно оттаивал, его охватывала дремота, на какое-то мгновение он закрыл глаза. Он услышал, как Сирбхолл сказал:

— Дайте ему отдохнуть — мы проделали весь этот путь верхом за двое суток...

И он вздохнул, опустился вниз и даже не почувствовал, как его голова коснулась пола.

Когда они проснулись утром, дождь уже прекратился, хотя небо еще было полностью затянуто свинцово-серыми тучами. Они съели завтрак, который предложил им рыбак — сушеную рыбу и хлеб, и поскакали вдоль реки в направлении на север. Эгон беспрестанно говорил о переправе реки, которую он запомнил в самых мельчайших деталях.

Мюртах чувствовал, как крепнет его воля. Он не желал думать о том, что может произойти в Кинкоре. Вполне достаточно было добраться туда. Но постепенно его мозг собрал все доводы, все старые аргументы, и потому он хотел защиты короля так сильно, что у него от этого болела голова.

Под утро наконец они увидели Кинкору через долину, обвеваемую ветрами, дующими из-под туч. Буруны пенились у берега залива за усадьбой. Мюртах взглянул за реку, выглядывавая главу клана мак Махон: он делал это все утро.

Но сейчас он увидел их. Они подстегивали усталых лоша-

дей по направлению к броду. Мюртах придержал лошадь, чтобы иметь возможность наблюдать.

— Он должен быть здесь? — спросил Сирбхолл. — Король? Мюртах кивнул.

Гнедая кобыла дернула головой, желая идти дальше. После той ночи в сарае она была возбуждена и в отличном состоянии. Она била копытом о землю. Мак Махон и его люди были на середине брода. Мюртах развернул кобылу и пустил ее наметом прямо в сторону частокола. Кобыла легко понеслась.

Сирбхолл и Эгон поспешили за ним, Мюртах ухватился за конскую гриву и уселся поудобнее. Они сзади могли подумать, что он сошел с ума.

Ворота частокола впереди были открыты. Он направил кобылу к ним, не снижая скорости, и увидел, как часовые засуетились на стенах. Кобыла собралась и без колебаний перепрыгнула через ров перед самыми воротами. Сирбхолл и Эгон сменили направление, чтобы пересечь его по мосту, и копыта их лошадей застучали по дереву. Мюртах стрелой промчался на своей кобыле через ворота и резко осадил прямо перед усадьбой короля Брайана. Сирбхолл и Эгон едва не врезались в него. Ворота захлопнулись.

— Кто идет? — закричал часовой. — Кто гонится за вами?

Передняя дверь усадьбы распахнулась. Начинался дождь, и все обитатели дома короля Ирландии находились внутри и пировали. Два воина с топорами вышли и присоединились к этому крику. Мюртах ухмыльнулся.

— Я предводитель О'Каллинэна, — крикнул он. — А за мной гонятся предводитель мак Махон и несколько его людей.

Два воина переглянулись. Один пошел обратно в усадьбу, второй подошел, чтобы взять у Мюртаха поводья.

— Да, — сказал он, — я помню тебя по Таре — тот арфист. Проходи внутрь, холодно.

— Ха, — сказал Сирбхолл, — сообщи мне что-нибудь полезное.

Мюртах перекинул ногу через холку лошади и соскользнул вниз.

— Со мной мой брат и мой сын, — сказал он. Он подождал Эгона и вместе с ним пошел в усадьбу.

Старый король сидел на троне так же, как в Таре, согнувшись, его борода свисала на грудь.

— Привет, Мюртах, — сказал он, — что привело тебя так поспешно в мою усадьбу?

Все люди Дэл Кэйса сидели на скамьях, устремив глаза на Мюртаха, и он смерил их ряды снизу доверху, прежде чем сказать:

— Вождь мак Махона, сэр.

Старый король взглянул на сторону:

— Место для вождя О'Каллинэна. Ты не присядешь, Мюртах?

Вошел Сирбхолл, и король приветствовал его.

— Если вы сядете, судари, и поедите, то я... подумаю об этом.

Мюртах, удовлетворенный, пошел туда, где ему было предложено место, и сел. Он усадил Эгона слева от себя и Сирбхолла справа. Эгон сел, положив руки на колени, и Мюртах сказал:

— Ты должен вознести свою благодарность в таком месте. Тут уместна короткая молитва.— Он перекрестил свою пищу и отрезал ломоть от цельной туши.

Эгон склонил на мгновение голову, повернул ее с одной стороны в другую, чтобы видеть, не смеется ли кто-нибудь, осенил знамением свое блюдо и приступил к еде. Мюртах ухмыльнулся. Сирбхолл уже успел почти съесть небольшую куропатку. Люди на лавках подталкивали друг друга и улыбались, глядя на Эгона и Мюртаха.

— У нас тут есть священник, чтобы дать благословение,— сказал кто-то.

— А,— сказал Мюртах,— значит, ты не был в Кэтчэйре.

Король наклонился вперед — он не ел.

— Фелим, он тебе наговорит такого, что после этого у тебя голова будет звенеть несколько часов, если ты будешь отрывать его во время еды. Угомонись.

К королю подошел слуга, и король поговорил с ним обстоятельно. Слуга вышел через переднюю дверь.

Мюртах ухмыльнулся. Теперь вождь мак Махона, ожидая снаружи, промокнет до костей под возобновившимся дождем. Они должны были выбиваться из сил, чтобы не отстать от Мюртаха прошлой ночью из-за страха потерять его во время шторма, и их ночь на пустынной стороне реки должна была быть... забавной.

Слуга вернулся назад, поймал взгляд короля и кивнул. Король отослал его взмахом руки. Его седая голова повернулась в сторону Мюртаха, который немного выпрямился.

— Дело может подождать? — спросил король.— То, что привело тебя сюда, Мюртах?

— Лучше высказаться открыто. Я мог бы высказать это сейчас, если тебе будет приятно.

— Этого я не знаю, пока не услышу. Говори.

— Энгус О'Лочэйн, который был сыном Иолэйна, воспитанный главой клана О'Нила из Ольстера при Мелсечлэйне пришел ко мне в мое убежище не так давно и сказал, что он явился от тебя, чтобы услышать, что я имел в виду, когда играл на арфе в Кэтхэйре.

— Я никогда не посылал его.

— Я знаю. Это сделали, может быть, Дермот мак Махон, Кормак мак Догерти и Кир мак Эода, твой кузен. Затем всего несколько дней назад Дермот, Кормак и Кир и еще несколько, все молодые, явились в глен и говорили легкомысленно с моей женой, и вынудили меня подумать, что они намерены снова начать междоусобицу.

Король нахмурился.

— Они уехали деликатно?

— Мой брат и я помогли им в этом. Сражения не было.

Король встал.

— Я хочу, чтобы все, кроме Мюртаха, покинули это помещение.

Все встали. Сирбхолл сказал:

— Позволь мне остаться.

— Нет. И возьми мальчика.— Взгляд короля скользнул по Эгону.

— Отец...

— Иди со своим дядей. Шевелись побыстрее, здесь нет опасности.— Он взглянул на короля.— Мы здесь все друзья.

К Сирбхоллу подошел слуга, чтобы проводить его. Король уловил взгляд слуги и сказал:

— Доставь ко мне предводителя мак Махона — и больше никого.

— Нет,— сказал Сирбхолл.

Мюртах посмотрел на него и легонько покачал головой. Он не ожидал этого, но когда подумал — его мозг работал быстро, — то решил, что это может быть к лучшему.

Помещение опустело, и Мюртах обошел стол, чтобы встать перед ним.

— Он красивый мальчик, твой сын,— сказал король.

Мюртах очистил место на столе и присел на него.

— Да, он похож на моего отца.

— И на твоего брата тоже. Кто была твоя мать?

— Племянница вождя О'Хоулихэн из Хай Кинселлы.— Он сделал паузу, размышляя, охотился ли король за его друзьями, и сказал: — У меня нет союзников, если ты подразумеваешь это.

— Вождь О'Хоулихэн — один из близких Мелмордхи.

— Он сам бежал в горы, как он может помочь мне?

Мак Махон ворвался в помещение, завернутый в сухой плащ, он оставил на полу цепочку мокрых следов, и его башмаки влажно чавкали.

— Сир¹...

— Господь пребудет с тобой,— сказал король.

Мак Махон заметил Мюртаха и заметался.

— Святым Крестом Господним, я...

¹ Обращение к королю, то же, что Государь или Ваше величество.

— Стой спокойно,— сказал король.— Ты находишься в доме короля. Тебя что, так плохо воспитали в Мифе?

Мак Махон отпрянул.

— Прошу извинения,— пробормотал он.

— Принято. Мюртах сказал мне, что ты и еще несколько твоих друзей явились незванными в его цитадель и дурно вели себя.

— Мы разыскивали Мелмордху.

Король взглянул на Мюртаха. Угол его рта скривился.

— И что привело тебя в клан О'Каллинэн?

— Он был там,— сказал Мак Махон.— Он признал это.

Он взглянул на Мюртаха.

Мюртах стиснул край стола и слегка пожал плечами:

— Он был там, когда ты там был, Дермот. Мак Махон выпучил глаза, лицо его стало свекольно красным. Король предостерегающе протянул к нему руку, чтобы тот сохранял спокойствие.

— Ты укрываешь моих врагов?

Мюртах посмотрел ему прямо в глаза.

— Он провел у меня одну ночь — он явился с моим братом из Коннэута, от клана О'Руэйрк. Ты знаешь, как там засел О'Руэйрк, и ты не можешь тронуть его, но меня ты можешь тронуть, до самого девятого колена...

— Отвечай на мой вопрос.

— Да. Я принимаю твоих врагов. Я принимаю их с того времени, как началась война. Ты это знаешь, Мелсечлэйн говорил тебе об этом тогда в Кэтхэйре. Но ты тогда не сказал ничего.

Король выждал паузу, слишком долгую, потом сказал:

— Мелсечлэйн говорил, что он подозревает. Я слишком хорошо думал о тебе тогда, чтобы поверить ему.

— Пф-ф,— произнес Мюртах. Он посмотрел на свои руки.

— Это кровавая междоусобица,— сказал мак Махон.— Сир, что за смысл вам пачкать свои руки о таких, как он?

— Пф-ф,— повторил Мюртах.

— Ты никогда не приносил мне клятвенную присягу, Мюртах,— сказал король.

Мюртах поднял глаза.

— Слово отца переходит к сыну, от короля к королю. Ты приносил мне клятву — если ты этого не сделал, то к чему тогда занимать трон и называться королем?

— И ты позволишь ему так разговаривать с Верховным королем всей Ирландии? — завопил мак Махон, но фальшивый ужас в его голосе треснул на середине фразы.

— Божеская любовь,— сказал Мюртах.— Или ты думаешь, парень, что это игра в хэли¹? Ты сам сказал, что это кровавая

¹ Ирландский хоккей на траве.

междоусобица,— и если вождь не может прямо обратиться к королю, когда речь идет о жизни его людей...— он повернулся снова в сторону короля: — Ты знаешь все, что этого касается: присягу, которую я наследую, и то дело, которое они в то же время совершили с нами.

— Я понимаю это, я только не понимаю, что ты хочешь, чтобы я сделал.

— Сделай так, чтобы они убрались. Скажи им сейчас, чтобы они держались подальше от моих дверей, моих полей, моих стад и моих людей. Разве это не так просто? Ты можешь достигнуть этого одним словом. Скажи ему.

Король все еще сидел, словно окаменев. Мак Махон злобно сказал:

— Это не дело...

— Здесь нет живого человека, у которого был бы в живых его дед, когда началась эта междоусобица,— сказал Мюртах, возвысив голос.— Кровь, выпущенная в одной только этой междоусобице, могла бы поднять воду в реке так, что она затопила бы это поместье, король. Датчане за все годы, что они нападали на нас, не убили столько людей в Мифе, как унесла одна эта междоусобица. Я не хочу, чтобы женщины моего клана вынашивали детей для меча.

— Ты боишься,— сказал мак Махон.

Мюртах взглянул на него, потом снова на короля.

— Ты это рассуди.

Старый человек посмотрел на него. Потом повернул голову к мак Махону:

— Оставь меня.

— Нет,— сказал Мюртах.— Пусть он останется.

Вождь мак Махона молчал, в его глазах была растерянность, он переводил взгляд с короля на Мюртаха, обратно на короля и снова на Мюртаха.

— Ты просишь...— начал король.

— Я прошу тебя только быть королем,— Мюртах сжал край стола с такой силой, что у него свело пальцы.— Если ты так не поступишь, то это значит, что Мелсечлэйн может с таким же успехом быть королем, что и ты. Мелсечлэйн не может сделать этого — не сделает, не сделает ради меня.

— Я знаю.

Король посмотрел в сторону, в пустой угол. Мак Махон сказал тихо:

— Кто ты такой, чтобы беспокоить короля?

Лицо его было белым, словно соль.

Мюртах ничего не ответил. Он потянулся и взял чашу для вина и налил ее до краев. Король сидел и думал — говорили, что он знал все законы Бреона, говорили, что он охотился за верховным тронем с того самого дня, как родился. Мюртах размышлял, какую тяжесть он бы испытывал, если бы был

королем. Шел проливной дождь, и соломенная крыша шумела от него, словно там ворошились мыши. Мюртах выпил вино и опустил чашу.

Голова короля откинулась назад, его глаза остановились на глазах Мюртаха:

— Я не могу сделать этого. Ты знаешь это. Я не могу.

Мюртах вздохнул. На мгновение закрыл глаза. Казалось, все силы покинули его. Он должен снова собраться, во что бы то ни стало. И он открыл глаза. И мак Махон, и король — оба наблюдали за ним, и у обоих были бледные лица, словно водяные лилии.

— Для тебя было бы лучше, если бы мы все умерли во время Бегства,— сказал Мюртах.— Выходит, что как только ты сталкиваешься с чем-то, что может повредить тебе...

— Может? Оно так и будет. Могу ли я сохранить его лояльность, если я...— он ткнул пальцем в мак Махона.— Никто из них. Кто последует за королем, который вмешивается в дела вождей?

— Вмешательство? Ради Бога, последняя кровь на его руках, не на моих.

— Но король может...

— Тогда ты можешь, некороль. Ты осознаешь, что ты делаешь? Если я покину эту усадьбу без твоей милости, то я мертвец. И мои сыновья, мой брат, мои люди — все мы. Они вынудят нас воевать, и они вырежут нас.

— Почему ты вообще пришел ко мне?

— Я думал, что ты король, а не что-то вроде женщины, размахивающей палкой, чтобы отогнать воронов от поля.

— Не...

— Воздержание, вот слово, которое ты должен использовать, некороль.

Король вскочил на ноги.

— Я король. А кто ты, как не человек, который так часто менял мнения, что он не может разобраться в них? Когда ты говоришь со мной, ты должен говорить так же просто и вежливо, как священник. «Воздерживаешься». Это ты воздерживаешься, когда молишься, словно женщина — или докажи, что ты нечто другое.

— Король,— сказал Мюртах,— ты знаешь, что ты должен сделать это, или ты не должен клеветать на меня. Я... приму твой приговор.— Он соскользнул со стола. Мак Махон вздрогнул, но король протянул руку и удержал его на месте. Мюртах направился к двери.

Он уже положил руку на засов, когда король произнес, словно у него была заноза в горле:

— Ты принимаешь это достаточно спокойно.

— Да? Если бы я неистовствовал и бряцал моим мечом, которого я не имею, по полу и, возможно, выругался, я бы

добился чего-то? Я оставляю тебя на твоей пирушке, король, а его — с его охотой. Только попридержи его, пока я не уеду. Это всего лишь как то, что дать возможность оленю убежать немного вперед, иначе, какой же спорт?

Он вышел под дождь. Он послал одного слугу за своими лошадьми, другого за Сирбхоллом и Эгоном. Так он ждал под дождем, закутавшись в свой плащ по самое горло. Дождь хлестал по нему, и струи стекали по лицу.

Вышел его брат с Эгоном, закутанным в плащ с капюшоном.

— Так что?

— Все кончено. Мы должны ехать и держать какое-то состояние между нами и ними, пока все не раскалится до пожара.

— Что он сказал?

— Он сказал, что ничего не может поделать.

Сирбхолл взглянул на Эгона.

— Мелмордха и я, мы оба предупреждали тебя.

— Да, ты это сделал. Ты хочешь теперь получить за это маленький подарок или просто улыбку с моей теплой благодарностью?

Прибыли их лошади, и Мюртах взобрался на спину кобылы. Сирбхолл сказал:

— Нам бы следовало напасть на них — они никакого другого способа, как мечом, не понимают.

— Выходит, следовало.

Где-то распахнулась дверь и хлопнула на ветру и снова распахнулась. Кто-то выкрикнул какой-то вопрос. Ворота были раскрыты, и Мюртах выехал трусцой. Они проехали мимо земляных укреплений, пересекли деревянный мост и двинулись к броду через реку.

Дождь ушел в сторону, и ветер стих. К закату они достаточно удалились от Кинкоры, так что Мюртах почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы устроить привал. Становилось холоднее. Сидя возле разложенного ими костра, они ели свой последний сыр с хлебом и едва переговаривались. Мюртах немного задумался, но только беспорядочные воспоминания приходили ему в голову.

— Очнись,— тихо сказал Сирбхолл.

— А, я очнулся. Чего ты хочешь?

Эгон посмотрел на него и улыбнулся, но взгляд был твердым. Это была улыбка Од.

— У меня есть несколько друзей вблизи Дандэлка,— сказал Сирбхолл,— Фенни.

— Приятно знать человека, у которого есть друзья.

— Как ты думаешь, что произойдет?

— Некоторые из них захотят истреблять нас мало-помалу, убивать только тех мужчин, которые, как они думают, представляют опасность. Тебя и меня в первую очередь. Но рано или поздно они сочтут всех нас опасными. Некоторые другие скажут, что мы все должны быть стерты с лица земли.

Король был прав: у него так часто менялись мысли, что он не мог в них разобраться. И так с ним было всегда. Он обхватил руками колени.

— Фенни, которых я знаю, будут сражаться из любви ко мне,— сказал Сирбхолл.— Их не так много, но все прекрасные бойцы, и большинство из них устало от бродяжнической жизни.

Мюртах ничего не ответил. Он склонил щеку к поджатому колену и рассеянно смотрел перед собой.

— Мюртах, что мы будем делать?

— Мне все равно. Все, что тебе захочется.

Эгон сказал тихо:

— Оставим его в покое, дядя. Он устал.

— Не...

— Я понимаю.

— Мы не можем добыть для него время из-за усталости.

— Но мы ничего не можем делать без него,— сказал Эгон.— Пусть он отдохнет.

Эгон встал и медленно склонился над огнем. Он и Сирбхолл завернулись в одеяла; Сирбхолл лег спать, а Эгон вышел из света костра, чтобы стать на вахту часового. Мюртах вздохнул.

Один раз за ночь он пошевелился, когда Эгон разбудил Сирбхолла и тот заступил на вахту. Они накрыли его одеялом. Его спина болела от того, что он спал сидя, и он со стоном опустился на землю. Когда он открыл глаза в следующий раз, под облаками занимался серый рассвет, а Сирбхолл куда-то исчез.

Он разбудил Эгона.

— Я думаю, он отправился за своими друзьями,— сказал он.— Мы можем ехать за ним примерно до тех далеких холмов.

Эгон зевнул.

— Он не должен был оставлять нас без охраны, разве не так?

— Нет. Должно быть, он уехал только что. Он понимал, что мы проснемся сразу, как только начнет светать.

Мюртах раскидал костер и развернул на спине гнедой кобылы овечью шкуру. Эгон взнуздывал своего пони.

— Мы не видели мак Махона,— сказал Эгон.

— Я бы предпочел, чтобы мы видели, тогда бы мы знали, где он.

Эгон стал залезать на пони. Мюртах сказал:

— Проведи его немного шагом; он бывает раздражительным по утрам, и нет лучшего способа проверить, не намерен ли он сбросить тебя в ближайший колючий кустарник.

Черный пони заупрямился, а когда Эгон забрался на него, встал на дыбы. Эгон уже был предупрежден, и потому сумел удержаться на его спине.

Мюртах ухмыльнулся:

— Вот видишь?

Эгон кивнул и выпрямился.

— О, да. Мне следовало бы думать об этом.

Так весело. Было трудно держать в мыслях, что все они приговорены. Мюртах тронулся с места, двигаясь по следам Сирбхолла.

— Я голоден,— сказал Эгон.

— Мы подстрелим кого-нибудь по пути.

Он подтолкнул кобылу в галоп. Следы Сирбхолла вели вверх к склону следующего холма и вниз по его другой стороне — судя по длине конских шагов, он ехал быстро. Сквозь облака пробилось солнце, появился слабый, холодный свет, а воздух был жесткий.

— Папа, я не могу так быстро.

— Сожалею.

— Ты едешь слишком быстро.

— Сожалею. Я...

Он взглянул вниз, на следы Сирбхолла, потом взглянул вперед и нахмурился. Он проскакал немного вперед и спешился.

— Что это?

— Две незнакомые лошади.

Мюртах ковырнул край одного незнакомого следа — он был очень свежим.

— Он встретил кого-то?

— Они ехали за ним.

Мюртах вскочил на кобылу и вздернул ее голову так сильно, что она вздыбилась. Когда ее передние копыта коснулись земли, она понесла. Эгон крикнул ему вслед. Что-то забарабанило в его ушах, замелькало в глазах, и на скаку он бросил поводья и натянул лук.

След впереди вел вокруг группы буковых деревьев, но он послал кобылу прямо через них, отбрасывая ветви, вонзив каблучки в ее ребра и прижав лук к ее боку так, чтобы он не мог ни за что зацепиться. Кобыла запнулась, и он жестко подтолкнул ее так, что она снова устремилась вперед. Они вырвались из деревьев, и она испугалась. Он отпустил поводья.

Они стояли на некотором расстоянии от своих лошадей, Мак Махон и его друзья, они стояли кучей, глядя на что-то на земле. Их было девять. Когда они увидели его, они разде-

лились, они выглядели настороженно, некоторые направились к своим лошадям. Когда он подтрусил вперед, они все стояли тихо. Мюртах подъехал достаточно близко, чтобы увидеть лежащего на земле человека. Это был Сирбхолл, и он был мертв.

Он оставил поводья. Сзади него кричал Эгон, и Мюртах выставил назад одну руку, чтобы остановить его позади. Он переводил взгляд с лица Дермота на Кормака и Кира мак Эоду. Теперь он мог видеть двух других людей, лежащих мертвыми на траве, и что двое живых туго зажимали свои раны, чтобы остановить кровь.

— Двенадцать на одного? — сказал Мюртах. — Ты не думаешь, что это уж очень большое численное превосходство?

Он вынул стрелу и медленно натянул тетиву. Мак Махон двинулся вперед, и Мюртах поднял лук. Мак Махон остановился.

— О, — сказал Мюртах, — нас тут двое, но у мальчика нет оружия, или ты находишь, что нас слишком много? Атакуй меня, что же ты?

— Тут есть закон, — сказал мак Махон, — Энгус нам говорил только о Сирбхолле, мы гнались только за ним.

— Какой закон?

— Закон запрещает убивать арфистов.

Мюртах пристально посмотрел на него.

— А закон запрещает — есть такой закон, чтобы запрещал убивать арфистам?

Он выстрелил. Стрела, выпущенная с такого близкого расстояния, ударила в грудь мак Махона и почти зримо пронзила его. Остальные кинулись к нему, и Мюртах направил кобылу назад, пустил ее вскачь, потом развернул, достал еще стрелы и убил еще двоих. Он послал кобылу вбок, когда они подошли ближе, и убил еще троих, когда те побежали к своим лошадям. Он помчался к Эгону, схватил его поводья и поскакал, перегнувшись так, чтобы видеть черного пони. Он прискакал на чистое место, где не было деревьев, и остановил кобылу.

Они не преследовали его. Сев на своих лошадей, они повернули на юг и усаkali.

— Отец, — сказал Эгон, — отец.

Мюртах повернул кобылу назад, к телу Сирбхолла. Он прыгнул на землю и так стоял, глядя.

— Закон против убийства арфистов, — сказал он, — о, Господи!

— Отец, мы должны ехать домой. Теперь они направляются туда.

— Нет.

У него обмякли колени, и он должен был уцепиться за гриву лошади, чтобы устоять на ногах. Они изрубили Сирб-

холла до смерти. Перебивали конечность за конечностью, пока он не умер, и он так и не позвал на помощь, иначе бы они слышали. Конечно, они должны были бы слышать.

Эгон держал его за руку. Мюртах грубо отвернул его в сторону. Тихо двигаясь, говоря успокоительные слова, он поймал свободную лошадь. Тут теперь было много свободных лошадей. Он подвел эту лошадь назад к телу, обходя остальные тела, лежащие в высокой траве. Около одного из них он остановился, и сердце его немного дернулось. Это был Кир мак Эода, скрюченный стрелой, пронзившей его грудь.

— Отец.

Он вздрогнул. Он нагнулся над Сирбхоллом и перекинул его через спину лошади. Эгон достал веревку от черного пони, и Мюртах привязал тело к лошади. Так он стоял, глядя.

— Вот твои стрелы,— сказал Эгон.

Мюртах взял их и пошел к своей кобыле, чтобы уложить их в колчан. Их было всего лишь четыре, и все обагрены кровью. Остальные две, должно быть, вышли из спины. Их невозможно было вытянуть обратно из-за зубцов, которые помешали бы этому.

Эгон стоял возле Сирбхолла, когда Мюртах развернулся.

— Бедный дядя,— сказал он.

— Поезжай домой,— сказал Мюртах.— Теперь ты вождь О'Каллинэн. Я поломал свою клятву. Поезжай и расскажи им все. Мой лучший плащ в шкафу. Они поверят тебе.

— А куда ты едешь?

— За этими. Они должны были направиться в Кинкору.

— Ты когда-нибудь вернешься назад?

— Нет.

— Куда ты поедешь?

Мюртах развернул кобылу на юг.

— Это не должно тебя интересовать.

— Папа! — закричал Эгон.

Мюртах подхватил поводья лошади, к которой был привязан Сирбхолл, и рысью поехал прочь. Эгон снова закричал ему. На вершине подъема он немного замедлил, думая о том, чтобы обернуться назад и удостовериться, что Эгон направился домой, но он только поддал кобыле и поскакал быстрее вниз по дальнему склону.

Он скакал так целый день. В сумерки он спугнул кролика из зарослей кустарника, подстрелил его, а вечером зажарил и съел. Заснуть он не мог. Он думал о том, как Эгон добирается домой без меча, в какой-то момент он почти встал, чтобы сесть на лошадь и поскакать вслед за ним. Но потом снова опустился. Темнота была плотной и ветреной, и он ощутил знакомое чувство сдавленности и тесноты.

Так оно и было, конечно, теперь это происходило из-за Сирбхолла. Мюртах мог бы стряхнуть с себя его имя, но тут

же к нему цеплялось другое. Они пытались предостеречь его. Финнлэйт пытался.

«Сопутствуйте мне, кровные родственники». Вспомнились другие, те люди, которых он убил...

Кир мак Эода. Он крепко закрыл ему глаза. Хорошенький юноша, которого он дразнил и выпучивал — даже Дермота мак Махона он вдруг пожалел. Он был старше их и должен был — должен был иметь какой-то другой способ разрешить все это — помимо этих мертвых людей на траве, и окровавленных стрел, и Сирбхолла, забитого насмерть. Какой-то иной путь, лучший, чем убийство юношей.

Перед рассветом он снова сел верхом и поехал. Вскоре после восхода солнца он добрался до реки и повернул на север. Он проехал мимо лачуг рыбаков на дальнем берегу и увидел блеск утреннего костра, на котором готовили завтрак. Болото возле хижин покрылось панцирем на зиму. Он порысил дальше.

Некоторое время спустя он въехал в ограду короля. Слуги приняли поводья от обеих лошадей, и он велел им оставить их во дворе, но дать кобыле немного попить. Несколько человек находились в это время на дворе, но никто из них не помешал Мюртаху войти в дом короля.

Король в это время вершил суд, творил правосудие, и по тому человеку, который сидел на скамье справа от него, Мюртах понял, кого там судят.

Он встал у двери, как только вошел внутрь, и сказал:

— Я сожалею, что прервал твоё занятие, король.

— Ты прервал своё собственное,— сказал король.— Что я на это услышу?

— Только свидетельство того, какой я человек.

— Убей его,— сказал прерывисто Кормак мак Догерти.

— Ни один человек не может ударить другого в жилище короля,— сказал Мюртах.— Я мог бы сослаться тебе и на большее число законов, но у меня нет для этого свободного времени. Как я понимаю, вы объявляете меня не-арфистом? Я пришел сказать тебе, что я отказываюсь от всех прав, как наследник моего отца. Я теперь человек вне закона и нарушитель клятвы, без клана и имени.

Он улыбнулся королю:

— Все мои родственники мужчины — мертвецы, убей их в расплату кровью, если можешь пустить им кровь.

Он повернулся к двери.

— Схвати его! — сказал Кормак.

— Когда мы осудим его,— сказал король.

Возле двери Мюртах обернулся:

— Между прочим, я там привез тебе кое-что, король. Ты лучше похорони его, пока оно не начало пахнуть.— Он взглянул на Кормака.— Я уже дважды видел тебя, кролик, и не убил. Как насчет третьего раза?

— Похорони сам своего мертвеца, — сказал король.

Мюртах резко вскинул голову:

— Ты похорони его, король. Это ты убил его.

Он вышел за дверь, захлопнул ее за собой и вспрыгнул на кобылу. Она устремила в ворота. Часовые что-то кричали ему. Он позволил лошади промчаться галопом и снизил скорость только на безопасном расстоянии. Здесь он перешел на рысь и направился к северу от реки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Его не заботило, куда ехать. Кобыла несла его на запад. Облака во второй половине дня исчезли, оставив небо пепельно-голубого цвета. Равнина закончилась, и солнце садилось за длинными мысами — он был возле моря.

Он подумал: «Должно быть, для меня имеет значение, куда я направляюсь».

Кобыла паслась, бродя по склонам. Когда наступила ночь, он стреножил ее, а сам опустился под деревьями; если он разведет костер, то его заметят. Все тело болело от езды верхом. Он чувствовал длинные мышцы своей спины, словно ремни.

То, что он наговорил в помещении короля, было глупым и ошибочным, и он хотел бы, чтобы этого не было сказано. Они, возможно, посчитали это бравадой. Они должны понять, что обычно он так не говорит. Для них это не имеет значения.

Он все сделал не так, неправильно. Там, в роще на берегу, он задним числом разрушил единственный шанс, который у него когда-либо был, чтобы доказать, что он был прав, а Сирбхолл ошибался. Эти слова прозвучали неутешительно. Никто не был прав. Он покачал головой, пытаясь свыкнуться с этим, ужас от всего случившегося охватил его.

Не было слов, чтобы выразить это, не было возможности поговорить об этом или даже обдумать. Что может кто-либо сказать об этом? Сирбхолл был мертв, не ошибающийся, и не правый, мертв и оставлен для захоронения чужим. Он, Мюртах, убил других шестерых человек.

Он быстро встал и пошел вниз к кобыле. Это был конец. Он еще мог чувствовать своими пальцами, как натягивал тетиву лука, как лук сгибался, он мог мысленно видеть, как люди падали и как они выглядели мертвыми, но он не мог сказать об этом больше того, что он сделал это. Он взобрался на лошадь и поехал под этим странным, звездным небом.

При первом проблеске рассвета он набрел на стадо овец, раскинувшееся на чаше глена, где не было ничего, кроме завядшего вереска, колючек и камней, покрывающих землю.

Там, где были овцы, там должен был быть и частокол; он стал искать в небе следы дыма, но не увидел ничего. Он убил старую овцу и отволол ее в убежище — каменную расщелину. Он развел маленький костер, используя сухое дерево так, чтобы оно не дымило, и зажарил на нем полоски мяса. От жира, капающего в пламя, он вдруг почувствовал себя очень голодным.

Он не ел ничего уже долгое время. Не удивительно, что он ощутил голод так неистово. Он съел все приготовленное им мясо и поджарил еще.

Он должен был подыскать место, где остановиться, место, где жить, подальше от мест, где жили другие люди. Он должен был иметь в доступных пределах воду и пищу и пастбище для кобылы. Теперь это благоразумно, подумал он. Сделав это будет благоразумно.

Завернув то, что осталось от овцы в ее же шкуру, он снялся и направился через холмы, держась почти ровно на север, чтобы выбраться из этих бесплодных земель: овцы еще могли выжить здесь, но лошадь не могла бы. Кажется, никто не преследовал его, это была еще одна вещь, о которой ему следовало беспокоиться. Должно быть, он был сумасшедшим в ночь накануне. Ему еще повезло, что его не схватили или не убили. Эту ночь он спал под деревом, но, по крайней мере, сознавал, что делает.

Весь следующий день он ехал на север, двигаясь медленно и изучая местность, пока что-то не подсказало ему, что он забрался слишком далеко на север и что ему следует снова повернуть на запад. Когда он подумал об этом, он осознал, что находится почти что в оплоте клана О'Руэйрк в Брефни.

Его сердце встрепенулось. Он должен пойти к вождю О'Руэйрка. Сидя на кобыле на гребне склона, он задрожал, подумав об огне в очаге и о постели.

Но в конце концов он повернул на запад.

В полдень он достиг берега огромного озера и разбил привал возле него. Сидя перед костром, он пожалел, что с ним нет его арфы, ему не хотелось спать, и было бы так приятно поиграть на арфе. Ветер пронесся над озером, резкий и несущий холод. Ему бы следовало выбрать лето, чтобы стать вне закона.

Наконец он встал и пошел за кобылой, которая паслась вдоль берега. Он не стреножил ее, полагая, что она не уйдет далеко от него, но когда он подошел к ней поближе, она вскинула голову и отошла в сторону. Он последовал за ней по берегу, но она не позволяла ему приближаться, и он, наконец, уступил. Она опустила морду к траве и снова начала ее щипать.

Если она уйдет далеко от него, он окажется беспомощным. Мысль о возможности остаться в этой стране пешим,

быть увиденным пешим, оказаться пешим при охоте на него, заставила его задохнуться. Кобыла размахивала своим хвостом, била им по своим ногам и держала уши наострившими в его сторону. Он сделал осторожный шаг в ее сторону, и она заржала.

Он не хотел пугать ее так, чтобы она совсем убежала, повернулся и пошел берегом обратно. Воздух был плотный и влажный, как при выпавшем снеге. Звезды скрывались за тонким слоем облаков. Он оглянулся и увидел, что кобыла следует за ним, но когда он остановился, она тоже остановилась. Он пошел дальше.

Впереди холмы подступали к самому озеру. Крутые склоны могут стать укрытием от снега, если таковой пойдет, и он зашагал быстрее, засунув руки под рубашку, чтобы сохранить их теплыми.

Когда он подошел ближе к холмам, он увидел хижину у воды, точно в том месте, где холм встречался с берегом. Он замер на месте и стал принюхиваться, но запаха дыма не учуял. Маленький уклон сбегал вниз к хижине, возрастая влево в гребень. Он миновал этот угол пригнувшись. Когда он подошел достаточно близко, то увидел, что крыша хижины обрушилась внутрь, тогда он присел на корточки и стал размышлять.

Поднялся ветер и стал бить его в лицо. Он сорвал горсть травы и попробовал ее — грубая, но хорошая. Горная трава. Он может ловить рыбу в озере. Это была рыбацкая хижина, брошенная на зиму.

Согнувшись, он подобрался ближе. Ничего не произошло. Место было совершенно безлюдно, и теперь он мог видеть траву, поросшую между камнями, обрушенную соломенную крышу. Он выпрямился и смело вошел внутрь.

Хижина была завалена по самую крышу. Он едва смог протиснуться в нее. Но она имела очаг, а стены были еще прочными. Возле двери на боку лежал старый котелок, прожаривший так глубоко, что когда он дотронулся до него, ободок остался в его пальцах.

Он вернулся обратно к своему костру под деревом, окружил его насыпью и завернулся в свое одеяло. Как только его голова коснулась земли, он заснул.

На следующий день он погрыз холодную жареную баранину и стал размышлять, как ему поймать кобылу. Она дремала на подветренной стороне линии деревьев и кустарника, частью которой было и его дерево. Он выглянул раз, другой, оглядывая ее. Она была в достаточно бодрствующем состоянии, чтобы наострить свои уши, когда он встал.

Он тихонечко прошел от своего дерева к следующему, она взглянула на него, и он замер. Кобыла встрепенулась, фыркнула, наострила уши и уставилась на него. Он медленно

приближался к ней, она не двигалась. Он взял ее за холку и отвел обратно к костру.

Он уложил все — в основном, остатки овцы — на кобылу и повел ее к хижине. Трава на луговине между гребнем и горой против озера была действительно лучше, чем на открытом пространстве, и, защищенная здесь со всех сторон, весной должна была вырасти быстрее. Он обошел вокруг хижины, насколько это было возможно. Ее задней стеной был сам склон горы. Это была не слишком большая хижина. Когда он сидел у костра, она представлялась ему гораздо больших размеров.

Целый день он расчищал ее, приводил в порядок соломенную крышу со стороны озера. К полудню пошел снег, влажными и тяжелыми хлопьями. В задней части хижины он нашел несколько жердей, а в одном из углов кучу старого торфа. Он поднял жерди с пола, прислонил их концы к верху стены, а низы укрепил камнями и уложил куски торфа аккуратными рядами за жердями. Штабель торфа достигал высоты его головы, когда он стоял.

Снег превратился в дождь. Он развернул свои одеяла над штабелем торфа и приколот их щепками. Потом погнал кобылу обратно к дереву, где он спал накануне ночью, и нарубил толстых сосновых сучьев. Холод пробирал его, но на обратном пути он пел.

Внутри хижины было много теплее. Пока он протягивал сосновые сучья через верх бревенчатой стены, кобыла стояла в двери, ее дыхание было словно туман. Он должен был взобраться на очаг, чтобы добраться до последней секции стены, и пока он находился там, кобыла вошла в хижину.

Дождь снова перешел в снег. Он зажарил остатки овцы. Кобыла запротестовала против огня, и он вынужден был загасить его прежде, чем она не обрушила новую стену. Его тело и ее тело заполнили хижину животным теплом. Когда он улегся спать, то ему и не понадобился плащ.

Когда он проснулся, луговина блестела свежим выпавшим снегом. На сером небе солнце сияло словно привидение, и ветер завывал сквозь крышу. Как только он вышел за дверь, сразу начал непроизвольно дрожать. Он расчистил корку снега, чтобы кобыла могла немного пощипать траву. Ему хотелось осмотреть окрестности, но из-за снега он мог разглядеть вокруг себя лишь немного.

Вместо этого он взял кусок своей упаковочной веревки и распустил его, чтобы сделать леску. Веревка была из сыромятной кожи, а он никогда не слышал, чтобы леску делали из кожи, но по его представлению, она могла служить. Крючок он выстрогал из овечьей кости.

Ближе к полудню, когда немного посветлело, он побрел вниз к берегу к тому месту, где ручей впадал в озеро, привя-

зал к крючку в качестве наживки клок от своей рубашки и начал удить. Холод по-прежнему заставлял его дрожать. Он начал жалеть, что использовал свои одеяла для того, чтобы укрыть стену из торфа. Когда крючок нырнул вглубь, он вытащил его, расправил немного тряпочку и снова забросил, на этот раз выше по ручью.

Рыба не клевала. Возможно, холод согнал ее всю в глубь озера. Он подумал о рыбе, лежащей на дне в тине, их немигающих глазах и нежном шевелении плавников. Он уже устал от ужения и побрел по берегу, выглядывая раков между камнями. Вернувшись назад, он стал забрасывать снова и снова.

Рыба забилась, и с силой рванулась к середине озера. Мокрая леска из сыромятной кожи натянулась словно паутина. Он стал выбирать ее руками постепенно, ледяная вода заливалась ему в рукава. Рыбина билась в воде, прыгала и шлепалась обратно, поднимая брызги. Мюртах тянул как сумасшедший. Вдруг он перестал ощущать сопротивление. Рыба сорвалась.

Какой-то момент он просто стоял, разъяренный, и клял рыбу. Потом начал вытягивать ременную леску. Он должен будет разорвать свою рубашку, чтобы сделать полотняную леску.

И тут ременная леска едва не вырвалась из его рук. Рыбина, оказывается, все еще была на ее конце и теперь забилась. Он должен был еще повозиться с ней, она еще билась на мелком месте, пока не схватил ее пальцами и выбросил на берег. Теперь рыба билась на снегу, направляясь к ручью. Мюртах кинулся к ней, промахнулся, потом уцепил за хвост и почувствовал, как она выскальзывает из ладони. Она-таки выскользнула на снег в стороне от него, спиной к ручью. Он выругался, попытался схватить и промахивался раз за разом, но тут рыбина выдохлась. Она лежала спокойно, с раскрытыми глазами и тяжело дышала. Он нагнулся, чтобы высвободить крючок, и гладкая кость легко выскользнула при первом же его прикосновении. Он продел леску сквозь ее жабры и понес домой.

В последующие дни он обследовал территорию вокруг хижины. Однажды он заметил дымок за изгородью, довольно далеко, за самым северным концом озера, а проскакав на восток, набрел на стадо овец, брошенных кем-то на зиму в глубокой луговине. Он застрелил одну овцу и забрал домой, рыба ему уже надоела.

Снег растаял на следующий день после того, как выпал, и почти сразу он заметил первые весенние почки. Кобыла любила их поедать и бродила в поисках, когда он не смотрел за ней. Он вспомнил, как пони в глене Гэпа любили есть соновые побеги.

По вечерам из сосновой древесины он вырезал основу для

арфы. Она, конечно, будет звучать плохо, когда он натянет на нее струны, но форма арфы, вес и балансировка доставляли ему удовольствие. Если бы ему удалось достать яблоневую древесину, он бы сделал хорошую работу. Сосновое дерево было слишком грубым, и он не мог правильно вырезать верхнюю часть арфы.

Однажды ночью он размышлял, что делать, если с ним что-нибудь случится. Они попытаются захватить его. Кобыла находилась снаружи, и он развел огонь и подбросил в него свежий сук. Если кто-нибудь обнаружит его, то должен будет его убить. Так поступали с теми, кто был вне закона.

Эд никогда не учил его, как быть вне закона. Уже не имело значения почему, но он никогда не был готов к этому. Даже когда он пытался делать то, чего все ожидали от него, он все делал как-то иначе.

Кобыла была снаружи, уже возле двери, он мог слышать ее дыхание. Если она войдет внутрь, она заставит его загасить огонь. Он встал, чтобы отогнать ее. Он высунул голову в дверной проем, готовый закричать на нее, и тут слова застряли у него в горле: это была не кобыла, тут стоял и громко дышал большого роста монах.

Какой-то момент Мюртах просто смотрел на него в изумлении. Это был тот монах, который хоронил Финнлэйта. Наконец, тот сказал:

— Могу я войти?

— Да, конечно.

— Спасибо. Я увидел твой дымок и подумал, что можно согреться.

Мюртах отступил назад, так, чтобы монах мог войти в хижину. От коричневой рясы монаха пахло мокрой шерстью, а когда он сел, то протянул свои босые ноги к огню и вздохнул. Его ноги выглядели такими же затвердевшими, как копыта.

— Ты хочешь чего-нибудь поесть? — Мюртах указал на баранину на доске, которую он использовал как стол.

— Нет, спасибо, я уже ел. Ты сумасшедший?

— Что?

— Они говорят, что ты сумасшедший, что ты совершенно сошел с ума.

— Кто это говорит? — Он присел на корточки и положил на место кусок мяса.

Монах пожал плечами.

— Люди, которых я видел. Тебя интересуют эти новости? Обо всем, о ком-нибудь... Как давно ты здесь?

— О... — он попытался припомнить. — С тех пор, как шел снег. Ты помнишь, когда шел снег?

— Конечно. Я это чувствую на себе. Датчане готовятся прийти в Дублин в Вербное воскресенье, вот такие новости.

— А! Это война. Кто-нибудь что-нибудь сделал? Я имею в виду Мелмордху?

— Нет. Никто не знает, где находится Мелмордха. Ты хотел бы знать, как они осудили тебя?

— Я могу это представить.— Он подумал о своем клане, оставшемся открытым главе мак Махона, кто бы ни стал новым, и пожал плечами.— Они похоронили как следует моего брата?

— Как следует. Они позвали епископа, чтобы сделать все, как следует. Он герой, о нем повсюду поют песни.

— Вербное воскресенье.

Все это казалось таким далеким и несущественным, все это. Он покачал головой.

— Они сказали, что ты сумасшедший, как я уже говорил тебе,— повторил монах.— Король думает, что ты полнейший Сьюбн, и поэтому нет цены, которую можно было бы назначить за твое убийство. Никто не охотится за тобой, как ни странно это звучит. Клан О'Каллинэн освобожден от каких-либо обвинений против тебя, потому что ты сумасшедший.

— Кто это сказал? Король?

— Что ты сумасшедший? Он...

— Я имею в виду, что вождь клана О'Каллинэн будет освобожден от вины за меня.

— Да, король.

— Почему... откуда это взялось, о сумасшествии.

— Я слышал, ты просил его о чем-то в таком роде.

— Дважды, но в первый раз я предложил ему закончить все, это удобно.

Монах отогревал перед огнем каждый палец на ноге в отдельности.

— Это очень удобно.

— Это годится. Быть вне закона не так уж горько, как нам говорили. Единственно, чего я не знаю, что мне делать.

Монах улыбнулся.

— Такой школы, куда бы ты мог пойти и научиться этому, нет.

— Пренебрежение этим просто скандал. Пойди в Кленмакнойс, скажи им, что они должны расширить курс — изложить нахождение вне закона по латыни.

Он немного наклонил голову.

— Я слишком стар, чтобы со мной так обошлись.

— Почему бы тебе не пойти в монастырь? Там они не могут тронуть тебя.

— Это соблазнительная идея. Но я слышал, что соблазн — это грех.— Он откинул волосы со лба.— Я пойду... к Мелмордхе.

— Почему?

— Я не знаю. Я думаю... Мне кажется, что я умер и лежу

там, рядом с моим братом, но я не понимаю этого, и никто другой не понимает. Но если я вернусь туда, я найду мой труп, и я могу снова скользнуть обратно.

Монах взирал на него некоторое время.

— Ты не был убит у Дублина.

— Нет, я...

Он поднял голову и засмеялся.

— Я не сумасшедший, в самом деле не сумасшедший.

Монах пожал плечами.

— Бог направляет все дела к их должному завершению. Зачем идти в Дублин?

— Я должен королю кое-что. Почему я должен позволить ему дать мне, находящемуся вне закона, то, что он не дал мне, когда я был вождем?

— Месть это дурно.

Голос монаха прозвучал строже, чем раньше. Мюртах посмотрел на него и увидел гнев в его темных глазах.

— Это не месть, в действительности. А может быть, да. Там кровь на земле, а он делает вид, что ее нет.

— Ты уже убил однажды достаточно.

— Но, кажется, это не произвело такого уж большого впечатления. Все, что я делаю, не производит.— Он обхватил голову обеими руками.— Они даже не охотятся за мной, как ты сказал.

— Это обычная гордость.

— Нет, нет. И это не месть, в любом случае. Разве ты не понимаешь?

Монах взглянул на него.

— Думаю, что понимаю. Но я не хотел бы быть на твоём месте, если ты... так чувствуешь.

— А что, ты думаешь, я чувствую?

— Ты хочешь заставить мир зашататься, потому что ты жив.

— Вовсе не так.

— А если не так, то что же? Это по-детски — хотеть и...

Мюртах завертелся на месте, все еще сидя, и сказал:

— Я не хочу этого.

— Тогда скажи мне, чего ты хочешь.

— Я...— он боролся с собой, размышляя. Он хотел, чтобы они поняли, что он был здесь, что он сделал что-то такое, что имеет все права быть за это убитым, но за этим скрывалось еще кое-что.

— Я не знаю точно...

— Поход в Дублин ничего не докажет. Чему ты сможешь научиться среди датчан и пиратов?

— Может быть, я смогу понять, почему люди, являющиеся ирландцами, убили моего брата и вынудили убивать меня...

— Быть ирландцем — не имеет ничего общего с этим. Ты человек, христианин...

— Нет. Успокойся, ты можешь успокоиться? Я не могу больше думать об этом — я не знаю, что я должен делать — это не было концом, то, что там произошло. Если я не вернусь туда — разве ты не понимаешь? Если я позволю королю отстраниться от этого...

Монах вздохнул.

— Ты не можешь оставить все это на Бога?

— Нет!

Монах перекрестился и начал молиться. Мюртах почувствовал, как напряжение покидает его, он слушал, крестился сам, когда крестился монах, и его слова тихо проникали в него. Он слушал до тех пор, пока не устал так, что уже не мог оставаться в бодрствовании. Он скользнул вниз, свернулся возле огня и закрыл глаза.

Голос монаха произнес:

— Есть определенные вещи, которые не могут быть познаны,— после чего монах сам улегся и тоже заснул.

Когда утром он проснулся, монах уже ушел. Мюртах поел немного холодного мяса, развел огонь и сел рядом, чтобы накопить тепло. Неустойчивая теплая погода начала весны сменялась глубоким холодом, проникающим до костей.

Гнедая кобыла вступила в хижину, едва не раздавив Мюртаха, и выразила свой привычный протест против огня. Мюртах похлопал ее. Ее хвост был такой длинный, что легко мог попасть в огонь.

Весь день он просидел так возле огня, глядя на пламя и размышляя. Однажды, когда его зад уже начал болеть от долгого сидения, он прогулялся к берегу и обратно. Большую часть дня он только думал. Когда через дверь стало видно, что опускаются сумерки, он почувствовал, что устал от мыслей, но что так и не понял ничего больше, чем тогда, когда он выехал из Кинкоры отлученным от закона.

В старых песнях отводилось место всему, и он подумал, что, должно быть, именно это пропустил. Он перестал размышлять и заснул. На следующий рассвет все еще было холодно, и он собрал все свое имущество, чтобы уехать.

Он собрал много всего за короткое время пребывания в хижине: овечьи шкуры, несколько крючков и шила из кости, арфу из соснового дерева, всякую всячину, вроде деревянных тарелок и решетки для приготовления пищи на костре. Все это, кроме овечьих шкур, крючков и шил, он оставил в хижине, а сам сел на кобылу и направился на восток.

К полудню он осознал, что не так-то легко ехать верхом в Дублин. У него было с собой мясо, так что он не был голоден, но холод вползал в него, словно болезнь. Даже укутавшись во все овечьи шкуры, он не мог согреться. Его мучил

не столько холод, сколько донимала сырость. Казалось, все пропиталось влагой.

Когда Мюртах остановился на ночь, он был удивлен, обнаружив, как много мяса он съел. У него осталось не больше половины. Он сжался возле костра и пытался вычислить, как далеко оставалось до Дублина. Его запаса пищи на такой долгий путь не хватит.

Пробуждение на следующее утро было тяжелым, он еще хотел быть поближе к костру, ему не хотелось вставать, высовывать голову в холодный, влажный воздух и ехать дальше. Он заставил себя встать. Уже сидя верхом, он с мрачным видом тронулся с места и направился на восток, но ехал медленно, позволяя кобыле щипать траву.

Ближе к полудню он завидел впереди дымок, растекающийся по горизонту, и свернул кобылу на север, чтобы обойти его. Он направил кобылу вдоль склонов, а не через них, так, чтобы его силуэт не выступал на фоне неба, с одного склона он посмотрел на север и увидел двух человек, пеших, внизу на торфянике. Один взмахнул в его сторону рукой. Мюртах поддал кобылу ногой и пустил ее рысью с холма.

Он побоялся сделать привал на эту ночь. Вся еда у него кончилась. Он остался верхом, пустив кобылу на тихий шаг, лишь бы она не остановилась вовсе. Он знал, что если спешится и разведет костер, то уже никогда не сдвинется с места. Что было лучше — умереть в тепле от голода или умереть голодным от холода?

Если он разведет костер, это станет для него концом. Когда кобыла попыталась остановиться, он подхлестнул ее.

Солнце взошло над гребнем дальних холмов, оно морозно блестело, словно схваченное морозом. Холмы выглядели, как его собственные холмы, немного напоминая крепостную стену. Но они были ему незнакомы. Он видел слишком много признаков присутствия других людей в этот день, и все подгонял кобылу по направлению к холмам.

Однажды он задремал. Когда проснулся, кобыла спокойно стояла и спала на прямых задних ногах. Он медленно выпрямился, разминая затекшие, замерзшие мышцы. Они находились на краю леса, и в глубине его он мог слышать звон топоров о деревья. Он разбудил кобылу, а когда она запротестовала, он стал стегать ее своим ремнем, пока она не двинулась с места.

Этой ночью, в холмах, он предоставил кобыле свободу самой выбирать дорогу. Она доставила его прямо к воде. Его зубы выбивали дробь, они так стучали друг о друга, что у него заболели челюсти. Холод пронизывал его до самого костного мозга. Он слез, чтобы разбить лед на озере своим каблуком, его ноги громко стучали по земле — замерзшей земле, они у него так онемели, что он подумал: отломились от лодыжек. Он едва мог ходить.

Как бы против воли, его руки собрали сухие ветки и щепки коры и достали кремень из котомки. Он разжег костерок и устроился возле него. Когда солнце достигнет вершины этого дерева, он уедет. Как только солнце достигнет вершины этого дерева, он уедет... Как только...

Лошадь зафыркала и вывела его из сна. Это было все равно, что находиться на дне прогретого солнцем озера и барахтаться, чтобы всплыть на поверхность. Лучше уже оставаться в воде, лучше лежать тихо и оставаться в тепле...

Он открыл глаза и увидел волков, сидящих кольцом вокруг него. Лошадь стояла почти что в костре.

Мюртах едва не задохнулся. Воздух был таким холодным, что его легкие не могли принять в себя много. Волки представляли собой скелеты, обтянутые мехом — как холмы, где осталась его хижина, — там камни проглядывали сквозь вереск, так выглядели эти волки, с их костями, выпиравшими через шкуру. Их было четыре, и они выглядели напуганными и больными, и определенно полумертвыми. Он вскочил на ноги. Они оттрусили в сторону, неохотно оставляя свою добычу, даже если она была еще живой.

Он взял лук и натянул его, двигаясь медленно, достал стрелу из колчана. Волки наблюдали за ним сузившимися глазами. Он поднял лук и выстрелил.

Один из четырех волков завизжал, подпрыгнул в воздух и рухнул наземь. Остальные три завyli. Они отбежали прочь, но все еще на расстоянии выстрела из лука, обернулись и сели, вывалив наружу свои языки.

Мюртах медленно подошел к убитому волку. Запах крови заставил его зашататься. Волк еще не был мертв, и он вынужден был выстрелить в него снова. Он подтащил его к костру, положил свой лук и кинжалом вспорол брюхо волка. Другие волки крались, ползли на своих животах, притворяясь, что спокойно лежат, когда он смотрел на них. Он сунул руку в грудную клетку волка, вытащил оттуда сердце, разрезал на куски и съел его. Его желудок содрогнулся жестоко, но он заставил его подчиниться.

Он съел печень, содрал наполовину шкуру и срезал все мясо, какое только мог с тощих задних ног и ребер. Окровавленные горстки мяса он зажарил на костре. Когда он ел противное мясо, то бросил скелет другим волкам, но они отскочили от него и так и не подходили к останкам близко.

Волки сделали ту же самую ошибку, что и он: они остались там, где было безопасно, на высоте. Они лежали тихо, положив головы на лапы, переводя взгляды с него на кобылу, готовые сожрать его или помереть.

Его желудок бурлил, но мяса было достаточно, чтобы он стоял на ногах. Он поймал кобылу. Она была в лучшем состоянии, чем и Мюртах, и волки, и лягалась, когда он залез

на нее. Он махнул на них своим луком и тронулся с места; волки преданно следовали за ним, словно слуги.

Он упорно ехал в сторону долины с цепочкой волков за собой. Однажды они кинулись за ним, но лошадь легко оторвалась галопом, и они остановились почти сразу. Вскоре после полудня он пересек русло высохшего ручья на краю равнины, и волки внезапно повернули назад. Он надеялся, что они что-то поймали, он остановил кобылу и смотрел, как они трусили по холму. Они достигли вершины и бежали там некоторое время, пока не скрылись из виду. Во второй половине дня холод прекратился.

Он ехал через пастбища, днем спал, по ночам охотился. Две ночи он выжидал возле стада, выискивая возможность отбить от него теленка. За это время он подстрелил несколько кроликов, но тощее мясо не удовлетворило его. Он слышал о людях, которые умерли от голода, хотя имели много кроличьего мяса. Ему нужен был жир.

Наконец, глупая, маленькая телка забрела на край стада. Он осторожно приблизился к ней, желая подойти так близко, чтобы срезать с нее сколько-нибудь мяса раньше, чем другие коровы наведут на него пастухов своим мычанием. Телка заметила его и подошла к нему. Она была такой же ручной, как собака. Когда он уводил ее от стада, она послушно пошла, он предположил, что она совсем маленькой потеряла мать и была выкормлена из черпака. Он отвел ее на приличное расстояние, убил, разделал и наелся телятины, пока его не затошнило.

Он упаковал так много мяса от теленка, сколько смог. Пастухи, конечно же, заметят ее исчезновение. По-прежнему передвигаясь по ночам, он снова двинулся к Дублину. В ночь после того, как он убил телку, он проехал вдоль подножия холмов и выехал к огромному частоколу, со рвом и земляными укреплениями — цитадели какого-то большого клана. Он остановился ненадолго, пригнувшись к торфяному дыму и приглядываясь. Вождь любого клана должен был бы знать Мюртаха-лучника, он мог войти, чтобы посидеть в тепле очага и поболтать.

Чем ближе он подходил к своей собственной земле, тем сильнее ему становилось не по себе. Ему не хотелось натолкнуться на кого-нибудь, кого бы он знал. Он начал узнавать торфяники и холмы, по которым проезжал, даже ночью.

Однажды ему показалось, что кто-то окликнул его по имени. Он дернул кобылу, чтобы она остановилась, и огляделся. Все его тело покрылось потом. Порыв ветра пронесся над ним, и его зазнобило. Но он никого не увидел и больше ничего не слышал и, откинув волосы со лба назад, поехал дальше.

Он подумал о том, как бы выкрасть свою арфу, но когда

стал строить план, как это сделать, он понял, насколько смешна вся эта затея. Его ладони зудели по гладкому яблочному дереву, то и дело незванные звуки музыки возникали в его голове. Его уши наострились, вслушиваясь в голос, который будто назвал его имя.

Наконец он повернулся и поскакал на север, в глубь Мифа, прочь отсюда. Мысли о глубоких глинах, деревьях, сплошь поросших зеленым мхом, хранящим до сумерек туманный жар полудня, заполняли его душу чувством безнадежности. Он думал об Од и своих детях. Что бы она ни думала о нем сейчас, это не может быть хорошим. Чем дальше он удалялся от своих краев, тем легче ему ехалось, наконец он повернул на восток и смог отделаться от этих мыслей.

Наступила оттепель — земля стала мягче, на деревьях появились бледные почки. Он размышлял о том, дадут ли старшие советы Эгону, рассказывают ли ему, как сеять семена в полях, и когда, какие оставлять под пар, к каким следует вернуться снова, где разместить овец и коров, каких кобылиц надо покрывать и каким жеребцом — это все было трудным делом. Он вспомнил, как ненавистно ему было быть вождем, когда он сам еще был мальчиком и только что вошел в эту роль.

Он зашел слишком далеко на север. За те дни, что он разбивал свои стоянки, он видел некоторых людей и мог определить по их одежде, что он почти уже находился в Ольстере. Идти на восток теперь стало труднее. Эта часть Мифа была полна частоколов и стад, и полей, и он должен был идти медленно, осторожно выбирая свой путь, чтобы обходить их.

Однажды утром, когда он остановился отдохнуть, начался дождь — мягкий, туманный весенний дождь. Полезный для орошения растений. Он завернулся в свои одеяла, натянул их себе на голову и улегся спать; когда много позже полудня он проснулся, одеяла насквозь промокли. Он поймал кобылу и поехал дальше, сам оставшись сухим. Он проехал не более нескольких миль, как очутился между двух холмов, и выехал прямо к морю.

Ветер обрушился на него, словно удар — так что из глаз его потекли слезы. Буруны на поверхности воды казались белыми на фоне бледного песка, а за бурунами поверхность моря была серой и перекатывающейся, с белыми барашками и множеством брызг. Над морем даже не летали чайки — они все гнездились в песке, среди выбеленных обломков дерева и сорняков на высокой линии прилива. Рев и гул прибоя смешивался с пронзительным свистом ветра.

Оцепенев, он некоторое время смотрел на море. Никогда раньше он не видел моря. Он всегда воображал его себе, как огромное озеро. Но это было... Он вздрогнул. Там, вдали за горизонтом, невидимом из-за дождя, лежала другая страна, а

за ней еще другая, и так далее, за островами, открытыми Брендэном. Всю свою жизнь он думал, что Ирландия это и есть весь мир...

Там было что-то. Он скосил глаза. Кобыла подняла голову и насторожила уши, она тоже увидела то, что было скрыто дождем.

Где-то очень близко начал бить колокол, и он вздрогнул. Он развернул кобылу и поскакал по песку подальше от этого колокола. Там вдали, в море, виднелось что-то, направляющееся к берегу и покачивающееся на волнах. Он подстегнул лошадь. Колокол не пригрезился. Это был датский корабль. Он разглядел мачту.

Ветер мог подгонять корабль, мог выбросить на берег. Весь дрожа, он наблюдал. Судно барахталось перед ним. Оно не двигалось так быстро, как могло бы, из-за этого ветра. Он не мог разглядеть, были ли выброшены на воду весла.

Халфдэн рассказывал ему об этих судах со странной страстью в голосе. Тогда Мюртах подумал, что он немного сумасшедший, если хочет бродить по морю на судне, когда можно спокойно жить в доме на земле. Судно, подобное этому, могло перенести его в Тир-на-ног. Куда угодно.

Он ехал рысцей вдоль берега, держась на одном уровне с судном. Оно ни разу не подошло достаточно близко, чтобы он смог разглядеть его в деталях, и наконец отклонилось в сторону моря и исчезло в дожде. Мюртах вздохнул и направился к югу.

Он забыл о судне почти сразу; вокруг везде были всадники. Он подумал, что уже близок Дублин. У него возникали некоторые затруднения в том, чтобы держаться подальше от всадников, часто он должен был останавливаться и выжидать в холмах у моря, пока люди в звенящих кольчугах не проходили мимо, или всадники на маленьких, шустрых лошадках галопом не скрывались за горизонтом.

Вся эта суета близкого города держала его в напряжении, в готовности вступить в схватку. Всю эту ночь он двигался в обход, чтобы избегать костров.

Сразу перед рассветом он увидел башню на дальней стороне реки. Он проехал еще немного к западу, пока не нашел брода, здесь он переправился и немедленно должен был укрыться в роще деревьев, пока мимо не протрусило в сторону города маленькое стадо овец, которое гнали, болтая между собой, два ирландца. Когда они скрылись за следующим холмом, он сделал вокруг них большую дугу и выехал, наконец, к стене, опоясывающей Дублин.

Он остановил на мгновение кобылу, разглядывая стену — ее охраняли часовые. Они увидели его и один закричал:

— Кто идет?

— Я ищу короля Лейнстера.

— Кто ты?

Мюртах пожал плечами. Это было не их дело.

— Скажите ему, что арфист из Кэтхэйра.

— Мы поищем его. Не двигайся.

— Не двигайся,— сказал Мюртах кобыле.— Он сказал мне, не двигайся.

Он оглянулся, чтобы удостовериться в том, что рядом никого нет, и скользнул на землю. Солнце уже стояло высоко и отбрасывало его тень на пыль. Его тень выглядела необычно: он поднес руку к лицу и сообразил, что у него борода, как у язычников датчан, отросла и торчала во все стороны, а волосы на голове свисали до самых глаз. Он поднял руку, чтобы отбросить их назад привычным жестом. Он пожал плечами.

— Мюртах!

Это был Мелмордха. Мюртах встал, взобрался на кобылу и поехал к воротам. Мелмордха стоял на стене.

— Господи, это ты. Заезжай. Ты похож на сумасшедшего.

— Я слышал, они говорят, что я и есть сумасшедший.

Он протрусил в ворота, и Мелмордха, ухмыляясь, спустился вниз.

— Они так говорят? — Он хлопнул Мюртаха по колену.— Каждый видел тебя, по крайней мере, тридцать раз после того, как ты покинул Кинкору — в соответствии с самыми достоверными источниками ты убил пятьдесят человек. Где ты был?

— Прошел сюда от Коннаэта.

— Раньше. Что было с тобой после того, как ты их убил?

— Я начал идти сюда от Коннэута.

— И как долго? И как тебе удалось добраться сюда без того, чтобы тебя схватили?

— Я ехал верхом.

Мелмордха оглянулся на других людей, стоящих здесь. Мюртах не сознавал, что вокруг уже собралась толпа.

— Ты не видел никаких всадников? — спросил Мелмордха.

Мюртах неловко пожал плечами и отбросил со лба волосы.

— Несколько.

Все эти люди вокруг вызывали у него настороженность.

Мелмордха выглядел раздраженным.

— Им велено останавливать всех, кого они увидят.

— Они не видели меня.

Один из людей, стоявших возле них, неожиданно сказал:

— Это тот самый человек, которого ты ждал, король?

— Это Мюртах-лучник,— сказал Мелмордха.— Глава клана О'Каллинэн.

— Уже нет,— сказал Мюртах. Он слез с кобылы и встал рядом с ней.

— Хм,— сказал датчанин. Это был рослый мужчина и говорил он по-ирландски с сильным акцентом.— Да мой младший сын больше него ростом.

— Твой младший сын больше и Бьорна тоже,— сказал Мелмордха. Все вокруг настороженно засмеялись.— Пошли, Мюртах.

Мюртах последовал за ним, держась рядом с кобылой, которая начала брыкаться среди толпы. Мелмордха замедлил свои шаги так, чтобы Мюртах поспевал за ним.

— Этот здоровенный мужчина Тригги Свенсон, Тригги Белый, из Исландии. Здесь много героев.

— Героев,— повторил Мюртах.

— Ты странный. Если бы я не знал тебя так хорошо, то должен был бы назвать тебя сумасшедшим.

— С той поры, как я покинул Кинкору, я не часто видел людей. А разговаривал только с одним.

— Ладно, пошли, и пусть кто-нибудь подстрижет твою бороду.

Они поднялись по холму к каменной крепости. Здесь было полно людей. Мелмордха приветствовал некоторых из них, обращаясь к ним по имени.

— Мы все будем здесь к Вербному воскресенью, еще не все прибыли. Я слышал, что Верховный король попытается добраться сюда раньше — позже это будет труднее. Вот почему мы выслали наружу всадников.

Мюртах, заинтересованный, поднес руку к своей бороде.

— Этой зимой было холодно.

— Да? Но здесь было неплохо.

Слуга принял кобылу, она стала яростно брыкаться и сопротивляться, пока Мюртах не подошел к ней и не успокоил. После чего слуга уже спокойно увел ее. Мюртах и Мелмордха вошли в каменную крепость.

В помещении сидели несколько человек, окруженные грудой одежд и снаряжения. Все они были датчане, и Мюртах некоторое время колебался, прежде чем войти вслед за Мелмордхой. Он вспомнил то судно, которое видел.

— У тебя есть какие-нибудь стрелы? — спросил он.

— Конечно,— сказал Мелмордха,— а почему ты спрашиваешь?

— Датчане своим видом всегда напоминают мне о стрелах.

Один из сидящих мужчин поднял взор. Он сидел посреди не других, на черной медвежьей шубе. Он был не крупнее Мюртаха и такой же темный, на затылке его красовалась позолоченная серебряная корона. На массе густого черного меха он выглядел, как колдун. По короне и одежде из медвежьей шкуры Мюртах предположил, кто это такой и как Мелмордха назовет его.

Датчанин задержал пристальный взгляд на Мюртахе, пока

тот не подошел почти в упор, и тогда, улыбаясь, отвел глаза. Мюртах пошел вслед за Мелмордхой в спальную комнату.

— А это доставили для тебя некоторое время назад,— сказал Мелмордха.

Он отодвинул в сторону груды одежды со стола и поднял вверх арфу Мюртаха. Он протянул ее, и Мюртах поспешил сразу протянуть арфу в свои руки, вызволив их из-под плаща. Он снял с нее чехол. Арфа была расстроена, и он сел, чтобы настроить ее.

— Кто прислал арфу?

Мелмордха достал немного вина и налил.

— Ее принес один человек, который сказал, что ты поймешь, что это означает.

— Он сказал еще что-то?

Мелмордха пожал плечами.

— Да, он сказал, что это от вождя О'Каллинэн.

— Больше ничего?

— Что он желает тебе всего хорошего.

— Кто? Вождь О'Каллинэн или человек, который принес арфу?

— Я думаю, они оба.

Мюртах выпил немного вина и продолжил возиться с арфой.

— Откуда он знал, что ты придешь сюда?

Мюртах поднял глаза.

— Кто знает? Быть вождем так трудно, может быть. Бог дает нам определенное особое знание, когда мы в этом нуждаемся.

Он опустил арфу и положил обе руки на стол.

— Это Бьорн — Брат Волка был там в зале?

— Да.

— Это большая война, если из-за моря зовут таких, как он. Я думал, что он мертв.

— Мы все так думали. Он отплыл от Фаррерских островов сразу после осеннего равноденствия в год, который был перед последним. Он никогда не возвращался обратно, и поэтому все думали, что он мертв, и только немногие из нас не испытали облегчения от этого. Мой племянник, Сигтругг, имел с ним какие-то неприятные дела. Но вот он здесь, улыбается точно так, как всегда, с той же сладенькой невинностью в глазах, и говорит, что он направился искать Землю Обетованную, но не нашел ее. Вместо этого нашел что-то другое, уплыл, вернулся обратно и не смог найти ее.

Мюртах поднял арфу и пробежал пальцами по ее обводам, улыбаясь.

— Быть того не может, чтобы эти датчане ошиблись в расположении целого острова.

— Он клянется, что остров погрузился в море.

— Конечно. Позволь им потерять щепотку земли, и они поклянутся на всей Библии, между этим местом и Миклэгэрдом, что это воля Божья.

— Я рад, что твой язык вернулся к тебе снова, но не говори подобные вещи так громко. Он настоящий дьявол, черт бы его побрал. Он расскажет тебе ложь, ты скажешь ему, что это ложь, и он сможет убить тебя за то, что ты назвал его лжецом.

— Хорош же этот твой друг.

— Это у него в крови, и он ничего не может поделать с этим, я полагаю. Его брат Эйнар Бьорнсон — он был назван в честь своего отца — Бьорна, хочу сказать, в то время, когда его отец еще был жив; это, возможно, имеет какое-то отношение к тому, что Эйнара здесь нет, слава Богу. Они называют его Кровопуск. Ты понимаешь, что это значит. В Ирландии убийц датчан можно пересчитать на двух руках, но Убийцей Датчан называли твоего брата, и это был тяжело заслуженный комплимент.

— Но тут прямо-таки какое-то проклятие. Хуже всего то, что его убил никакой не датчанин.

Мелмордха сказал:

— Я сожалею об этом. Он мне очень нравился.

— О, а я просто обожал его, понимаешь. Я вырастил его; когда он был маленьким мальчиком, он имел привычку следовать за мной повсюду и задавать кучу всяких забавных вопросов. Когда он вернулся обратно, уже после того, как он стал Убийцей Датчан, от меня потребовалось усилие, чтобы узнать его снова. Но он, Сирбхолл, был честным человеком, и это несправедливо, что они убили его. Эта тишина была не той тишиной, когда бываешь в одиночестве.

— Из-за этого ты пришел сюда?

— Да.— Он отпил еще немного вина.— То, что я сделал, этого недостаточно. И это была только часть междоусобицы, в любом случае, так что они могут простить это. Но это другое.— Он кивнул.— Это совсем другое. Я хочу заставить их понять, как отвратительно все это.

Он поставил чашу на стол:

— Как отвратительно все это было.

— Что ж, ты сильно задал им.

— Я не хочу говорить об этом.

— Бьорн говорит об этом с восхищением.

— Скажи ему, что не стоит восхищаться. Если он послушается, то я сложу о нем песню и буду распевать ее по всей Ирландии от моря и до моря.

Мелмордха улыбнулся.

— Ладно, пошли, у меня есть одна женщина, которую я напущу на твою бороду. И тебе нужна новая одежда.

— Годится. Никогда больше мне не придется слышать пе-

сен об объявленных вне закона, которых хорошо кормят и одевают. А вино — я ничего не пил так долго, кроме чистой воды,— оно ударило мне в голову.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

После того как его борода была сбрита, а волосы подстрижены, он лег спать. Мелмордха разбудил его, когда наступили сумерки, и они прошли в зал поужинать. Все мужчины собрались за столом, и маленький смуглый человек в позолоченной серебряной короне говорил. Все остальные слушали, ловя каждое слово, словно в них заключалось их спасение. Мюртах перешагнул через скамью и сел в восьми или десяти человеках от Бьорна. Он перекрестил свое мясо и откинулся, чтобы дать возможность слуге налить ему мед. Без бороды и длинных волос он чувствовал себя свободнее и чище.

Бьорн говорил на смеси ирландского и датского, на котором они говорили на Южных Островах, где он вырос. Мюртах слушал некоторое время, пока не осознал, что Бьорн говорит так, чтобы остальные все внимали ему и показывали ему, как они его боятся. Мюртах начал есть. И почти тут же Бьорн перестал говорить.

Мелмордха рассказывал нескольким мужчинам во главе стола большей частью о воинах, приходящих в Дублин, кто они такие, откуда пришли и чего можно ожидать от них.

— Верховный Король подымет Дэл Кэйс, может быть, некоторых других.

— А что Мелсечлэйн? — спросил человек в плаще из серебристых лис.

— Мелсечлэйн властвует в Кончубаре,— сказал Мелмордха,— я не знаю, что он будет делать. Вот Мюртах знает его лучше, чем остальные. Что ты скажешь, Мюртах?

Мюртах резко поднял голову и задумался. Он вспомнил Мелсечлэйна в Кэтхэйре.

— Он придет. Может быть, он не будет сражаться, но он подымет армию.

Человек в плаще из серебристых лис сказал:

— Почему ты думаешь, что, может быть, он не станет сражаться?

Мюртах взглянул на Мелмордху, словно задавая ему вопрос.

— Он будет выжидать, возможно. Смотреть, кто из нас выигрывает, и иметь свежую армию, чтобы сражаться с победителем.

— Почему он будет так действовать? Если ирландцы выигрывают...

— Он хочет вернуть себе верховный трон,— сказал Мюр-

тах.— Если выигрывает Верховный король, то Мелсечлэйн станет... Но, может быть, он станет сражаться с Верховным королем против нас. Я не знаю.

— Ты Мюртах О'Каллинэн.

Мюртах кивнул и отправил кусок мяса в рот.

Рыжеволосый датчанин сказал:

— Брат Сирбхолла-Убийцы Датчан?

Мюртах снова кивнул.

— Я слышал,— спокойно сказал Бьорн,— что ты что-то вроде арфиста.

Мюртах поднял взор и взглянул прямо в невыразительные темные глаза Бьорна. Бьорн улыбнулся и обтер свой рот длинной рукой.

— Бьорн,— сказал Мелмордха,— этот человек гость в моем доме.

— Мы тоже.

— Ну и что из этого? — сказал Мюртах.— Я арфист, датчанин. А тебе разрешено убивать арфистов?

Бьорн снова улыбнулся.

— Убийство арфиста приносит несчастье.

Мужчина, сидящий рядом с Мюртахом, сказал:

— Он дважды убивал людей за ложь, когда они говорили, что они арфисты. Он сказал, что они вообще не были арфистами.

— Тихо,— сказал Бьорн,— он говорит, что он арфист. Не запугивай его, а то у него будут руки трястись.

Мюртах поднял одну руку и оглядел ее. Пальцы дрожали. Бьорн засмеялся, Мюртах сказал:

— Если ты хочешь песен от меня, ты их получишь.

Он откинулся и позвал слугу:

— Пойди и принеси мою арфу. Она в моих вещах. Там два инструмента с натянутыми струнами. Принеси их оба. И острые штучки, с которыми играют на втором.

Бьорн откинулся назад.

— Ты говоришь, как арфист.

— Я и есть разговаривающий арфист, я не пою.

Мелмордха сказал:

— Бьорн, тебе не следует приставать к нему.

Бьорн немного повернул голову, достаточно, чтобы краем глаза видеть Мелмордху, улыбнулся и снова посмотрел на Мюртаха. Мюртах подумал обо всех историях об этом человеке, обо всех убийствах, и налетах, и долгих путешествиях, он подумал, что Бьорну, должно быть, до смерти надоело жить с его репутацией, и он почувствовал жалость к нему.

Он встал, чувствуя некоторую слабость в коленках, пошел к двери в маленькую переднюю комнату и открыл ее. Там сидели и играли в кости двое слуг. Мюртах прошел через комнату и запер дверь во двор.

— Никого не пускайте сюда,— сказал он им,— пока будете слышать звуки арфы в большой комнате, и сами не вставайте в дверь.

— А Бьорн там? — спросил один из слуг.

— Да. Достаточно скоро вы сможете вывезти мертвое мясо.

Он зажег фонарь, повесил его на дверь, выходящую во двор, и вернулся обратно в большую комнату. Эту дверь он прикрыл, оставив небольшую щель, немного шире его ладони. Он прикинул, что расстояние до головы стола было около пятидесяти шагов, для уверенности он их просчитал. Слуга уже был там с его арфой и луком.

— Все оставайтесь здесь,— сказал Мюртах. Он огляделся. Бьорн сидел, положив обе руки на стол. Его корона была сдвинута на затылок, но больше он не улыбался. Другие сидели недвижно. Мюртаха удивило его собственное спокойствие. В его коленях по-прежнему была слабость, но это все. Он натянул тетиву лука и посмотрел на дверь. Свет фонаря из той комнаты проникал сюда из щели. Он выбрал стрелу, поднял лук и быстро выстрелил, прежде чем его пальцы начали дрожать. Он опустил лук и высвободил тетиву¹.

Теперь все люди вокруг стола были уже на ногах и взирали на дверь. Один из них выругался себе под нос:

— Он поразил его через отверстие замка.

— Через щель,— поправил Мюртах.— Отверстие для замка слишком мало для наконечника стрелы.

Он взял арфу и пошел к главному месту и сел, держа лук на коленях.

— Бьорн, ты все еще хочешь мою песню?

Все остальные начали смеяться и бить ладонями по столу. Бьорн улыбнулся, не сжатыми губами, а так, как улыбаются маленькие дети.

— Я немного шире, чем эта щель,— сказал он,— если ты играешь на арфе так же хорошо, как на другом инструменте, то нет надобности в таких фокусах.

— Хорошо сказано,— заявил мужчина в плаще из серебряных лис.

— Я не играл на арфе с тех пор... с тех пор, как мой брат был убит. У меня нет желания умереть из-за того, что у меня не было практики.

Он сыграл на арфе музыкальную фразу, потом подтянул одну струну и сказал:

— У кого-нибудь из вас есть любимая песня?

— Сыграй то, что тебе самому нравится больше всего,— сказал Бьорн.

¹ Чтобы лук не утратил свою упругость, его хранят со спущенной тетивой, второй конец которой надевают на свободный конец лука непосредственно перед стрельбой.

— Тогда вот песня о детстве Качулэйна — точнее, там три песни, первую исполняет Фергюс.

Первая была самая легкая из трех. В ней рассказывалось, как Качулэйн явился к Эвейн Мача в Ольстере и победил трижды по пятьдесят ребят Кончубэра в их играх, Качулэйну было только семь лет. Эта музыка походила на ритмы ирландского хоккея, что нравилось ему больше всего. Время от времени он произносил одну или две строчки, так что слушатели могли следить за тем, о чем рассказывала музыка.

Вторая история была более трудной — «Рассказ Кормака Корлонгэса». Кончубэр пошел в дом кузнеца Кулэйна и послал за Качулэйном, чтобы встретиться с ним там. Часть музыки была, как потрескивающий огонь, это напомнило ему Од, и на какой-то момент он почти запнулся. «Но Качулэйн пошел непредупрежденный к цепной собаке, которая охраняла собственность кузнеца. Мальчик пришел к дому кузнеца, и собака напала на него», — раскаты арфы и резкий лай заставили по крайней мере одного датчанина подпрыгнуть. «Но маленький мальчик убил чудовище, а в уплату кузнецу он стал цепной собакой кузнеца, пока тот смог найти другого. Поэтому его стали называть Качулэйн, Пес Кулэйна».

— Не могу поверить, что у тебя не было практики, — сказал Мелмордха, — никогда не слышал, чтобы ты играл так хорошо.

— Не перебивай, — сказал Мюртах. — Теперь песня Фьяча мак Фирэбы.

Качулэйн стал воином и ускакал с возничим Юбаром в оплот сыновей Нэхтена, о которых говорили, что число ныне живущих ольстерцев не превышает числа павших от их рук.

...Первое сражение было достаточно легким, но второе заняло больше времени, он должен был обращать внимание, чтобы его пальцы не цеплялись друг за друга. Он чувствовал, что подступает самая трудная часть, у него все напряглось внутри, но впервые в жизни он прошел через нее, не защемиив струны. Третье сражение не представило трудностей, но в целом музыка была столь чудесной — диапазон и соревнующиеся интонации — что она захватила его, и он забывал читать строки стихов. В концовке высокий чистый голос мальчика Качулэйна вознесся, словно птица, рвущаяся к солнцу, вознесся над всей остальной музыкой и завис там, пока низкие голоса замолкали и наконец стихли. Когда он взглянул на датчан, то увидел, что их лица светились.

Он положил арфу на колени и взял чашу с вином. Некоторое время никто не говорил и не двигался, наконец Бьорн повернулся к мужчине в плаще из серебристых лис и сказал:

— Теперь я понимаю, почему ты хочешь быть королем ирландцев, Бродир.

— Ты голоден? — спросил Мелмордха.

Мюртах покачал головой. Он опустил чашу и подвинул ее слуге, чтобы тот наполнил, и снова поднял арфу. Люди в зале разговаривали, и под гул их голосов он сыграл несколько мелодий, которые привык играть для практики. Они все также ели и швыряли кости на пол собакам, которые дрались за них. Мелмордха нагнулся и показал, что хочет поговорить с Мюртахом, когда тот закончит.

— Да? — спросил Мюртах, отложив арфу.

— Ты всегда должен иметь при себе арфу.

— Нет. Есть множество вещей, которые ты делаешь лучше всего, если оставляешь их самих по себе.

— Ты имеешь в виду дело с Мелсечлэйном?

Мюртах издал три острых ноты на арфе, словно высокий смешок.

— Да.

— Я думаю, короли полагают, что нас прибудет больше, чем будет на самом деле.

— Это еще одно соображение.

Бьорн вдруг стал сердиться на что-то, теперь он наклонился вперед и ударил мужчину, стоящего перед ним через стол.

— Заткнись, я хочу послушать этого арфиста.

В зале немедленно наступила тишина. Бьорн снова сел, поглядывая вокруг себя. Он повернулся к Мюртаку и окликнул его:

— Сыграй что-нибудь.

Мюртах поднял брови. Мелмордха наклонился вперед.

— Покажи мне, что ты сделал в Кэтхэйре.

— Господи, ты хочешь, чтобы мне выпустили кровь из вен?

Он перестал пить вино, вытер рот и ухмыльнулся Бьорну. Он играл музыку Сайда, песни Хостинга, все со слезными нотками и взвизгиваниями, словно ветер в крыше. Один из датчан возле него затрепетал. Один из Лейнстера в дальнем конце стола, который, очевидно, понимал, что значит эта музыка, крикнул:

— О, Господи, ты пытаешься причинить нам мучения?

Некоторые из датчан начали что-то говорить, и Бродир крикнул:

— Что это за музыка? — его голос был высоким и напряженным.

Мюртах ухмыльнулся. Мелмордха сказал:

— Это песня Кэойлтов — музыка, которую они играют, когда выступают в поход — Дикие Всадники. — Понизив голос, он сказал: — Не играй это, Мюртах, она бросает меня в дрожь.

— Да? Это лучше? — он сыграл песнь Дьердр, перед самой ее смертью. Каждая из нот дрожала на струне, полная высокого, невыносимого отчаяния.

— Нет,— закричал рыжеволосый датчанин.— Сыграй что-нибудь, от чего мы могли бы улыбнуться.

— Тогда обратись к своей матери. Она поцелуями сотрет твои слезы.

Человек вскочил, и Мюртах схватился за свой лук. Два других усадили датчанина обратно на скамью. Бьорн встал на ноги.

— Пусть он играет, вы — щенки, если дрожите от песни, то что станет с вами, когда придут ирландцы? Я убью вас всех, если вы вынудите его остановиться.— Он резко повернул голову к Мюртаху: — Сыграй ту дикую песню, мне она нравится.

Мюртах улыбнулся ему в смуглое, блестящее лицо:

— Да? Но с меня ее хватит, и я проголодался.

— Ну просто поиграй еще немного.

— Ладно,— он кивнул.

Бьорн сел, и Мюртах сыграл песню о сыне короля Моя, который встретил девушку в лиственном лесу. Вся песня было полна солнечного света, он сыграл ее дважды.

— Сыграй мне военную песню О'Каллинэнов,— сказал Мелмордха.

— Я не имею на это права.

— Сыграй в любом случае.

— Эта арфа не может сыграть ее. Это не моя вина, арфы.— Он согнул пальцы.— В любом случае, я голоден. Если бы я знал, что из-за этого проголодаюсь до смерти, я бы никогда не учился играть так хорошо.

Бьорн потянулся и столкнулся с лавки человека, сидящего рядом с ним.

— Садись сюда, арфист. И отставь тот другой инструмент к стене.

Мюртах посмотрел на упавшего человека, который пытался подняться на ноги, и сел рядом с Бьорном.

— Нет нужды для всяких трюков,— сказал Бьорн.

— Осторожный человек во всем соблюдает предосторожности.

Бьорн улыбнулся своей детской улыбкой.

— Герой отвергает все предосторожности. Разве не так?

— Да, конечно. Но если я видел разверзнувшуюся под тобой пропасть, я должен был закричать и убежать.

— Однажды ты этого не сделал.

— Не говори мне об этом.

— Почему? Это был великий подвиг.

Мюртах пожал плечами и отрезал себе кусок мяса.

— И ты был достаточно герой, чтобы пустить стрелу в эту щель.

— Я могу сделать это во сне.

Бродир, стоя напротив, нагнулся вперед и сказал:

— Бьорн, между этими местами и Данией нет ни одного скромного человека, когда ты встретишь хоть одного, буду рад этому. Я как-то встретил твоего брата, арфист.

— И что ты о нем думаешь?

— После Бьорна я хотел бы скорее его иметь на своей стороне во время битвы, чем кого-нибудь другого. Немного медленно соображал, но в схватке бешеный.— Бледные глаза Бродира переместились на Бьорна.— Ты должен был ненавидеть его.

Бьорн пожал плечами.

— Они не называют меня Братом Волка, потому что обожают меня.

Бродир сбросил с плеч свой плащ. Его черные волосы были такими длинными, что он должен был собирать их под свой пояс.

— Этот парень пользовался мечом, словно кнутом. Я припоминаю, что он был даже выше меня, не так ли?

Мюртах кивнул.

— И у него были соответственно длинные руки. Его меч прямо-таки свистел, когда он взмахивал им. Мы никогда не дрались.— Бродир улыбнулся.— Я часто думал, как жалко, что мы никогда не дрались.

Бьорн сказал Мюртаху:

— Ешь, ты говорил, что очень голоден.— А Бродиру он сказал: — Ты помнишь, как Эйнар Хокссон вступал в бой? Говорили, что он был самый высокий человек со времен Рольфа Гангера. Я не встречал более высокого человека, он должен был пригнуться, чтобы сравняться со мной ростом.

Мюртах слушал его — они все чаще и чаще переходили на датский, и постепенно он перестал их понимать. Это было неожиданно странно — находиться в комнате, полной людей, тем более датчан.

Он вспомнил корабль и выждал, когда Бьорн перестал разговаривать с Бродиром, чтобы спросить его об этом.

— Вчера?

— Вчера и очень поздно, перед самым закатом.

— И к северу от Клиффс оф Хоут? Сегодня никто не приплыл. Если они достаточно сообразительны, они станут в отдалении и бросят якорь в море. Никто не может плыть к берегу, когда набегают прилив. Какое у них было носовое украшение?

— Я не мог его разглядеть как следует.

— Насколько большим был корабль?

— О, очень большой, но я не очень-то разбираюсь в кораблях.

Бьорн взглянул на Бродира.

— Кто-нибудь заметил «Галл'с Брайд»?

Бродир засмеялся.

— Нет, но это мог быть он.

— «Галл'с Брайд» — это корабль моего брата,— сказал Бьорн,— один из них. Ладно, надежда всегда остается.

Бродир снова засмеялся.

После того, как он поел, Мюртах поиграл еще немного под гул их разговоров. Он думал об Од, Эгоне, других своих детях, и был удивлен, что остался спокоен. Арфы оказалось достаточно, подумал он.

Ярким утром он наблюдал за кораблями, поднимающимися вверх по реке, уже заполненной пришвартованными судами. Носовые украшения медленно проплывали через строй корпусов и останавливались, и он слышал, как с плеском погружались в воду якоря. Он почувствовал себя, как маленький мальчишка, срывающийся со своих подушек, чтобы увидеть марширующих мимо воинов, это возбуждало точно так же. Но он не мог сказать, было ли одно из трех вновь прибывших судов тем, которое он видел накануне.

Бьорн-Брат Волка подошел и встал рядом с ним.

— Это мой брат Эйнар,— сказал он,— Эйнар-Кровопуск. У нас будет славная боевая игра до того, как наступит отлив.

— Тогда я пойду. Я уже слышал о тебе и твоём брате.

— Да? Ты не хочешь остаться и посмотреть и приветствовать нас в надежде, что один из нас убьет другого? Они все так, ты знаешь. Как бы Эйнар и я... Нет, тебе не надо. Тебе следовало бы стать монахом.

— Ты не должен сражаться с ним,— сказал Мюртах, садясь на сваю.

— Конечно, буду. Иначе все будут ужасно разочарованы.

Покачиваясь на невысоких волнах, к ним направлялась кожаная шлюпка. На корме сидел крупный, белокурый мужчина. Мюртах взглянул на Бьорна и увидел, что тот немного ерзает, его плечи слегка поеживались, лицо было почти скупающим.

Кожаная лодка коснулась берега, и мужчина выскочил на него. Мюртах видел, что уже собралась толпа, там, где песчаный берег позволял пристать. Эйнар преодолевал мелкие волны, его волосы и борода развевались, нос шелушился от солнца.

— Во всем мире,— сказал Эйнар,— так много людей, почему первый, кого я встречаю, всегда ты?

— Не утруждай себя глупыми вопросами,— сказал Бьорн.— Я должен был видеть тебя выходящим из воды немного дальше по берегу. Тут мое место, брат.

Эйнар огляделся. Его взгляд остановился на Мюртахе, и Мюртах почти вздрогнул.

— Очень забавные люди находятся рядом с тобой,— сказал Эйнар,— вот этот, например, похожий на чью-то старую носовую фигуру...

— Ты с кем собираешься сражаться, со мной или с арфистом? — Бьорн указал на берег. — Я сказал, что тебе следует высадиться где-нибудь в другом месте. Ты испачкаешь мой песок.

Металл звякнул о металл — Эйнар вытащил свой меч. Толпа загалдела. Бьорн немного шелохнулся, становясь поудобнее. Мюртах почувствовал, как напряглись мышцы его тела. Он соскочил со сваи, кинулся сквозь волны к кожаной шлюпке и столкнул ее в течение.

— Твоя лодка уплывает, викинг, — сказал он, — ты не собираешься поймать ее?

Вода билась о его бедра. Никто не засмеялся. Рот Бьорна немного скривился. Он пристально взирал на своего брата, его огромные руки вцепились в ремень.

— Хм-м... — сказал Эйнар. Он повернулся и пошел за лодкой, которую течение влекло вдоль берега. Он и его люди поймали ее и выволокли на берег немного подальше от Бьорна.

Бьорн сказал растерянно:

— Ты очень быстро соображаешь.

— Если ты собираешься сражаться, то, пожалуйста, делай это, когда меня не будет поблизости. А то меня от крови тошнит.

Бьорн рассмеялся, хлопнул его по спине и сказал:

— Пойдем наверх, на стену, посидим там и выпьем. Все равно больше нечего делать.

— Хорошо.

Они прошли через город, прихватив по пути кувшин медовухи. Мюртах сказал:

— Дублин разрушает покой в моих мыслях.

— Но это хорошо для твоей стрельбы и музицирования.

Они взобрались на стену и пошли по ней в то место, где высокое дерево отбрасывало тень на широкое земляное укрепление. Бьорн сказал:

— Я искренне восхищен Дублином. Обычно я не люблю города. У нас на Южных Островах их нет, только хижины, прилепившиеся к холмам.

Он сделал глоток медовухи и передал кувшин Мюртаху.

— На островах никого нет, в любом случае, кроме старых женщин. И жен некоторых людей и малых детишек.

— Ты все время в море, не так ли?

— Почти всегда. Я почти расхохотался в лицо Эйнару, когда ты оттолкнул его лодку. Это было смешно.

Мюртах скинул свой плащ, становилось теплее.

— Я не думаю, что это так. Но я был напуган — а вот он идет.

Бьорн взглянул через его плечо на своего брата, подходящего к стене.

— Что ж, здесь никого нет, так что это будет приятно. Доброе утро, приятель по утробе.

Эйнар хрюкнул и присел, подогнув по датской манере одну ногу. Он отпил немного медовухи и со стуком опустил кувшин.

— Я проделал сюда весь этот путь от Исландии для того, чтобы меня вышвырнули с берега такие, как вы двое. Кто он?

— Мюртах-арфист. И очень хороший. И хорош в обращении с луком.

— Ловкие руки. А ты слышал историю о Шокбоу в том бою, когда был убит король Олаф?

— Я слышал. А ты, Мюртах?

— «Что разбилось так громко?» Да.

— Это хорошая сказка,— сказал Эйнар. Кертил Грейфэйс сказал, чтобы я передал тебе, что если ты вернешься обратно в Норвегию, он намерен заставить тебя жениться на его сестре.

Бьорн засмеялся:

— На ней? Никогда. Ты базируешься в Исландии сейчас?

— Да, у Швайнфелл.

— Ты знаешь Флоси?

— В Исландии каждый знает каждого,— Эйнар сделал еще один глоток медовухи.— Хм-м. Почему вы не достанете хорошего вина или пива?

— Аскуибх,— сказал Мюртах.

— Да,— Эйнар наклонился со стены и крикнул слуге, чтобы тот принес им аскуибх.— Одну вещь вы, ирландцы, способны делать лучше, чем остальные из нас — и я признаю это — выпивку.

— Если тебе не приходилось слышать историю о сожжении Нила,— сказал Бьорн Мюртаху,— то здесь Торстейн Холлссон, который может рассказать об этом лучше, чем кто-либо другой. Вот это сказ — у меня уши завернулись, когда я в первый раз услышал его.

— От этого завернулись уши Гуннара Лэмбисона, когда он в последний раз услышал ее,— сказал Эйнар.— Ты слышал об этом или был там?

— Я? Нет.

— Что произошло?

— О,— сказал Эйнар.— Гуннар был одним из людей Флоси, который был при сожжении, и в доме ярла Оркнея рассказал эту историю — это было на Святках. Но Кэри Солмундсон слушал снаружи за окном. Кэри был давним зятем О'Нила и был на стороне О'Нила в междоусобице. Кэри оклеветал О'Нила и его сыновей, и Кэри ворвался внутрь и снес Гуннару голову одним взмахом меча.

— В разгар Святочных празднеств?

— О, это было чудесно, я слышал, они должны были выскребать стол, прежде чем могли есть.

— Пошли кого-нибудь за своей арфой,— сказал Бьорн.— Эйнар, расскажи ему, что сказал ярл.

Мюртах подозвал мальчишку-ирландца, который проходил мимо, и сказал ему, чтобы тот шел в форт и принес арфу.

Эйнар сказал:

— Ярл и Флоси, оба согласились, что Кэри имел на это свои права, потому что не была уплачена цена крови. Флоси и О'Нил за всю эту междоусобицу уплатили друг другу по одинаковой котомке денег туда и сюда в качестве цены за кровь.

— Флоси тошнило от всего этого, пока все не утряслось,— сказал Бьорн,— это его жена поддерживала.

Мюртах ухмыльнулся.

— Я слышал, что вы, датчане, уступчивы по отношению к своим женщинам.

— Но не я,— сказал Бьорн.— Я не женат.

— Ты станешь женатым, если когда-нибудь вернешься в Донерфьорд,— сказал Эйнар. Он хлопнул Бьорна по колену.— Кертил говорит, что он не настаивал бы на этом так сильно, если бы ты сделал ей ребенка только один раз, но это уже второй, и оба девочки.

— Как он может надеяться, что я женюсь на женщине, которая может производить только девочек? — Бьорн начал вгонять пробку в маленький бочонок аскуибха рукояткой своего кинжала.— Хотя с ней приятно поговорить обо всем.

— Поговорить? — Эйнар приложил руку к глазам.— И это охотник за женщинами, он с ними разговаривает.

— Сюда идет Торстейн,— сказал Бьорн.— А говорить с женщинами очень приятно, Эйнар. «Как тебя зовут?», «Ты не будешь возражать, если я сорву твоё платье?». Ну, и тому подобное.

Торстейн Холлссон поднялся на стену и обменялся рукопожатием с Эйнаром. Потом опустился наземь рядом с ними.

— Ты был сегодня утром разочарован,— сказал он. Потом кивнул Мюртаху.— И это все твоя вина.

— Он носит свою медвежью шкуру вывернутой наизнанку,— сказал Бьорн.

Пришел мальчишка с арфой, и Мюртах сыграл на ней джигу.

— Хватит,— сказал Торстейн,— попроси меня рассказать историю о сожжении О'Нила. Я рассказывал ее так часто, что привык пользоваться для этого одними и теми же словами. Я подумал, надо собрать всех людей в Дублине в каком-нибудь огромном помещении и рассказать всем сразу, чтобы покончить с этим.

— Мюртах рассказывает старые истории,— сказал

Бьорн,— и любезно предоставляет самим делать мораль из них. Позволь мне взглянуть на это,— и он потянулся к арфе.

Торстейн сказал:

— Я понимаю, я был там прошлым вечером. Эта дикая музыка заставила всех повскакать и оглянуться через плечо.

— Но не тебя? — спросил Эйнар.

Торстейн засмеялся.

— Но не меня, и не Бьорна, и не Бродира.

Эйнар поднял голову.

— Бродир — как он выглядит?

Торстейн пожал плечами.

— Сплошное бесстрашие. Он фей¹ — вы можете видеть это по его лицу, и он знает это.

— И как это кто-то может хорошо играть? — сказал Бьорн, щипля струны арфы.

— Это удастся тому, чьи руки не связаны играми с мечом,— сказал Мюртах, забирая арфу обратно.— Он чудной, этот Бродир.

— Его никогда и ничто не волнует,— сказал Бьорн,— он имеет дар предвидения, очень сильный, но мудр, как тролль², я полагаю. Может быть, поэтому он отказался от Белого Креста.

Мюртах вскинул голову:

— Что?

— О, ты этого не знаешь? Он обратился к старым богам.

— Все говорят, что Христос проклял его.

Мюртах открыл рот, чтобы сказать что-то — он не мог представить, чтобы Христос проклял человека, но изменил свое намерение и заиграл на арфе.

Мимо стены проходили две или три девушки, делающие вид, что идут или за торфом, или за хлебом, или за водой. Торстейн окликнул их. Тут же все стражники начали вопить и ругаться между собой, обращаясь к девушкам.

Мюртах заиграл любовную песню, наговаривая слова: «Она обронила свой гребень из слоновой кости. И у нее распустились ее красивые длинные волосы...»

Одна из девушек остановилась и заговорила, переводя глаза с Бьорна на Торстейна.

Эйнар сказал:

— У меня есть моя женщина на «Галл'с Брайд». Требуется лучшее предвидение, чем у Бродира; когда приходишь в место вроде этого и находишь свою постель теплой, то забираешься в нее.

— Держи меня за ноги,— сказал Бьорн.

¹ Обреченный, смертник.

² В скандинавской мифологии уродливые великаны, наделенные огромной силой, но очень глупые.

Эйнар схватил Бьорна за лодыжки, и Бьорн свесился со стены так, что достал руками до девушки. Она захихикала и отпрянула, спрятав руки за спину, в то время как Бьорн нашептывал ей лстивые слова, улыбаясь, подняв голову и протягивая к ней руки. Девушка снова захихикала и подошла ближе, и тут Бьорн поймал ее за кисти.

— Держи крепче, Эйнар.

Он дернул ее вверх, раскачав так, что она едва не коснулась ветвей дерева, и сам выпрямился так быстро, что она успела только вскрикнуть. Он усадил ее к себе на колени и обнял руками.

— «Он удалец,— напел Мюртах под арфу,— он сердцевина желудя дуба».

— А ты ирландец,— сказала девушка.

— О, да.

— Ты из Лейнстера? У тебя другой акцент.

— Из Лейнстерских холмов, ближе к краю Мифа — мы были людьми Мифа, пока я не вырос наполовину.

— Спой другую песню.

— У викингов есть любовные песни? — спросил Мюртах Эйнара.

— Сотни.

Торстейн потянулся к аскуибху.

— Есть песня, которую первый мужчина спел первой женщине, но я забыл ее.

— Тогда чего болтать об этом?

— Ну, просто тут есть над чем подумать.

— Ирландские песни красивее,— сказала девушка. Она свернулась в руках Бьорна, и он лизнул ее ухо.

— Есть песня, которую Гэр-Девять Пальцев пел Эдит Сероглазой в ту ночь, когда выкрал ее из замка ее отца,— сказал Торстейн.

— И ты, я полагаю, ее тоже забыл,— сказал Мюртах.

— Ну это, конечно, не очень хорошо. Некоторые люди обладают даром слова, но Гэр не мог и трех сложить вместе и использовать больше, чем потребовать себе вина.

— Но не было человека, который был бы лучше него в бою,— сказал Бьорн.

— Он был настоящий берсерк,— сказал Эйнар.— Ни один христианин не смог бы вытащить его из огня, если бы он захотел, чтобы у него сгорели ноги.

— Большую часть времени он не мог бы толком объяснить,— сказал Торстейн.— Это выпивка прикончила Гэра — Поглотитель Медовухи, вот как его называли. Однажды ночью он пошел помочиться и забыл, что находится на корабле. Он пытался пройти по лунной дорожке, решив, что это белая мощеная тропа в Нидаросе. Они нашли его на следующий день плавающего вниз лицом.

— А откуда ты сейчас знаешь, что он решил, что это белая мощеная тропа в Нидаросе?

— Ты рассуждаешь слишком буквально,— сказал Мюртах,— но звучит так, как если бы именно так и было.

Торстейн какое-то время грыз ноготь большого пальца.

— Вглядишься в лицо Бродира, когда увидишь его, Эйнар.

— Я уже видел его раньше. Большой и опрометчивый, и не боится проиграть.

— Он никогда не проигрывает,— сказал Бьорн.— И я скорее стану сражаться против великанов, чем против Бродира.

Мюртах немного нахмурился, и Бьорн засмеялся.

— Драться с ним — это большая неудача. Я доволен, что мне этого не довелось.

По направлению к валам скакало два всадника. Мюртах встал, чтобы лучше разглядеть их.

— Короли прибывают,— крикнул один из них.— Все они прибывают.

Мюртах присел на корточки.

— Верховный король и Мелсечлэйн уже где-то близко.

Торстейн перегнулся со стены.

— Открывайте ворота, эй, караульные!

Мюртах сыграл джигу на арфе.

— Перестань играть танцевальную музыку,— сказал Эйнар.— Сыграй нам военную песню.

— Я и играю,— сказал Мюртах и заиграл джигу еще быстрее.

Он стал размышлять, приведет ли сражаться Эгон клан О'Каллинэн, встретит ли он их в сражении, и что он будет тогда делать.

Высокий, грузный человек с красным лицом скакал через город на кауrom коне. Он медленно подъехал к ним — Мюртах наблюдал за ним. Датчане даже верхом ездили иначе, чем ирландцы.

— В чем дело? — окликнул их большой мужчина.

— Ирландцы прибывают,— закричал Торстейн.

Большой мужчина перекинул свой плащ на одну руку.

— Ладно, пускай прибывают. Для этого мы и добирались сюда по волнам.

— Оркнейский ярл,— сказал Бьорн Эйнару.— Он растолстел от своего высокого положения. Они обещали ему Гормфлэйт — сестру Мелмордхи, но ее здесь нет, обрати внимание. Она куда-то подевалась, когда приближается сражение.

Проскакал хмурый Бродир, и Бьорн окликнул его: «Бродир!» Они помахали друг другу. А Эйнару Бьорн сказал:

— То же самое обещание.

Он наклонил голову и потерял лицом о длинные, шелковистые волосы девушки. Мюртах даже не мог понять, каким

образом корона удерживалась на его голове — она съехала далеко на затылок.

Он поиграл немного, а Эйнар и Торстейн разговаривали об Исландии. Руки Бьорна выглядели маленькими — они были красивой формы, длинные и нежные, но когда он обхватил запястье девушки, величина его рук стала очевидна.

— Неудивительно, что ты не можешь играть, — сказал Мюртах, — у тебя слишком большие пальцы.

Бьорн нежно сжал зубами ухо девушки.

— Я играю на других арфах, не таких, как твоя, — девушка взвизгнула — он укусил ее.

Он неожиданно встал и, держа девушку за руку, повел ее с земляного вала.

— Нет, — сказала она и покачала головой.

— Не бойся, — сказал он, — я не собираюсь причинить тебе вреда.

Он улыбнулся над ее головой Мюртаху.

— Большого, — тихо сказал он. Его глаза замаслились. Он тянул девушку так быстро, что она не могла вырваться, а кричать она боялась и следовала за ним.

— Женщины погубят его, — сказал Эйнар. — Он прямо-таки ищет взлеты и падения.

— А она привлекательный кусочек женской плоти, — сказал Торстейн.

— О, после туманной ночи она будет считаться женщиной.

Мюртах встал.

— Я проголодался.

Масляный взгляд Бьорна стоял перед глазами и беспокоил его.

— Подожди, я пойду с тобой, — сказал Эйнар. — Эта работа, сидеть на стене целый день, пробуждает голод.

— Ты доволен? — спросил Мелмордха.

Мюртах открыл рот, чтобы ответить, нахмурился и сказал:

— Сейчас это странный вопрос.

— Я думал, ты будешь рваться домой.

— Мне нравится находиться здесь.

— Но ты не принадлежишь этому месту. Ты здесь кажешься странным.

— Им нравится, как я играю на арфе.

Он играл им «Поход Кули за скотом». Было приятно видеть, как это захватывает их, как сжимаются их ладони в кулаки, когда звучит музыка, как смеются, когда музыка наигрывает некоторые небольшие шутки.

В зале, среди многих других мужчин, Бьорн и Эйнар во-

инстинктивно расхаживали друг вокруг друга и хвастались, и только приказ Мелмордхи удержал их от драки. Мюртах, сидя на почетном месте, мог видеть всю эту массу людей, и он видел, как эта толпа вихрилась вокруг Бьорна и Эйнара, как искры возбуждения передавались от них то одному, то другому. Только Бродир, казалось, не обращал на это никакого внимания. Он спокойно сидел на лавке в своих серебристых мехах на плечах, одной рукой сжимая рог с выпивкой.

Постепенно толпа датчан и лейнстерцев уgomонилась и успокоилась. Дверь открылась, и в зал вошел ярл Оркнейский и выкликнул Бродира своим гулким голосом. Рядом с ним шел Сигтругг. Мюртах раньше видел его всего однажды. Он был молод и слишком много хвастался. Он сел рядом с Мелмордхой.

— Я слышал, ирландцы прибывают.

Мелмордха кивнул.

— Я послал к тебе одного из разведчиков сообщить об этом.

— Я отослал его — мне хотелось спать.

Мелмордха одарил его кислым взглядом.

— Ты как всегда.

Сигтругг рассмеялся.

— Не брани меня, дорогой. Разве я причина того, что у тебя собралось так много славных викингов, чтобы поддержать твой бунт?

Оркнейский ярл повернул голову.

— Спокойнее, мальчик. Торстейн, тебя что-то беспокоит.

Торстейн поскреб свою голову, вытащил оттуда вошь и усталился на нее.

— Что должно быть сделано с ирландцами? — и он раздавил вошь между двумя ногтями.

Эйнар ухмыльнулся:

— Ты только что показал нам. Раздавить их.

— Это большая жирная вошь, — сказал ярл Оркнейский, — и мы должны иметь здесь всех наших людей.

— Они здесь, все, кроме нескольких, — сказал Бьорн.

— Здесь нет Оспака, — сказал Сигтругг.

Бродир поднял взгляд. Оспак был его братом.

— Значит, вы ничего не слышали? Оспак не придет. Когда я покидал Мэн, он занимался ремонтом своих десяти кораблей по очереди и только приступал к третьему.

Бьорн рассмеялся.

Эйнар сказал тихо:

— Некоторые говорят, что именно Оспак сообщил новости о нашем прибытии Верховному королю.

Бьорн вскинул голову и свирепо сверкнул глазами. Бродир положил руку ему на плечо, чтобы удержать его.

— Возможно, Оспак все еще христианин, а это некоторым людям кажется странным.

— Не в случае с Оспаком,— сказал Бьорн, взглянув на Эйнара.

Бродир хмыкнул.

— Не используй моего брата как оправдание для своей воинственности. Ты и раньше никогда не любил Оспака.

Эйнар ушел из помещения рано, чтобы сменить стражу ярла Оркнейского. Бьорн сильно напился. Он был в прекрасном настроении, сыпал шутками, так что его стол сотрясился от хохота, а в центре веселья в своей короне смеялся Бьорн, принимал сыпавшиеся на него обычные нападки и отбивался такими же.

Мюртах снова играл, теперь шуточную песню-разговор между кошкой, собакой и мышью. Арфа мяукала, как кошка, лаяла, как собака, и пищала, как мышь, наконец, когда все трое решили жить мирно вместе, арфа завывала, как волк, который явился и сожрал их всех. Датчанам это понравилось.

— Бьорн не воспринимает морали,— сказал Мюртах,— а то я могу вывести ее для вас из этого. Она того стоит. Вы что-то делаете, а потом можете рассудить об этом сами.

Торстейн неожиданно развеселился, вспомнив:

— Бьорн, что ты сделал с той девушкой, которую подхватил днем?

Бьорн принял преувеличенно шокированный вид.

— Пожалел эти нежные ушки, Торстейн.

— Послушай,— сказал Сигтругг,— я не позволю, чтобы ты оскорблял мой народ.

— Послушай,— сказал Бьорн.— Когда ты позвал нас всех сюда, ты позвал все в нас сюда. Или я должен быть полумужчиной, чтобы быть любезным тебе?

— Говори вежливо, тебе же лучше будет,— сказал Сигтругг.

— Говорю так, как говорю.

Мелмордха одернул Сигтругга обратно на его место.

Бьорн, скажи мне наконец, для чего тебе эта корона?

Бьорн пожал плечами.

— Чтобы прикрывать плешь.

Мюртах подался вперед, чтобы налить себе аскуибх. Он сидел между Мелмордхой и Сигтруггом, пониже.

— Я однажды слышал песню о человеке, который носил корону так, чтобы кто-нибудь сбил бы ее ему с головы, а он мог бы убить его за это.

— Спой ее,— сказал Бьорн.

— Это плохая примета, быть упомянутым в песне, помнишь? — ухмыльнулся Мюртах.

— Тогда зачем ты упоминал о ней?

— Когда король кому-либо задает вопрос, кто-то должен ответить, а я мог видеть, что ты очень застенчив.

— Как это приятно, быть арфистом и обижать кого угодно безнаказанностью.— Бьорн рассмеялся.— И быть к тому же лучником, так что ты можешь быть таким плохим, как арфист, когда тебе захочется.

— Кто хочет стать плохим арфистом?

— Просто пьян и болтаю не то, что следует. Сыграй что-нибудь.

После этого все они улеглись спать. Бьорн склонился над ним в темноте и сказал.

— Когда все это закончится, поедешь со мной?

— Я не соглашусь на меньшее, как на корону. А ты не можешь загадывать так далеко.

— О, это единственный путь. Обмануть богов. Я имею в виду Бога.

— Тебе нужен арфист?

— Я хочу иметь арфиста. Я нуждаюсь в человеке, который может пускать стрелы в дверную щель и сталкивать кожаные шлюпки по течению.

— Пф-ф...

— Я просто спросил.

— Поеду. Если от меня останется достаточно, чтобы подняться на борт.

— Хорошо.

Дыхание Бьорна отдавало вином. Он отошел в сторону, споткнулся обо что-то и с грохотом свалился. Кто-то выругался в темноте, что-то ударилось обо что-то, и все начали драться. Мюртах лежал спокойно, прислушиваясь и смеясь, пока все не утомонились и не заснули.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мюртах вытащил ведро и поставил его на край колодца. Бьорн целиком окунул туда голову и вытащил ее, фыркая и ругаясь. Вода стекала с его ушей на плечи, обтянутые темно-синей рубашкой. Он вытер воду с глаз руками, водрузил свою позолоченную серебряную корону и выпрямился.

— Аууууу-уааааа. Совсем другое дело...

— Убери волосы со своих глаз,— сказал Мюртах. Он опустил ведро обратно и снова вытянул вверх. Набрав немного воды в ладони, он втянул ее в рот и подержал там недолго, чтобы избавиться от неприятного привкуса. Бьорн поймал его за загривок и погрузил в воду, Мюртах, высвободившись, выплеснул ведро на Бьорна так, что тот весь промок.

— Смотри, что ты наделал,— сказал Бьорн. Он отлеплял

мокрую рубашку от своего тела.— Так холодно же, черт возьми.

— А ты пытался утопить меня.

— А ты не будь раззявой, а то я столкну тебя в колодец.

Он смеялся, стягивая рубашку через голову. Бродир проехал по рыночной площади и крикнул:

— Бьорн, ты что, был вновь окрещен?

Бьорн размахивал в воздухе своей рубашкой, чтобы она просохла. Его грудь, заросшая курчавыми черными волосами, выглядела больше, чем когда он был одет.

— Этот арфист очень убедительный священник, Бродир,— отозвался он.

— Он предложил тебе Майкла в качестве ангела-хранителя?

Теперь Бьорн шлепал рубашку, чтобы подсушить ее.

— Я сторговался на Иисуса Христа.

Раздался громовой хохот. Мюртах, пригнувшись к краю колодца, сказал.

— Фальшивый священник — это я.— Он видел Эйнара впереди толпы.— Сюда идет твой брат, Бьорн.

Бьорн отступил назад и опустил руки, так что его рубашка коснулась пыли. Его корона снова сдвинулась на затылок.

— Вот как...

С Эйнаром было трое его людей, Бьорн стал шарить взглядом по толпе, пока не выглядел двух своих, которые с невозмутимыми лицами встали за ним. Эйнар тяжело шагал вперед, пока не оказался в нескольких шагах от колодца, остальная толпа отодвинулась назад, так что он и его люди стояли отдельно.

— Я собираюсь пить эту воду,— сказал Эйнар, указывая на колодец.

Бьорн огляделся, увидел полное ведро на краю колодца и наклонил его так, что вода выплеснулась на землю.

— Пей, брат мой.

Он кинул свою рубашку Мюртаху. Эйнар немного приблизился, заложив ладони за пояс, и сказал.

— Разве тебе не холодно, малявка? Слишком холодно, чтобы обходиться без рубашки.

— Погода никогда не идет во вред настоящему викингу,— сказал Бьорн.— Подходи, пей.

Он сплюнул в колодец. Эйнар завыл бессловесно, отступил на несколько шагов и быстро кинулся вперед, его люди задержались позади. Бьорн отскочил с его пути, описал круг вокруг него, его огромные руки свободно болтались. Эйнар остановился у самого колодца, почти рядом с Мюртахом.

Они начали ходить по кругу, обзывая друг друга всякими словами и ругаясь. Рыночная площадь была заполнена

людьми, и Бродир на своей большой гнедой лошади выглядел раздраженным. Он втиснул свою лошадь в центр наблюдателей.

— Господи,— сказал Бьорн,— один зад и нет головы. Ну, Эйнар, нападай же на меня...

— А ты стой спокойно, маленький...

Они кинулись вперед, схватились, вцепились руками в плечи друг друга, словно в объятия, и так балансировали вместе. Эйнар упустил из своей хватки обнаженные плечи Бьорна, меж тем левая нога Бьорна охватила его и рванула, и Эйнар тяжело грохнулся на землю. Бьорн подхватил свою корону там, куда она свалилась, и кинул Мюртаху:

— Подержи ее для меня.

Эйнар снова был на ногах и стал подкрадываться к нему. Они устало заходили по кругу. Мюртах стряхнул с короны пыль.

— Свинская уловка,— говорил Эйнар.— Свинская уловка, а ты свинья.

— Каждый мальчишка должен учиться — ха!

Они подпрыгнули вместе. Бьорн в прыжке промахнулся, и Эйнар поймал его за кисть. Он швырнул его, словно махнул хлыстом, и Бьорн полетел в толпу. Он вскочил с ревом и кинулся прямо на Эйнара. Они рухнули вместе, некоторое время катались по земле, потом вскочили порознь, покрытые пылью, тяжело дыша.

Рука Бьорна потянулась к поясу, где был его кинжал. Бродир направил свою лошадь между ними.

— Хватит,— сказал он,— убери его, Бьорн.

Бьорн фыркнул под нос, сунул кинжал в ножны и оперся о край колодца. Он надел рубашку и водрузил на голову свою корону. Эйнар стоял рядом, весь растрепанный, и наблюдал за ним.

— Пошли,— сказал Бьорн,— это место воняет.

Он, его люди и Мюртах ушли. Как только они удалились за пределы рыночной площади, Бьорн сказал:

— Я не могу выполнять его правильно, этот хитрый прыжок.

— А ты что предполагал сделать?

— Схватить вокруг талии, швырнуть вниз и начать сдавливать.

Бьорн сплюнул грязную слюну.

— Ты умеешь бороться?

— Нет.

— Это забава северян. Вы ездите на лошадях, мы боремся. Вот почему у меня ноги короткие, а у тебя ноги длинные.

— А вы полные братья, ты и Эйнар?

— Я верю моей матери — да. А что?

— О, вы такие разные. Мой брат тоже был большой и белокурый.

Бьорн пожал плечами:

— У него тупая голова.

В тот день Бродир отправился к колдунье и вернулся обратно с пророчеством, от которого никому не стало легче. Если они вступят в бой до Страстной Пятницы, то победителем выйдет король Брайан, но если бой произойдет на Страстную Пятницу, выиграть должны ирландцы, а король Брайан погибнет. Бродир снова и снова разъезжал вдоль стены, погрузившись в раздумья.

Оркнейский ярл сказал что-то насчет того, что в любом случае он никогда не хотел быть Королем Ирландии. Сигтругг оставался в одиночестве в своей комнате, говорили, что он сгрыз до мяса ногти на пальцах. В реке бросили якоря еще несколько кораблей, Бьорн говорил, что реку можно пройти, переступая с борта на борт, не замочив ног.

Торстейн и Эйнар поспорили с ним, что он не сумеет. Все они отправились к реке, чтобы Бьорн мог доказать то, что он сказал. Мюртах, Торстейн и один из людей Бродира по имени Эрлинг взяли кожаную лодку, чтобы проследить, если вдруг Бьорн смошенничает и проплывет между кораблями хоть один раз. Они отгребли немного, и Бьорн начал свой путь от берега.

Первый шаг был достаточно легким, две из длинных лодок Оркнея были вывощены на берег и находились на уровне воды. Бьорн прошел на корму одной из них, выждал, пока течение не поднесло нос следующей, и прыгнул. Он попал на голову дракона¹, скользнул вдоль нее и свалился через нее в корпус лодки. Эрлинг, который был на веслах кожаной шлюпки, выгреб за это судно.

Бьорн, стоя на планшире², примеривался уже к следующему кораблю, находящемуся на изрядном удалении. Оно стояло на якоре вдоль всем корпусом. Он подумал немного и спустился с планшира.

Через несколько мгновений они увидели, что весло проделало в укючины кораблей. Бьорн накинул его с помощью веревки и начал переходить по веслу.

— Чтоб он свалился,— сказал Торстейн.

— Это нечестно,— ответил Мюртах.

— А ты разве не видишь выражение его лица?

— Смотрите, какое оно у него сейчас,— сказал Эрлинг.

¹ Имеется в виду традиционное украшение на носу корабля.

² Брус, проходящий по верхнему краю бортов шлюпки или фальшборта больших судов. На гребных судах именно в планшире укрепляются укючины.

Бьорн уже прошел по веслу часть расстояния, балансируя, но тут его тяжесть начала склонять его. Он закачался, лицо его искажилось. Он сделал глубокий вдох, дико взмахнул руками и почти свалился с весла. И вдруг восстановил равновесие. Он быстро пробежал по прогибающемуся веслу и с того места, где уже некуда было поставить ногу, прыгнул на другое судно.

— Промах! — крикнул Торстейн.

Бьорн тяжело ударился, упав на уключину, и, очевидно, шок выбил из него уверенность. Он начал соскальзывать в воду. Подплыл лебедь, посмотрел на это с любопытством и остался наблюдать. Бьорн все же сумел взобраться на судно.

Мюртах взглянул в сторону дублинского берега и увидел там вопящую толпу. Он перевел глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Бьорн перепрыгнул на следующее судно, последнее перед дальним берегом, с предыдущего он перепрыгнул легко. Теперь ему оставалось только достигнуть берега.

— Смотри, — тихо сказал Эрлинг и указал на тот берег.

Мюртах вытянул шею. Три всадника осаживали лошадей у реки неподалеку от берега. Это были ирландцы.

— Он не взял с собой меч, — сказал Торстейн.

— Никто из нас не взял. Бьорн...

Бьорн махал им.

— Бьорн, поднимай!

Бьорн нетерпеливо снова махнул им и отправился на корму.

— Гребите к берегу, — сказал Мюртах. — Он поднимает кормовой якорь, это позволит ему дрейфовать.

— Это нечестно, — сказал Торстейн, — ставка пропала.

— Гребите.

Эрлинг налег на весла. Бьорн выдвинул весло и подталкивал им судно к берегу. Мюртах не был уверен, что он видел ирландцев.

Корма длинной лодки коснулась дна, и Бьорн выпрыгнул на берег, держа весло над головой обеими руками. Он сильно подтолкнул лодку, так что она снова сдвинулась в реку и поплыла к кожаной шлюпке. Ирландцы поскакали к нему.

На полпути к кожаной шлюпке, когда лошадь почти настигла его, Бьорн обернулся и взмахнул веслом. Весло было громоздким, махать им было трудно, но когда оно ударило набегающую лошадь, то вышибло из-под нее ноги. Бьорн прыгнул на всадника. Две другие лошади направлялись к шлюпке. Теперь они свернули и атаковали Бьорна. У одного из ирландцев было копье, и он поднял его. Бьорн поднялся над упавшим ирландцем, отклонился назад и метнул что-то. Одна лошадь тяжело свалилась на траву, и копье приземлилось возле Бьорна. Он побежал к нему, но другой ирландец

повернулся и ускакал прочь. Бьорн побежал к шлюпке, оставив копье, где оно было.

Он взобрался в шлюпку — она тяжело накренилась. Эрлинг осторожно погреб. Лодка погрузилась в воду по самый край, а они теснились в ней едва не друг на друге.

Лебедь снова подплыл к ним, разглядывая их. Они попали в струю течения, и вода стала заливать лодку.

— За борт, — крикнул Бьорн и первый нырнул в воду. Торстейн и Эрлинг без колебаний последовали за ним. Мюртах, оставшийся единственным владельцем суденышка, которым он не мог управлять, сидел спокойно, ожидая в дикой качке помощи. Лодка значительно поднялась и почти сразу успокоилась. Мюртах почувствовал себя в полной безопасности, но в то же время беспомощным.

— Как я могу заставить эту штуковину двигаться? — закричал он.

— Гребь.

Бьорн всплыл рядом.

— Весла, — сказал он, — просто гребь ими.

— Я не знаю как, — Мюртах поднял весла и неуклюже опустил их в воду. Шлюпка стала кружиться на месте.

— Нет, нет, — кричал Бьорн, — вот так, — разгребая воду, он стал делать движения руками.

Мюртах пожал плечами и стал пытаться. Лопасть одного весла плашмя ударилось о воду, обдав Бьорна брызгами.

— Толкни меня, — сказал Мюртах. Он втянул весла обратно.

Бьорн отплевывался. Торстейн и Эрлинг плавали и обсуждали положение. Лебедь следовал за ними. Он подплыл сзади к Эрлингу и клюнул его в голову. Эрлинг взвыл, и они стали удирать от лебеда.

— Быстрее, — сказал Мюртах, — через минуту мы доберемся до кораблей.

Они вместе подплыли к корме маленького суденышка и стали толкать его. Эрлинг потерял свою голову и взглянул на лебеда, который взирал на них злыми глазами. Эрлинг выругался.

Мюртах сидел на корме, скрестив руки, и ухмылялся, глядя на них. Когда они почти добрались до дублинского берега, Бьорн закричал. «Хоп!» — и бросился всей тяжестью своего тела на корму лодки.

Лодка перевернулась. Мюртах окунулся в холодную воду. Подняв голову, он увидел солнечный свет, проникающий сквозь зеленую воду, темную и рябую, неожиданно ему явилось видение себя-утопленника, с водорослями в волосах, с распухшим лицом. Тут его ноги коснулись дна, и он вытолкнул себя на поверхность.

Все остальные хохотали над ним.

— Я не умею плавать,— крикнул он и, задыхаясь, снова ушел под воду. Вода связала его.

Руки ухватили его за плечи и выдернули наверх. Кто-то подхватил подбородок, чтобы удержать его над водой. Он начал цепляться за них, боясь, что они снова кинут его в воду, но кто-то захватил его кисть.

— Лежи спокойно,— произнес голос Бьорна,— лежи спокойно.

— Ладно,— сказал он,— ты изрядно намок.

— Я пересек посуху.

— Но это не было честно — поднять якорь того корабля,— сказал Торстейн.— Мы выиграли пари — ты бы без этого никогда не добрался до того берега.

— В пари ничего не было насчет движения судов. Только пересечь сухим.

— Это нечестно. Мюртах, что ты скажешь?

— Он прав. В пари ничего не было сказано о передвижении кораблей.

Бьорн уже снова был со своей короной на голове, он отжимал воду из своей рубашки.

— Я выиграл!

— Спроси Торгейста. Он законник.— И Эйнар отправился искать Торгейста.

— Кроме того,— сказал Бьорн,— я провел маленькое сражение между двумя походами. Это тоже должно засчитаться.

Торгейст разрешил спор в пользу Бьорна. Эйнар стоял и разговаривал с высокой женщиной с длинной копной белокурых волос. Она положила одну ладонь на руку Эйнара, улыбулась Бьорну и пошла прочь по берегу.

— Это любимая жена моего брата,— мягко сказал Бьорн.

— Датские женщины все такие прекрасные?

— Только жены викингов,— Бьорн смотрел ей вслед.

— Как ее зовут?

— Од.

Мюртах был потрясен. Бьорн посмотрел на него.

— Тебе дурно? Ты наглотался воды?

— Нет,— сказал Мюртах. Ясные глаза его Од всплыли в памяти.

Эйнар подошел к Бьорну и сказал:

— Не смотри так на мою женщину,— и толкнул его.

Бьорн отбил вниз руку Эйнара, скрутил его и пошел прочь. Мюртах побежал, чтобы догнать его. Бьорн бормотал под нос на языке Южных Островов.

— Как я могу драться с ним, если я заберу его жену?

— А ты не забирай его жену.

Бьорн задыхался, закрыв глаза.

- Не говори так.
- Она выше тебя.
- Со спины все женщины одного роста.
- У меня всегда была только одна.
- Мы должны исправить это. Как ее звали?

Мюртах улыбнулся:

— Од.

Бьорн вскинул голову:

— Что ж, по крайней мере, ты не столкнешься с моей худшей проблемой.

— Какой?

— Называть их разными именами. Бог мне свидетель. Когда-нибудь в самый нежный момент я назову Тайру Холлгердой, и в следующий момент я окажусь на морозе в одной рубашке, — и он покачал головой.

Од нашептывала его имя ему на ухо, прижималась к нему, спорила с ним, кричала и оплакивала его в холодной постели.

— Я не думаю, что ты хорошо разбираешься в женщинах, — сказал Мюртах.

— Я знаю все, что только мужчина может знать о женщинах, — Бьорн выразительно кивнул головой.

Да, это была другая Од, датская Од.

— Это распространенное имя у ирландских женщин? — спросил Бьорн.

— А жена Эйнара ирландка?

— Ее мать была из Гэлловэй¹.

Бьорн начал рассказывать историю о женщине, которую он когда-то знал. Они поднялись к форту, и сидели там, и выпивали, и рассказывали истории. Пришел Мелмордха и сказал, что Бродир, ярл Оркнейский и он придумали, как обойти пророчество колдуньи.

— Сражаться на Пасху, — сказал Мюртах.

Мелмордха покачал головой:

— Нет, у нас недостаточно продовольствия в городе, чтобы дотянуть далеко за Страстную пятницу, в любом случае. Воинов будет нечем кормить. Ирландцы разбили лагерь между этим местом и скалами Ховта.

— Сегодня в полдень несколько их всадников были на дальнем берегу, — сказал Бьорн. — Они могут попробовать подобраться, чтобы поджечь корабли.

— Я позабочусь об этом. Есть запруда, то, что вы, викинги, называете хоп — сразу за лагерем короля. Бродир намерен вывести свои корабли из реки ночью, проплыть вокруг запруды и стать там на якорь. А мы все выйдем завтра перед

¹ Местность в Юго-Западной Шотландии, «напротив» Ирландии

рассветом, и они окажутся окружены — пойманы между Бродиром и нами. Бродир возьмет всех своих людей и половину людей Оркнея.

— Когда завтра будет прилив? — спросил Бьорн.

— Как раз на рассвете. Он тогда будет в состоянии добраться до запруды.

— Завтра Страстная пятница.

— Да. Если они не сдадутся, когда увидят, что мы их окружили со всех сторон, мы должны будем начать сражаться, но я думаю, что короли поднимутся и удалятся, когда увидят нас вокруг.

Бьорн пожал плечами:

— А если они атакуют Бродира как раз тогда, когда он будет высаживаться?

— Он бросит якоря в запруде и будет стоять так, пока мы не подойдем туда.

— Это звучит... все правильно.

— Спасибо, — сказал Мелмордха, — за твое одобрение.

Он поднялся и ушел. Торстейн пошел за ним поговорить, а Эйнар, Бьорн и Мюртах остались одни в зале.

Мюртах достал свою арфу и сыграл часть песни Дьердр. Эйнар сказал:

— Моя женщина хочет, чтобы ты играл ей, иногда.

Голова Бьорна немного дернулась. Мюртах сказал:

— Поиграю. — Он подстроил струну.

— Что ты сделал с тем человеком, чью лошадь ты сбил наземь веслом? — спросил Эйнар.

Бьорн поднял голову. Глаза его затуманились.

— Я убил его.

— Это выглядело, все равно как размахивать сосной.

Они собираются сражаться. У Мюртаха свело в животе. Но почему-то казалось, что сражение не состоится. Они останутся здесь навсегда, как сейчас.

— Я слышал, ты открыл новый остров, — сказал Эйнар.

— О, да, — сказал Бьорн. — Сейчас он исчез.

— Погрузился в море, — сказал Мюртах.

Бьорн взглянул на него.

— Был очень сильный шторм. Ручьев на острове не было, поэтому проливной дождь был кстати. Множество рифов. И везде мягкий розовый песок.

Мюртах играл Ойсина, думая о Финнлэйте.

— Ты мне не веришь, не так ли?

— Я не верю тебе.

— Там были деревья, такие, как в Керри. И цветы — в этом месте было полно цветов.

Мюртах ухмыльнулся. Бьорн вскочил.

— Скажи что-нибудь. Скажи, что ты не веришь мне.

Мюртах вскочил в испуге. Он глядел на Бьорна, в его глаза. Он забыл, что Бьорн был опасен, что Бьорна следует остерегаться. Мюртах поставил арфу на стол. Его ладони неожиданно стали влажными.

— Я могу говорить только тогда, когда я хочу сказать что-нибудь.

— Скажи что-нибудь сейчас. Говори, арфист. Ты так хорошо умеешь говорить.

Мюртах взглянул на Эйнара. Кровь стучала в его ушах.

— Только не ради тебя.

Бьорн кинулся к нему и ударил размашисто по лицу. Мюртах полетел по полу на спине, повернулся на пятках и кинулся к двери в спальную комнату. Бьорн, словно лунатик, следовал за ним. Огромные руки обрушились на его плечи. Они ударили одновременно, но Мюртах вывернулся из хватки Бьорна. Он пробивался к двери, Бьорн ударил его по спине и снова сбил вниз; откинувшись, Мюртах взметнул обе ноги к груди Бьорна и отбросил его прочь. Вскочив на ноги, он промчался сквозь дверь и хлопнул ею за собой. В полутьме он схватил свой лук у дальней стены.

Дверь с треском распахнулась. Мюртах был в смятении, лук в его руках был не натянут.

— Не подходи ближе.

— Положи эту игрушку и иди драться со мной.

Мюртах натянул лук и приложил стрелу.

— Уходи. Оставь меня в покое.

Бьорн сжал кулаки.

— Ну и спи с этой штукой рядом, слабак.

Он вышел, захлопнув дверь.

Мюртах опустил, держа лук на коленях. Его арфа осталась там. Он не мог оставаться здесь, сидеть здесь целый день, всю ночь со своим луком, спустив тетиву. Но если он выйдет отсюда...

Бьорн убийца, хоть и крещеный. Мюртах встал, держа в левой руке лук и две стрелы, и открыл дверь. Бьорн и Эйнар все еще пребывали за столом, ничего не говоря, между ними стоял кувшин. Он подошел к тому месту, где на столе лежала его арфа, и взял ее. Они ничего не сказали и не взглянули на него. Он подошел к наружной двери и отворил ее. Эйнар повернул к нему лицо, его пустые глаза смотрели словно сквозь него. Мюртах опустил лук и вышел под струящийся солнечный свет.

Он пошел на базарную площадь набрать воды для своей кобылы и встретил Торстейна. Торстейн сказал:

— А где твой друг?

— Мы поссорились,— сказал Мюртах. Он вытащил бадейку и вылил ее в бурдюк.

— Ничего,— сказал Торстейн,— к обеду это пройдет.

Мюртах опустил бадью снова в колодец.

— Нет,— сказал он,— там не было больше никого, кроме Эйнара.

Торстейн сдвинул брови. Мюртах ушел, чтобы напоить кобылу.

Он спрятал арфу в ее яслях, откуда мог бы ее легко достать. Уже становилось заметно, что в животе у нее жеребенок.

Она игриво боднула его, а он стоял рядом с ней, счищая пыль и солому с ее шкуры ладонью, пока она пила воду и тыкалась носом в сено поверх арфы. Дверь конюшни отворилась, Мюртах вскинул голову. Но это был всего лишь Бродир, вводящий свою гнедую лошадь.

— А, арфист. Добрый день.

— Добрый день.

Бродир поставил свою лошадь и бросил в угол длинной конюшни все принадлежности. Потом подошел к Мюртаху.

— Какая прекрасная кобыла. А жеребец тоже был хорош?

— Награда клана О'Руэйрк.

— Да? Он так же хорош, как серый Мелмордхи?

— Лучше.

Бродир положил руку на круп кобылы, и она тут же сбросила ее. Мюртах успокоил ее и сказал:

— Она сейчас не так вежлива, какой может быть.

— Я слышал, кто-то говорил, что ты и Бьорн рассорились.

Мюртах пожал плечами, кобыла боднула его и он стал расчесывать пальцами ее гриву, извлекая из нее соломинки.

— Тебя не обидит, если я скажу, что в моем обществе ты в безопасности?

— Я чувствую себя в достаточной безопасности везде, где я нахожусь.

— Бьорн странный человек.

Если я окажу тебе свое покровительство, он не попытается и тронуть тебя. Он хорошо знает, что такое пойти против меня. А мне бы арфист пригодился.

— Я бы... скорее... нет. Спасибо тебе.

— Не за что. До свидания.

Бродир прошел вдоль стены и вышел наружу. «Я приз, который кто-то должен получить»,— подумал Мюртах. Что-то, отличающее важного человека. Он прижался лицом к теплой шее кобылы и закрыл глаза, неожиданно он почувствовал ненависть к ним ко всем.

— Ты сыграешь для нас, Мюртах? — сказал за обедом Мелмордха, переводя взгляд с Бьорна на Мюртаха и обратно.

Мюртах положил свой нож возле тарелки.

— От этой холодной погоды мои руки замерзли, король.
— Говорят, у труса руки всегда холодные,— негромко сказал Бьорн, разглядывая свой кусок мяса.

— Их легко отогреть в медвежьей шкуре,— сказал Мюртах.

— Это ты ко мне обращаешься, трус?

— А летом ты носишь меховые рукавицы? О тебе я ничего не говорил.

Он поднял глаза и увидел, как ровно смотрит на него Бьорн. Все намерения Бьорна были на его лице в гневе неразличимы: кости его лица казались железными под натянувшейся кожей.

— Я сказал, что ты трус,— громче повторил Бьорн.

Мюртах смотрел на него какое-то мгновение, потом кивнул:

— Да. Ты сказал это три раза. Такие вещи становятся неинтересными, когда их повторяют. Ты сиди, ты нас всех отрываешь от еды.

Он продолжил отрезать куски от своего ломтя мяса. Звук его ножа звенел в тишине. Наконец Бродир сказал:

— Сядь, Бьорн. Он не намерен драться с тобой.

Скамья скрипнула, и негромкие звуки еды возобновились. Мюртах взглянул на Бьорна и увидел, как он склонился над своей тарелкой, потупив взор. Уши его горели, как у мальчишки.

Обед был недолгий, потому что Мюртах так и не играл, и потому, что Бродир захотел спать раньше. Мюртах сидел в зале, в углу, и прислушивался к общему разговору. Как только он думал о сражении, в животе у него все съеживалось.

Мелмордха сказал:

— Что тебя мучает?

Мюртах подскочил:

— Ты напугал меня.

— Извини.— Мелмордха присел рядом.— Я говорил тебе, чтобы ты не оставался здесь.

— Да, ладно.

Напротив в зале кто-то захохотал, неожиданно среди тихого бормотания.

— Ты боишься? — спросил Мелмордха.— Завтрашнего дня?

— Да,— сказал Мюртах.

— Ты не испугался Бьорна. Мы все видели это.

Горячий гнев поднялся в горле Мюртаха.

— Испугаться Бьорна? Он уважаемый человек — таким способом он уязвляет таких, как я.

- Я не должен был втягивать тебя в это дело.
- Ты никогда не втягивал меня в него.
- Тем не менее я сожалею.
- Король, ты всегда сожалеешь.

Мюртах встал и пошел прочь от Мелмордхи. То, что он сказал Бьорну, вызвало в нем отвращение к самому себе. Он пошел в спальную комнату — возле двери он остановился и обернулся и, выглянув назад, увидел Бьорна посреди них всех и отдаленного от них всех, смотрящего в никуда и улыбающегося.

В никуда.

Мюртах тихо закрыл дверь за собой.

Завтра все встанет на свои места.

Завтра все будет доказано.

Доказано, что Бьорн, возможно, прав, или доказано, что они оба не правы. На этот раз это будет только то, что должно быть сделано, это нельзя отодвинуть в сторону, и от этого нельзя отодвинуться самому.

Никаких высоких слов, только убийство.

Эйнар сидел на скамье, скинув свои башмаки, и тяжело вздыхал. Мюртах опустился на лавку рядом и расшнуровал свои высокие сапоги.

— Он знает, что ты не трус, — сказал Эйнар.

— Я знаю.

— Он не хотел навредить тебе. Ты ему слишком нравишься. Он просто хотел...

— Я знаю, чего он хочет. Пусть он разорвет меня на куски и возьмет только то, что он хочет.

Он завернулся в одеяла и улегся. Его тело ныло от усталости. Лежа тихо, он прислушивался, как другие люди входили в комнату, перешептывались друг с другом, скамьи под ними скрипели, он повернулся лицом к стене и закрыл глаза. Завтра все встанет на свои места.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Все, кто тут есть, вставайте! Ап, все! Вставайте!

Мюртах, испуганный, вскочил на ноги. Другие люди в темной комнате сустились вокруг. Он слышал звяканье кольчужных рубашек. Он нащупал свой лук и колчан, схватил свои сапоги и выскочил в зал. Здесь уже был Мелмордха, застегивающий пояс кожаной куртки.

— Бродир сейчас уже почти там, — сказал он. — Мы должны выступить и поддержать его.

Люди сходились в зал.

— Как мы переправимся через реку? — спросил Мюртах. Он присел, чтобы натянуть свои сапоги.

— Бьорн показал нам как. Мы должны сделать мост из кораблей.

Эйнар вскочил на стол и начал бушевать. Его люди пробились к нему через толпу, и он сошел вниз. Наружная дверь во двор распахнулась. Сквозь нее в комнату проник лиловый свет рассвета.

— Держись возле меня, — сказал Мелмордха. — Пошли.

Они направились к конюшне и разобрали своих лошадей. Город ниже форта был забит людьми, собирающимися вокруг своих командиров, направляющихся к мосту из кораблей. Мелмордха поскакал к голове колонны, где находился ярл Оркнейский, и спросил:

— Сигтругг едет?

Ярл покачал головой.

— Ты заслуживаешь лучшего племянника, Мелмордха.

— Пожалуй...

Хвосты и головы драконов были сняты с кораблей, и от уключин к уключинам были наложены доски. Гнедая кобыла яростно противилась переправе, но давление армии сзади вынесло ее к мосту, и она галопом перенеслась через него. Большой серый Мелмордхи шел рядом с ней. Лейнстерцы бежали следом за Мелмордхой, неся на плечах свои копья. За ними рысцой следовали датчане, мечи и топоры у них были на поясе, их большие щиты висели на спинах.

Рассвет медленно наступал. Небо заволакивали облака, только на востоке оно было чистым, и там гнетущий свет начинал растекаться над заливом. Лицо Мелмордхи было неразлично даже на таком близком от Мюртаха расстоянии. Они направились к скалам Хоуфа. Напор людей за ними заставлял их лошадей пританцовывать и брыкаться передними копытами.

— Холодно, — нахмурившись, сказал Мелмордха.

— Скоро достаточно потеплеет, — ответил ярл Оркнея. — По одной или другой причине.

Он обернулся, чтобы посмотреть на Мюртаха.

— Ты захватил свою арфу?

Мюртах заставил себя улыбнуться:

— Нет. А разве у меня будет в этом необходимость, лорд?

Ярл засмеялся и откинулся, глядя прямо перед собой.

Когда они находились на середине пути к запруде, солнце, наконец, вошло — из леса перед ними выскочил и направился в их сторону всадник. Мелмордха остановил свою лошадь и крикнул, чтобы тот назвал себя.

— Олаф Ормссон из отряда Бродира — они устроили нам засаду и подожгли корабли.

Датчане за ними взревели. Мелмордха пустил свою лошадь в галоп. Гнедая кобыла так рванула вперед, что едва не

сбросила Мюртаха. Сзади послышалось звяканье оружия и топот ног. Мюртах вцепился в кобылу, удерживая ее от мчащегося серого Мелмордхи и стараясь ни о чем не думать.

Они пронеслись через ложбину, через разреженную опушку леса и очутились у кораблей прежде, чем те могли захватить их все. Ирландцы и люди Бродира сражались на берегу небольшой бухты, крича и вопя, в сплетении рук и языков огня. Два корабля сгорели до ватерлинии, но другие стояли в безопасности на якоре посреди запруды.

Где-то запел горн. Ирландцы развернулись, чтобы встретить надвигавшихся датчан и лейнстерцев. Дикий напор свел Мюртаха и Мелмордху вместе, втолкнув в массу лиц и тел впереди них. Мелмордха проревел что-то. Его меч был обнажен. Мюртах вцепился в гриву и поводья. Ирландские голоса пронзительно проникали в его уши, его ноги задевали их плечи и головы. Он подумал, что падает, и сильнее сжал коленями бока кобылы. Копья и мечи уже были направлены на него, но внезапно все прекратилось, и когда он откинулся, то увидел, что ирландцы поспешно уходят на запад.

— Ничего не вышло, — сказал Мелмордха.

Рысью подъехал ярл Оркнейский, лицо его пылало.

— У нас будет для этого новый день, во всяком случае. Бродир?

Бродир быстрыми шагами вышел из гущи войска. Командиры собирали своих солдат и устраивали их на отдых.

— Так мы деремся? — низким голосом спросил Мелмордха.

Бродир кивнул.

— Теперь они не оставят нас в покое. Они знали, что мы подходим, и спрятались вон в тех деревьях.

Он махнул рукой в сторону леса.

От холода Мюртах дрожал. Его лук был все еще в чехле под коленом. Он посмотрел в сторону ирландцев. Они образовали длинную линию через середину склона, между двумя выступами леса. За ними, выделяясь контрастно на фоне леса, виднелись шатры и костры — лагерь. Перед одним шатром стоял человек, и ветер развеивал его длинную седую бороду.

— Вон король, — сказал Мюртах.

— А где Мелсечлэйн? — спросил Бродир. — Мелмордха, пошли кого-нибудь поискать его — здесь его нет.

Мюртах немного отпустил поводья. Король не будет сражаться, для этого он слишком старый человек, но гонцы скакали от его шатра к линиям ирландцев и обратно. Линия ирландцев вздымалась и шевелилась, словно под дуновением ветра.

Бродир крикнул. Его люди поднялись и стеклись вниз, чтобы образовать плотную массу тел справа от того места,

где на своем сером коне стоял Мелмордха. Там же стоял Бьорн, опершись на свой щит, рядом с ним Эйнар. На его смуглом лице, кажется, играла улыбка. Ярл проехал вниз, к площади между солдатами его и Бродира. Отдавая команды, он вывел свое войско на один уровень с солдатами Бродира, слева от Бродира.

— Поехали, Мюртах.

Он и Мелмордха поскакали на дальний левый фланг линии, где взад и вперед расхаживали лейнстерцы, вытягивая свои шеи. Мелмордха ездил среди них, разговаривая спокойно то с одним, то с другим. Мюртах следовал за ним, словно дрессированная собака.

Подъехал верховой и сказал, что Мелсечлэйн уехал за лес и что, по виду его лагеря, он собирается завтракать, полагая, что ему предстоит спокойный день.

— Ты был прав,— сказал Мелмордха.

Мюртах повернулся, чтобы окликнуть несколько лучников, которые послушно развернулись и направились на левый фланг всей линии, но Мелмордха ухватил его за рукав.

— Оставайся здесь. Они не могут стрелять. А ты больше можешь мне здесь, где я могу тебе сказать, куда бы я хотел, чтобы ты стрелял.

Мюртах почувствовал, как у него горит лицо. Он натянул свой лук и открыл колчан. Мелмордха понимал, что он напуган.

— Мелмордха,— крикнул Бродир, его голос, казалось, доносился откуда-то с другого края земли.

От войска Верховного короля скакал всадник. Мелмордха сказал:

— Я полагаю... что должен поговорить с ним.

— Да,— сказал Мюртах.— Передай ему мой... привет. Это Эгон.

Мелмордха пристально взгляделся в подъезжающего всадника:

— Да, это он.

Он послал вперед свою серую лошадь, меч его по-прежнему оставался в ножнах. Эгон спешил и спокойно стоял возле лошади, держа в руках поводья, между двумя войсками. Он выглядел выше и шире в плечах, его длинные волосы были желтыми в лучах раннего солнца. Бродир, ярл и Мелмордха, все они направились к нему навстречу.

Мюртаху хотелось, чтобы они все знали, что это Эгон, его, Мюртаха, сын. Мальчик стоял там спокойно. Три больших мужчины подошли к нему и встали напротив, и даже отсюда Мюртах мог видеть, что Эгон разглядывал лицо каждого из них: он глубоко вздохнул, задержав на мгновение дыхание, и стал наблюдать.

Мелмордха и ярл поскакали назад, а высокий мальчик на черном пони поскакал неспешно к линии ирландцев. Бродир пешком пошел к своим людям. День уже наступил. Мелмордха объехал Мюртаха стороной, извлек свой меч из ножен и поднял его. Потом взглянул сверху на Мюртаха и сказал:

— Хорошо воспитанный паренек,— и взмахнул мечом в воздухе.

Они двинулись вперед, на рысях пересекая лощину, и линия ирландцев тронулась с места, чтобы встретить их. Их голоса возвышались, бормотанье, возгласы, наконец, рев; и они сшиблись друг с другом. Мюртах сделал два шага вперед, влекомый неодолимой силой, но Мелмордха поймал его за плечо и оттащил назад. Две линии заколыхались и снова кинулись друг на друга. Половина ирландцев сделала неожиданый бросок, и датчане — люди Бродира — закричали и кинулись на них. Взметнулись топоры и мечи, а следом хлынула и горячая кровь.

— Сюда,— сказал Мелмордха, тронув Мюртаха за плечо.

Мюртах приложил стрелу к луку, поднял его и натянул тетиву до самого уха. Он поднял стрелу двумя другими пальцами и выстрелил. Стрела промчалась над краем сражавшихся людей и вонзилась в грудь одного из двух воинов, атакующих Эйнара. Эйнар развернулся и убил второго. Мюртах выпустил вторую стрелу, стараясь убить воина в ярких золотых доспехах в середине ирландцев, но промахнулся.

— В кого ты стрелял? — спросил Мелмордха.

— Там сын короля,— сказал Мюртах и приложил другую стрелу.

— А,— сказал Мелмордха,— этот игрок в шахматы.

Мюртах поднял лук и выстрелил. Далеко в гуще воинов мужчина в золоте завертелся, схватил себя за руку и поднял взгляд. Ирландцы вокруг него потащили его назад, в укрытие лагеря. Мелмордха засмеялся.

— Он вернется,— сказал Мюртах.

Другие лучники ничего не делали, и Мелмордха послал гонца сказать им, чтобы удерживали ирландцев от захвата раненых датчан в свой лагерь. Один из датчан схватил другой меч и побежал обратно, но раненый осел и позволил двум женщинам перевязать себя. Он прикрыл щитом раненое место, поднял свой топор и кинулся снова в лощину, в сражение.

— Достань того гонца,— сказал Мелмордха.

От шатра короля скакал всадник. Мюртах выстрелил раз и промахнулся. Он взял одну стрелу в зубы, прицелился второй и выстрелил. Лошадь тяжело рухнула. Всадник перелетел через ее голову, какое-то время лежал недвижно, поднялся и затрусил вперед. Второй стрелой Мюртах сразил его в голову.

— Быстрее, туда...

Еще шестеро датчан спешили вверх по склону на изрядном расстоянии друг от друга. Небольшая волна ирландцев с воплями устремилась за ними. Мюртах стрелял так быстро, как только мог прикладывать стрелы к тетиве. Шестеро датчан, тяжело дыша, вбежали в лагерь. Они перевязали раны, получили еще оружия, поели. Они разговаривали между собой, их голоса звучали лишь чуть напряженнее, чем обычно. Потом они побежали назад.

— Сиди тут, — сказал Мелмордха, — и я знаю, что они думают обо всем этом.

Мюртах опустил на колено, чтобы лучше разглядеть. Восемь или десять ирландцев на лошадях скакали галопом вокруг края сражения, направляясь к опушке леса. Линия ирландцев могла удержать этот лес против датчан, который мог так укрыть этих всадников, чтобы те вполне могли приблизиться к Мелмордхе. Мюртах стрелял по лошадям, как крупным мишеням, и свалил трех, но всадники вскочили на ноги и побежали под укрытие леса. Мюртах убил двоих раньше, чем они оказались в безопасности среди деревьев.

Мелмордха взял высокий щит и развернул свою лошадь так, чтобы он мог прикрыть Мюртаха щитом. От леса посыпались стрелы, мягко утыкаясь в траву невдалеке от них. Мюртах пожал плечами. Дистанция была слишком большая. Надо ждать.

— Принесите нам сюда вина, — крикнул Мелмордха.

Перед ними мелькнула по земле женская тень. Мюртах увидел, как руки-тени протянули Мелмордхе чашу, потом поднесли чашу ему, он взял ее и выпил. Потом выстрелил, тщательно прицелившись, в неровные ряды, косясь одним глазом на лес.

Лощина перед ними была глинистой, взбитая медленным прохождением ног воинов, молодая трава была изломана и растоптана. Доносившиеся звуки были глухими и странными. Иногда прорывался вскрик или неожиданный звон меча о меч. Ирландцы непрерывно нажимали на людей Бродира, но ярл и его воины тяжело молотили по центру. Однажды поднялся сильный крик, острее, чем сталь, и все кинулись к одной точке, а потом быстро отпрянули назад, оставив на земле что-то красное и уродливое.

— Смотри, — выпалил Мелмордха.

Скрытые в лесу ирландцы подкрадывались вперед к ним. Пригнувшись к высокой траве, они то появлялись, то исчезали. Мюртах прошептал:

— Пошевелись.

Нога Мелмордхи у самого его уха резко дернулась, и лошадь быстро отступила назад. Мюртах выпустил стрелу, ко-

торую держал наготове, схватил свой колчан и кинулся назад к берегу запруды. Здесь на нижнем уровне земли он присел на колено.

Одного он убил. Остальные вскочили и кинулись к Мелмордхе, все еще пригнувшись; теперь они казались Мюртах черными силуэтами на фоне неба. Он стрелял быстро, не делая паузы для наблюдения, целясь в людей, шедших впереди. Трое вскрикнули и свалились в траву, другие залегли и прижались к земле. Мелмордха орал.

Он развернул лошадь и напал на ирландцев. Стрелы отскакивали от его щита. Он сделал паузу и взмахнул своим мечом. Два ирландца кинулись на него. Мюртах выстрелил в одного — он видел, как стрела описала дугу на фоне неба, прежде чем человек упал. Второго убил Мелмордха. Мюртах бегом вернулся назад.

— С ними всеми покончено, — сказал Мелмордха.

Мюртах выдернул стрелу из спины убитого.

— Им бы следовало довериться своим лукам.

— Ха, — сказал со смехом Мелмордха, — я полагаю, они хотели убить меня своими голыми руками.

Рев почти оглушил его. Они рывком обернулись в сторону сражения — лейнстерцы гнались за отступающей массой ирландцев. Мюртах стал снова вокруг, собирая стрелы и наблюдая. Ирландцы неожиданно нашли свою опору, и лейнстерцы попятись, теперь уже ирландцы с гиканьем гнали их назад.

Мелмордха галопом проскакал немного вперед, крича высоким, решительным голосом. Ярл послал несколько своих воинов на наступающих ирландцев, и те поспешно отступили. Голос Мелмордхи подстегнул его воинов вернуться и заполнить брешь, и цепи выровнялись и остановились.

Два ирландца пробились через зады линии датчан и помчались что есть сил к оконечности поля боя, чтобы вернуться к своим друзьям. Занятые своим собственным сражением, никто из датчан не стал их преследовать. Мюртах выстрелил по ним, но они находились слишком далеко.

За пределами поля боя бежал Бьорн, согнувшись, его левая рука, как щитом, была обернута его медвежьей шкурой. Словно рыскающий волк, он гнал вниз двух ирландцев. Он кинулся на первого, который ни разу не обернул к нему свое лицо и умер с откинутой назад головой. Бьорн, не останавливаясь, кинулся на второго, который обернулся. Взметнулись и со звоном ударились их мечи. Бьорн отбил меч ирландца в сторону, отвел руку назад и тут же выбросил руку вперед. Ирландец вскрикнул и упал. Бьорн повернулся и устремился обратно на поле боя.

Ярл взбирался на холм, его лицо было темно-красным, и

по нему струился пот. На скуле у него была рана. Он крикнул Мелмордхе:

— Я слишком стар и толст для таких дел.

Он отпил медовухи из кувшина и выбросил его пустым. Махнув рукой, он подозвал двух молодых ребят и послал их в качестве гонцов вниз, сказать его воинам, чтобы те растянули свою линию.

Мюртах стоял рядом с Мелмордхой и наблюдал. Мелмордха сказал:

— Не забывай стрелять.

— Да.

— Подожди. Не надо. Они дают сигнал к перемирию.

Все ирландцы внизу отступили назад, оставив широкую полосу между двумя войсками, и Бродир замахал Мелмордхе. Мелмордха поднял руку и кивнул. Все занялись подборанием мертвых и раненых и переноской их в свои лагеря.

Мюртах глядел на ирландский лагерь. Король вышел из своего шатра и наблюдал за всем. Он отвел в сторону несколько своих людей и разговаривал с ними, указывая рукой то в одну, то в другую сторону. Наконец он указал прямо на Мелмордху и сказал что-то, несколько раз кивнув головой.

Один из воинов, с которыми он разговаривал, вышел вперед и покачал головой. Похоже, он и король спорили, потом воин пожал плечами и удалился, уведя с собой своих друзей. Когда они собрались вместе — двенадцать или шестнадцать, они все вышли из круга и направились к лесу в дальней правой стороне.

Мюртах снял конец тетивы со своего лука и направился к бочонкам с вином. Случайно он нашел чашу. По берегу, от одного из сгоревших кораблей, к нему шел Бьорн. Мюртах набрал свою чашу вина и выпил, вино перелилось через край на его подбородок.

— Это убивание — сушая работа, — сказал Бьорн. Он зачерпнул вина прямо в ладонь.

— Да, так, — сказал Мюртах.

— Ты почти сразил того, за кем я гнался. Это был самый дальний выстрел, какой я когда-либо видел.

— Я больше мазал, чем попадал.

— Я видел, как ты чисто сразил одного прямо через поле боя.

— С того места, где я находился, было ближе к ирландскому лагерю, чем до дальнего края линии.

— А что произошло к самому концу?

— Они послали людей в лес.

— А, ничего серьезного, конечно.

Он откинул голову и улыбнулся.

— Приходи вниз повидаться с нами, если найдешь, что здесь тебе скучно. Это все очень нудно — мы давим, они дают обратно.

Прозвучал горн, печально, и Бьорн обвел рукой вокруг себя.

— О, боги, я имею в виду Бога. Значит, мы начинаем все с начала.

Он убежал, криком и размахиванием рук собирая своих людей. Мюртах побрел туда, где Мелмордха, Бродир и ярл стояли вместе, сблизив головы. Бродир ковырял торф острием своего топора. Горн, должно быть, был ирландский. Все ирландцы стягивались в ту же самую линию, в которой они были в это утро, выглядели они угрюмыми. Поле между ними и датчанами было разодрано, ископано, словно новый сад, разрыто и пропитано кровью. Над их головами на своих широких крыльях кружили коршуны и вороны.

— Они наполняют тот лес людьми,— сказал ярл.— Бродир, мы можем забрать сколько-нибудь человек из твоей части строя?

— Они затопят меня,— сказал Бродир.— У нас один воин против их двух. Пошли лучников.— Он взглянул на Мюртаха.— Пошли арфиста, те другие могут поразить только собственные руки.

— Мюртах,— сказал Мелмордха,— ты можешь пойти в этот лес и очистить его от них?

— Один?

— Я думаю, мы пошлем с тобой этих других,— ухмыльнулся Мелмордха.

— Они убьют его раньше, чем он туда доберется,— сказал ярл.

— Посадите его на лошадь,— сказал Бродир, ковыряя торф.— И Бьорна. Пусть они скачут прямо на край поля боя. Бьорн может там его оставить, и он доберется до деревьев достаточно быстро.

— Нет,— сказал Мюртах,— и перестаньте говорить так, словно только меня посылают.

Бродир повернулся и окликнул Бьорна. Один из воинов Мелмордхи привел гнедую кобылу, ярл объяснил задачу всем остальным лучникам.

— Я не такой уж хороший наездник,— сказал Бьорн,— но я попробую.

Каждый из лучников взял лошадь и сел верхом, каждый имел воина за собой. Мюртах вспрыгнул на спину кобылы, натянул тетиву на лук и протянул руку Бьорну. Бьорн вскочил ему за спину. Мюртах провел сначала кобылу по кругу, а потом пустил ее галопом на правый фланг линии.

За ним последовали остальные. Пока они скакали, бой

возобновился, поднялся шум, который вспугнул воронов и коршунов. Чем ближе они скакали, тем явственнее становился шум, так что Мюртах уже мог различить отдельные выкрики и стоны и тяжелое дыхание. Кобыла скакала большими, пугающим шагом, прижав уши, и звон и лязг оружия, казалось, охватывали всю почву под ними.

Навстречу им выдвинулся целый строй ирландцев, их рты были широко разверсты, их мечи и копья торчали, словно зубы. Мюртах выстрелил, бросив поводья и позволив кобыле самой выбирать себе путь. Бьорн, держась одной рукой за пояс Мюртаха, перегнулся вниз, чтобы сразить ирландца, он кричал:

— Это я, Бьорн, выросший еще на четыре ноги,— бегите, дурачье, это я, Бьорн!

Кобыла перепрыгнула через упавшего человека и устремилась дальше. Мюртах почувствовал короткий рывок своего пояса, и тяжесть веса за ним исчезла. Взглянув назад через левое плечо, он увидел Бьорна лежащим на земле в окружении ирландцев, и ирландцы расступились, уступая ему место, когда узнали его.

Кобыла молнией влетела в лес, и Мюртах вылетел в гущу колыхавшегося под ветром кустарника. Он пополз прочь, в деревья, в то время, как кобыла встряхнулась, заржала и углубилась в лес.

Остальные датские лучники влились сюда за ним. Скрывавшиеся в лесу ирландцы атаковали их, стягивая с лошадей. Мюртах опустился на колено, поднял свой лук и стал стрелять по каждой цели, какую только мог обнаружить сквозь деревья, он слышал, как один человек взвыл.

— Туда! — раздался крик по-ирландски.

Мюртах стал продираться через кусты в сторону. В него впивались колючки. Он извивался под цепляющимися ветками. Оглянувшись назад, он увидел, как они пробивают себе дорогу в густых кустах своими копьями. Он увидел большой дуб неподалеку и пополз к нему на четвереньках через колючие кусты.

Датчане исчезли. Он прислонился спиной к дубу и стал выглядывать ирландцев. Он уловил мелькание красной рубашки, и его руки вздрогнули, но раньше чем он успел поднять свой лук, человек вскрикнул и показался во весь рост — стрела пронзила его бедро. Датчане еще сражались.

Ирландцы решительно двинулись в кустарник. Мюртах разложил вокруг себя дюжину стрел и начал стрелять по каждому, кто приближался к нему. Он услышал голоса в кустах и выстрелил туда, надеясь, что это не были датчане.

Копье вылетело из чащи и воткнулось в дуб, пронзив его рубашку и задев кожу. Он высвободился, порвав ее, схватил

свои стрелы и забежал за дерево. Он прижал руку к боку. Ранение было легким, но он чувствовал, как течет кровь.

С этой стороны имелась низкая ветка. Он закинул лук за спину, воткнул стрелы за пояс и подпрыгнул. Некоторое время он беспомощно висел, прежде чем собраться с силами, чтобы забраться на ветку.

Дерево обвивал плющ, и в нижних ветвях он был неразличим. Он скрючился, чтобы стать совсем маленьким. Теперь он мог хорошо видеть ирландцев. Многие из них подползали, чтобы окружить его, другие спокойно лежали, виднелись только их головы. Они осматривали каждый куст, чтобы найти его.

Мюртах тщательно стрелял в людей, находившихся в задней части подкрадывающейся группы, так что только в третий раз, когда он немного промахнулся и человек закричал, до ирландцев дошло, что по ним стреляют. Они снова укрылись в кустах, и Мюртах поднялся вверх еще на несколько ветвей. Теперь он снова мог видеть датчан, они разбились на пары, что он никогда не предполагал. На четвереньках они ползли к тем ирландцам, которые лежали замерев. Они оставили свои луки и достали кинжалы. Мюртах выстрелил в лежащего ирландца, чтобы отвлечь их внимание.

Выкрикивая боевой клич, датчане атаковали. Ирландцы развернулись, чтобы встретить их. Мюртах немного опустился на дереве, выглядывая остальных ирландцев.

Другое копьё полетело в его сторону, но ветки отклонили его. Мюртах не мог никого отчетливо видеть, чтобы выстрелить. Он снова съехал на дереве, отчаянно оглядываясь по сторонам.

С поля боя донесся рев, и, резко оглянувшись, он увидел датчан, вбегавших в лес. Он вскарабкался повыше, чтобы увидеть поле сражения. Через ветки он мельком видел, как воины Бродира наступали на ирландцев, а ирландцы поспешно отходили в сторону от леса, обратно к своему центру. Под Мюртахом ирландцы убегали между деревьев, а датчане, вопя, как собаки, преследовали их. Один пробежал почти прямо под Мюртахом, размахивая над головой своим мечом, меч зацепился за нижнюю ветку дуба, и от этого воин свалился на землю.

Мюртах прыгнул с дуба вниз. Остальные лучники сидели на корточках, отдыхая. Мюртах сказал:

— Найдите хорошее дерево — ирландцы объявят через некоторое время перемирие, чтобы забрать своих раненых.

Лучники кивнули и послушно пошли выглядывать дерево. Мюртах спокойно стоял, наблюдая за ними. Лес почти опустел, остальные датчане вернулись назад, чтобы присоединиться к своему войску. Звук сражения доносился откуда-то издалека. Он стоял, расслабившись, и наблюдал.

Внезапно он пришел в себя. Это было глупо. Он повернулся к дубу и снова взобрался на него. Он залез высоко, поднявшись над вершинами других деревьев, пока не достиг почти уровня коршунов, он увидел отсюда, что вся линия ирландцев, качаясь, отступила назад. Он приложил стрелу и выстрелил, стрела со свистом пролетела над деревьями в самый центр ирландской армии. Он сомневался, чтобы она там поразила кого-нибудь, и положил лук на колени.

Ирландцы закричали о перемирии, и два войска встали отдельно. В одиночестве, окруженный со всех сторон ветвями дуба, он смотрел, как они увозят на телеге своих мертвых. Птицы опускались на землю, чтобы клевать кровь. Несколько лошадей без всадников щипали траву за датским лагерем, среди них и его гнедая кобыла.

Он подумал о Бьорне, прыгающем в гуще ирландцев, и как ирландцы расчистили ему пространство в самой гуще в явном ужасе от одного его имени. Где-то там находился и Эгон или лежал, уже мертвый. Эгон мог задрожать при одной только мысли о встрече с Бьорном-Братом Волка. Когда-нибудь ему надо будет рассказать Бьорну конец сказки о Качулэйне — как враги Качулэйна не осмеливались подойти к нему близко, пока ворон не опустился ему на плечо, доказав тем самым, что он мертв. В своих мыслях он слышал низкие, размеренные звуки музыки, ужасающие и разрушительные.

Заиграл горн.

Хорошо бы быть мертвым, чтобы происшедшее уже осталось позади. Он чувствовал, насколько фальшивым было все это. Подобно музыке арфы, где каждая нота сражалась, все эти жизни и руки во множестве двигались вместе. Высоко над полем боя, как бы в стороне от него, он чувствовал что-то, чего не мог осознать, а сражение снова разгоралось, но медленнее, чем раньше. Как музыка, оно устанавливало свой порядок на поле.

Под ним, в лесу, были воины, и они сражались. Он слышал, как их голоса доносятся до него, словно достают языки пламени. Он спустился ниже так поспешно, как только мог. Грубый датский голос разразился в середине, и кто-то захотел, задыхаясь. Ветви загораживали ему угол зрения — он видел руки, длинные развевающиеся волосы, блеск клинка. Когда он оказался достаточно близко, чтобы отчетливо разглядеть их, все, кроме одного датчанина, лежали мертвые или тяжело раненные. У датчанина была рана на ноге, и кровь сочилась между пальцами. Он тяжело опустился рядом с раненым, и даже сквозь шум и рев боя мог слышать его тяжелое дыхание.

Мюртах прыгнул и нагнулся над датчанином.

— Дай мне... шанс отдохнуть.

Лицо воина было липким от пота. Мюртах побежал к краю леса и опустился на колено. Он был всего в нескольких шагах от ирландцев. Отсюда можно было бы сделать хорошие выстрелы, но датчане здесь потеснили ирландцев раньше, чем он успел бы залезть на дерево.

Тут поднялся невыразимый шум, и он, обернувшись, едва не упал с дерева.

Половина линии датчан и все лейнстерцы поспешно отступали под бешеным натиском клана Дэл Кэйс. В середине линии ирландцев скакал воин в золоте, его голова в крике была повернута к его воинам. Мюртах выстрелил в него и промахнулся. Они подняли свои щиты и продолжали натиск, не обращая внимания на его стрелы.

На краю поля воины уже поворачивали спины к бою. Вдоль передней линии воодушевление и кровь сливались воедино, и вóроны слетались сюда, кружа в высоте на широких крыльях. Остатки датчан бешено вертелись, забегали с боков, пытаясь сохранить связь с отступающими воинами, а ирландцы с кликами просеивались вокруг, чтобы окружить их. Мюртах начал методично стрелять в спины ирландцев. Он почти израсходовал стрелы, и у него не было возможности достать другие.

Мелмордха, словно большая птица, нахлестывая лошадь, галопом промчался к своим людям. На краю леса датчане, наконец, вышли во фланг ирландцам, но лейнстерцы, убегая, увлекли ирландцев за собой, и датчане тоже неожиданно дрогнули и побежали. Мюртах про себя вскрикнул. Он смотрел в сторону лейнстерцев. Они побросали свои мечи и бежали, в их криках было отчаяние. Среди них скакал без наездника огромный серый жеребец Мелмордхи.

Битва была полностью проиграна. Повсюду один воин сражал другого, в то время как половина ирландцев преследовала лейнстерцев. Датчане пробивались вперед к своим кораблям, обратив лица к ирландцам, пытаясь их сдержать.

Мюртах соскочил с дерева. Люди уже сражались среди деревьев. Он слышал вокруг себя крики: голос Бродира: «За мной, идите сюда, все кончено!», Эйнар выкрикивал языческие проклятия. Трое датчан пробивались через лес.

Мюртах побежал к лагерю, надеясь поймать лошадь. Некоторые ирландцы даже останавливались, чтобы ограбить трупы, на него они не обращали внимания. На другом конце поля он явственно увидел группу датчан, среди них ярла, окруженную ирландцами. Он свернул к ним неуверенно, бешеный напор ирландцев обрушился на ярла и его людей.

На дальней опушке леса стоял Эйнар, с ним — два солдата за его спиной, сражаясь с вопящей группой ирландцев. Ирландцы отходили назад, собирались и снова бросались на

Эйнара, пытаясь сбить его с ног, похоже, что два воина, сражавшиеся вместе с ним, не имели никакого значения. Мюртах приложил стрелу и подбежал ближе.

— Эйнар! — крикнул Бьорн. Он мчался по полю, его волосы и плащ летели в беспорядке, по лицу струилась кровь. Он врезался в ирландцев, один против двадцати. Они обернулись, чтобы встретить его. Мюртах опустился на одно колено и выпустил все свои, кроме трех, последних, стрелы в этот узел, стараясь не задеть Бьорна. Ирландцы повернулись и побежали прочь, а Бьорн и Эйнар кинулись по полю в сторону Дублина.

Мюртах направился к ним навстречу. Он не бежал, они тоже устали. Он встретил их в узкой луговине между лесом и берегом, вслед им летели хриплые ругательства ирландцев. Бьорн и Эйнар обернулись, чтобы снова отогнать их. Ирландцы увидели подходящего Мюртаха, развернулись и отбежали на безопасную дистанцию. Мюртах был так изумлен, что наткнулся на Бьорна.

Бьорн и Эйнар схватили его каждый за руку и побежали рысцой по лесу, волоча его между собой.

— Отпустите меня, я так же могу бежать, как вы, — кричал он.

Они остановились, чтобы перевести дыхание. Эйнар сказал:

— Я подумал там, что мне конец. Почему ты стал бегать вокруг, словно чья-то потерявшаяся собака?

Бьорн засмеялся:

— Потому что они не видели меня в лицо.

Они бежали по направлению к Дублину. Солнце снизилось, и облака окрасились в золото. Ирландцы верхом охотились на них. Мюртах слышал собачий лай, и кровь стыла в его жилах.

Уже отойдя от поля, они наткнулись на Торстейна Холлсона, сидящего под деревом и зашнуровывающего свою обувь.

— Пошли, — сказал Бьорн, грудь его тяжело вздымалась.

— Нет, — сказал Торстейн. — Прилив в самом разгаре, они не смогут стянуть корабли, и у вас будут в реке неприятности. Куда я могу бежать?

Мюртах сказал:

— Это говорит мудрый человек.

Бьорн взглянул на Эйнара:

— Может быть, тебя надо тащить? Пошли, мальчик.

Они побежали. Вслед за ними послышался приближающийся собачий лай. Сумерки сгущались вокруг них, и Мюртах остановился.

— Нет, — сказал он, — я не хочу идти дальше. Ты слы-

шишь собак. Они поймают нас раньше, чем взойдут звезды. Я задержу их, а вы уходите.

— Они убьют тебя,— сказал Бьорн.

— Ну и что? Вас они убьют тоже. Идите, или вы уже прожили так долго, чтобы быть поверженными наземь собаками?

Бьорн тяжело взглянул на него:

— Тогда ладно.

— Да будет с вами Бог.

— Ты немного набожен...— Бьорн потянул Эйнара за рукав и побежал.

Мюртах присел на колено в высокой траве, приложил стрелу и стал ждать. Довольно скоро всадники со своими собаками на привязи появились по их следу, двигаясь проворной рысью.

Он оттянул тетиву и выпустил стрелу. Собака, пронзенная в грудь, завизжала и упала, находящаяся с ней в одной связке вторая собака перевернулась через голову. Мюртах тихо лежал в траве. Ирландцы рассыпались и прыгнули со своих лошадей.

— Кто это? — крикнул один.

— О, можно догадаться,— откликнулся кто-то еще.— Держись пониже, ему будет слишком темно, чтобы хорошо видеть.

Мюртах выстрелил на голос и услышал вопль ярости.

— Для тебя хорошо, Кормак мак Догерти.

У него оставалась одна стрела, и он тут же пожалел, что дистанция для выстрела слишком велика. Он слушал их. Они шарили в траве, сторбившись, и он тихо придвинулся к Кормаку. Один из них надумал спустить собаку.

Собака стала нюхать и глухо скулить в темноте.

Мюртах заткнул лук за спину под рубашку и на четвереньках пополз к Кормаку. Собака унюхала его и помчалась к нему. Мюртах повернулся, схватил лук и выстрелил в нее на середине прыжка. Собака, обмякнув, рухнула на ноги Мюртаху.

— Эгон? Где Эгон? — закричал Кормак.

— Здесь,— откликнулся Эгон откуда-то слева от Мюртаха. Его голос был спокойным, даже кротким. Мюртах еще пополз в направлении Кормака.

— Ищи его.

— Ты мне не приказывай.

— Тебя он не убьет.

Мюртах находился так близко к Кормаку, что мог слышать шуршание его одежды. Он скользнул вокруг, спустил тетиву своего лука и, прыгнув, захлестнул тетиву вокруг головы Кормака, потом круговым движением рванул лук на себя. Кормак хватил ртом воздух, схватился рукой за горло, и

Мюртах сильно потянул. Кормак обмяк. Мюртах бросил лук и пополз в сторону.

Большая тяжесть навалилась на него, прижала к земле, обдала его лицо горячим дыханием. Он забыл о второй собаке, она не лаяла. Он перевернулся и отчаянно вцепился пальцами собаке под шею, удерживая смертоносные челюсти от своего горла. Клыки собаки скребли его, разорвали ему ногу от бедра до колена, потом рывком головы собака поймала между зубов запястье Мюртаха. Мюртах высвободил вторую руку и схватил свой кинжал. Собачьи слюни и рычание вызвали пот, покрывший все его тело, и он услышал собственное рыдание. Он вонзил кинжал по рукоятку в собачий бок, собака прорычала ему в лицо и щелкнула челюстями. Ее зубы вонзились Мюртаку в щеку. Один клык зацепил его губу. Собака издала жалобный стон и обмякла.

Но люди уже стояли над ним, и когда он сбросил с себя собаку, к груди Мюртаха было приставлено острое копьё.

— Вставай,— сказал человек с другого конца копьё холодным голосом. Мюртах не узнал его.

Кто-то зажег факел. Свет разлился над ним, над их суровыми лицами, застывшими, словно маски. Человек с копьём достал из своей рубашки платок и бросил вниз. Мюртах стер кровь со своего лица.

— Приведите ему лошадь Кормака,— сказал Эгон.— Кормаку она больше не понадобится.

— Я говорю, убей его,— сказал человек с копьём.

Из темноты прозвучал спокойный голос Эгона:

— Кто здесь вождь? Он мой пленник. Мы поведем его обратно. Его будут судить.

Круг ирландцев распался. Они разошлись к лошадям и сели на них верхом. Они связали руки Мюртаку, связали его за спиной, а ноги связали под животом лошади. Эгон подъехал, чтобы взять ее поводья, тело Кормака он погрузил перед собой на черного пони. Два других воина ехали по обе стороны Мюртаха, так они тронулись по направлению к лагерю ирландцев.

— Ты получил то, что я послал тебе в Дублин? — спросил Эгон.

— Да.

Мюртах закрыл глаза. Его лицо было изранено, и он совершенно выдохся. Та же странная гордость за Эгона наполнила все его существо, и он кивнул головой.

— Да свершится Божья воля,— сказал Эгон.

— Верховный король оказал тебе некоторую честь в самом начале сражения.

— Я оправдал эту честь Верховного короля,— спокойно ответил Эгон.

— Это он был в деревьях,— сказал другой человек, человек с копьем,— тот, кто подстреливал нас, словно оленей.

— Что ж,— сказал Эгон,— а кто еще это мог быть?

— Ты высокомерен, Эгон.

Эгон рассмеялся:

— Пойди и залижи где-нибудь свои раны.

Мюртах расслабил мышцы спины, пытаясь облегчить боль. Это мог быть голос Од, исходящий из рта Эгона. Голос Од, длинные желтые волосы, лица Од и Сирбхолла — вот так. Он вспомнил, как был на дереве, и его охватывало чувство огромного успокоения. И кровь застучала где-то в глубине.

— Ты очень изменился, Эгон,— сказал он.

Эгон посмотрел на людей вокруг себя, так, чтобы они сделали вид, что не слышат, и сказал ровным голосом:

— Да, разное... случается. То, что не изменило бы тебя, может легко изменить... более мягкого человека, возможно. Так что этого и не заметишь. Я не знаю. Моя мать...

— С ней все в порядке?

— Да. Она сказала, чтобы я привез тебя домой. Если смогу.

— Я не собираюсь.

В глазах Эгона, освещенных факелом, блеснуло что-то мальчишеское.

— Это не должно было быть так — ну что ты мог сделать? Все кончено, все, почему ты не можешь...

— Успокойся. Ты вождь О'Каллинэн. Когда вождь задает вопрос простому человеку, он задает его как вождь.

Эгон вздрогнул. Рывком остановил пони.

— Эй, Фьонн. Отведи моего пленника назад и проследи, чтобы с ним обращались правильно.

Он хлестнул пони и ускакал.

Наконец они подъехали к шатрам. Фьонн — человек с копьем — снял Мюртаха с лошади и разрезал веревку на ногах, потом повел в шатер для пленников. Он привязал одну кисть Мюртаха к столбу, принес ему воду и немного хлеба.

— Они получают с тебя что-то за убийство мак Догерти,— сказал Фьонн и сплюнул.

— Ранения от животного то же самое, что ранения от человека, так гласит закон. А теперь убирайся. Я был взят на войну, и они не могут подвергнуть меня наказанию.

Фьонн побагровел.

— Такой человек, как ты...

— Ты должен молить Бога, чтобы ты никогда не стал таким человеком, как я. А теперь иди.

Фьонн убрался. Мюртах лег на спину, его рука неуклюже свисала со столба. Он заснул.

Весь следующий день он лежал в шатре, разговаривая с Торстейном и двумя другими пленниками. Торстейн растянулся на земле во всю длину; один из сыновей короля захватил его и обошелся с ним так миролюбиво, потому что Торстейн, ожидая, когда его пленят, сидел спокойно.

— Значит, они тебя тоже схватили, арфист,— сказал он и зевнул.— Они убили Бродира, но перед этим Бродир убил короля в его шатре.

— Ты что-нибудь слышал о Бьорне?

— Нет. Эйрик?

Эйрик перевернулся и выпрямился.

— Меня они поймали на краю Дублина, ты знаешь, и я видел, как два корабля выходили из залива — один был корабль Эйнара, и второй, я думаю, мог быть Эйнара. Корабль Сигтругга тоже ушел.

— Ты бежал вместе с Бьорном, арфист. Как получилось, что тебя пленили, а его нет?

— Я растянул мышцу в боку и сел отдохнуть, а они пустились вслед за мной собак.

— Хм-м,— сказал Торстейн.— Мы не настолько близки, чтобы подраться, поэтому я назову тебя лжецом.

— Как мог я покинуть святую землю Ирландии?

— Ты находишься вне закона на святой земле Ирландии. Это достаточное основание.

— Существуют законы и законы.

Вошли три минстерца, опустились на колени возле Эйрика и развязали его. Эйрик сел, потирая свои запястья.

— Значит, вы нашли это.

Самый маленький из троих ухмыльнулся:

— Под передней, как ты и сказал. А теперь убирайся отсюда, пока мы не решили, что этого недостаточно.

— Какие-нибудь корабли остались на реке?

— Непохоже, чтобы вы были в состоянии взять крепость в Дублине, без этого мы не можем удержать гавань, а кто-то сказал, что если ты на берегу в Пасхальное Воскресенье, ты сможешь найти путь домой.

— Хорошо.

Один из минстерцев сказал.

— Торстейн, сын короля даст тебе свободу завтра, если ты дашь ему обязательство не возвращаться больше в Ирландию.

— Он его имеет, но я повторю, если он придет спросить об этом.

Воин обернулся к другому пленнику.

— Они отправятся за твоим золотом, и если оно там, где ты сказал, ты будешь так же освобожден, как Эйрик.

— Оно там — разве стану я лгать, чтобы отправиться в могилу?

Три минстерца повернулись к Мюртаху.

— Я понимаю, что теперь мы переходим ко мне,— сказал Мюртах.

— Вождь О'Каллинэн передал все обстоятельства дела на тебя королю. Он сказал, что не выступит ни за тебя, ни против тебя. И он уже вернулся обратно к своему народу.

— Какому королю?

Минстерец хрипло рассмеялся:

— Мелсечлэйну, конечно.

Идя к двери, он задержался:

— Тебя приведут к нему завтра. Молись, человек вне закона.

Вечером пленникам принесли воду, чтобы они умылись. Торстейн и другие предоставили Мюртаху право умыться первым.

— Твое положение куда хуже, чем наше, в любом случае,— сказал Торстейн.

— Вам придется умыться окровавленной водой.

— Я это делал и раньше.

Мюртах вымыл себя, прочистил рану на ноге, которая, как он думал, могла нагноиться. Собачьи укусы сочились весь день. Вместе с Торстейном они очистили и перевязали непривязанную руку.

— Для чего мы делаем все это с рукой, которая завтра вечером будет валяться на траве? — сказал Мюртах.

— Ты должен явиться опрятным на свою экзекуцию.

Мюртах снова сел, а Торстейн умылся.

— Если бы у нас был кинжал, мы могли бы что-нибудь сделать с твоей бородой. Для тебя не будет лучше, если они станут думать, что ты одичал.

— О! Они поймут меня.

Они разговаривали всю ночь — Торстейн рассказал Мюртаху о сожжении О'Нила и его родных.

— Если ты увидишь Бьорна, скажи ему...

— Я увижу. Он вернется — отомстить за тебя.

Мюртах засмеялся, попробовал остановиться и снова беспомощно рассмеялся, пока на глазах его не выступили слезы.

— О, нет, нет, не об этом. Скажи Бьорну, я верю, что он нашел тот остров.

— Если честно, то я не верю. Он ужасный вун.

— Скажи ему это в лицо.

Торстейн ухмыльнулся:

— Нет уж, спасибо.

Они задремали только перед самым рассветом. Мюртаху ничего не снилось, и когда утром его разбудили, он чувствовал себя так, словно ночь пролетела за один миг.

— Ты хорошо спал, человек вне закона?

— Никогда я не спал лучше.

Они развязали его, и он встал. Торстейну он сказал:

— Не забудь передать это Бьорну.

— Ну и попал ты в заваруху,— сказал Торстейн.— Ирландия теряет хорошего арфиста.

Мюртах пожал плечами. Он позволил стражникам связать ему руки. Они накинута ему аркан через голову, словно собачий ошейник, и вывели на яркий солнечный свет и повели через поле к месту судилища Мелсечлэйна.

Мелсечлэйн, чтобы иметь какую-то ограду, творил суд за nasкоро сделанным земляным валом. Остатки армии короля Ирландии и собственной армии Мелсечлэйна были выстроены стеной внутри этого круга, а внутри его сидели король и вожди кланов. Мелсечлэйн находился во главе их.

— А теперь,— сказал Мелсечлэйн,— необычное дело.

Мюртах, не обращая внимания на кровавые пятна на своей одежде, огляделся вокруг, рассмотрел каждого вождя и короля. Ни один из них не встретился с ним глазами. Он снова обернулся к Мелсечлэйну.

— Вот видишь, как обстоит дело,— сказал Мелсечлэйн.

— Как много приятных лиц вокруг тебя, король.

Мелсечлэйн откинулся, положив руки на широкие подлокотники своего кресла. Он смотрел вокруг, пока не наступила тишина. Он медленно поднял одну руку, погрузил пальцы в длинную седую бороду и открыл свой маленький рот.

— Здесь есть кто-нибудь, кто станет говорить за Мюртаха, сына Эда, вождя клана О'Каллинэн?

Они стояли, словно погребальные камни, глядя куда-то перед собой, и Мюртах видел, как их охватывает нервозность.

— И из клана О'Каллинэн тоже нет,— сказал Мелсечлэйн своим королевским тоном.— Похоже, ты слишком рано лишил себя наследства, Мюртах.

Снова показался маленький рот, розовым отверстием посреди седой бороды.

— Не так,— сказал Мюртах,— это только означает, что я умру несколько позже.

— У тебя есть какое-нибудь оправдание тому, что ты сделал — воевал против собственного народа вместе с мятежниками и датчанами?

— Ничего из того, что тебе уже не было бы известно. Исходя из этого, Мелсечлэйн, осуди меня. Решать тебе, если ты передоверишь это кому-нибудь другому, то выйди из-под твоей короны.

Теперь уже по толпе прошел ропот, наконец они вышли из своего оцепенения. Мюртах взглянул на них, потом снова посмотрел на Мелсечлэйна.

— Я вынесу решение,— сказал Мелсечлэйн,— уже был один такой суд, и решение будет вытекать из него. Есть какая-то справедливость, которая приходит мне на ум. Кто может причинить тебе больше неприятностей, чем их уже есть у тебя? Иди. Ты свободен.

Его рот немного искривился, когда он произносил эти слова, словно на языке его было что-то кислое, и он взглянул поверх голов окружавших его людей.

— Освободите его.

— Значит, так тому быть,— сказал Мюртах. Вперед вышел стражник и развязал его. Мелсечлэйн смотрел в пространство, остальные лорды смотрели куда-то перед собой.

Мюртах кивнул.

— Я соглашаюсь с этим.

— Уходи,— сказал Мелсечлэйн.— Ты безымянный, ты никто.

— А зачем мне нужно имя? Я войду сам своей арфой в твою кровь и кости, король. Какое имя будет хорошо для меня, если я буду иметь твое, и его, и каждого человека в Ирландии?

Он пошел к выходу из земляного укрепления, улыбаясь себе под нос. Там был стражник с его луком и колчаном. Он бросил их к ногам Мюртаха и отошел в сторону. Мюртах умылся, наклонился и подобрал их.

Они все еще стояли там, сзади. Он обернулся и сказал:

— Вы еще услышите обо мне, господа, но вам придется немного подождать. Я оставил мою арфу в Дублине, и я должен забрать ее.

Он прицепил колчан к поясу, забросил лук за плечи. Насвистывая, начал спускаться к дороге на Дублин, чтобы заполучить свою арфу. Он уже слышал музыку, которая рождалась в его голове.

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРТЬ АТТИЛЫ.....	3
ЗИМА КОРОЛЕЙ.....	207

Сесилия Холланд
СМЕРТЬ АТТИЛЫ
ЗИМА КОРОЛЕЙ

Редактор
И. Шурыгина

Художественный редактор
И. Сайко

Технический редактор
Г. Шитоева

Корректор
И. Сахарук

Компьютерная верстка
И. Понятых

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 04.03.97 г.
Уч.-изд. л. 24,02. Цена 20 900 р.
Цена для членов клуба 19 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

ТАЙНЫ

В сборник известной американской писательницы Сесилии Холланд вошли исторические романы «Смерть Аттилы» (1972) и «Зима королей» (1967).

В первом произведении речь идет об историческом предводителе варваров, возглавившем опустошительный поход в Восточную Римскую империю, Галлию, Северную Ирландию.

Действие второго романа разворачивается в XI веке. Враждуют между собой мелкие ирландские королевства. Воспользовавшись этим, на их земли совершают набеги викинги. Главные герои втянуты в кровавую междоусобицу.

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах